КИМ ИР СЕН

МЕМУАРЫ

В водовороте века

2

КИМ ИР СЕН

В водовороте века

2

ИЗДАТЕЬСТО ИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
КОРЕЯ. ПХЕНЬЯН
1994

Часть 1
АНТИЯПОНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
2

민족의 운명은 나라를
사랑하고 민족을 귀중히
여기는 모든 애국 력량의
단합과 거족적인 투쟁에
의해 시민 구원될 수 있다.

김일성

Судьба нации может быть спасена только сплоченностью и общенациональной борьбой всех патриотических сил, которые любят свою страну и дорожат интересами своей нации.

Ким Ир Сен

Вместе с друзьями в годы жизни в Гирине (май 1991 г.).

Бэйшаньскии парк, на который я поднимался летом 1930 г., покидая Гирин.

Дом священника Сон Чжон До и его дочь.

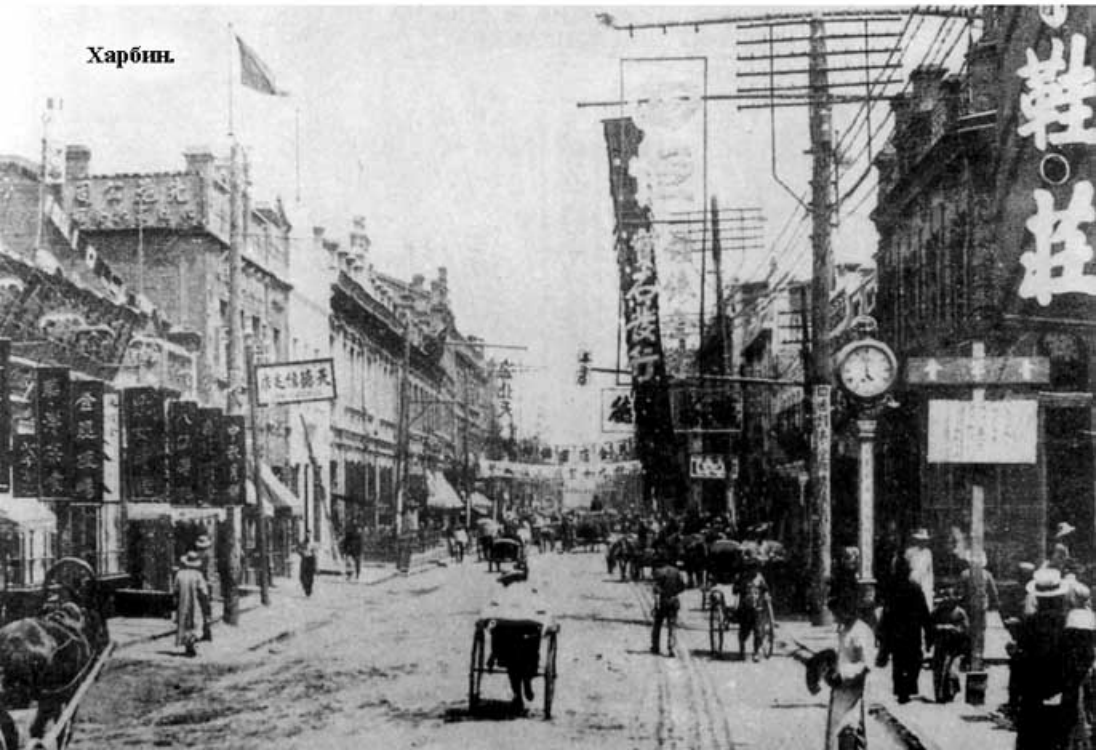
Лето 1930 года

Сон Ге Сим и ее сын Ко Чжэ Бон.

Часть улицы городка Дуньхуа

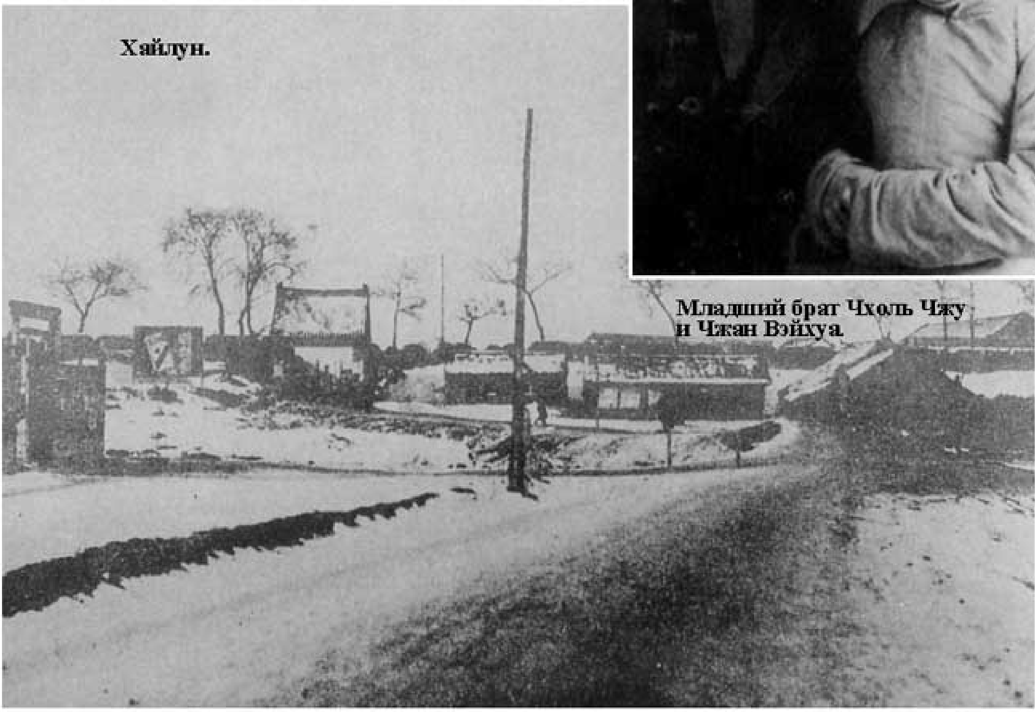
ВАРВАРСКИЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ЯПОНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ И ИХ ГРАБИТЕЛЬСКИЕ АКТЫ

Хан Ен Э. Она помогала мне в дни подполья.



Харбин.

Младший брат Чхоль Чжу и Чжан Вэйхуа.



Хайлун.

朝鮮○○軍

男女三名被捉

길림성 이통현에서 잡혀

武器도押收되엿다

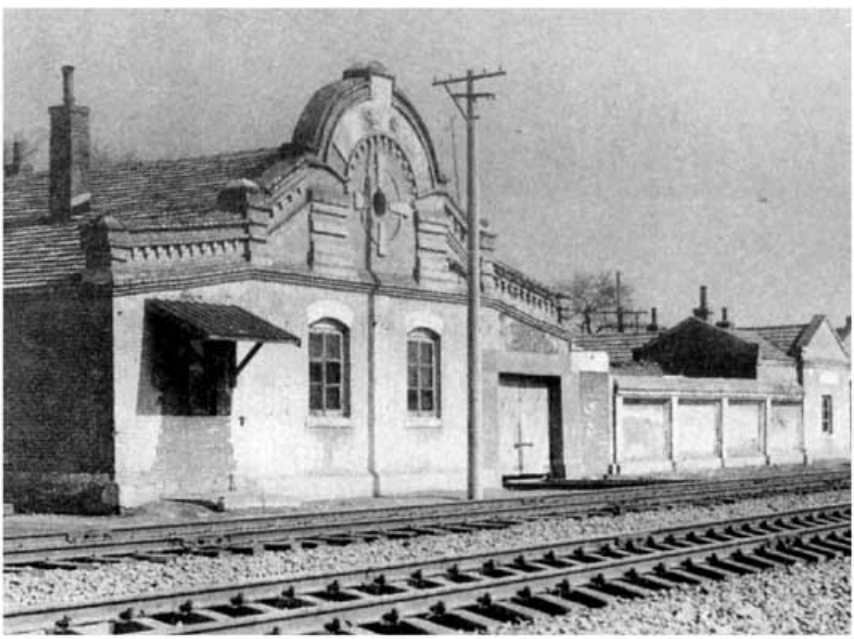
【장춘】근일에 길림성이통현(吉林省伊通縣)중국공안국(中國公安局)손에 조선○○군(朝鮮○○軍)[illegible]三명이 피착되어 방금엄중한 취조를밧는중이라는데 그사실을 탐문한바에 의하면 련긔피착된 三명중에 녀자한명이 잇다하며 그들은 련긔이통현고유수(伊通縣孤楡樹)라는동포가 거류하는 곳에 잠입하야 모게회를 하든중이엿바 그만 련긔중국공안국에서 탐지한바 되어 공안국에서는 국원六명을 출동시켜서 그들의 잠입처소를수색하야 체포하는동시에 무긔도 압수하엿다는데 그들의 씨명은 왈에와갓다고한다

金一成 崔[illegible]英 ??화(女子)

Газета «Тоньа ильбо» о моем аресте (от 26 марта 1931 г.).

Поселок Цзяцзятунь, где проходило Калуньское совещание и была создана первая партийная организация.

Калуньский вокзал.



Дом, где я жил в Калуне.

Печатный орган первой парторганизации «Большевик».

Общий вид деревни Лицзятунь, в Гуюйшу. Здесь была создана Корейская революционная армия.

Ким Хек.

Телин.

Гунчжулин.

Кон Ен.

Чвэ Чхан Гор.

Ким Вон У.

Ке Ен Чхун.

Чанчунь.

Пак Гын Вон.

Мой дядя Ким Хен Гвон.

Автомашина «Хамнам 268», которую захватили и использовали члены вооруженной группы.

豊山에 突現한 武裝團四名

巡査部長射殺逃走

自働車를 빼서타고 山中潛跡

武裝警官二十名急行

節婦岩路上에 怪青年

詰問하자 拳銃發射

豊山拳銃團檢擧當時光景

負傷警官은 重態

Чвэ Хё Ир.

Дом сторожа могилы в Ривоне. Здесь несколько дней находились члены вооруженной группы, вступившей в Корею.

Место Нэчжунского полицейского участка в селе Пхабар.

Печать о вступлении в Корею Корейской революционной армии.

Будийский храм на горе Тэдок в Пукчхоне. Здесь разгромили врагов члены вооруженной группы, вступившей в Корею.

Гора Туру. Здесь проходило первое в Корее собрание по созданию парторганизации. В то время впереди поставили этот флаг.

Чон Чжан Вон.

О Чжун Хва.

Чхэ Су Хан.

Чинмеевское училище. Здесь в октябре 1930 г. и встретился с революционерами Кореи.

Пен Дэ У и его дом.

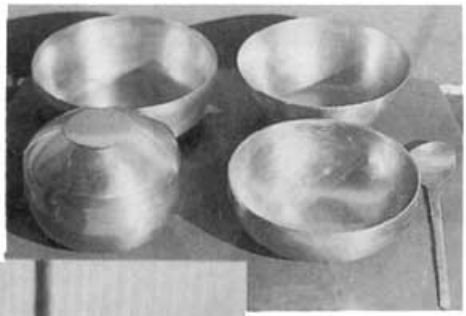
Пен Даль Хван.

Командир роты Армии независимости Ким Бо Ан.

Революционное село Уцзяцзы.

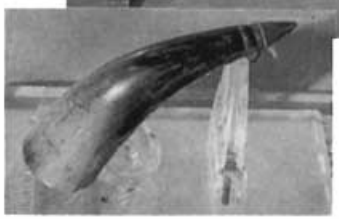
Хек Ха Чжук
(Хен Чжон Ген).

Ким Сун Ок.



Многое помнят эта посуда и жернов.

Чвэ Иль Чхон и его жена Сын Со Ок.



Стол и посуда для молотого черного перца, которыми я пользовался в Уцзяцзы.

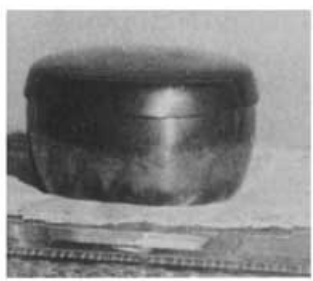
Во время создания вооруженного отряда (1932 г.).

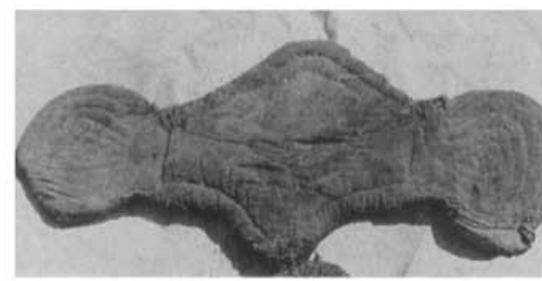
Событие 18 сентября. Северо-Восток Китая в море крови.

Оружием — на оружие!

Аньту.

Конспиративная явка в дни подготовки
к созданию партизанской армии.



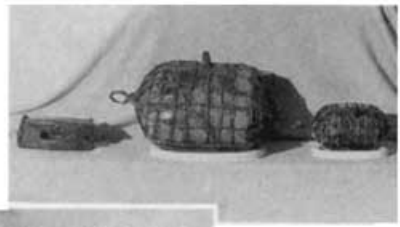


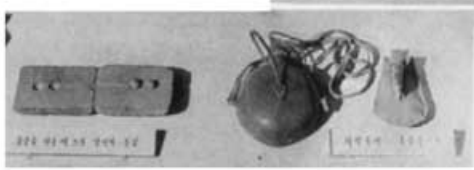
Латунная миска и седло, которыми я пользовался в то время.

Пистолет — наследие от отца.

Знамя первого партизанского отряда.

Военная форма и оружие Антияпонской народной парьизанской армии.





Улица уездного центра Аньту, по которой шествовал партизанский отряд по случаю 1 Мая.

Общий вид поселка Мутяотунь в Сяошахэ, где было привозглашено создание партизанской армии.

Сообщения печати.

Ли Гван.

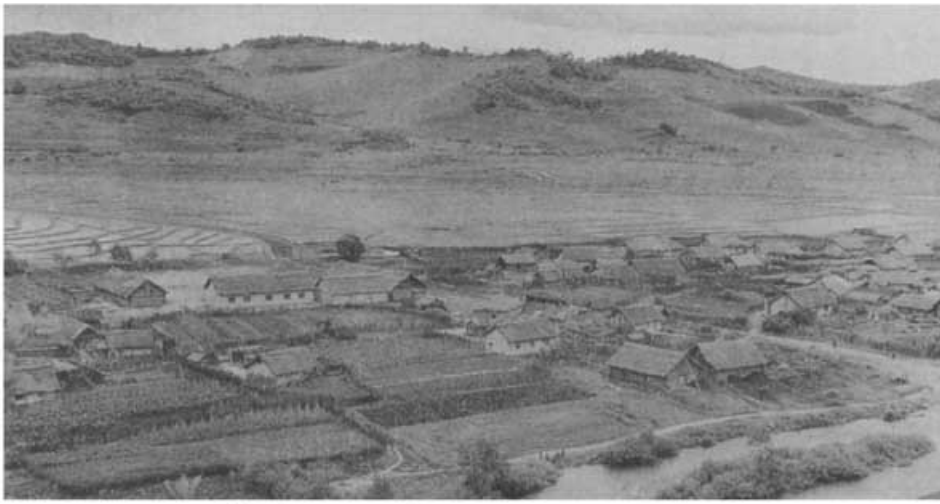
Ким Чжун Гвон.

О Бин.

Ким Чжон Рён.

Лянцзянкоу.

Явка. Здесь младший брат Чхоль Чжу вел комсомольскую работу.



Общий вид села Синлунцунь.

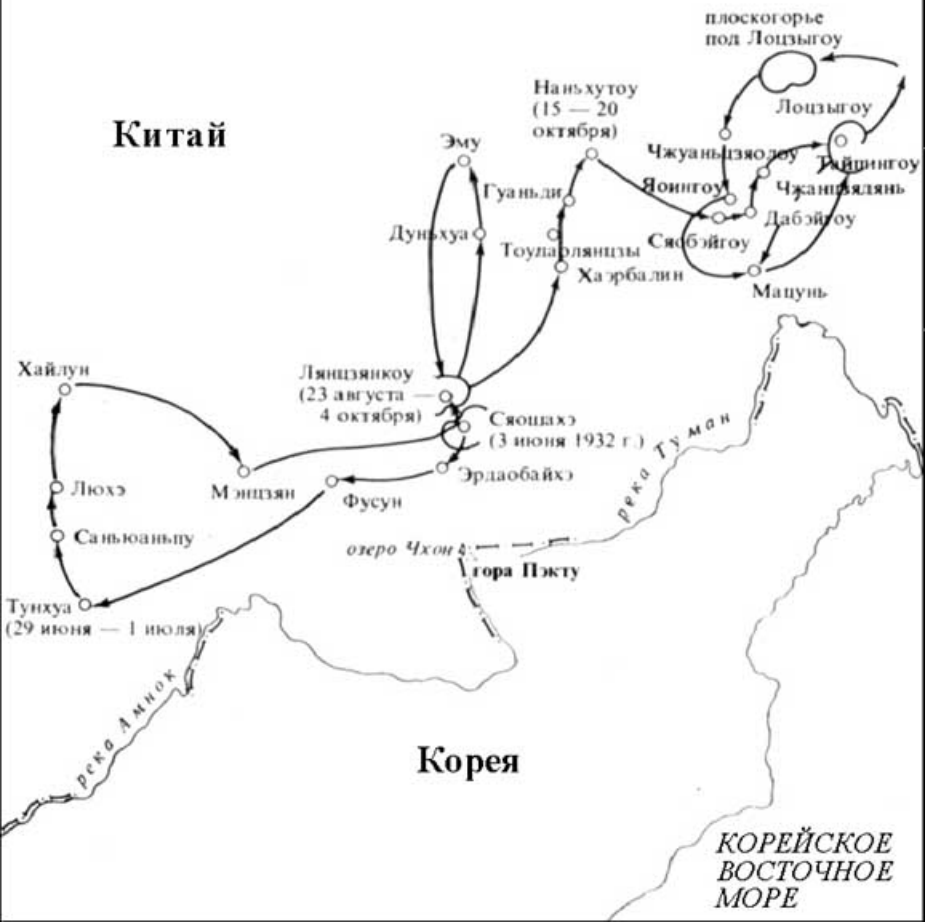
Дом, где мать руководила работой Общества женщин.

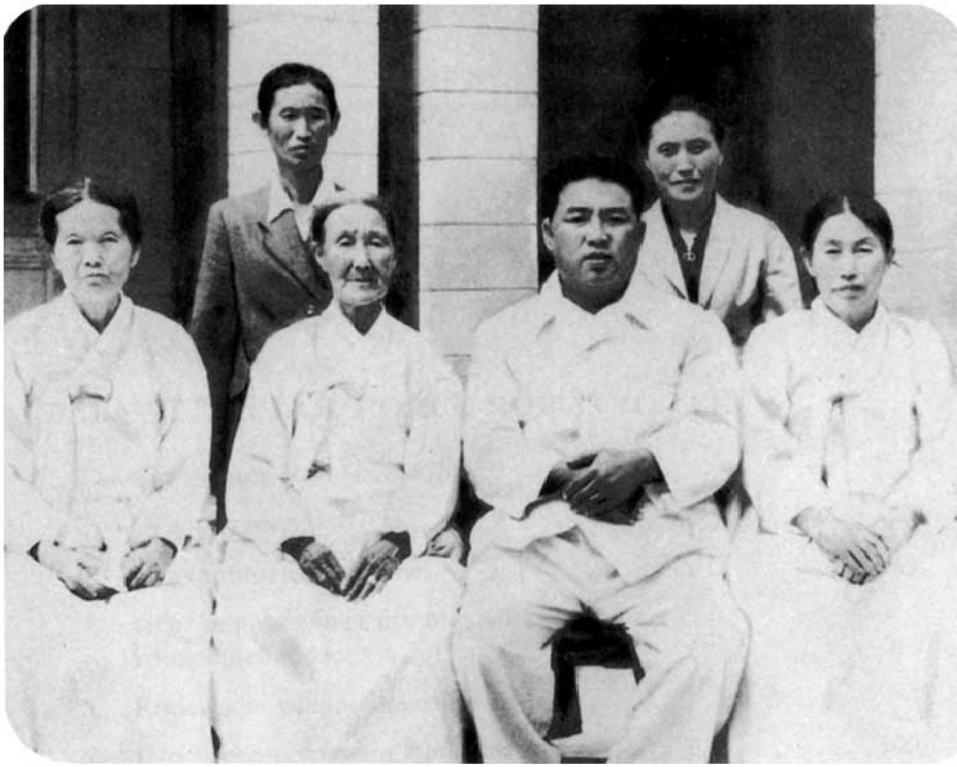
Дом в Сяошахэ, где скончалась мать.

Материалы японского ведомства об организаци ареста младшего брата Ен Чжу.

Стела на могиле матери в Саошахэ.

Маршрут похода АНПА в Южную и Северную Маньчжурию





Встреча с женой Рян Сэ Бона (Первая справа в первом ряду).
(**Вместе с ветеранами антияпонской войны.** Август 1958 г.).

Рян Сэ Бон.

Стела на могиле Рян Сэ Бона.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **ПОИСК НОВЫХ ПУТЕЙ**

1. Священник Сон Чжон До 3
2. Суровая весна 23
3. Калуньское совещание 43
4. Первая партийная организация — союз товарищей Консор 65
5. Корейская революционная армия 84
6. Поэт-революционер Ким Хек 109
7. Лето 1930 года 128
8. Через реку Туман 154
9. «Идеальную деревню» — в революционную 176
10. Незабываемые люди 205

ГЛАВА ПЯТАЯ. **НАРОД — ПОД РУЖЬЕМ!**

1. Многострадальная земля 229
2. Событие 18 сентября 250
3. Оружием — на оружие! 269
4. Подготовка к кровопролитной борьбе 300
5. Рождение новых вооруженных сил 326

ГЛАВА ШЕСТАЯ. **ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ**

1. В Южную Маньчжурию 361
2. Последний облик матери 383
3. Радость и скорбь 402
4. Невозможно ли сотрудничество? 422
5. Под идеалом консолидации 449
6. Вместе с Армией спасения отечества 472
7. Осень в Сяошахэ 490
8. На плоскогорьи под Лоцзыгоу 507

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Поиск новых путей

Священник Сон Чжон До ... 3
Суровая весна ... 23
Калуньское совещание ... 43
Первая партийная организация — союз товарищей Консор ... 65
Корейская революционная армия ... 84
Поэт-революционер Ким Хек ... 109
Лето 1930 года ... 128
Через реку Туман ... 154
«Идеальную деревню» — в революционную ... 176
Незабываемые люди ... 205

Май — декабрь 1930

1. Священник Сон Чжон До

Меня выпустили из тюрьмы в такие тревожные дни, когда положение в Маньчжурии приняло весьма серьезный оборот.

На улицах Гирина была крайне напряженная обстановка, будто в городе объявлено осадное положение. Она напоминала осенние дни 1929 года, когда весь Гирин словно взметнулся вверх тормашками во время инцидента, происшедшего в связи с кружком для чтения антияпонских книг. На перекрестках улиц и вокруг зданий ведомств шныряли жандармы из военной комендатуры, обыскивали даже прохожих, там и сям маячили военные и полицейские с ружьями в руках, рыскали по квартирам, выискивая чего-то взрывоопасного.

Вся Маньчжурия в то время переживала родовые потуги от левацкой линии Ли Лисаня, и обстановка крайне накалилась. В ту пору в районах Маньчжурии шло в разгаре восстание 30 мая. Это волнение историки нашей страны называют восстанием 30 мая, а китайцы — «красным майским выступлением». Мы так называем его потому, что оно вспыхнуло по случаю 5-й годовщины кровавых убийств 30 мая в Шанхае и 30 мая оно достигло своей вершины.

В то время у руля Компартии Китая стоял Ли Лисань. В ознаменование героического выступления шанхайского населения, имевшего место в мае 1925 года, он отдал партии распоряЖение — поднять во всей стране забастовку трех групп —

рабочих, учащихся и горожан и, проводя борьбу в форме восстания, создать советскую партизанскую армию.

В связи с этой линией революционные организации при Маньчжурском провинциальном комитете Компартии Китая под лозунгом «За победу прежде всего в одной или нескольких провинциях!», выдвинутым Ли Лисанем, повсеместно мобилизовывали массы на ударные митинги, которые вылились в восстания. На улицах городов и в деревнях Восточной Маньчжурии были разбросаны листовки и воззвания с призывом к восстанию.

Одновременно с началом восстания 30 мая невиданный размах получило наступление врага на коммунистов. Эти грозовые волны надвигались уже и на Гирин...

После выхода из тюрьмы я первым делом зашел в дом священника Сон Чжон До в Нюмасянцзе. Я считал своим долгом перед отъездом из Гирина отблагодарить его семью за передачи, которые она непрестанно присылала ко мне в тюрьму в течение семи месяцев.

Священник Сон встретил меня с большой радостью, словно родного сына, вышедшего из тюрьмы.

— Мы очень беспокоились, не передаст ли тебя военщина в руки японцев. К счастью, к этому тебя не приговорили. Слава богу, ты благополучно выпущен на волю.

— Велика была ваша помощь, и мне было намного легче сидеть в тюрьме. Говорят, что вы из-за меня потратили много денег, подкупая тюремных надзирателей. Чем же мне отблагодарить вас за это?! Никогда не забуду вашей милости. Всю жизнь это помнить буду.

Священник в то время готовился к отъезду во Внутренний Китай.

Я спросил его, почему он так неожиданно собирается оставить Гирин. В ответ он глубоко вздохнул и горько усмехнулся.

— Что я?И Чжан Цзосян вон остался беспомощным. Теперь в Гирине не на кого положиться. Нет таких сил, которые бы покровительствовали и поддерживали нас. Если Чжан Цзосян не возьмет корейцев под защиту, случится большая беда, ведь скоро наступят японские войска. После слияния трех наших группировок, думая я, движение за независимость страны расправит крылья, как крылатый конь. Но, увы, какой там крылатый конь! Одна грызня между собой, ни дня не спокойно. Больше оставаться здесь никак невмоготу!

Во Внутреннем Китае имелись люди, с которыми он имел тесную связь, будучи заместителем председателя Политического совета Шанхайского временного правительства[1], а затем и председателем его совета. Были у него там также близкие друзья по группе Хынсадан. Вот его решение уехать во Внутренний Китай, мне кажется, мотивировалось его стремлением снова установить связь с ними и принять более активное участие в движении за независимость.

Обращаясь ко мне, священник Сон спрашивает:

— Что же ты будешь делать в дальнейшем? Нападение японцев на Маньчжурию — это, кажется, вопрос времени.

— У менл же другого выхода нет. Я решил создать большую армию свести счеты с японскими захватчиками.

Священник смотрит на меня с нескрываемым удивлением.

— Значит, оружием противостоять Японии?

— Да. Ведь нет же другого выхода!

— Запомни: Япония — одна из пяти сильнейших держав мира! И Армия справедливости, и Армия независимости сда-

лись, оказались беспомощными перед современным вооружением Японии. Но раз ты принял такое решение, попробуй развернуть дело с широким размахом!

Домашняя атмосфера священника выглядела на сей раз особенно тоскливее и холоднее, чем в первые дни, когда я ступил в Гирин. И мне от этого стало грустно и уныло. Раньше в этом доме патефон играл песни, тут звучали оживленные голоса деятелей движения за независимость, обсуждавших вопросы о положении в стране и за ее пределами. Тогда бросался в глаза и благоговейный вид верующих, приходивших к священнику Сону, слышалась и грустная песня «Не дуй, ветер!», которую пели члены Общества детей.

Все это бесследно исчезло. И постоянные посетители этого дома, которые всегда вились около священника, все без исключения уехали кто куда— в Люхэ, Синцзин, Шанхай и Пекин. Умолк и патефон, который грустно играл песни «На месте старой королевской крепости» и «Бродяга».

Да уж и сам священник Сон Чжон До затем находился некоторое время в Пекине, где развертывал свою деятельность Син Чхэ Хо (его псевдоним — Танчжэ), известный историк и литератор, с которым священник сходился во взглядах в первые дни Шанхайского временного правительства. Там, кроме Сина, было много его товарищей. Но, когда священник приехал в Пекин, его, Танчжэ, уже увезли в тюрьму в Люйшунь: он был арестован при высадке на Тайвань по делу Лиги Востока. Священник был связан с Сином такой крепкой дружбой, что Пекин без него выглядел одиноким и захолустным.

Син Чхэ Хо стремился ознакомить подрастающее поколение с многовековыми патриотическими традициями и блестящей культурой нашей нации и вызвать жаром своего творчества

огонь патриотизма в сердцах всех его представителей. С этой же целью он отдавал большую часть своей жизни и весь жар своего сердца делу изложения истории страны. Ради просвещения нации одно время он активно занимался и издательским делом. «Хэчжо синмун» — это популярная газета, которую издавал он, когда был в эмиграции во Владивостоке. Пак Со Сим часто посылал свои статьи в редакцию этой газеты потому, что ею заведовал Син Чхэ Хо, широко известный в обществе корейских соотечественников-эмигрантов, и что многие преклонялись перед его личностью и писательским стилем.

Что же касается политической линии Сина, то он выступал за вооруженное сопротивление. Он расценивал как опасную, лишенную реальности, линию не только дипломатическую доктрину Ли Сын Мана[2], но и доктрину Ан Чхан Хо о «подготовке реальных сил». Син подчеркивал, что 20-миллионный корейский народ должен объединить свои силы и идти по пути насилия и разрушения в обстановке, когда между корейским народом, с одной стороны, и японскими разбойниками, с другой, ребром был поставлен вопрос: кто погибнет в схватке — ты или я.

Когда отдельные выборщики избирали Ли Сын Мана главой Шанхайского временного правительства, Син Чхэ Хо, будучи не в состоянии сдержать своего гнева и возмущения, выступил прямо против него потому, что и в обычное время ему были не по нутру доктрины Ли Сын Мана о мандатном правлении и об автономии.

«Ли Сын Ман — более крупный предатель, чем Ли Ван Ён. Ли Ван Ён продал страну существовавшую, а Ли Сын Ман продал страну еще до ее возрождения», — такими были его известные слова, которые гремели, как бомба, в момент образования кабинета министров временного правительства. И в своей

«Декларации о корейской революции», опубликованной после выхода из временного правительства, Син подверг Ли Сын Мана резкой критике.

«Характер Син Чхэ Хо был остр, как бритва, а его утверждения — веские, как железо, — вспоминал о тех годах священник Сон Чжон До. — Когда Син резко обвинял Ли Сын Мана, называя его более крупным предателем, чем Ли Ван Ён, я не в силах был сдержать чувство удовлетворения. Заявление Сина — это было заявление самого народа. То, что было в его уме, было и в моем, и мы вместе навсегда расстались с временным правительством».

Если иметь в виду такие заявления священника Сона, то, думаю, можно в какой-то степени взвешивать его политические взгляды. Он считал бредовой мечтой все: и доктрину об автономии, и доктрину о мандатном правлении. А относительно доктрины Ан Чхан Хо о выращивании «реальных сил» Сон занимал не вполне уверенную позицию.

Но зато он целиком и полностью поддерживал нашу идею о всенародном сопротивлении, заключавшуюся в необходимости поднять народные массы на общенациональную борьбу и добиться независимости страны.

Такая неотступная новаторская позиция заставляла его считать ненужным оставаться членом кабинета министров Шанхайского временного правительства, возглавляемого таким низкопоклонником и честолюбцем, как Ли Сын Ман, и, в конце концов, принять решение навсегда расстаться с временным правительством и переместить арену своей деятельности в Гирин.

После приезда в Гирин священник Сон, держа связь с представителями групп новаторского толка, названных япон-

ской полицией «третьими силами», принимал активное участие в движении за независимость страны. Он легко общался с молодежью, представителями нового поколения, со всей искренностью шефствовал над всем, чем занимались молодые люди.

Церковь, расположенная за воротами Дадунмынь, где он имел священство, являлась почти постоянным местом для наших встреч и сводок. Я часто бывал в этой церкви, играл на органе, руководил и деятельностью художественной агитбригады. Священник Сон предоставлял нам все, в чем мы нуждались, от души поддерживал нашу революционную деятельность. И я любил и уважал его как родного отца. Да и он любил меня как своего родного сына. Не кто иной, как он являлся главным лицом, которое, подкупая взятками Чжан Цзосяна, вело петиционное движение за освобождение меня из тюрьмы, в которой я томился.

Ко мне священник Сон относился не только как к сыну своего друга, но и как к убежденному революционеру. Он ко мне откровенно обращался за советом даже по такому трудному семейному вопросу, который стал предметом обсуждения среди сторонников движения за независимость и не находил своего решения.

О чем речь? В то время священник Сон ломал голову над сватовством старшей дочери Сон Чжин Сир за Юн Чхи Чхана. Сторонники движения за независимость в Гирине, все без исключения, решительно выступали против их сватовства. И священник Сон был недоволен: дочь, мол, неудачно выбрала себе друга по сердцу. Он считал, что сватовство своей дочери за Юн Чхи Чхана запятнает честь его семьи. Юн Чхи Чхан был младшим братом Юн Чхи Хо, этого прояпонского компрадора. Когда священник Сон горевал, что ему не удалось убедить свою дочь,

консервативная группа Армии независимости задержала Юн Чхи Чхана на неделю, чтобы выжать у него деньги.

— Сон Чжу, как ты думаешь насчет этого дела?

Священник Сон осведомлялся о моем мнении, хотя мне трудно было сказать тут что-то. Вмешательство в сватовство взрослых казалось мне делом не по возрасту, да и не по жизненному опыту. Тут надо было проявить осторожность. Я с минуту помялся и очень осторожно ответил:

— Раз они завели роман, нельзя же их расторгнуть. Пусть они сами решают свою судьбу.

Дав такой совет, я убедил представителей консервативной группы Армии независимости, чтобы они освободили Юн Чхи Чхана.

Священник Сон, помнится, в следующем году после отъезда в Пекин снова вернулся в Гирин. Находятся люди, которые говорят, что он вернулся в Гирин по просьбе таких представителей новаторских кругов, как О Ин Хва, Ко Вон Ам, но не знаю, есть ли в таком рассуждении хоть какая-то достоверность. Но во всяком случае, судя по тому, что священник Сон оставался в Гирине до последних минут своей жизни, мне кажется, что ситуация движения за независимость страны, сложившаяся в районе Пекина, не была оптимистичной, да и он чувствовал себя тогда не очень хорошо.

На нашей встрече после моего выхода из тюрьмы священник Сон, беспокоясь обо мне, говорил, что я похудел. Меня же беспокоил весьма болезненный вид его самого. Он уж не всегда теперь брал в рот и пищу: осложнялась его хроническая болезнь.

— Страна обречена на гибель, а я вот возьми да и захворай, — говорит он. — И дни и ночи горюю да сетую. Не

благословляет меня всесильный Отец небесный. Проклятая жизнь в ссылке дает себя знать...

В 1912 году священник Сон развертывал миссионерскую деятельность в Маньчжурии. Тогда он был арестован по обвинению в причастности к делу о покушении на Кацуру Таро и был два года в ссылке на островке Чин. Вероятно, он начал болеть там. Это, конечно, не суеверие, но, как ни странно, болезнь легко наступает на тех, кого любят и берегут народные массы.

Потрясающая весть о смерти священника Сона застала меня в Минюегоу весной следующего года. По словам того, кто передал мне эту весть, священник Сон так скоропостижно скончался в больнице «Дунъян» в Гирине.

Поначалу я считал это ложным слухом. Мне не верилось, что священник Сон мог так безвременно скончаться. Ведь всего лишь полгода тому назад, когда я встретился с ним, он еще не слег в постель и беспокоился только о судьбах движения за независимость страны. Неужели от какой-то там язвы желудка он мог так быстро и легко потухнуть, как свеча? Но как это ни скорбно, это было так. Через подпольную организацию я узнал, что священник Сон уже в первый же день госпитализации харкал кровью и тут же умер.

Надо сказать, что в то время в обществе корейских соотечественников-эмигрантов было немало тех, кто считал смерть священника преднамеренным убийством. Первым доводом этого они считали то, что состояние его болезни до госпитализации не достигло той опасной стадии, которая привела бы его к смерти. Другим влиятельным доводом было то, что больницей «Дунъян» заведовали японцы. Общность мнений корейских соотечественников сводилась к тому, что такие типы, которые без

малейшего колебания используют корейцев в качестве объекта испытания бактериологической войны, могут затевать и более гнусный заговор, чем преднамеренное убийство.

Самый же достоверный довод заключался в том, что священник Сон Чжон До был широко известный борец-патриот. Он был поднадзорным, слежку за которым ни на минуту не ослабляла японская полиция.

Таким доводом было не только подозрение на убийство Кацуры Таро, но и сама биография священника, пронизанная духом антияпонской борьбы. Он был председателем Политического совета Шанхайского временного правительства, начальником главного управления транспорта этого правительства, членом общества Сисачхэкчжинхвэ, членом группы Хынсадан, членом совета общества Робенхвэ. Все это заставляло японскую полицию считать его бельмом на глазу. О том, как японцы настойчиво следили за ним, красноречиво говорит и тот факт, что сразу после преждевременной его смерти японский генеральный консул в Гирине направил своему министру иностранных дел специально составленный документ «Дело о смерти не повиновавшегося законам корейца Сон Чжон До».

Еще не перевелись люди, которые утверждают, что его характер как нельзя лучше отражается в его псевдониме Хэсок (морской камень). Он был убежденный и совестливый деятель движения за независимость Кореи, который, оставаясь в тени, под вывеской священнослужителя целиком отдал свою жизнь святому делу антияпонской борьбы. И по возвращении в Гирин он вместе с представителями новаторских кругов группировки Чоньибу неустанно работал над свершением поворота движения за независимость соответственно изменениям времени и над сплочением патриотических сил. Когда мы организовали Гирин-

ское общество корейских детей и Общество корейских учащихся в Гирине, он, будучи инициатором создания Крестьянского общества взаимопомощи в Маньчжурии, прилагал все свои усилия для его основания.

Священник Сон Чжон До на имя своего младшего брата Сон Ген До купил 50 *шан* (мера земельной площади в 0,99 гектара — ред.) земли в районе озера Цзинбоху уезда Эму, заведовал и сельскохозяйственной коммуной, что можно было бы назвать частью «идеальной деревни», за что выступал Ан Чхан Хо. Берега озера Цзинбоху — это было место, предназначенное для строительства «идеальной деревни», чему Ан Чхан Хо уделял одно время самое большое внимание. Священник Сон намеревался обеспечить средства в фонд движения за независимость за счет дохода от этой сельскохозяйственной коммуны.

Похороны священника Сона проходили в торжественно-траурной обстановке в Мукденском доме собраний по христианскому обряду. У гроба с прахом священника, отдавшего всего себя борьбе за независимость на протяжении нескольких десятилетий своей жизни еще с периода до «аннексии Кореи Японией», собралось всего лишь человек сорок с небольшим из-за обструкционистских действий японской полиции. При жизни он, окруженный многочисленными людьми, неутомимо воспитывал в них дух патриотизма, но прощальный обряд, провожавший его в последний путь, был слишком тих и грустен. В таком мире, где нельзя было во весь голос оплакивать даже смерть короля, можно ли дать волю слезам и рыдать на похоронах, происходивших под кордоном полицейских?!

Принеся в Цзяньдао дань уважения памяти покойного, я взирал на далекое небо над Гирином и проливал слезы. Я горько плакал, думая о священнике Соне и моем отце. И я твердо

поклялся во что бы то ни стало возродить Родину, чтобы охранять дух отцов родной страны и отомстить за кровавые обиды, нанесенные им врагами.

Только путь возрождения страны, думал я, поможет отблагодарить благодетелей за их заботу обо мне, облегчить их невзгоды, снять кандалы с ног и рук народа...

Впоследствии мы, я и члены семьи священника Сона, шли каждый своим путем. Трагедия раскола, которая не исчезла и поныне, когда подходит к концу наше столетие, безжалостно разделяет нас проволочными заграждениями, железобетонной стеной и бушующим океаном. Я живу в Пхеньяне, Сон Ин Сир — в Сеуле, а Сон Вон Тхэ — в Омахе (США). Вот уже более полувека мы живем, не имея возможности подать друг другу даже весточку о себе.

Но я никогда не забывал о священнике Соне и его семье. Воспоминания о них не выветривались, не стирались из памяти и в водовороте времени и пространства, с течением времени, неотступно преследуя меня, западали мне в душу и теснились в ней, несмотря ни на что.

Чем глубже трагедия нации, чем выше стена, разделяющая нас, тем горше становилась в душе у нас тоска по покойным благодетелям и погибшим патриотам, которые обливались слезами и проливали святую кровь свою ради жизни и счастья своей страны.

История не закрывала глаза на нашу тоску.

В мае 1991 года по приглашению Министерства по работе с зарубежными соотечественниками посетил нашу страну младший сын священника Сон Вон Тхэ с супругой Ли Ю Син. Он работает врачом-патологом в городе Омаха в штате Небраска США. Вспоминается, когда мы, члены Общества детей и

Общества корейских учащихся в Гирине, играли однажды в военную игру на песчаном берегу Сунгари, разбившись на две группы: «Земля» и «Море», Сон Вон Тхэ был слабым учеником начальной школы, которому было тогда немногим больше десяти лет, упрямствовал, желая присоединиться к моей группе. И вот тот самый Сон Вон Тхэ теперь явился передо мной седым стариком, которому скоро уже перевалит за 80. Но превратная судьба-мачеха, которая томила нас целые 60 лет неведомыми жизненными перипетиями, не в силах была стереть следы ученических дней в Гирине, ярко запечатлевшиеся в его седой голове.

—Дорогой Президент! — произнес он, обнимая меня.

И из глаз его ручьями хлынули слезы. В этих слезах — десятки тысяч заветных, не высказанных слов. Действительно, эти слезы говорили о многом. Такое долгое время тоска друг по другу не переставала терзать наши души. Но почему же нам суждено встретиться уже седовласыми старцами? Что заставляло так оттягивать нашу встречу, которая состоялась так неожиданно уже после более чем полувековой разлуки?

60 лет — это длительный промежуток времени, равный целому периоду жизни человека. Если в наше цивилизованное время, когда сверхзвуковые самолеты неудержно мчатся в небе, люди, расставшиеся в десятилетнем возрасте, встречаются только тогда, когда им стукнет 80 лет, то как же черств и опустошен тот длительный промежуток времени, который нас неустанно подгонял к старости!

— Господин Сон, почему вы так поседели? — спросил я официальным тоном, обращаясь к нему не как к бывшему члену Общества детей, а как к старому ученому, имеющему к тому же американское гражданство.

Он взглянул на меня глазами, сверкающими некоторой

избалованностью, что была у него в ученические годы в Гирине.

— От горя и тоски по вам, дорогой Президент!

Он еще сказал, что тогда он уважал меня как старшего брата, а я любил его как младшего брата, и очень просил меня не обращаться к нему со словом «господин».

— Ну, тогда хорошо, буду звать, как раньше: Вон Тхэ, — ответил я, улыбаясь.

И моментально исчезла неловкая принужденность. Мы оба были в таком настроении, будто вернулись в ученические годы в Гирине. Мне казалось, что я встретил его не в Пхеньяне, в своей приемной, а в Гирине, в старом доме, в котором я жил на пансионе. В те годы и я часто бывал в доме священника Сона, и Сон Вон Тхэ тоже чуть что и приходил ко мне домой, точнее — в дом, в котором я столовался. Сон Вон Тхэ, бывший ученик начальной группы провинциальной школы № 4, маленький, молчаливый и спокойный, ходил всегда со склоненной на бочок головой, как Чха Гван Су. Но как язык у него развяжется — пошли у него с нами сообразительные и умные шутки и юмор, да так, что все наши собеседники захохотали. Я диву дался тому, что тот самый Сон Вон Тхэ стал теперь врачом-патологом, но больше всего тому, что стал он вон каким седым старцем, уже подошедшим к своему исходу жизни. Прошедшие в разлуке с ним годы вновь обескуражили мне голову, заставили призадуматься. И казалось мне, что мы расстались с ним в Гирине только вчера. Но, спрашивается, куда же так безвозвратно улетели столь чуткие детские наши годы? И вот лишь сегодня довелось нам встретиться уже такими старцами и так вот вспоминать те годы, как страницы из сказки!

И мы с ним без конца вспоминали дни, проведенные в

Гирине. И как же не так, ведь ничего не забылось! Не говоря уж о жизни в Обществе детей, темы наших разговоров доходили и до торгашей конфетами-горошком, ловко обиравших карманы у сопляков на улицах. Эти гиринские торгаши горошком были очень хитрыми и бессовестными. Когда им хотелось отведать конфеточек, они брали из корыта этот горошек, тайком отправляли его в рот, досыта, до пресыщения прокатывали его на языке, а потом выплевывали его и продавали. Детям же было и невдомек, что эти конфеточки уже побывали во ртах у торгашей.

Делясь такими вот воспоминаниями, мы, забывая обо всем на свете, громко и безудержно хохотали.

Сон Вон Тхэ говорит, что я, в отличие от ходящих на Западе слухов, вполне здоров. Он непринужденно берет и притягивает к себе мою руку и внимательно всматривается в линии на ладони. И я тогда не на шутку растерялся. А он, улыбаясь, говорит:

— Какая замечательная линия жизни на ладони! Вы обязательно будете жить долгие и долгие годы. Четко прошла и президентская линия! Потому вы и пользуетесь глубоким уважением как вождь страны.

Я впервые в жизни видел человека, гадающего по линиям на моей ладони, впервые слышал, что на ладони у человека есть президентская линия. Высказанные им после осмотра линий на моей ладони слова о том, что у меня длинная линия жизни, — это, вероятно, выражение им пожеланий мне долгих лет жизни, а слова о четкой президентской линии на моей ладони — это выражение им поддержки нашего дела.

Не имея никакого официального представления обо мне как о главе государства, он обращался ко мне даже и с просьбой, может быть, в этом случае и невероятной.

— Дорогой Президент! Когда же вы будете угощать меня «цзянчжигоцзы»? Хочу отведать и «бинтанхулу» (засахаренные фрукты на палочке — ред.), который мы вместе ели в Гирине.

Эти его слова так и защемили мое сердце.

Не будь родные братья, трудно было бы обращаться друг к другу с такой просьбой. Он действительно относился ко мне как к родному своему старшему брату. И тут вдруг пришла мне в голову мысль о том, что ведь у него нет старшего брата-то. Его старший брат Сон Вон Ир одно время был в Южной Корее даже министром национальной обороны, да вот всего лишь несколько лет тому назад умер.

Но как бы ни старался я угостить Сон Вон Тхэ, навряд ли достигла бы моя искренность той вершины любви, с которой позаботился Сон Вон Ир о своем младшем брате.

Но почему же не осуществить и такую его мечту — поесть «цзянчжигоцзы» и «бинтанхулу»? «Цзянчжигоцзы» — это китайское блюдо вроде процеженного отвара размолотых соевых бобов и палочек из пшеничного теста, поджаренных в масле. В годы моей учебы в Гирине, когда мы вместе с Сон Вон Тхэ и с его сестрой Сон Ин Сир ходили гулять по улицам, я несколько раз покупал им это кушанье.

И каждый раз, когда я покупал его, они охотно и очень аппетитно угощались им. Если думать о признательности, оказанной мне Сон Чжон До, то чего жалеть: хоть вытряси весь карман, чтобы только купить им их любимые блюда! Таково было тогда мое желание. Но у меня на руках были тогда лишь крохи деньжонок, ведь их недостаточно было даже для платы за обучение.

Я не думаю, что Сон Вон Тхэ действительно хотел откушать такого блюда и обратился ко мне с такой просьбой. Он, конечно

же, выразил этим желанием только свою тоску по нашей гиринской жизни, когда мы дружили так близко, как дружат между собою родные братья и сестры.

— Если ты действительно хочешь поесть «цзянчжигоцзы», угощу тебя им в следующий раз, — пообещал я ему.

Он-то, конечно, говорил это в шутку, а мне действительно захотелось угостить его этим блюдом, таким любимым в детстве. Меня даже обуревало желание не в следующий раз, а тут же приготовить для него это блюдо. Его искренние и непринужденные слова: «Когда же вы угостите меня «цзянчжигоцзы»?», прямо скажу, глубоко тронули меня своей откровенностью и тоскою по детству.

Спустя два дня приготовленный нашими кулинарами «цзянчжигоцзы» был преподнесен Сон Вон Тхэ и его супруге. Получив это блюдо еще до завтрака, он глотал слезы, говоря, что благодаря Президенту удалось ему отведать любимое с детства блюдо.

Привязанность к человеку обладает значительно более мощной силой, чем даже и время. Перед силой времени все обесцвечивается и отмирает, но только одна привязанность к человеку остается той же, она никогда не будет похоронена. Чувство искренней дружбы и любви не стареет и не перерождается.

И еще скажу — чувство нашей дружбы, которое было временно прервано различными жизненными обстоятельствами, снова, перескочив 60-летний пробел времени, завязалось как бы само собою. Встретившись после долгой разлуки, мы хором напевали песню «Тоска по родине», которую мы пели в Гирине. К нашему удивлению, и я не забыл слов этой песни, и он тоже точь-в-точь запомнил их.

Сон Вон Тхэ сказал, что ему стыдно смотреть мне в глаза,

так как он не имеет за плечами ничего особенного, сделанного в интересах нации. Но это он говорил уж, конечно же, из скромности. В бытность свою студентом в Пекине он был таким патриотически настроенным юношей, заметным активистом, — он заведовал отделом надзора студенческого комитета, участвовал и в студенческом движении, принимал участие и в движении за бойкот японских товаров, что позже послужило поводом для заключения его в тюрьму в Нагасаки.

В нем, жившем всю жизнь, повернувшись спиной к политике, остались по-прежнему следы его чистоты и простодушия, чем отличался он и в период учебы в Гирине. Жить неподкупной честностью и чистотой души, не лишившись достоинства честного человека в мире борьбы за существование, где стоит вопрос: я да я, ты да ты, — не легко.

Он глубоко сочувствовал всему делу, проделанному нами, с восторгом отзывался о нашей Родине как о «прекрасной, благородной стране — стране созидания жизни для подрастающего поколения».

Я считаю счастьем для себя его приход к нам, хотя и запоздалый. Это дало мне возможность еще раз вспомнить годы учебы в Гирине.

Образ Сон Вон Тхэ, преисполненный чувства любви к Родине и нации, чувства любви к человеку, точь-в-точь напоминал мне образ самого Сон Чжон До и образ Сон Ин Сир. При каждой нашей встрече он говорил мне: «Дорогой Президент! От души желаю вам долгих и долгих лет жизни!» Образ его, от души желающего мне доброго здоровья, напоминал образ священника Сон Чжон До, которого я видел в последний раз 60 лет тому назад.

В тот день священник Сон, провожая меня, говорил: «Обста-

новка жуткая, не оставайся дальше в Гирине! Положение в этом городе не на шутку тревожное. Да и ситуация есть ситуация, где бы ты ни был, от нее никуда не денешься, надо быть осторожнее. Поезжай хоть в Цзяньдао, скрывайся в глуши и отдыхай!»

Я был от души благодарен ему за такое глубокое беспокойство обо мне. О том, насколько своевременным был его совет, красноречиво свидетельствовало положение в Маньчжурии после события 18 сентября. Японские войска и полиция, захватившие Гирин, начали тогда действовать с розыска меня. Копаясь в списках узников Гиринской тюрьмы, они требовали от военщины передать в их руки Ким Сон Чжу. Если бы я не был своевременно освобожден с помощью священника Сон Чжон До и других таких же деятелей движения за независимость, как Ко Вон Ам, О Ин Хва, Хван Бэк Ха, то я оказался бы в руках японских империалистов и просидел бы в тюрьме еще лет десяток. А если бы я пробыл в тюрьме этот десяток лет, то мне не удалось бы развернуть вооруженную борьбу. Понятно, каковы были бы этому последствия. Именно поэтому я называю священника Сона моим спасителем.

Нет конца перечню тех, кто от души помогал мне в годы учебы в Гирине и поддерживал мою революционную деятельность. Среди них были Чвэ Ман Ен, О Сан Хон, Ким Ги Пхун, Ли Ги Пхар, Чвэ Ир и другие сторонники движения старшего поколения. Были и такие ровесники-пионеры, как Чвэ Чжун Ен, Син Ен Гын, АН Син Ен, Хен Сук Чжа, Ли Дон Хва, Чвэ Бон, Хан Чжу Бин, Рю Чжин Дон, Чвэ Чжин Ын, Ким Хак Сок, У Сок Юн, Ким Он Сун, Ли Док Ен, Ким Чхан Сур, Чвэ Гван Сир, Рю Су Ген. Были также такие патриотически настроенные дети, как Ли Дон Сон, Ли Ген Ын, Юн Сон Хо, Хван Гви Хон, Ким Бен Сук, Квак Ен Бон, Чон Ын Сим, АН Бен Ок, Юн Ок Чхэ, Пак Чжон

Вон, Квак Ги Сэ, Чон Хэн Чжон.

Судя по ходу развития ситуации, я интуитивно чувствовал, что нельзя мне больше оставаться в Гирине. Это я в какой-то мере предвидел еще в тюрьме.

Священник Сон выражал большое сожаление о том, что он отправляет меня в дорогу, не дав мне подкрепиться и набраться сил в своем доме. Но я был от души благодарен ему за его совет и, пообедав в его доме, тут же отправился в Синьаньтунь.

2. Суровая весна

На дороге я случайно встретил Чха Гван Су. У этого шустрого и деятельного парня восторгом засияли глаза под стеклами сильных очков для близоруких. И я, не скрывая радости встречи с ним, уже издали восторженно закричал ему свое приветствие.

Скука вывела его на улицу, и он идет в дом священника Сона, чтобы узнать что-нибудь обо мне. Чха, схватив и подняв меня обеими руками, закружил меня на месте, кружась и сам вместе со мною.

— Сажают за решетку борцов революции, и я от одиночества просто схожу с ума, — так начав свой рассказ, он довольно долго рассказывал мне о событиях в Гирине.

И вдруг обращается ко мне:

— Сон Чжу, я говорю вот что: рабочее движение в Корее чрезвычайно быстро растет во всех направлениях. Все в борьбе ново и живо: и лозунг, и метод, и тенденция... В 30-е годы национально-освободительное движение, кажется, вызовет большие перемены, особенно в характере борьбы. Как ты думаешь об этом? Значит, наша революция должна продвигаться вперед под новым знаменем в ногу с крутыми переменами ситуации. Не так ли?

И он устремил на меня покрасневшие глаза, ожидая от меня подтверждения своих слов.

Меня сильно тронула его неизменная воля, воля коммуниста. Пора была такая тревожная — не говоря уж о своем идеале, революционерам трудно было даже сохранить свою личную жизнь от грозящей опасности. Но он не падает духом перед наскоками врага, не пугается их, а наоборот, вот так переодеваясь, заходит к товарищам и ищет нового выхода в борьбе.

— Да, наша революция продвинется вперед под новым знаменем. С таким твоим взглядом я тоже согласен, Гван Су. А что такое это знамя? По этому вопросу я много и много думал в тюрьме и пришел к выводу, что теперь нам, молодым коммунистам, следует создать партию новой формации и перейти на рельсы вооруженной борьбы. Только вооруженная борьба спасет страну от гибели, принесет нации освобождение. Борьба корейского народа во всех ее формах должна перерасти в общенациональное, общенародное сопротивление, которое развернется под единым руководством партии, главным образом, в форме вооруженной борьбы.

Так я выложил ему все, о чем думал в тюрьме.

Чха Гван Су целиком и полностью согласился с моей мыслью. Тут еще было сказано, что об этом обсуждалось и в Синьаньтуне с Ким Хеком и Пак Со Симом и что все они сошлись во мнениях на этот счет. Не взяв в руки оружие, нельзя спасти Корею, а не руководствуясь новой линией, нельзя продвигать революцию вперед. Таково было единодушное мнение молодых коммунистов.

Итак, вооруженная борьба стала назревшим требованием конкретной действительности Кореи. К тому времени фашистский режим насилия, проводимый японским империализмом, достиг своего апогея. Нестерпимыми стали бесправие и нищета корейской нации. Волны экономического кризиса, начатого в

мире с 1929 года, набегали и на Японию. Японские империалисты, найдя свой выход из большого кризиса именно в агрессии на азиатском материке, наращивали темпы военных приготовлений и вместе с тем усиливали колониалистские репрессии и грабеж в Корее.

Если они видели путь обогащения своего государства и укрепления вооруженных сил в грабеже и угнетении корейской нации, то сама же она, наша нация, нашла путь к национальному возрождению в борьбе против японских оккупантов. И было не случайно, что рабочее, крестьянское, другое массовое движение, не вышедшее из рамок экономической борьбы, начало развиваться, постепенно приобретая характер восстания.

Что же касается стачки рабочих Синхынской шахты, — за ее ходом я следил в то время с большим интересом, — то и она переросла, в конце концов, в восстание. Сотни забастовщиков под руководством стачкома напали и разрушили контрольный пункт шахты, служебные помещения, механическое и электрическое отделения и частную квартиру начальника дирекции, порезали все электропровода на территории предприятия, ломали лебедки, насосы и другое производственное оборудование. Забастовщики нанесли большой ущерб компании. Сами японцы, управлявшие предприятием, вопили, что на восстановление шахты уйдет два месяца.

Восстание это, сотрясавшее всю страну, показало такую ужасную картину, что поднялась на ноги вооруженная полиция и арестовала более сотни стачечников.

Это восстание произвело на меня глубокое впечатление. Поэтому, когда у нас развернулась вооруженная борьба, я сам с риском для собственной жизни пробрался в район Синхына и встретился с руководителями рабочего движения.

И по своей организованности, сплоченности, продолжительности и солидарности борьба корейского рабочего класса показала качественно новое развитие по сравнению с движением предшествующего периода.

Более двух тысяч рабочих, состоявших в Вонсанской федерации труда, под ее руководством и при поддержке свыше 10 тысяч членов своих семей проводили упорные забастовки в течение нескольких месяцев.

В поддержку этой всеобщей забастовки в Вонсане рабочие и крестьяне всей страны посылали стачечникам вдохновляющие телеграммы, письма и денежные средства в помощь, направляли своих представителей, выражая поддержку и солидарность с бастующими.

С ними солидаризировались не только профсоюзные организации Хонвона, Хвэрена и других районов страны. Даже из Гирина, отдаленного за тысячи *ли* от Вонсана, члены общества Хансонхвэ, подведомственного созданному нами Антияпонскому профсоюзу, послали денежный фонд в помощь Вонсанской федерации труда. Сам этот факт свидетельствует о том, насколько был высок в то время уровень сознания корейского рабочего класса.

Генстачка в Вонсане как кульминация корейского рабочего движения 20-х годов вписала в историю мирового рабочего движения яркую страницу боеготовности и революционности рабочего класса Кореи.

Внимательно рассматривая в тюрьме весь процесс этой стачки, я думал, что она впишет особую страницу в историю рабочего класса нашей страны и что этому ценному опыту борьбы следует учиться всем участникам социального движения в Корее.

Если бы в то время новое руководство федерации труда не предложило рабочим снова начать работу и продвинуло забастовку до конца, если бы все рабочие, крестьяне и интеллигенты страны, откликнувшись на рабочую забастовку, перешли на настоящую организационную борьбу, то выступления вонсанских рабочих, наверно, увенчались бы победой.

Неудача генстачки вонсанских рабочих еще раз глубоко убедила меня в необходимости скорейшего создания в Корее марксистско-ленинской партии, которая бы победоносно организовала и направляла выступления рабочего класса. Я был уверен в том, что когда активно развернется вооруженная борьба, став главной осью национально-освободительного движения, то под ее влиянием будет еще больше нарастать и массовая борьба рабочих, крестьян и всех других слоев населения.

Поскольку враг своим железным кулаком варварски подавлял национально-освободительное движение, то и выступления корейского народа были вынуждены приобретать насильственный характер. Именно революционное насилие стало самым надежным средством для достижения победы над контрреволюционным насилием вооруженного до зубов врага. Враги бряцали штыками оружия — и корейская нация должна была вооружаться. Оружию нужно было противопоставить оружие.

Ни чистое «движение за выращивание реальных сил», нацеленное на развитие просвещения, культуры и экономики, ни конфликты рабочих и крестьян, ни дипломатическая деятельность не могли принести стране независимость. Всеобщая стачка вонсанских рабочих и восстание синхынских шахтеров укрепили наше доверие к рабочему классу Кореи. В ходе этого несравнимо углублялась моя привязанность и гордость за замечательный

наш рабочий класс, за боевую нашу нацию.

Все решили бы линия и руководство. У меня зародилась твердая вера, что правильная линия, отвечающая велению времени, и верное руководство приведут к победе над любыми сильными врагами. На неотступные свершения торопила меня мысль о том, что нужно немедленно восстановить и привести в порядок разрушенные организации, непрерывно повышать сознательность масс, объединять их в организации и как можно скорее подготовить к решающей битве с японским империализмом. Сердце у меня зажигалось, как неугасимое пламя.

Между тем весть о моем освобождении из тюрьмы собрала моих товарищей из разных мест одного за другим.

Вместе с активистами комсомола, Антияпонского союза молодежи, Антияпонского профсоюза, Крестьянского союза, действовавшими в Гирине и его окрестностях, я обсуждал вопрос о том, как восстановить и привести в порядок разрушенные организации, как сплачивать массы в условиях усиления белого террора со стороны противника.

Слово «вооружение», так взволновавшее Чха Гван Су, вызвало и здесь огромные волны поддержки молодежи. Это с новой силой окрыляло меня.

Мы обсудили меры по активизации комсомольской работы в Цзяньдао и в северном пограничном районе Кореи, по ускорению процесса революционного воспитания жителей этих районов, а также другие актуальные задачи, в том числе и по тщательной подготовке к созданию партии. Для выполнения поставленных задач подпольщики были направлены в разные районы.

Переночевав одну ночь в Синьаньтуне, я сразу же на другой день отправился в Дуньхуа.

Отсюда было удобно установить связи с разными уездами Восточной Маньчжурии, здесь было немало тех, кто мог бы помогать мне. У меня был такой план: находясь там некоторое время, наметить направления деятельности организаций в связи с событиями в Восточной Маньчжурии, где разгоралось мощное пламя восстания, и разработать конкретные меры для претворения в жизнь моего замысла, который созрел еще в тюрьме.

Покидая Гирин, мне больше всего было жаль, что не смог выполнить заветы покойного отца, который наказывал мне любой ценой окончить хотя бы среднюю школу.

Пак Иль Пха советовал мне доучиться в школе. Отец его, говорил он, попросит об этом дирекцию Юйвэньской средней школы. Пак Иль Пха—сын националиста Пак Ги Бэка, издателя гиринского журнала «Тоньу». Он писал под псевдонимом «Пак У Чхон».

Когда я учился в Юйвэньской средней школе. Пак Иль Пха, студент Гиринского юридического института, помогал Обществу корейских учащихся в Гирине. Его мечтой было стать юристом. В те дни он сблизился с белогвардейским русским офицером, — вот, мол, я учусь русскому языку. Мои друзья, считавшие контакты с белогвардейским офицером-эмигрантом своего рода изменой новорожденной России, предложили мне порвать с ним отношения. А я им говорил: «Учитесь иностранному языку, это будет большой пользой для революции. Сторониться его за контакты с белогвардейцем — это узкий подход к делу. Не так ли?»

После освобождения Кореи Пак Иль Пха для наших читателей перевел трилогию Алексея Толстого «Хождение по мукам» и многие другие известные произведения. Это стало возможным, могу утверждать это смело, только благодаря тому,

что он в те годы прилежно учился русскому языку.

Ким Хек и Пак Со Сим так же, как Пак Иль Пха, уговаривали меня продолжать учебу еще на год, если это разрешит дирекция школы, и все-таки закончить среднюю школу.

— Попроси ты сам, Сон Чжу, директора Ли Гуанханя позволить тебе учиться дальше на годик, — говорили они. — Он вряд ли откажет тебе в просьбе. Ведь директор понимает, что такое коммунизм.

Я с ними не согласился.

—Заниматься-то я могу и самоучкой. Нас ждет народ, ждут нашей помощи разрушенные организации. Теперь революция в трудном положении. Значит, как же мне отвернуться лицом от нее и вернуться к школьной скамейке?

Когда я решился, наконец, прекратить учиться в средней школе и покинуть Гирин, у меня, собственно, роились в памяти всякие воспоминания. Перед моими глазами всплывали сложные гаммы картин: да, вот он, отец, в трескучий зимний мороз направляет меня одного на Родину, чтобы я учился в родном краю; а как вернусь из школы — он сажает меня за стол, учит меня корейской истории и географии; а вот перед смертью дает он завещание моей матери: «Я так хотел учить сынка. Сон Чжу, в средней школе. Ты не забудь моей последней воли и учи его, Сон Чжу, в средней школе, если даже семье придется три раза в день питаться одной травой»...

Да, всего лишь год остался до окончания школы, а тут вдруг отказываюсь учиться! Как это разочарует и огорчит мою мать!.. Ведь она три года не покладая рук стирала чужое белье, шила чужую одежду, чтобы заработать деньги на мое обучение. И как это тяготит моих братишек! И как это будет жаль моим товарищам по школе и друзьям моего отца, которые любили

меня так, как любят своих родных, и помогали мне в оплате за образование!

Но я все же думал, что мать-то меня поймет. Так же, как когда отец прекратил учебу в Сунсильской средней школе, она безусловно поддерживала его решимость отказаться от учебы в школе и стать на стезю борьбы как профессиональный революционер. «И если я, ее сын, даже откажусь от учебы не в средней школе, а в вузе, — я был уверен, — она не будет возражать моей решимости, когда это пойдет во имя революции, на благо моей Родины».

Итак, я прекратил учебу в Юйвэньской средней школе и пошел в народ. Могу сказать, что это означало своего рода поворотный пункт в моей жизни. С той поры началось мое подполье, стартовала моя новая жизнь — жизнь профессионального революционера...

Выйдя из тюрьмы, я ни весточки не послал домой, а пошел в Дуньхуа. Душа была просто не на месте. Я сам ругал себя: «Ты что же это? Пускай уйдешь с головой в революцию, но все-таки тебе надо подать родным весточку хотя бы в одну или в две строки!» Но я, странное дело, не мог написать и письмеца домой.

Да ведь и после того, как меня посадили за решетку, я об этом матери не сообщил, — боялся, как бы она не переживала. Но тут мои друзья, проводившие в моем доме зимние каникулы в 1929 году, рассказали ей о моем аресте.

Но она не приехала ко мне в Гирин. Обычно простые матери действуют не так: как узнают, что их детей заключили в тюрьму, спешат с узелком в руках к несчастным из далеких мест даже за тысячи *ли* и умоляют тюремщиков о свидании с арестантами. Но моя мать была исключением. Значит, она проявила чрезвычайную терпеливость. Когда мой отец страдал в Пхеньянской

тюрьме, она неоднократно ездила к нему на свидания, даже брала и меня с собою, а через 10 лет, когда меня бросили за решетку, ни разу в тюрьму ко мне не приехала. Посторонним это, может быть, кажется странным и непонятным, но это было именно так.

И впоследствии, когда мы встретились с нею в Аньту, она не объяснила мне, почему не приезжала ко мне в тюрьму на свидание. Но я думал: именно то, что она не пришла ко мне, это и есть ее настоящая материнская любовь ко мне.

Полагаю, что она, может быть, думала так: «Встретит меня в тюрьме сынок мой, Сон Чжу, и будет тяжело переживать. Пойти-то на свидание могу, но вряд ли это там утешит его. Это не поможет ему прибавить силы. Перед сынком много перевалов. А если его первый же шаг по этой дороге задержит тяга к родным, что будет с ним дальше? Нет, пусть сынок страдает от одиночества, лучше уж сейчас не пойти к нему. Для него так будет лучше...»

Итак, она, думаю, решилась не пойти на встречу со мной.

В этом я увидел стойкость моей матери, которая вот так росла из обыкновенной простой женщины в революционерку.

А вот теперь тюрьма позади, передо мною обширная земля мира, и не сковывает меня школьная скамья. И пришла мне в голову такая мысль: «Хоть бы несколько деньков пожить дома с родной матерью, это же сыновний моральный долг». Но воля моя повернула мои шаги на землю Дуньхуа. На юго-западе от Дуньхуа за 24 километра находилось горное селение Сидаохуангоу. Там я должен был работать.

К тому времени много семей переселились в районы Аньту и Дуньхуа. Члены этих семей раньше состояли в организациях комсомола, Пэксанского союза молодежи и Общества женщин.

Они переменили свои места жительства, опасаясь, как бы не постигли и Фусун лихие бури повального ареста, производимого в Гирине после моего ареста. И моя мать холодной зимой вместе с моим дядей Хен Гвоном и моими братишками переселились в Аньту.

В Сидаохуангоу обосновались шесть из многих десятков семей, которые переселились в Восточную Маньчжурию. Среди них оказалась и семья Ко Чжэ Бона.

Он как стипендиат окончил Фусунское педучилище за счет администрации Чоньибу, преподавал одно время в Пэксанской школе и служил в Армии независимости как командир Фусунского особого отряда. Он числился активистом массовой антияпонской организации.

Ко Чжэ Рён, его первый младший брат, учился со мной в училище «Хвасоньисук». Впоследствии он служил в части Ян Цзинюй и погиб где-то, точно не помню, в Мэнцзяне или в Линьцзяне.

Ко Чжэ Рим, его последний младший брат, после окончания Пэксанской школы учился в Юйвэньской средней школе и участвовал со мной в комсомольской работе. С весны 1930 года он учился в медучилище при Компании южноманьчжурской железной дороги. В Гирине он оказывал мне большую помощь в работе.

Когда мы еще жили в Фусуне, люди семьи с фамилией Ко имели особенно близкие отношения с нами. Они не жалели ничего, даже самих себя, чтобы помочь моим родителям. Хотя они занимались трактирным делом, во многом помогали моему отцу и моей матери.

Тогда в наш дом на улице Сяонаньмынь буквально нескончаемым потоком приходили борцы-патриоты, и прежде всего

деятели движения за независимость. Иные из них ночевали у нас по нескольку дней. Для гостей моя мать была вся в хлопотах, у нее в руках всегда были черпак и кувшин с водой.

Это не могло не привлечь внимания военщины. Полиция следила за моим отцом. Узнав об этом. Сон Ге Сим, мать Ко Чжэ Бона, однажды пришла к моему отцу и сказала:

— Прошу, Ким Хен Чжик, теперь не утруждать себя угощением гостей. Если, как сейчас, у вас много будет гостей, то может быть большая неприятность с вами. За вас мы примем всех гостей из Армии независимости, тех, кто приходит к вам в Фусун. Клиентов «Муримской лечебницы» мы будем обслуживать.

После этого мой отец стал больше доверять ей и, естественно, поэтому и я имел с Ко Чжэ Боном близкие отношения.

Семья Ко во многом помогала нам. Когда моя мать после закрытия Пэксанской школы бегала в хлопотах, чтобы получить классное помещение, семья Ко без малейшего колебания выделила для этого соседнюю комнату своего дома.

Не прошло и полгода после переселения в Сидаохуангоу, но Ко Чжэ Бон успел сделать многое: основал Тонхынское училище и сам обучал детей и, умело используя должность заместителя старосты группы из 100 семей, создал в Сидаохуангоу и в его окрестностях организации комсомола и Пэксанского союза молодежи, вел подготовку к созданию Антияпонского общества женщин и Крестьянского союза.

Увидев меня. Сон Ге Сим, мать моего друга, не смогла сдержать слез радости и вспомнила о жизни в Фусуне.

— С осени прошлого года, — говорю я, — был в тюрьме. Недавно освободили меня, и вот я прямо к вам сюда, в Сидаохуангоу.

Внимательно вглядываясь мне в лицо, она говорит:

— Ты, вижу, такой и есть, каким был раньше. Но у тебя на лице отек, ты чем-то заболел? Как заболело бы сердце у твоей матери, если бы она увидела это!..

У них я погостил около месяца. Она же всеми силами старалась помочь мне выздороветь. По три раза в день накрывала мне отдельный стол, на котором — ячменная каша, смешанная с чумизой, салат из съедобных растений. Делала, что могла, и очень извинялась за скудность блюд. Семья эта только что переселилась в новую горную глушь, — теперь она не имела трактира, как раньше, недавно взялась за земледелие первого года после переселения, да у них еще жили внуки по дочерней линии. При мысли об этом мне просто стыдно брать в рот пищу.

Она мой вкус и аппетит прекрасно знала еще в Фусуне. И вот привезла к себе станок для приготовления *куксу* и угощала меня этим блюдом. А Ко Чжэ Бон, сын ее, ходил в уездный городок Дуньхуа за соленой форелью для моего обеденного стола. Муж сестры Ко Чжэ Бона каждый день на рассвете шел к роднику, чтобы добыть *сангора,* который, по словам знахаря, очень воздействует на устранение отека. Такая сердечная забота этой семьи обо мне быстро восстановила мое здоровье.

Ко Чжэ Бон встретился в Аньту с моей матерью и вернулся. От Сидаохуангоу до Аньту — около 80 километров. Такой далекий путь он обычно одолевал за день. Люди даже говорят, что он одолеет путь в 120 километров за один день, как сказочный Хван Чхонван Дон из романа «Рим Кок Чжон».

Тогда с ним пришел в Сидаохуангоу мой брат Чхоль Чжу, узнав, что я после тюрьмы нахожусь в Дуньхуа. Принес он мамино письмо и белье для меня. В письме говорилось, что семья наша переселилась из Фусуна в Старое Аньту (Сунцзян), жила одно время в соседней комнате дома Ма Чхун Ука,

находящегося за воротами Симынь, а потом опять переселилась в Синлунцунь. В Старом Аньту мать взяла у Ма Чхун Ука швейную машину в долг, шила чужую одежду за плату и немало испытала переживаний, а в Синлунцуне, как я узнал тогда, тоже трудилась не покладая рук, чтобы сводить концы с концами.

Чхоль Чжу пока что не освоился на незнакомой чужбине. До этих пор он жил в городках Чунгане, Линьцзяне, Бадаогоу и Фусуне, которые омывают большие реки. Аньту, довольно отдаленное от равнины и железной дороги, ему казалось слишком скучной глухоманью, еще одним нежилым краем, в котором нужно было прокладывать новый путь в жизни.

— Ты, брат, заехал ли в Фусун-то после тюрьмы? — вдруг спрашивает он меня.

— Хотел заехать, да не мог. Даже и дома не был, а прямо вот сюда, в Дуньхуа. Знаешь, а как же мне побывать в Фусуне-то?

— Фусунцы очень хотели повидаться с тобою, брат. Так, Чжан Вэйхуа каждый день заходил к нам узнать о тебе. Фусунцы ведь люди хорошие, а?

И голос его проникнут тоской по Фусуне.

— А как же! Они всегда были люди добрые.

— Все время думаю о моих фусунских товарищах. Когда ты там будешь, не забудь повстречаться с моими дружками.

— Обязательно! Ну а скажи: в Аньту много у тебя новых друзей?

— Еще мало. В Аньту немного моих сверстников…

Я сразу заметил, что мой брат, очутившись в новом краю, все тоскует по Фусуну и что эта тоска мешает ему в Аньту стоять на твердых ногах и жить уверенно. Свидетельство тому — чуть-

чуть печальный взгляд и тоскливое выражение на лице. Может быть, это своего рода симптомы протеста против реальной жизни, что можно видеть у мальчиков того возраста, покинувших родной край. Неспокойная душа брата почему-то тревожила и мое сердце.

— Ты знаешь, дорогой мой братишка, у прилежного хлебороба нет деления на хорошие и плохие поля. Так и у настоящего революционера хорошей и плохой местности быть не может. Почему бы в Аньту не быть хороших друзей? Друзья — это такая вещь: сколько найдешь, столько и заимеешь. Ты забыл, что сказал отец? Друзья, говорил он, не падают сами с неба, их надо искать, как копают драгоценные камни. Найди хороших друзей и стой на твердых ногах в Аньту. Ведь теперь и ты уж комсомольского возраста.

Я не раз подчеркивал, напоминал ему, что нужно готовиться к вступлению в комсомол.

— Понятно. Извини меня за беспокойство, — изменившись в лице, серьезным взглядом поглядел он на меня.

И спустя немного времени Чхоль Чжу стал комсомольцем.

В Сидаохуангоу я помогал Ко Чжэ Бону и Ко Чжэ Рёну в создании Детской экспедиции. Крестьянского союза. Антияпонского общества женщин и вместе с тем старался восстановить связи с членами революционных организаций, разбросанными в районах Восточной и Южной Маньчжурии. Получив мои письма, посланные через Ко Чжэ Бона в связные пункты Лунцзина, Хэлуна и Гирина, в Сидаохуангоу приехали Ким Хек, Чха Гван Су, Ке Ен Чхун, Ким Чжун, Чхэ Су Хан, Ким Чжун Гвон, а всего более десяти моих товарищей. Все они были руководящими кадрами комсомола и АСМ.

От них я узнал, что вихри восстания, сотрясающие Восточ-

ную Маньчжурию, достигли стадии более ожесточенной борьбы, чем предполагалось.

Главными силами повстанцев были корейцы, проживавшие в Маньчжурии, их сагитировали на восстание Хан Бин, Пак Юн Сэ и другие. Они выступили перед массами с призывами подняться на восстание, заявляя: чтобы перейти в китайскую партию, надо снискать ее признание практическими боевыми подвигами.

Кстати, к тому времени корейские коммунисты Северо-Восточного Китая, согласно коминтерновскому принципу: в одном государстве — одна партия, отказались от движения за восстановление своей партии и с большим размахом развернули работу по переводу партийной принадлежности в китайскую партию.

И китайская партия объявила, что примет в свои ряды корейских коммунистов на основе принципов проверки на практической работе, соблюдения индивидуального порядка рассмотрения и вступления в качестве отдельной личности.

В такое время даже работники Коминтерна объезжали разные районы, агитируя массы на восстание. Поэтому корейские коммунисты Маньчжурского бюро, старавшиеся перейти в китайскую партию и движимые политическими поползновениями и жаждой карьеры, безрассудно гнали массы на восстание.

Они ликвидировали даже тех, кто не подлежал ликвидации, дошли до того, что сжигали учебные заведения и электростанции.

Восстание 30 мая дало уникальный шанс японским империалистам и китайской реакционной военщине обрушить репрессии на коммунистическое движение и антияпонские патриотические выступления в Маньчжурии. Корейские коммунисты и револю-

ционеры в Маньчжурии стали объектами жесточайшего белого террора.

Массам, поднявшимся на восстание, приходилось уходить с огромными жертвами в сельскую и горную местность. По всей Восточной Маньчжурии разыгрались трагические расправы, напоминающие крупные карательные операции года Кенсин[3]. Тюремные камеры были до отказа заполнены арестованными повстанцами. Многие, кто имел дело с восстанием, были переведены в Корею. Всех их в Сеуле подвергли смертной казни или другой тяжкой каре.

Военщина Мукдена, обманутая кознями японских империалистов, жесточайшим образом подавила восстание масс. С целью посеять рознь между народами Кореи и Китая японские империалисты распространяли демагогические бредни: корейцы, мол, подняли восстание в Восточной Маньчжурии с целью изъятия и захвата маньчжурской земли.

Милитаристские главари, обманутые японской пропагандой, заявили: «Корейцы — это коммунисты, а их компартия — это агент японских империалистов и надо убить всех корейцев». И они без разбору расправлялись с восставшими. Тупая военщина отождествляла коммунистов с приспешниками японских империалистов.

За участие в восстании 30 мая было арестовано и убито много тысяч человек, в большинстве из них корейцы. Многих из арестованных казнили. Восстание это нанесло большой ущерб нашим революционным организациям, ухудшило отношения между корейцами и китайцами.

Впоследствии линия Ли Лисаня была оценена в китайской партии как «безрассудная линия», как «мелкобуржуазная лихорадка».

Выдвинутая Ли Лисанем линия на создание советской красной армии была линией авантюристической, она не соответствовала реальным условиям Северо-Востока Китая.

На III Пленуме ЦК Коммунистической партии Китая шестого созыва, состоявшемся в сентябре того года, серьезно критиковали левацко-авантюристическую линию Ли Лисаня.

В своем «Письме от 16 ноября» и Коминтерн критиковал левацко-авантюристические ошибки Ли Лисаня.

Эти ошибки были раскритикованы также Маньчжурской провинциальной парторганизацией, например, на расширенном заседании провинциального комитета партии и на объединенном собрании.

И мы на весеннем совещании в Минюегоу (май 1931 года), критикуя линию Ли Лисаня, приняли меры по устранению левацко-авантюристических ошибок.

Но рецидив левацкого авантюризма Ли Лисаня не был полностью ликвидирован, он еще надолго оказывал свое влияние на революционную борьбу в Северо-Восточном Китае.

Собравшаяся в Сидаохуангоу молодежь с досадой била себя в грудь кулаком: «Жалко крови корейской нации!», «До какой же поры наша революция будет бредить в такой суматохе?!»

Понимая, что надо вселить в них веру и силу, я сказал:

— Да, это факт, что последствия провала восстания пагубны. Но нам все же ни к чему жаловаться на эти последствия. Хватит сетовать на такую беду. Нам надо пойти во все районы, восстановить разрушенные организации и привести все в порядок. Главное при этом — вывести на чистую воду гнусные поползновения фракционеров, вырвать массы из-под их влияния. Для этого нужно указать людям на путь корейской революции. Восстание кончилось кровопролитием, но оно, пожалуй, значи-

тельно закалило и пробудило массы. На этом восстании корейская нация ярко показала свою боевитость и революционность. Я почерпнул большую силу в этом великом духе самоотверженной борьбы нашей нации. Мы должны указать народу научные методы и стратегию борьбы и осветить ему путь нашей нации. Тогда и можно ожидать новых перемен в нашей революции.

Но и такой призыв не очень подействовал на моих товарищей. Они с недоумением посмотрели на меня.

— Ты прав, товарищ Хан Бер. Но теперь скажи: есть ли такой новый путь, который тронул бы струны сердец широких масс народа?

— Такая линия не ниспосылается с неба, — ответил я. — Никто нам не подарит ее в готовом виде. Мы сами как хозяева должны разработать ее. Кое о чем думал я и в тюрьме, и мне хотелось бы поделиться с вами своим мнением.

Так и завязалось у нас многочасовое обсуждение линии корейской революции, о которой мы уже обсуждали с Чха Гван Су, Ким Хеком, Пак Со Симом. Вот это и называется совещанием в Сидаохуангоу. Мое предложение на нем встретило одобрение товарищей.

Трагическое кровопролитие во всей Восточной Маньчжурии еще раз возбудило и взволновало меня. В середине этих мятежных событий я видал, как падали люди, прижимая к своей груди сжатые кулаки, и все время размышлял: как же спасти, вызволить революционные массы Кореи из моря крови? Как вывести национально-освободительную борьбу в Корее из трудного положения и превратить ее в победоносную революцию?

Революция ждала оружия. Ждала хорошо организованной, обученной революционной армии и народа, ждала программы,

ведущей 20 миллионов людей к победе, ждала ее исполнителя — политического штаба.

Внутренняя и международная ситуация потребовала, чтобы корейские коммунисты совершили поворот в священной битве за освобождение Родины и нации. Без такого поворота наша нация больше проливала бы крови, не избежала бы и новых бедствий.

И я решил, что именно мы должны быть первопроходцами в свершении этого поворота и что такой перелом должен быть именно летом 1930 года. С такой думой я непрерывно и неустанно записывал себе в книжку главные аспекты своей мысли.

И вот Сидаохуангоу покинули члены нашей организации и подпольщики. При их уходе мы твердо договорились как можно скорее справиться с поручениями и опять встретиться в Калуне в последней декаде июня.

После этого в Дуньхуа было созвано совещание парторганизации восточногиринского района. На нем шли разговоры о проблеме восстания. Сектанты снова пытались поднять такое восстание, как и восстание 30 мая. Я критиковал безрассудство восстания 30 мая и выступил против их плана.

Весной того года, после тюремной жизни, я застал еще бури восстания 30 мая и многое испытал на себе.

Во всей моей жизни весна 1930 года стала никогда незабываемой. Это была весна возмужания, весна испытаний. Той весной наша революция подготавливалась к предстоящим новым переменам.

3. Калуньское совещание

В последней декаде июня товарищи, как обещали, стекались в Калунь. Здесь уже действовали наши революционные организации. Еще к 1927 году мы считали необходимым создать базу нашей деятельности в узле путей, ведущих к различным районам Маньчжурии, и начали оказывать свое влияние на эту местность, направив сюда активистов комсомола.

Мы решили провести совещание в Калуне, учтя, что это село расположено на удобном для коммуникации месте и является скрытой базой деятельности, позволяющей надежно обеспечить безопасность участников совещания и сохранение тайны.

Калунь было местом, где часто бывали деятели антияпонского движения, но враг не заметил этого. Местные жители активно поддерживали наше дело, и оно было действительно идеальным местом для совещания.

Когда я прибыл сюда, меня ждал на станции Чон Хэн Чжон, главный командир Детской экспедиции. Когда я посещал Калунь, он всегда встречал меня на станции и сопровождал.

В Калуне обстановка была сравнительно спокойнее, чем в Дуньхуа и в Гирине.

В то время атмосфера в Цзяньдао была очень напряженной после восстания 30 мая. Положение еще больше накалилось в связи с тем, что японские войска скоро вторгнутся в Восточную Маньчжурию. Японский империализм намеревался ввести свои

войска в Цзяньдао с тем, чтобы подавить революционное движение, быстро растущее в этом районе, и, оккупировав Маньчжурию и Монголию, занять плацдарм для нападения на СССР. С этой целью генерал-лейтенант Кавасима, командир 19-й японской дивизии, дислоцированной в Ранаме, инспектировал Лунцзин, Яньцзи, Байцаогоу и Тоудаогоу. Одновременно инспектировали Восточную Маньчжурию начальник штаба гиринских войск Гоминьдана и начальник административного управления. Именно в ту пору революционные организации в Цзяньдао призывали выдворить отсюда генерал-лейтенанта японских войск, начальника штаба гоминьдановских войск и начальника административного управления.

Тогда я, прибыв в Калунь, остановился в доме Рю Ен Сона и Чан Со Бона, учителей Чинменской школы.

Чан Со Бон, обучая детей в этой школе, выполнял также и должность руководителя филиала редакции газеты «Тоньа ильбо». Он, как Чха Гван Су, умел хорошо писать, имел широкий кругозор, работал с энтузиазмом и снискал любовь товарищей.

Но у него был один изъян. Дома он часто ссорился с женой. Когда друзья давали ему совет на этот счет, он отвечал с недовольством, что у него жена феодальных взглядов и идеалы их никак не совпадают. Я уговаривал и критиковал его, чтобы он получше привязался к семейной жизни, но и это ощутимого эффекта не дало.

После организации Корейской революционной армии Чан Со Бон поехал в Чанчунь покупать оружие и был там арестован. Говорят, что он стал ренегатом и одно время был мобилизован на «операцию», направленную на то, чтобы заставить меня «капитулировать».

Ким Хек и Чан Со Бон совершили особенно большие подвиги в деле воспитания жителей Калуня в революционном духе. Они вместе с знатными людьми этой местности создали школу и вечерние курсы и, опираясь на них, вели просветительскую работу, преобразовали Крестьянское общество, Общество молодежи, Детское общество, Женское общество и другие просветительные организации в революционные: Крестьянский союз, Антиимпериалистический союз молодежи, Детскую экспедицию, Общество женщин, и воспитывали широкие слои населения надежными борцами за антияпонскую революцию. Именно в Калуне был основан журнал «Большевик» под заведованием Ким Хека.

В Калуне, как и в Сидаохуангоу, я продолжал размышления о пути корейской революции. Когда резюмировал то, что задумывал и обобщал примерно месяц с лишним, получилась статья довольно большого объема. Я написал эту статью потому, что ощущал всеми фибрами души насущную необходимость новой руководящей теории, которой требовала национально-освободительная борьба нашей страны.

Да и то сказать, ведь нельзя же было ни на шаг продвинуть вперед революцию без новой руководящей теории.

И в 30-х годах революционные выступления угнетенных народов, требовавших самостоятельности, еще более расширялись в мировом масштабе. Азия была континентом, где развернулась наиболее ожесточенная на земном шаре освободительная борьба угнетенных народов против империалистов.

Азия стала центральной ареной национально-освободительной борьбы колониальных стран, ибо к этому времени империалисты все более откровенно совершали агрессии для захвата концессий у отсталых азиатских государств и народы

многих стран Востока смело поднялись на решительную борьбу в защиту национального суверенитета.

Никаким силам нельзя было остановить справедливую борьбу народов Востока, стремившихся выгнать внешние силы и жить в новом, свободном и демократическом обществе.

В ногу со скачком революции в СССР и Монголии бушевали могучие волны революции в Китае, Индии, Вьетнаме, Бирме, Индонезии и других странах Азии. Именно тогда ткачихи Индии, неся красное знамя, устраивали манифестации на улиц ах, которые приковали к себе внимание мира ненасильственным и неподчиняющимся движением.

Китайский народ встретил 30-е годы в пламени второй гражданской войны. Безмерно взволновали и воодушевляли нас революционная борьба, развернувшаяся в Китае и многих других странах Азии, и активные выступления народа внутри самой Кореи.

В наши души вселилась незыблемым убеждением вера, что вполне можно поднять народ, бороться с японским империализмом и победить его, если только основать партию и создать правильную руководящую теорию.

В этот период на арене национально-освободительной борьбы в нашей стране все еще давали себя знать разные идеи и доктрины, представлявшие позиции и интересы различных партий и группировок. Они увлекали массы то в одну, то в другую сторону. Однако все эти теории страдали той или иной ограниченностью, связанной с эпохой и классом.

Вооруженную борьбу Армии независимости мы считали самой высокой формой национально-освободительной борьбы, развернувшейся до тех пор. В ней участвовали наиболее активные деятели антияпонского движения из левых сил национализ-

ма и другие патриоты. Они организовали отряды Армии независимости и начали вооруженную борьбу, ибо верили, что отнятую страну можно вернуть только войной за независимость.

Одни полагали, что можно завоевать независимость только через военную деятельность крупными отрядами, другие утверждали, что тактика непосредственного террора является лучшим методом изгнания японских империалистов, третьи же говорили, что реальным условиям Кореи отвечает стратегия: хорошо подготовить армию и добиться независимости во взаимодействии с великими державами — СССР, Китаем и США, когда они будут вести войну с Японией.

Все эти утверждения были направлены на кровавую войну против японского империализма.

Однако Армия независимости в своей борьбе не имела научной тактики и стратегии, позволяющих осуществить до конца эти намерения, не располагала сильным и испытанным руководством, способным довести до победы войну за независимость, и не успела заложить прочную базу в массах, призванную поддерживать ее борьбу людскими, материальными и финансовыми ресурсами.

Из реформистских теорий привлекала внимание деятелей движения за независимость именно «теория подготовки реальных сил» (ее короче называли «теорией подготовки»), выдвинутая ан Чхан Хо.

Мы уважали личность ан Чхан Хо как честного, совестливого борца-патриота, посвятившего всю свою жизнь движению за независимость страны, но не приветствовали его теоретическую концепцию.

И линия Шанхайского временного правительства на ненасильственное движение за независимость тоже не встречала

поддержку и сочувствие масс.

Вскоре после своего образования названное правительство стало существом, вызывающим разочарование людей, потому что оно проводило время, цепляясь последовательно за ненасильственную дипломатическую линию, не обещающую никакой надежды. Поэтому всегда холодно относилась к нему Армия независимости, абсолютизировавшая военную линию.

Не стоила именоваться и какой-нибудь линией петиция Ли Сын Мана, который упрашивал отдать Корею под опеку Лиги Наций, а «доктрина об автономии», с которой выступали правые силы национализма, была не более чем химерой, противоречащей духу независимости нации.

Коммунистическая партия Кореи, созданная в 1925 году, прекратила свое существование, тоже не успев разработать научно обоснованную тактику и стратегию, соответствующие реальным условиям Кореи.

Вообще говоря, недостаток, присущий стратегии и линии предыдущего поколения, состоял в том, что оно не верило в силу народных масс и отвернулось от них.

Деятели движения предыдущего поколения, все без исключения, пренебрегали истиной, что народные массы являются хозяевами революции и они имеют силу продвигать революцию вперед. Японский империализм можно было свергнуть, только опираясь на организованную силу миллионных масс, но деятели антияпонского движения нашей страны полагали, что и революцию, и войну за независимость страны могут вести лишь избранные люди особой категории.

Люди, которые вели коммунистическое движение, тоже с такой позиции не закладывали фундамент как следует, а создали партию путем провозглашения ЦК из нескольких лиц верхушки,

не шли в гущу масс и занимались много лет грызней за гегемонию, расколовшись на всякие группировки вроде партии из трех человек и группы из пяти человек.

Линия и стратегия предыдущего поколения имела также серьезный недостаток — они не опирались прочно на живую действительность Кореи.

Я пришел к выводу, что для разработки правильной руководящей теории, отвечающей живой действительности Кореи, следует все проблемы продумывать самостоятельно, в соответствии с реальными условиями своей страны и решать их оригинальным методом, не абсолютизируя классику или опыт другой страны. Нельзя было целиком перенять, например, опыт Октябрьской революции при создании руководящей теории или сидеть сложа руки в надежде, что Коминтерн даст какую-либо панацею от всех болезней.

«Нам не на что опираться, кроме как на силу народных масс. Развернем кровавую битву с японскими империалистами, веря в силу двадцати миллионов корейских соотечественников и сплотив воедино их силу», — часто звучал в моей душе такой крик.

С этой решимостью я старался вложить в каждую фразу доклада идеи, которые сегодня мы называем чучхе. Я намеревался включить в доклад все серьезные вопросы, связанные с дальнейшей судьбой нашей революции.

Тогда я глубоко задумался, в частности, над проблемой вооруженной борьбы.

В докладе мы определили вопрос о развертывании с оружием в руках тотальной антияпонской войны как основную линию антияпонской национально-освободительной борьбы, как первостепенную задачу корейских коммунистов.

Понадобилось много времени, чтобы принять решение ве-

сти вооруженную борьбу и определить ее в качестве курса. Когда в Калуне мы приняли этот вопрос как главный наш курс, мы пока еще оставались почти с пустыми руками. Но даже в таких условиях я утверждал, что для развертывания вооруженной борьбы нужно создать армию нового типа силами молодых коммунистов.

Тогда нашлись и такие, кто высказывали иное мнение: достаточно, мол, действовать в рядах ныне существующей Армии независимости и нет надобности создавать другую армию, иначе будут расколоты антияпонские вооруженные силы. Было нерационально и невозможно развернуть вооруженную деятельность через посредство вступления в Армию независимости и обновления ее рядов в условиях, когда эта армия шла по пути правого уклона и реакции.

В то время, в 1930 году, вооруженные силы Армии независимости были очень слабы. Она действовала под руководством Кунминбу, но насчитывала всего только девять рот. Даже и эти вооруженные силы расчленились на группу за Кунминбу и группу против Кунминбу вследствие раскола верхушки.

Группу за Кунминбу составляли консервативные силы, абсолютизирующие существующий курс, которого придерживалась в течение 10 с лишним лет Армия независимости, а группа против Кунминбу состояла из новаторских сил, отвергавших существующий курс и стремившихся к новой линии. Деятели последней группы, сочувствуя коммунистическим силам, пытались сотрудничать с ними. Японские империалисты называли их «третьими силами». Это означало, что они представляют собой новые, промежуточные силы — не националистические, не коммунистические. Возникновение внутри национального движения таких «третьих сил», как группа против Кунминбу, свидетельст-

вовало о том, что стремление повернуть направление этого движения в сторону коммунистического движения вступило в этап реализации.

Вследствие противостояния этих двух групп раскололись силы Армии независимости и возникла неразбериха внутри национального движения.

Роты Армии независимости разместились, главным образом, в деревнях на равнине, где неблагоприятно было вести партизанскую войну. Незавидно было их вооружение, расхлябана дисциплина и был низок уровень боевой подготовки, не налажены были и отношения с массами.

Армия независимости постепенно шла по пути упадка в отличие от начала 20-х годов, периода расцвета, когда она разбила вдребезги крупные войска японских империалистов в боях в Циншаньли[4] и Фэнвудуне[5].

Когда я был в Ванцинмыне для участия в работе съезда Молодежной федерации Южной Маньчжурии, я, беседуя с Хен Мук Гваном о группировке Кунминбу, спросил его:

— Уверены ли вы, что силами Кунминбу можно воевать с Японией и одержать победу?

Собственно говоря, я задал ему такой вопрос потому, что он слишком хвастался этим Кунминбу. Я хотел хоть как-то воздействовать на него.

— Какая тут уверенность в победе? — ответил он. — Будем так выдерживать свой курс и добьемся независимости, когда помогут другие державы.

Его ответ прямо-таки ошеломил меня. «Вряд ли может быть храброй армия, которая воюет без веры в победу, слепо полагаясь лишь на помощь других держав», — думал я.

— Не хотите ли вы передать нам все оружие, которое есть у Кунминбу? Если вы передадите нам все ваше оружие, мы выгоним японцев за три-четыре года, — сказал я, конечно, в шутку.

Тогда еще можно было так шутить, поскольку еще не было террора на членов подготовительной комиссии съезда. Вообще Хен Мук Гван не обижался на мои шутки еще и в годы жизни в Гирине.

Он ничего не ответил и только усмехнулся. Может быть, он подумал, что я поражен наивной фантазией, как это бывает в детстве.

Такой армии, как армия Кунминбу, трудно было сохранять даже свое существование, и мы решили создать армию нового типа.

Я был убежден, что только вооруженная борьба, руководимая коммунистами, может стать наиболее решительной и революционной антияпонской войной сопротивления. Ибо лишь коммунисты могут объединить в свой вооруженный отряд рабочих, крестьян и другие широкие антияпонски настроенные патриотические силы, до конца развернуть со всей ответственностью священную войну на основе научной тактики и стратегии, точно отражающих интересы масс, и тем самым повести к победе революцию в целом.

Империалистическая Япония, которую мы должны свергнуть, была новой военной державой, которая легко победила в двух войнах, японо-китайской (1894—1895—ред.) и русско-японской, с великими державами, площадь чьих территорий превышает в несколько десятков раз территорию Японии. Нелегко победить такую державу и вернуть отнятую страну...

Свергнуть японский империализм означало победить вооруженные силы Японии, признанные всем миром, пересилить их фанатический самурайский дух и выйти победителем из войны на истощение со всем людским, материальным и финансовым потенциалом новой Японии, который она накапливала на протяжении около 70 лет после реставрации Мэйдзи.

Но мы думали, что можно будет нанести поражение Японии за 3 — 4 года, если только начнем вооруженную борьбу. Это были дерзновенные помыслы, которые посмели бы придумать только юноши с кипучим задором. Если бы японская военщина узнала об этом, она, наверно, расхохоталась бы безудержно.

Если спросят меня, с какой гарантией я так рассуждал, то я не смог бы найти и слов для ответа. Какая гарантия могла быть у нас, не имевших ничего, кроме голых рук?! У нас было только одно чувство патриотизма да юношеский задор. Мы думали, что можно нанести поражение за 3 — 4 года не потому, что недооценивали силы Японии, а потому, что считали, что наш благородный патриотизм сильнее их. Если у нас и была какая-то гарантия, так это была сила двадцатимиллионных народных масс. У нас было убеждение, что можно добиться независимости страны, если надежно подготовить двадцать миллионов и разгромить японскую армию и полицию, поднявшись всем везде и всюду.

Вот почему мы полагали, что необходимо заложить прочную основу в массах, чтобы развернуть по-настоящему вооруженную борьбу.

Можно сказать, что отсюда и исходил замысел об едином антияпонском национальном фронте.

Я впервые осознал необходимость организации училище

«Хвасоньисук», а во время Первомартовского народного восстания впервые ощутил и запечатлел в своей памяти силу нации. В ученические годы в Гирине я обрел решимость идти в гущу народных масс, сплотить их и вести революцию при опоре на их силу.

Нельзя было избавиться от ига колониального рабства без общенационального сопротивления посредством всеобщей мобилизации двадцати миллионов корейцев. В чисто классовой революции движущей силой выступают только рабочие и крестьянские массы. Но поскольку наша революция носит характер антифеодальной и антиимпериалистической революции, то движущей силой ее могут стать также учащаяся молодежь, интеллигенция, патриотически настроенное духовенство и национальная буржуазия, не говоря уже о рабочем классе и крестьянстве. Такова была наша позиция. Наш принцип заключался в том, чтобы объединить и мобилизовать все антияпонские патриотические силы, заинтересованные в освобождении нации.

Когда мы выдвинули такую линию, иные люди качали головами, говоря, что подобного положения в классике нет. Эти люди твердили, что химерой является попытка коммунистов заключить союз с другими слоями населения, кроме рабочих и крестьян, что нельзя идти рука об руку со священнослужителями и предпринимателями. С такой же точки зрения фракция Хваёпха[6] сняла с должности руководителя Маньчжурского бюро Коммунистической партии Кореи Ким Чхана за то, что он в свое время имел контакты с некоторыми деятелями Кунминбу.

Среди националистов тоже было немало людей, которые холодно относились к коммунистам. Внутри коммунистического движения был под запретом национализм, а в националистическом движении — коммунизм. Такая тенденция привела к

расколу сил нации на два лагеря — коммунистический и националистический. Это вызвало боль в сердцах у всех благоразумных людей. Благодаря усилиям таких людей с середины 20-х годов в нашей стране развернулось движение за сотрудничество двух лагерей— коммунистического и националистического. Это движение принесло свой плод, и в 1927 году было основано общество Синганхвэ. Рождение этой организации явилось своего рода событием, которое показало, что коммунисты и националисты, хотя у них и разные идеалы, могут сплотиться воедино во имя нации, и народные массы горячо приветствовали его.

Однако вследствие непрерывных подрывных действий японских империалистов и диверсионного акта подкупленных ими реформистов в 1931 году эта организация была вынуждена объявить прекращение своего существования.

Хотя и были подрывные происки внутри и вне Синганхвэ, но оно не рухнуло бы так легко, если бы силы обеих сторон крепко соединились большой посылкой — патриотизмом.

Мы очень сожалели, что вследствие роспуска Синганхвэ сорвалось сотрудничество коммунизма и национализма, которое было осуществлено благодаря большим усилиям.

Не может осуществиться подлинное сотрудничество, когда не ставят нацию превыше всего и абсолютизируют только идеалы. Если выдвинуть на первое место большую посылку — освобождение нации, то можно идти рука об руку с какими бы то ни было слоями населения, — таково было мое мнение в то время.

С такой же позиции мы после освобождения страны сотрудничали и с Ким Гу, враждовавшим всю жизнь с коммунистами, и сейчас обращаемся к разуму всех соотечественников с призывом осуществить великую консолидацию нации. Когда осуществится

великая консолидация нации, изолируются только внешние силы и предатели родины.

Великая национальная консолидация — это наша благородная и высшая задача и миссия. Именно поэтому мы с теплотой соотечественника радушно встретили Чвэ Хон Хи и Чвэ Док Сина[7], когда они посетили Пхеньян. Мы не спрашивали об их прошлом, хотя они прожили всю свою жизнь, направив дуло винтовки против нас на передовой линии антикоммунистического фронта.

Тогда я сказал Чвэ Док Сину:

— Как люди Севера, так и жители Юга должны думать о вопросе объединения страны, ставя нацию на первое место. Могут существовать и класс и идея только при наличии нации. Какое значение имеют коммунизм и национализм, да и вера в «бога», когда нет нации?!

Мы так призывали и 60 с лишним лет тому назад, когда искали в Калуне линию на формирование единого антияпонского национального фронта.

У политики должна быть большая вместимость, у политического деятеля — великодушие. Когда у политики небольшая вместимость, она не может вместить все массы, а если у политического деятеля отсутствует великодушие — массы отворачиваются от него.

В докладе были изложены также вопрос о создании партии, характер и задача корейской революции и основная позиция, которой должны придерживаться корейские коммунисты в своей , борьбе.

Когда был подготовлен проект доклада, я тут же представил его на обсуждение руководящих кадров комсомола и Антиимпе-

риалистического союза молодежи, которые собрались из различных районов для участия в Калуньском совещании. Тогда мы днем выходили на поле и обсуждали вопросы, занимаясь работой или сидя в ивовой роще на берегу ручья Укайхэ. А вечером в дежурной Чинменской школы углубляли обсуждение по каждому вопросу на основе обобщенных днем мнений.

Было немало интересных и реальных проблем среди мнений, выдвинутых в ходе массового обсуждения.

Дискуссия возникла прежде всего по вопросу: как определить характер корейской революции? Было много споров вокруг данной в докладе формулировки об антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции. Не противоречит ли общему положению и закономерности революции новое определение характера революции как антиимпериалистической и антифеодальной демократической, которого нет в классике и какого не дала еще ни одна страна, — вот в чем заключался весь фокус дискуссий.

Молодежь того времени считала, что кроме буржуазной или социалистической революции нет такой революции, которая изменила бы современную историю. Но тут выдвинуто новое понятие, не соответствующее ни социалистической, ни буржуазной революции, а названа она антиимпериалистической и антифеодальной демократической революцией. Было не мудрено, что они засомневались в этом.

Определение нами характера корейской революции как антиимпериалистической и антифеодальной демократической было выводом, который мы сделали, исходя из сложившегося в нашей стране классового соотношения и вставших перед нашей Революцией задач. Актуальнейшая революционная задача корейской нации состояла в том, чтобы свергнуть японский импе-

риализм, ликвидировать феодальные отношения, сковывавшие наш народ, и осуществить демократию в стране. Отсюда мы определили характер корейской революции как антиимпериалистическую и антифеодальную демократическую.

Можно допустить догматизм, если при определении характера революции насильно подогнать ее к созданному другими трафарету. Прежде всего надо исходить не из трафарета, а из конкретной реальной действительности. Пусть в классике и нет такой формулы и у других нет подобного определения, но если данное определение научно обосновано и соответствует реальным условиям своей страны, то коммунистам следует брать его без малейшего колебания. Вот что такое творческий подход к марксизму-ленинизму.

В таком духе мы разъясняли свои доводы, на основе которых определили характер нашей революции. И делегаты не только поняли, но и горячо поддержали нашу формулу.

Наиболее оживленную дискуссию вызвала проблема, связанная с единым антияпонским национальным фронтом. В то время вопрос, касающийся стратегии единого национального фронта, был общепризнанной острой проблемой, о которой трудно говорить откровенно в теоретико-практическом отношении. Некоторые люди, работавшие в Коминтерне, огульно определили сторонников политики единого фронта реформистами, ссылаясь на неудачу сотрудничества Гоминьдана и Компартии в Китае, вследствие чего и среди нас многие обычно относились к этому вопросу осторожно.

В таких условиях без твердой решимости нельзя было выдвигать политику единого национального фронта в качестве вопроса линии. Ибо это можно было бы считать вызовом позиции Коминтерна.

Тогда наши товарищи задавали очень много вопросов.

— Отец — помещик, а сын поддерживает революцию. Как расценивать его в данном случае?

— Капиталист пожертвовал немало денег в фонд независимости и оказывал Армии независимости большую материальную помощь, но вовсе не хочет иметь дело с коммунистами. Как относиться к такому человеку?

— Начальник волостной управы хорошо общается как с японцами, так и с местными жителями. Можно ли привлекать и подобных людей к революции?

На такие вопросы я отвечал коротко, что следует оценивать людей, учитывая, главным образом, их идейный настрой.

Это мнение тех времен было конкретизировано в Программе Лиги возрождения Родины из 10 пунктов, а после освобождения страны сформулировано в Политической программе из 20 пунктов как государственная политика.

Правота линии на создание единого антияпонского национального фронта, намеченной нами в Калуне, была подтверждена реальной жизнью в дальнейшем.

Мнения товарищей были учтены во многих отношениях для завершения доклада.

Калуньское совещание официально открылось вечером 30 июня 1930 года.

Товарищи Калуня подготовили зал заседаний в классном помещении Чинменской школы. Для делегатов постлали на пол классной комнаты плетеные циновки для сидения, к потолку подвесили несколько керосиновых ламп.

Первый день заседаний кончился заслушиванием моего доклада, а со следующего дня делегаты, помогая крестьянам в их работе, на берегу ручья и в ивовой роще по группам или все

вместе обсуждали меры по выполнению поставленных в докладе задач. Как видно из этого, метод ведения собрания был совершенно оригинальным.

Революционные организации Калуня с высокой бдительностью охраняли село, и мы могли заседать со спокойной душой. Особенно члены Детской экспедиции надежно охраняли нас в течение всего времени совещания.

Японские империалисты, разведавшие, что крупный отряд молодых коммунистов нового поколения собрался в центральной части Маньчжурии, заслали большое количество тайных агентов в уезды Чанчунь, Хуайдэ, Итун и прилегающие к ним районы. Среди провокаторов были и такие, которые искали нас, нося с собой даже мою фотографию.

Через прихвостней своего консульства в Маньчжурии и шпионов полицейского департамента генерал-губернаторства в Корее японские империалисты пронюхали, что в Гирине и других районах Маньчжурии появились и умножают свои силы коммунисты нового поколения, у которых совсем другая линия и иной способ действия, чем у прежних коммунистов. Они с самого начала насторожились не на шутку и неотступно преследовали нас по пятам с целью схватить наше руководящее ядро. Видимо, они считали нас не простым противником, так как мы без всякого шума заложили широкий фундамент и шли глубоко в гущу народных масс.

В то время в Калуне Ким Вон У, ведя за собой членов Детской экспедиции и Антиимпериалистического союза молодежи, с большой ответственностью охранял село. Он незаметно выходил из зала заседаний во двор и, обходя окраину, проверял состояние охраны. Когда я, занятый делами, не мог вернуться в дом, где остановился, и работал всю ночь напролет в классе

Чинменской школы, он тоже бодрствовал на улице, охраняя нашу безопасность. Иногда он пек картошку в очаге кухни при дежурке школы и угощал нас ею ночью.

Ким Вон У внес большой вклад в распространение нашего влияния на Калунь, Гуюйшу, Уцзяцзы и другие местности. Он сделал многое и в Гирине, участвуя в молодежно-ученическом движении.

Весной 1928 года мы направили Ким Вон У с заданием по воспитанию жителей деревень в окрестностях Чанчуня. Тогда он работал учителем Чинменской школы в Калуне, воспитывал молодежь, обходя разные места Калуня и Гуюйшу. С весны 1930 года он, помогая Чха Гван Су, участвовал также в подготовке к созданию Корейской революционной армии. Ким Вон У был хорош собою, и был даже такой случай, когда мы направили его на подпольную деятельность в «супружеской паре» с Хен Гюном, одев Кима в женскую одежду.

После организации Корейской революционной армии Ким Вон У разъезжал по разным местам для покупки оружия и был арестован врагом. Он просидел в тюрьме несколько лет, но не поколебался в своих идеях и стойко боролся даже и за решеткой.

В послевоенный период (после трехлетней Отечественной освободительной войны в Корее — ред.), когда создалась сложная обстановка внутри и вне страны, Ким Вон У боролся в защиту партийной линии на периферии и был убит фракционерами. Тогда фракционеры притесняли всякими методами людей, преданных партии. Его настоящее имя — Пен Мук Сон.

Калунь превратился в надежную базу для нашей деятельности и революционное село для реализации наших идеалов. Все это стало возможным благодаря тому, что Ким Вон У, Ким Ри Габ, Чха Гван Су, Ким Хек и другие коммунисты нового

поколения давно прилагали титанические усилия для распространения нашего влияния на это село.

Раньше, когда мы еще не ходили в эту местность, ее жители разделились на «южан» и «северян» и жили во вражде между собою. Однажды эти две группы устроили даже драку за воду речки Укайхэ. Когда южане запрудили ручей для орошения полей, северяне прибежали с лопатами и разрушили дамбу отводного канала, говоря, что сохнут их рисовые плантации. Сложилось даже такое печальное положение, что и дети, разделившись на две группы, перестали играть вместе.

Ким Хек, Ким Вон У, Ким Ри Габ и Чан Со Бон прилагали большие усилия к исправлению подобного положения. Они уговаривали жителей прекратить драку, создали в Калуне различные массовые организации, основали школу и ввели бесплатное обучение.

Вечером 2 июля делегаты вновь собрались в классной комнате Чинменской школы и продолжали совещание. Поздним вечером мы объявили поручения и закончили заседание.

Когда совещание подходило к концу, Чха Гван Су, председательствовавший на совещании, вдруг встал с места в президиуме и произнес волнующую речь.

Он был таким веселым и пылким человеком, что ему даже дали такое прозвище — «шустрый и деятельный», но он никогда не терял разума, будучи даже очень взволнованным, а наоборот, умел восхищать людей страстным и красноречивым языком. У него был на редкость удивительный характер.

— Когда все люди, бия себя в грудь, жалуются, что коммунисты Кореи потерпели крах, мы здесь, в Калуне, торжественно провозгласили новое, историческое начало корейской революции. Этот набат утренней зари зовет корейских коммунистов на

новое поприще. Товарищи, возьмем в руки оружие без промедления и пойдем в решительный бой с японскими самураями! — произнес он, размахивая кулаком.

Выслушав его речь, мы все скандировали возгласы и пели «Гимн революции».

Так мы смогли провозгласить в Калуне путь корейской революции благодаря тому, что еще в годы деятельности в Гирине через молодежно-ученическое движение мы утвердили свою собственную позицию и подход к корейской революции и прокладывали новый путь коммунистического движения. А я лишь опубликовал под заголовком «Путь корейской революции» те идеи и позиции, которые разрабатывал в дни борьбы и совершенствовал в тюрьме.

Именно они стали главной линией нашей революции и ее руководящей идеологией.

Можно сказать, что через эту статью красной нитью проходили идеи чу чхе.

Впоследствии эти идеи получали непрерывное развитие и обогащение в трудной, сложной практической борьбе — в антияпонской революционной борьбе и в различных этапах революции, превратились сегодня в философскую мысль с цельной системой идей, теории и методов.

После освобождения страны мы особо подчеркивали необходимость установления принципов чучхе в послевоенный период, когда шло строительство основ социализма.

В 1955 году я перед работниками партийной пропаганды и агитации выступил с речью о необходимости преодолеть низкопоклонство и догматизм и установить чучхе. Эта речь была опубликована под заголовком «Об изжитии догматизма и формализма и установлении чучхе в идеологической работе».

Необходимость установления принципов чучхе подчеркивал я неоднократно и позже, пользуясь удобным случаем.

В беседах с иностранцами я не раз объяснял сущность идей чучхе и историю их создания, процесс претворения в жизнь этих идей.

Однако я не думал систематизировать эти идеи и обобщить их в одной книге. Остался доволен лишь тем, что наш народ воспринял эти идеи как правильные и осуществляет их в своей революционной практике.

Позже товарищ Ким Чен Ир, систематизировав эти идеи всесторонне, опубликовал статью «Об идеях чучхе».

После Калуньского совещания мы, ведя антияпонскую вооруженную борьбу, убедились в правоте линии, намеченной на этом совещании. Враги называли нас «каплей в море», но за нами был океан – народ с неиссякаемой силой. Когда мы выдвигали какую-нибудь линию, народ легко понимал и воспринимал ее как свое собственное убеждение, оказывал нам материальную помощь и духовную поддержку, посылая в наши ряды тысячи, десятки тысяч своих сынов и дочерей, братьев и сестер.

Мы могли воевать на протяжении целых 15 лет с вооруженным до зубов сильным врагом в Маньчжурии, где мороз достигал 40 градусов ниже нуля, и победить его благодаря тому, что у нас была могучая крепость – народ, был безбрежный океан – народные массы.

4. Первая партийная организация — союз товарищей Консор

3 июля 1930 года, на следующий же день после совещания в Калуне, мы создали партийную организацию нового типа. Об этом было предано гласности уже несколько лет тому назад, и речь, произнесенная мною на том совещании, давно вышла в свет.

Всем известно, что партия играет роль штаба в революции и от роли партии зависит судьба революции. Если революция — локомотив истории, то партия — локомотив революции. Вот почему революционеры, уделяя партии большое внимание, вкладывают столь большой заряд сердца в ее создание и укрепление.

После основания теории научного коммунизма Маркс в качестве первого шага практической борьбы создал Союз коммунистов и опубликовал «Манифест Коммунистической партии», что поныне высоко оценивается как самая большая заслуга в его деятельности, ибо столь важное значение имеют миссия и роль партии в борьбе коммунистов за преобразование мира. И оппортунизм, реформизм всех разновидностей, появлявшиеся в ходе международного коммунистического и рабочего движения, в конечном счете, можно сказать, возникает как результат ошибочных взглядов и позиций относительно партии.

Эпохальные перемены, достигнутые коммунистами на земном шаре со времени появления на арене рабочего движения

коммунизма, этого нового идейного течения времени, и до сегодняшнего дня, связаны со священным именем партии.

Для осуществления задач, выдвинутых на Калуньском совещании, мы прежде всего приступили к работе по созданию партийной организации.

После того как дошла до нас весть об исключении Коммунистической партии Кореи из Коминтерна, мы, решив создать партию нового типа, стали всесторонне изыскивать пути ее создания.

В нашей стране компартия была создана в апреле 1925 года. Тот факт, что в Корее, являвшейся могилой прав и свобод политической деятельности, была создана компартия в соответствии с мировыми тенденциями, когда в разных странах одна за другой появлялись политические партии, представлявшие интересы рабочего класса, и вели за собой народные массы, свидетельствовал о чуткости и богатстве политической чувствительности корейцев к новому идейному течению и тенденциям времени.

Создание Коммунистической партии Кореи явилось неизбежным следствием и закономерным продуктом развития рабочего и национально-освободительного движения в Корее.

После своего создания КПК распространяла идеи социализма среди рабочих, крестьян и других широких слоев масс и, возглавляя рабочее движение, вписала в историю страны новую страницу, посвященную национально-освободительной борьбе под руководством коммунистов. За период существования КПК корейские коммунисты, возглавляя такое крупное выступление, как демонстрация 10 июня, продемонстрировали дух нации и, действуя в сотрудничестве с националистами, создали такую массовую организацию, как общество Синганхвэ, тем самым

внесли свой вклад и в дело сплочения антияпонских патриотических сил.

Создание Компартии Кореи и развертывавшиеся под ее руководством рабочее, крестьянское и другие массовые движения различных слоев населения явились своего рода историческим событием, положившим начало коммунистическому движению в нашей стране, что дало определенный толчок национально-освободительному движению.

Но вследствие жестоких репрессий японских империалистов и фракционной грызни в верхах в 1928 году Компартия Кореи прекратила свое существование как организованная сила.

На своем VI конгрессе, состоявшемся летом 1928 года, Коминтерн объявил об отмене признания Компартии Кореи. На деле же это означало исключение ее из рядов Коминтерна.

Разумеется, и при существовании Компартии Кореи шла нам не по нутру ее верхушка, которая занималась фракционной грызней. Но весть об исключении хотя бы и такой партии из рядов Коминтерна мы встретили с чувством жгучей обиды и стыда. Тогда нас очень огорчало такое решение Коминтерна. С тех пор я, хотя и был еще молодым и не имел за плечами большого опыта коммунистического движения, задумал самостоятельно развернуть борьбу за создание партии нового типа.

Для создания ничем не запятнанной партии нового типа предстояло нам преодолеть все и всякие трудности и преграды.

Самая большая преграда — это сектантство, которое по-прежнему оставалось в рядах коммунистического движения. Из-за того, что сектантство не было ликвидировано, коммунисты раннего периода проводили движение за восстановление партии не в едином порядке, а по фракциям, расколовшись на различные направления.

После исключения Коммунистической партии Кореи из Коминтерна коммунисты нашей страны активно развертывали движение за восстановление партии в стране и за ее пределами. Но из-за безжалостных репрессий и обструкционистских действий японских империалистов ни одной из фракций не удалось добиться успеха в ее восстановлении. Фракции Хваёпха и Эмэльпха[8], отказавшись от движения за восстановление партии, заявили о роспуске Маньчжурского бюро. Впоследствии фракция Сосанпха принялась за дело восстановления партии в стране, но и это было предано гласности и завершилось арестом и заключением в тюрьму многих членов партии.

Из этого мы пришли к выводу, что нельзя создать революционную партию путем восстановления давно распущенной партии и опоры на старое поколение, погрязшее в пороках сектантства.

Другая преграда, стоявшая на пути создания партии, заключалась в том, что в соответствии с утвержденным Коминтерном принципом представительства одной партии от одной страны корейские коммунисты лишились возможности создать самостоятельную партию в Маньчжурии.

В общих положениях Устава Коминтерна, утвержденного на его VI конгрессе, был определен принцип представительства одной партии от одной страны, согласно которому каждая партия, входящая в Коминтерн, носит название компартии своей страны (филиал Коминтерна) и в каждой стране только одна компартия может существовать в качестве филиала Коминтерна.

В мае 1930 года отдел пропаганды по вопросам Востока Коминтерна созвал в Хабаровске конференцию компартий Кореи и Китая, на которой сообщалось о решении Коминтерна

по организационному вопросу о Коммунистической партии Кореи. В этом решении Коминтерн поставил перед корейскими коммунистами в Маньчжурии задачу вступить в Компартию Китая и действовать в качестве членов этой партии.

В результате корейские коммунисты, проявившие особую прыть в движении за восстановление партии, переменили свою позицию и, заявив об отказе от этого движения, начали переходить в китайскую партию. Под этим веянием волна восстания 30 мая охватила всю Восточную Маньчжурию.

Вопрос о переходе членов Коммунистической партии Кореи в китайскую и их деятельности в ее рядах не мог не оказать серьезное воздействие на молодых коммунистов, представителей нового поколения, которые особенно отличались своим национальным достоинством. По этому принципу среди нас шла жаркая дискуссия. Одни критиковали указание Коминтерна как безответственный акт, как непонятное решение, другие расценивали его меры как справедливые, третьи, будучи не в состоянии сдержать свой гнев, с возмущением заявляли, что требование к корейским коммунистам перейти в китайскую партию означает вечное исключение возможности восстановления партии.

Ведя разговоры по этому вопросу, мои товарищи хотели узнать мое мнение на этот счет.

Я дал им ясный ответ, что требование о приеме корейских коммунистов в китайскую партию по принципу Коминтерна не является неуважительным решением и что такое требование не означает исключения у корейских коммунистов возможности восстановления партии.

—В нынешней обстановке, — продолжал я, — требование Коминтерна в некоторой степени даже неизбежное. Будь у

корейских коммунистов своя самостоятельная партия, то, спрашивается, отчего же ему требовать от них проживать по чужим углам? Поэтому решение Коминтерна надо уважать. Это и есть интернациональная позиция. Пусть в шляпе китайской партии, но важно бороться за корейскую революцию, не забывая о Корее. Но, ссылаясь на указание Коминтерна, нельзя отрешиться и от строительства самостоятельной партии и без конца таскаться по чужим углам. Корейцы должны иметь свою партию.

Таковы были мои взгляды и моя позиция по вопросу о переходе в другую партию.

Но я не был уверен в том, совпадают ли такие взгляды с толкованием Коминтерна о принципе представительства одной партии от одной страны.

Стремясь углубить понимание этого принципа и как можно скорее утвердить курс на партийное строительство, в последней декаде июня 1930 года я встретился в Цзяцзятуне с курьером Коминтерна Ким Гван Ером (Ким Ер). Это был образованный интеллигент, он окончил в Японии университет Васеда и побывал в Советском Союзе. Он больше всего находился в районах нашей деятельности — Гуюйшу, Уцзяцзы и Калуне. Имея удостоверение курьера, он стремился установить связь между нами и Коминтерном. Чан Со Бон и Ли Чжон Рак не скупились на похвалы ему, говоря, что он «окрашен» идеями социализма в Советском Союзе. И я встретился с ним с большой надеждой.

При встрече оказалось, что он, как и по слухам, был действительно эрудитом. Он свободно говорил на русском и японском языках, отлично исполнял русские танцы, не хуже любого русского, выступал с хорошими речами. Тогда он посоветовал мне: лучше обратиться к Коминтерну, чем услышать его личное мнение. Он пообещал рекомендовать меня в

пункт связи Коминтерна в Харбине, предлагая поделиться там своими мнениями по вопросу о представительстве одной партии от одной страны.

После встречи с ним мы продолжали с товарищами наши дискуссии по этому вопросу. В результате мы пришли к такому пониманию: от одной страны нельзя представлять в Коминтерне две и более партий, а можно представлять только одну; в одной стране не может существовать свыше одного центра компартии, а может существовать только один ее центр.

Суть этого принципа заключалась в том, что в одной стране не может существовать более одного центра партии, заинтересованной в одних и тех же интересах и целях.

Выдвинув такой принцип. Коминтерн требовал строгого его осуществления. Главная цель его состояла в ликвидации сектантства и оппортунизма всех мастей в коммунистическом движении и обеспечении единства и сплоченности его рядов. Исторический урок международного коммунистического движения требовал от Коминтерна выдвинуть именно этот принцип представительства одной партии от одной страны, последовательно предостерегать партии от разношерстных элементов, чтобы они не проникли в ряды коммунистического движения.

Выдвижение Коминтерном такого принципа было связано и с гнусными попытками врагов разобщить и подорвать изнутри коммунистические ряды.

Однако в Уставе Коминтерна был указан только сам принцип представительства в нем одной партии от одной страны, но не было указано, каким образом те, кто ведет коммунистическое движение в другой стране, переходят в другую партию данной страны, как надо определять их революционные задачи после их перехода.

Вот почему вопрос о переходе в китайскую партию корейских коммунистов, действовавших в Маньчжурии, становился предметом столь сложного спора. Мотивируя этим, отдельные люди даже стали рассуждать, что создание своей партийной организации корейскими коммунистами на китайской земле противоречит принципу представительства одной партии от одной страны.

Вследствие разностороннего толкования этого принципа Коминтерна создавались невообразимый хаос и колебания в деятельности корейских коммунистов, направленной на освобождение своей Родины, стояло под вопросом даже право корейских революционеров вести борьбу за свою Родину. Именно в такое время я постоянно задумывался над тем, каким же путем надо идти в создании новой партии. Неужели нет такого пути, который соответствовал бы и указанию Коминтерна и содействовал бы мощному продвижению вперед корейской революции?

Найденный мною после таких поисков путь был таков: исходя из уроков предыдущего коммунистического движения, идти не по пути спешного провозглашения центра партии, а тщательно подготовить идеологическую и организационную основы для создания партии и на этой почве создать партию, способную от начала до конца выполнять роль штаба нашей революции. Без подготовленного организационного ядра, обладающего высоким классовым самосознанием, без обеспечения единства идей и воли в рядах, без опорной базы партии в массах, одними лишь субъективными устремлениями партию создать было нельзя.

Нужно было создать первым делом низовые партийные организации, сделав их ядром коммунистов нового поколения, чуждых сектантству, и путем их расширения и укрепления

основать партию. Это я считал наиболее рациональным и реалистическим для нас методом создания партии. Я был уверен в том, что если таким путем будет создана партия, то ее будет приветствовать и Коминтерн.

Если из молодых коммунистов нового поколения, думал я, которых мы за это время воспитывали, создать в первую очередь партийную организацию и, неуклонно повышая ее роль, расширить и укрепить низовые парторганизации во всех уголках, куда ступает наша нога, то вполне можно будет осуществить и руководство коммунистическим движением и национально-освободительной борьбой, в полной мере можно будет выполнить и интернациональный долг, возложенный на нас.

Если мы не будем создавать отдельно центр партии, если он не будет существовать параллельно с партией Китая на китайской земле, то эта мера не будет противоречить и принципу Коминтерна о представительстве одной партии от одной страны.

Сформулировав такую идею, мы выдвинули на Калуньском совещании курс на создание партии и основали первую партийную организацию.

Создание революционной партийной организации диктовалось и закономерным требованием развития нашей революции.

Не имея партии в Корее, руководители крестьянского восстания в Танчхоне ходили даже в Коминтерн за советом по тактическим вопросам восстания. Если бы в Корее имелась революционная партия, представлявшая интересы рабочих и крестьян, существовали бы испытанные руководящие силы, то им не понадобилось бы обращаться к Коминтерну, растрачивая деньги на дорогу.

Национально-освободительное движение в Корее в начале

30-х годов по своему размаху и глубине достигло тахого высокого уровня, который не шел в сравнение с антиялонской борьбой предыдущего времени.

И наша борьба продвигалась несравненно дальше, чем в первые ее дни. Сфера нашей деятельности, выйдя за пределы Гирина, расширилась далеко в Восточную Маньчжурию, вплоть до северных районов Кореи. Наша революционная борьба, ограничивавшаяся молодежно-ученическим движением, принимая форму подпольной деятельности, перекинулась в широкие массы рабочих и крестьян. Надо было организовать постоянную революционную армию и вести активную партизанскую войну крупными отрядами, если будет накоплен опыт и проведена военно-политическая подготовка. Но комсомол не в силах был брать на себя такое руководство. Раньше он руководил различными массовыми организациями, но это было только переходное явление, а не постоянное.

Необходимо было создать партию, чтобы она контролировала и направляла комсомол и другие массовые организации, возглавляла национально-освободительное движение в целом, держала связь и с партией Китая, проводила работу и с Коминтерном. Под вывеской комсомола нельзя было в полной мере налаживать и отношения с Коминтерном.

Коммунисты раннего периода, выдавая каждый свою фракцию за «ортодоксальную», обращались к Коминтерну за признанием своей фракции, а ему трудно было сориентироваться, как с ними поступать. Коминтерн постепенно стал убеждаться в том, что до тех пор, пока не будет ликвидирована фракционность, в Корее не появится подлинный авангард рабочего класса и что для ликвидации фракционности и создания новой партии должно появиться новое поколение, чуждое сектантству и властолю-

бию- Таким образом. Коминтерн уделял внимание нашей борьбе и всячески стремился установить связь с нами.

В ходе многолетней революционной деятельности мы заложили и краеугольный камень для создания революционной парторганизации нового типа.

Создание ССИ явилось отправным моментом для создания отличающейся от прежней, революционной партии нового типа в коммунистическом движении в Корее. Все у нас брало свое начало от ССИ. Он развился и превратился в АСМ и в КСМК.

Ядро нашей революции, воспитанное КСМК, и база нашей революции в массах, созданная АСМ, служили основой для создания нашей партии. В дни, когда был основан комсомол и когда он возглавлял революционное движение как мощный его авангард, коммунисты нового поколения преодолели ошибки, допущенные коммунистами предшествующего поколения, и открыли новый простор в деле завоевания масс и овладения искусством руководства. Героический дух, революционная атмосфера борьбы, проявленные коммунистами нового поколения, становились движущей силой в борьбе за разгром японских империалистов-агрессоров, позже стали духом и волей нашей партии.

Формулирование руководящей идеологии корейской революции на Калуньском совещании можно считать своего рода вершиной в деятельности коммунистов нового поколения. В решениях этого совещания были намечены стратегические установки, которые коммунистам следует брать за принципы в борьбе за осуществление Программы ССИ и КСМК. Это служило идеологической основой для создания партии нового типа, руководством к действию для коммунистов, блуждавших долгие годы в поисках своего пути в водовороте неудач и поражен ий.

Руководящие идеи, ядро руководства и база в массах — это можно называть обязательно необходимыми для создания партийной организации элементами. Мы имели все эти элементы.

3 июля 1930 года мы в Калуне в классной комнате Чинменской школы создали первую партийную организацию, в которую вошли Чха Гван Су, Ким Хек, Чвэ Чхан Гор, Ке Ен Чхун, Ким Вон У, Чвэ Хё Ир. Вошли в члены этой парторганизации и Ким Ри Габ, Ким Хен Гвон, Пак Гын Вон, Ли Чжэ У, хотя они и не присутствовали на собрании. Ее членами были и Ли Чжон Рак, которого было решено, хотя и неофициально, назначить командиром Корейской революционной армии, а также Пак Чха Сок.

Чинменская школа находилась на равнине под Цзяцзятунем, примерно в 500 метрах от поселка. К востоку и югу от школы раскинулась ивовая роща площадью в 5 — 6 гектаров, посередине этой рощи тек большой ручей Укайхэ к юго-востоку, огибая школу. С восточной стороны школы до поселка лежали пруд и болото. Единственная дорога, ведущая к Чинменской школе, была только на западе. Если на самом проходе сторожить хорошенько, то что бы мы ни делали в школе, никому не было известно. И в случае, когда нависнет опасность, можно было ускользнуть через ивовую рощу и исчезнуть бесследно.

Вечером того же дня мы проводили собрание, поставив двойную и тройную охрану на западном подступе к дороге, откуда могли появиться сыщики. До сих пор помню, как голосисто квакали лягушки на заливном рисовом поле. Их кваканье пробуждало в душах чудесный лиризм.

При воспоминании о создании первой партийной организации не изглаживается из моей памяти образ Ким Вон У, который, убирая зал собрания, усердно хлопотал, чтобы поставить

рядом с кафедрой красный стяг. Красный цвет стяга говорил о нашей решимости бороться до последней капли крови во имя революции.

И поныне, как только пойдет речь о первой нашей партийной организации, вспоминается Чинменская школа. А как вспомню о ней, всплывает в памяти тот незабываемый стяг, который стоял, чуть наклоняясь, рядом с кафедрой.

В тот день я произнес речь короткую. Относительно создания первой партийной организации не раз шла речь в ходе Калуньского совещания, поэтому обошлось без пространной речи о цели ее создания.

Были только выдвинуты в качестве задач членов партийной организации вопрос о расширении низовых партийных организаций и установлении системы единого руководства ими, вопрос о твердом обеспечении идейно-организационного единства рядов и товарищеской сплоченности, вопрос об укреплении базы революции в массах. В качестве мер для их решения была подчеркнута необходимость твердо придерживаться самостоятельной позиции во всей деятельности парторганизации, необходимость тесного сочетания работы по организационно-партийному строительству с антияпонской борьбой.

Мы не приняли отдельно Программу и Устав партии. В Программе и Уставе ССИ были ясно указаны конечная цель наших коммунистов и текущие задачи их борьбы. Наш путь вперед и нормы действия были конкретно намечены в революционной линии и стратегических установках, принятых на Калуньском совещании.

Позже мы дали нашей первой партийной организации скромное название — союз товарищей Консор. В этом названии отражались наши надежды и стремление. Ведь мы сделавшие

первый шаг революции с поисков товарищей, были исполнены решимости неустанно разыскивать товарищей, готовых делить с нами одну судьбу — жизнь и смерть, и, сплачивая их в едином строю, развивать вширь и вглубь нашу революцию и довести ее до победного конца.

Все товарищи, вступившие в этот союз, весьма возбужденные, стоя говорили с жаром. Ким Хек декламировал экспромт, содержание которого сводилось к следующему: «Пробил час отплытия! От порта отплыло наше судно. Борясь с волнами, мы идем, гребя веслами, в далекое море».

После декламации Ким Хека встал с места Чвэ Хё Ир и выступил с пространной речью. Закончив свою речь, он обратился ко мне:

— Эх, Сон Чжу! Были бы мы не в классе, а в лесу, произвел бы салют на память!

— Скоро настанет день схватки с япошками, тогда стреляй сколько тебе угодно, — говорил я.

Тогда нас обуревало желание стрелять не из пистолета, а из пушки в честь создания первой партийной организации. Действительно, не описать пером, не рассказать словом о нахлынувшей на нас радости и гордости за то, что мы, имея свою партийную организацию, торжественно присягали перед временем и историей отдать свою жизнь во имя революции, как корейские партийцы.

Спустя 15 лет, создав партию на освобожденной Родине, я посетил родной дом, свято хранящий следы моих детских годов. Когда я ложился в утепленной комнате на соломенный мат, то, забыв обо всем на свете, с глубоким волнением вспоминал дни создания первой партийной организации в Калуне.

Союз товарищей Консор, эта первая наша партийная орга-

низация, был зародышем и семенем нашей партии. Эта организация имела значение головной в создании и расширении низовых партийных организаций. С тех пор, как была создана первая партийная организация, наша революция одерживала победу за победой под руководством коммунистов нового поколения, хрустально чистых и свежих, не запятнанных пороками сектантства. Борьба корейских коммунистов за строительство самостоятельной партии с тех пор начала уверенно продвигаться вперед, идя в ногу с могучим потоком антияпонской войны.

Впоследствии мы направили в различные районы членов этого союза, создали парторганизации в северных районах Кореи и в бассейне реки Туман, а также во многих районах Маньчжурии.

А дело создания партийных организаций в Корее взял я на себя.

Осенью 1930 года я был в уезде Онсон провинции Северный Хамген, находившемся под нашим, сравнительно сильным, влиянием, и там создал партийную организацию.

Наши молодые партийные организации, деля с народными массами одну судьбу — горе и радость, жизнь и смерть, всегда шли в первых рядах, прокладывая путь антияпонской войны. В ходе этого они закалялись как железный авангард, росли непобедимыми силами, пользующимися полным доверием и любовью масс.

Мы действовали, имея свою самостоятельную организацию, в то же время работали в тесной связи с Коммунистической партией Китая. Мы были коммунисты Кореи, но ввиду многовековых добрососедских отношений между двумя нациями Кореи и Китая, сходства положения двух стран и общности задач, возложенных временем на революционеров двух стран, мы

неизменно поддерживали китайскую революцию, боролись в защиту интересов партии и народа Китая. Каждый раз, когда партия и народ Китая одерживали победу в борьбе за освобождение своей нации, мы радовались этой победе как своей собственной, а когда они терпели временные неудачи и зигзаги, мы вместе с ними горевали, воспринимая их близко к сердцу.

Поскольку корейские коммунисты действовали на китайской земле, без связи с партией Китая они не могли пользоваться помощью китайского народа и твердо поддерживать единый антиимпериалистический фронт.

Мы делали акцент на связи с партией Китая. Это было связано и с тем обстоятельством, что в парторганизациях при Мань'чжурском провинциальном комитете партии было много корейцев. Их много было и в Восточноманьчжурском Особом окружном комитете, абсолютное большинство состава руководства уездных и поселковых комитетов в Восточной Маньчжурии состояли из корейцев, они занимали более 90 процентов и в составе членов партии. Они выполняли главную и активную роль в партийных организациях Восточной Маньчжурии.

Такое большинство корейцев — членов партии в Маньчжурии объясняется тем, что большинство пионеров коммунистического движения в районе Цзяньдао были корейцами.

Я начал иметь связи с Коммунистической партией Китая после оккупации Маньчжурии японскими империалистами.

Связей с ней у меня не было еще тогда, когда я, будучи курсантом училища «Хвасоньисук», создал ССИ и когда действовал в Гирине и Уцзяцзы.

В общем, революция ведется не по чьей-то указке, а по собственным убеждениям и поставленным целям, на самостоятельных началах. Исходя из этого требования, мы собственными

силами разработали руководящие идеи революции и самостоятельно создали ССИ, который стал истоком нашей партии.

Новая ситуация, когда японские империалисты, спровоцировав инцидент 18 сентября, захватили Маньчжурию и стали общим врагом народов Кореи и Китая, поставила во весь рост проблему об отношениях между нами и Коммунистической партией Китая.

До и после совещания в Минюегоу, состоявшегося зимой 1931 года, я был в доме Чао Яфаня и впервые имел связи с организацией Компартии Китая.

В годы ученичества в Гирине Чао Яфань со мной участвовал в комсомольской работе, а потом в районе Хэлуна учительствовал в школе, был причастен к организации КПК. Впоследствии, когда мы создали партизанскую армию и действовали в Ванцине и других районах, я поддерживал связи с Ван Жуньчэном, который, заняв ответственный пост в Нинаньском уездном комитете партии, ведал и делами Восточной Маньчжурии. Когда Тун Чанжун был направлен из Даляня в ВМООК, я имел с ним тесные связи. Вот так были установлены мои связи с Коммунистической партией Китая. В те дни я действовал и в качестве руководящего работника организации КПК. После смерти Тун Чанжуна я поддерживал связи с Вэй Чжэнминем. Кроме того, я в своей работе поддерживал связи с инспектором Коминтерна — товарищем по фамилии Пань.

Такие отношения с КПК поддерживались во весь период антияпонской вооруженной борьбы. Это содействовало расширению единого фронта и развитию общей борьбы против японского империализма.

Общую борьбу против врага мы развернули при сохранении тесных связей с Компартией Китая. Это была активная и в то же

время гибкая мера, которая соответствовала велению сложнейшей ситуации того времени, когда корейским коммунистам приходилось разворачивать свою революционную борьбу на земле чужой страны, а также отвечала линии Коминтерна, выдвинувшего принцип о представительстве одной партии от одной страны. Активно развивая общие выступления вместе с КПК, мы неизменно и твердо держали в своих руках знамя освобождения Родины, самостоятельную линию корейской революции и успешно претворяли в жизнь эту линию. Эти наши принципиальные позиции и искренние усилия от всей души поддерживали китайские соратники. Они заявляли, что это является ярким примером правильного сочетания национального и интернационального долга революции.

Тысячи, десятки тысяч лучших сынов и дочерей корейского народа, высоко подняв знамя пролетарского интернационализма, вместе с китайскими коммунистами шли по дальнему пути — трудному, полному суровых испытаний, пути антияпонской борьбы.

В 1963 году, когда товарищ Чвэ Ён Гон посетил Китай, премьер Чжоу Эньлай устроил в Шэньяне прием по случаю дня рождения гостя, на котором он выступил с впечатляющей застольной речью. В своей речи Чжоу Эньлай отметил, что, прокладывая путь революции на Северо-Востоке Китая, главную роль играли корейцы, вот почему китайско-корейская дружба нерасторжима и вечна и что Объединенная антияпонская армия являлась вооруженными силами, состоявшими из лучших сынов и дочерей народов Китая и Кореи.

О том, что корейцы имеют большие заслуги, начиная революцию на Северо-востоке Китая, не раз говорили и Ян Цзинюй, Чжоу Баочжун, Вэй Чжэнминь.

Во имя китайской революции мы оказывали ей бескорыстную помощь, и потому китайцы в свою очередь оказывали нам свою искреннюю помощь, не щадя своей жизни, если дело касалось нас.

После переформирования Антияпонской народной партизанской армии в Корейскую Народно-революционную армию мы учредили в партизанской армии Партийный комитет КНРА. Это было плодом, добытым в результате расширения и развития первой партийной организации, созданной в Калуне. Наша самостоятельная партийная организация пустила позже свои корни и в Союз национального освобождения Кореи, эту организацию Лиги возрождения Родины в Корее, и в крестьянские союзы и рабочие профсоюзы.

Не прошло и месяца после победного возвращения на Родину. Но мы могли осуществить дело создания партии потому, что мы имели за плечами успехи и опыт, приобретенный и борьбе за осуществление дела партийного строительства в течение длительного периода антияпонской революции.

5. Корейская революционная армия

Созданием первой партийной организации—союза товарищей Консор был сделан первый шаг в организационно-партийном строительстве, что явилось одной из важных задач, поставленных на Калуньском совещании.

Но мы не могли довольствоваться этим. Нам предстояла трудная задача по форсированию подготовки к вооруженной борьбе.

В качестве первого дела для этой подготовки мы создали в Гуюйшу Корейскую революционную армию.

Предвидя необходимость основать спустя год или два постоянные революционные вооруженные силы, мы все же создали такую политическую и полувоенную организацию переходного характера, как КРА, с целью вести через ее деятельность подготовку к формированию крупного партизанского отряда, Мы намеревались посредством военно-политической деятельности КРА заложить в массах базу вооруженной борьбы и накопить необходимый опыт борьбы.

Собственно, у нас почти не было знаний, необходимых для ведения вооруженной борьбы. В условиях, когда нужно было развернуть вооруженную борьбу не в своей стране, а на территории чужой страны, нам нужен был соответствующий опыт. Однако нигде нельзя было найти военного наставления и опыта, которые мы могли бы взять за образец для себя.

Если у нас был какой-то «капитал», так это были некоторые товарищи, служившие в Армии независимости или занимавшиеся в училище «Хвасоньисук», да несколько пистолетов. Кроме них, почти ничего другого не было. Нам необходимо было и достать оружие своими руками и самим же накопить военный опыт, обретя его в борьбе.

Именно в этих целях мы и создали КРА как организацию переходного характера.

Ким Вон У и Ли Чжон Рак начали в Гуюйшу подготовку к созданию такой революционной армии, а завершил эту работу затем направленный туда Чха Гван Су.

Подготовка к созданию революционной армии проводилась в различных районах и во многих направлениях.

Основой этой работы были выбор юношей, которых можно принять в революционную армию, и приобретение оружия. Мы считали одним из методов разрешения проблемы о живой силе и оружии привлечение на нашу сторону умных бойцов, сочувствующих передовым идеям, посредством налаживания работы с Армией независимости. Когда в рядах революционной армии достаточно бывалых бойцов, можно при опоре на них успешно вести боевую подготовку юношей, не имевших военных знаний. Поэтому наши товарищи активно вели работу с Армией независимости, находившейся под командованием группировки Кунминбу. Мы взяли курс: воспитывать и привлекать на нашу сторону бойцов Армии независимости, имеющих передовые идеи, и принимать их в революционную армию с учетом их идейной подготовленности.

В тот период Кунминбу разделилась на две группы: одна поддерживала администрацию Кунминбу, другая выступала против нее, и продолжали драку за власть. Тогда первая держала

в своих руках право контролировать корейцев в Маньчжурии, а последняя — право на командование Армией независимости. Такое обстоятельство привело к отрыву армии от народных масс. К лету 1930 года противоборство этих двух групп переросло в террористическую борьбу, уничтожающую руководителей противной стороны, что окончательно раскололо их силы.

В такой обстановке не только бойцы, но и командиры взводов и рот Армии независимости не верили верхушке и нередко отказывались выполнять ее распоряжения. Они больше слушались направленных к ним нами подпольщиков.

Чха Гван Су вел работу с Армией независимости в районах Тунхуа, Хуенань и Куаньси, а Ли Чжон Рак занимался в Гуюйшу воспитанием подчиненных ему бойцов, чтобы принять их в революционную армию.

Раньше Ли Чжон Рак служил в Гуюйшу в 1-й роте Армии независимости, принадлежавшей к Чоньибу, и вступил в ССИ, учась еще в училище «Хвасоньисук». Среди курсантов этого училища — выходцев из 1-й роты, таких, как и он сам, были Пак Чха Сок, Пак Гын Вон, Пак Бен Хва, Ли Сун Хо и другие юноши.

После закрытия училища Ли Чжон Рак, вернувшись в свою бывшую роту в Гуюйшу, служил заместителем командира роты, а потом стал ее командиром. В отличие от нынешнего времени в ту пору, когда было мало вооруженных сил, рота представляла собой большую боевую единицу. Даже Кунминбу, самая сильная фракция в Маньчжурии, имела в своем подчинении всего лишь 9 рот. Следовательно, бойцы Армии независимости превозносили командира роты как крупную личность. В Гуюйшу Ли Чжон Рак пользовался высоким авторитетом.

С 1928 по 1929 год в районе Люхэ Ким Хек, Чха Гван Су и

Пак Со Сим широко развертывали революционную деятельность, охраняемые бойцами Армии независимости, находившимися под влиянием Чвэ Чхан Гора. А посланные в Гуюйшу наши товарищи действовали под охраной отряда Армии независимости, командуемого Ли Чжон Раком.

В ту пору у Ли Чжон Рака была еще твердая воля и страсть к революционной деятельности. После закрытия училища «Хвасоньисук» он возвратился в свою бывшую роту и хорошо проводил работу с бойцами Армии независимости, выполняя задание, данное ему нами в Хуадяне. Смелость, решительность, находчивость и высокая командирская способность — вот его положительные качества.

А у него был и недостаток: нехватка беспристрастного разума и трезвой рассудительности, привычка работать по настроению, резкий характер и сугубо «личный героизм». Думаю, что эти серьезные изъяны толкнули его позже на путь измены революции.

Некоторые люди предлагали нам разоружить роты Армии независимости, распыленные по разным районам, мотивируя это тем, что в ней не установлена стройная система командования и в ее рядах царит сущий хаос, и ликвидировать реакцию из фракции Кунминбу. Они настаивали на необходимости снять маску Армии независимости и действовать открыто, приобретая оружие и противоборствуя Кунминбу.

Мы решительно отвергали подобную тенденцию, чтобы не допустить левацких ошибок в работе с Армией независимости.

Мой дядя Хен Гвон тоже отправился в район Чанбая, сформировав две оперативные группы. Он, базируясь на горе за селом Чжиянгай, создал во многих местах Чанбая организации Пэксанского союза молодежи, Крестьянский союз, Антия-

понское общество женщин и Детскую экспедицию, вел работу по приобретению оружия и идейному пробуждению масс и, привлекая на нашу сторону местную молодежь, вел с ней военное обучение. В результате его усилий силы Армии независимости в районе Чанбая оказались под нашим влиянием.

Активно развернулась и деятельность по приобретению оружия наряду с подбором бойцов и воспитанием резервов.

В решение проблемы вооружения самый большой вклад внес Чвэ Хё Ир. Он работал продавцом японского оружейного магазина в Телине. В ту пору японцы широко занимались торговлей оружием в Маньчжурии. Они продавали оружие и бандитам, и китайским помещикам. Чвэ Хё Ир окончил лишь начальную школу, но по-японски говорил прекрасно. Когда он разговаривал с кем-нибудь на японском языке, трудно было различить, кореец он или японец. Он был так умен и искушен в японском языке, что не пристало ему быть простым продавцом. Хозяин магазина целиком доверял ему.

Чвэ Хё Ира привлек сначала на нашу сторону Чан Со Бон. Когда мы расширяли свое влияние на Калунь, Чан Со Бон, разъезжая по районам Чанчуня, Телина и Гунчжулина, случайно познакомился с ним. После нескольких встреч убедился, что это честный и справедливый человек. Он помог Чвэ Хё Иру вступить в АСМ и рекомендовал его Ли Чжон Раку. С тех пор Чвэ Хё Ир начал свою подпольную работу в Телине. Поддерживая связь с Ли Чжон Раком, он тайком продавал оружие ротам Армии независимости. Хозяин магазина знал, что продаваемое им оружие попадает в руки корейцев, но смотрел на это сквозь пальцы, интересуясь лишь выручкой от продажи.

Вначале Чвэ Хё Ир продавал оружие китайцам, потом — Армии независимости и, наконец, превратил японский магазин в

своего рода специальное предприятие, поставляющее оружие коммунистам. В ходе этого неузнаваемо развивалось и его мировоззрение.

При каждой встрече со мной Ли Чжон Рак и Чан Со Бон не без похвалы говорили, что в Телине привлечен на нашу сторону один славный парень Чвэ Хё Ир. И я тоже втайне стал возлагать на него большие надежды.

В 1928 или 1929 году, точно не помню, Чвэ Хё Ир приехал в Гирин специально для встречи со мной. Это был юноша с миловидным белым лицом, как у барышни. Но в отличие от такой нежной внешности он много пил. Для революционера это был своего рода изъян. Я долго беседовал с ним, обедали мы вместе в гостинице. Он, подражая манере речи деликатной японки, ругал императора и высоких военных и гражданских чиновников Японии и пять национальных предателей — министров Кореи, употребляя без всякого стеснения густые выражения. И я не раз хохотал безудержно, беседуя с ним.

Он жил с женой, которую другие называли с завистью несравненной красавицей, но не проявлял особой привязанности к семейной жизни. Такой холодный был у него характер. Но в отличие от внешнего вида, напоминающего красивую невесту, он проявлял поразительную смелость и стойкую волю в революционной борьбе.

Накануне Калуньского совещания он вместе с женой сбежал в Гуюйшу, забрав более десяти единиц оружия в японском магазине. Бегство его встретило горячее одобрение, ибо тогда мы форсировали подготовку к созданию небольшой военно-политической организации в качестве переходной меры для формирования постоянных революционных вооруженных сил.

Из докладов товарищей мы узнали, что подготовка к

созданию революционной армии завершилась. Я направился в Гуюйшу и воочию убедился в этом: список бойцов составлен, приобретено необходимое оружие, определено место для церемонии: создания армии и уточнены участники церемонии.

Церемония создания Корейской революционной армии состоялась 6 июля 1930 года на спортплощадке Самгванской школы.

Прежде чем вручить бойцам оружие, я выступил с короткой речью. В ней подчеркивалось, что КРА является политической и полувоенной организацией коммунистов Кореи, созданной для подготовки к антияпонской вооруженной борьбе, и что на основе этой армии будут сформированы постоянные революционные вооруженные силы.

Основная миссия КРА состояла в том, чтобы идти в города и деревни, воспитывать и пробуждать народные массы и, сплачивая их под знаменем антияпонской борьбы, накопить опыт вооруженной борьбы и вести подготовку к организации настоящего вооруженного отряда.

В своей речи я поставил очередные задачи КРА — выпестовать костяк будущего антияпонского вооруженного отряда, заложить в массах базу для действий революционной армии и вести надежную военную подготовку для развертывания вооруженной борьбы.

Мы организовали 1-й, 2-й, 3-й и многие другие отряды в составе КРА.

По моему предложению на пост командира КРА был выдвинут Ли Чжон Рак, имевший большой военный опыт и обладавший высокими организаторскими способностями.

Некоторые историки отождествляют Корейскую революционную армию, созданную группой Кунминбу, и КРА, органи-

зованную нами в Гуюйшу, считая их однородными военными организациями. В этом есть свой резон, так как многие члены Корейской революционной армии Кунминбу были вовлечены в нашу революционную армию.

У обеих этих военных организаций было одинаковое название, но была разной их руководящая идеология и миссия.

В армии Кунминбу были отражены внутренние противоречия самой этой фракции, не прекращались противостояние и конфликты в ее практической деятельности. Часто менялись название и командный состав этой армии, и трудно было даже определить, какая она организация на самом деле.

А основанная нами КРА явилась политической и полувоенной организацией, которая руководствовалась идеалами коммунизма и занималась как массово-политической работой, так и военной деятельностью.

При создании КРА мы серьезно обсуждали вопрос о ее названии. Все товарищи активно участвовали в обсуждении. Говорили, что нужно именовать по-новому первые вооруженные силы, создаваемые коммунистами в Корее. В ходе обсуждения предлагались многие варианты.

Тогда я уговорил товарищей, чтобы они согласились назвать нашу армию Корейской революционной армией, используя имя армии Кунминбу.

Объяснение этому я дал такое, что и при создании Союза свержения империализма мы выбрали такое название, избегая слов, пахнущих коммунизмом, с тем чтобы не задевать нервов националистов. Если организуемая нами армия будет носить имя «Корейская революционная армия», то она не будет противной националистам и сможет действовать беспрепятственно.

И в самом деле позже имя «КРА» создало нашей армии

немало благоприятных условий в ее деятельности.

Из КРА были сформированы многие мелкие группы и были направлены в разные места. Внутрь Кореи тоже было послано несколько групп.

В то время мы направили в Корею мелкие группы революционной армии с целью не только заложить в массах базу вооруженной борьбы и добиться подъема революции в стране, но и уточнить возможность развертывания там вооруженной борьбы.

Мы решили организовать одну небольшую оперативную группу из людей, не успевших участвовать в церемонии создания КРА, включая Ли Чжэ У, Кон Ена и Пак Чжин Ена, и послать ее внутрь Кореи. Эта группа получила задание пробраться в район провинции Северный Пхеньан по Ранримскому горному хребту через Сингальпха и создать революционные организации среди широких масс. Командиром группы был назначен Ли Чжэ У.

Уже в 1928 году мы дали этим людям, действовавшим в окрестностях Фусуна и в местностях под горой Нэдо, задание переместить опорный пункт своей деятельности в район Чанбая, где живет много корейцев. Приняв это задание, Ли Чжэ У передвинулся в уезд Чанбай, объединил массы в организацию и, проникая даже внутрь Кореи, вел деятельность по повышению сознательности масс.

Мы решили также организовать другую оперативную группу во главе с моим дядей Хен Гвоном, включив в нее Чвэ Хё Ира и Пак Чха Сока, и направить ее в Корею. Эта группа получила задание переправиться через реку Амнок из Чанбая и выступить до подступов к Пхеньяну через Пхунсан, Танчхон и Хамхын.

Пак Чха Сок был включен в эту группу с учетом его дружеских отношений с дядей Хен Гвоном. Пак вел подпольную

работу в деревне окраины города Гирина под вывеской учителя. Зимой 1928 года он вместе с Ке Ен Чхуном и Ко Иль Боном участвовал в работе по созданию революционных организаций в районе Фусуна. Тогда он и стал закадычным другом моего дяди Хен Гвона по какому-то случаю. Узнав, что мой дядя отправится в Корею, Пак Чха Сок вызвался идти вместе с ним. Мы поняли его желание и охотно приняли его предложение.

Бойцы КРА, отправившиеся в назначенные места, развертывали повсюду свою работу мужественно и разумно.

Среди бойцов армии, действовавших в районах Сипинцзе и Гунчжулина, был человек по имени Хен Дэ Хон. Он был арестован полицейскими в ходе подпольной работы с массами в Сипинцзе и увезен в Чанчунь. В момент ареста он тайком передал товарищу свое оружие. Полицейские подвергли его варварским пыткам, требуя сказать, где он спрятал оружие. Он «признался», что зарыл его в землю под тополем около какой-то железнодорожной станции. Он при этом подумал, что такое «признание» даст ему шанс на побег. Полицейские, обманутые им, посадили его в поезд и направились к тому месту, где он «закопал» оружие.

Когда поезд мчался, он уничтожил двух полицейских-конвоиров наручниками, в которые они его заковали, и выскочил из поезда на ходу. Ползком добрался он до Калуня и связался с революционной организацией. Здесь товарищи с трудом сняли с него наручники, распилив их напильником.

Даже после такого страшного испытания он снова направился в Гунчжулин, когда хоть немного поправился. Там он на сей раз был схвачен японскими полицейскими. Гунчжулин был сеттльментом, который японцы отняли у Китая, и находился под их контролем. Хен Дэ Хон стойко боролся и на суде. Он был приговорен к пожизненному заключению, изнывал в Содэмун-

ской тюрьме в Сеуле и умер от недуга, нажитого в результате варварских пыток японских палачей...

Вступая в 30-е годы, группа Ли Чжэ У выросла до нескольких десятков человек. В результате их усилий в Чанбае появились одна за другой антияпонские организации, создались в каждой деревне школа и вечерние курсы, часто проводились ораторские конкурсы, художественные представления и спортивные соревнования, что повысило революционный энтузиазм у населения.

В такой момент японские империалисты с целью заманить группу Ли Чжэ У инсценировали фарс, заслав в одно корейское село вооруженный отряд, переодетый в банду разбойников, и разграбив жителей села. Но группа Ли Чжэ У не попалась на эту удочку врага, так как мы заранее предупредили ее, чтобы она остерегалась банды разбойников. Было лишь частичное столкновение и ранено было несколько человек, но стычка эта не развернулась в большой бой.

Однажды войска реакционной военщины, вступившие в сговор с бандой разбойников, организованной японцами, внезапно налетели на вооруженную группу Ли Чжэ У. Группа понесла серьезный ущерб: Пак Чжин Ен погиб смертью храбрых в бою, а Ли Чжэ У, к несчастью, был схвачен.

Чтобы смыть позор смертью, Ли Чжэ У уколол себе шею кухонным ножом, даже будучи связанным, но своего не добился. Он тут же был передан в руки японской полиции, перевезен в Сеул, приговорен к смертной казни и вскоре погиб в тюрьме.

Кон Ен был убит лжекоммунистами — наймитами японских империалистов, засланными для заманивания и похищения деятелей антияпонского движения в Маньчжурии. Он работал среди них для осуществления взаимодействия с ними.

Мы узнали о трагической гибели Кон Ена, Ли Чжэ У и Пак

Чжин Ена сразу же после массового восстания крестьян в Танчхоне. Когда связной сообщил мне об этом, одно время мне было трудно держать себя в руках. Прежде всего мне казалось, что я совершил тягчайшее преступление перед отцом как сын, и я не мог поднять головы.

Эти товарищи были бойцами Армии независимости, которых больше всех любил мой отец. Они первыми совершили переход от националистического движения к коммунистическому.

Трагическая гибель Ли Чжэ У, Кон Ена и Пак Чжин Ена вызвала невыносимо острую боль у меня в сердце. Не только потому, что потеряна одна сильная оперативная группа, призванная реализовать решения Калуньского совещания внутри Кореи, но и потому, что не стало борцов, которые встали в авангарде борьбы за переход от националистического движения к коммунистическому, поддержав волю моего отца.

На похоронах моего отца Кон Ен и Пак Чжин Ен несли похоронные носилки в первом ряду. Они предлагали моей матери не надевать на меня траурную одежду, говоря, что они сами оденутся в траур вместо меня. Наверное, они думали, что я, четырнадцатилетний, буду выглядеть слишком печальным, когда облекусь в траур. С той поры оба они три года ходили в траурной одежде и носили траурный головной убор.

В то время учебные курсы Армии независимости находились в Ваньлихэ, расположенном недалеко от Фусуна. Кон Ен раз или два в неделю посещал наш дом с дровами на заплечных носилках *чигэ* и здоровался с моей матерью. Его жена тоже часто бывала в нашем доме, захватив для нас молодые побеги аралии, бедренец и другие съедобные травы. Порой Кон Ен приходил, взвалив на плечи мешок с зерном. Такая искренняя помощь его была

немалым подспорьем в хозяйстве нашей семьи.

Мать относилась к нему и его жене так сердечно, как будто они ей родные младший брат и сестра. Иногда она, словно родная старшая сестра, строго вразумляла их, указывая на какие-то их недостатки, когда их замечала.

Когда Кон Ее ушел в Маньчжурию для участия в движении за независимость, его жена жила одна в Пектоне. И в каком-то году она пришла в Фусун к мужу. Кон Ен, увидев на ее лице шрам от ожога, который она получила на кухне, приготовляя суп с клецками, и, недовольный, заявил, что не будет жить дальше с ней.

Моя мать рассердилась и отчитала его за это.

— В своем ди ты уме? Это же такое непростительное безобразие, что ты не хочешь жить с женой. Ведь она пришла к тебе как к мужу, преодолев столь далекий путь. Ее за это надо приветствовать от всей души, а не отвергать.

Кон Ен всегда искренне относился к моей матери и слушался ее во всем. И в тотдень он поклонился ей и попросил прощения за свой проступок...

О деятельности вооруженной группы! дяди Хен Гвона, проникшей внутрь страны, я узнал впервые через газету. Не помню точно, это было в Харбине или в каком-то другом месте. Однажды товарищи, глубоко взволнованные, принесли мне газету. В ней была помещена заметка, в которой сообщалось, что в Пхунсане появилась вооруженная группа из четырех человек и, застрелив старшего полицейского, исчезла в сторону перевала Хучхи, захватив автомобиль, приехавший из Пукчхона. Товарищ, который показал мне газету, сказал: ему приятно, что внутри страны раздался возбудивший всех ружейный выстрел. Но я из-за этого выстрела не мог успокоиться. Почему стреляли в

Пхунсане, сразу же после вступления в Корею?

Тут я и вспомнил про горячий характер дяди. И мне подумалось, что он с таким-то пылким характером выстрелил, не в состоянии сдержаться.

Он с детства отличался мужеством и неотступностью от дела, за которое взялся.

Когда думаю о нем, вспоминаю прежде всего эпизод с миской кашицы из грубого зерна. Это было, когда я жил в Мангендэ. Тогда ему было лет одиннадцать или двенадцать. В те годы в нашей семье питались по вечерам гаоляновой кашицей. Гаолян с кожурой перетирали жерновами и варили из него похлебку. Просто трудно было глотать эту пищу, так она жгла горло, эта кожура гаоляна. А о вкусе этой похлебки нечего было и говорить. Мне тоже было противно даже глядеть на такую кашицу из столь грубого зерна.

Однажды дядя Хен Гвон, сидя за обеденным столом, ударил лбом миску с горячей похлебкой, которую подала бабушка. И ударил он так сильно, что миска полетела и упала на земляной пол, а на лбу у него появилась рана и потекла кровь. Он, еще не разумевший ничего в жизни, так выместил свою обиду на крайнюю нужду, и на чем — на миске с похлебкой из грубого зерна.

— Ты, чай, так не станешь достойным человеком, коли привередничаешь за столом, — выговорила бабушка ему свой тяжкий упрек и, отвернувшись, вытирала слезы — слезы горя, а не обиды.

Образумившись с возрастом, дядя Хен Гвон стал нервничать по поводу шрама на лбу. Когда он жил в нашем доме в Китае, он ходил, закрывая этот шрам волосами, выкинутыми на лоб.

Дядя Хен Гвон приехал в Китай, когда мы жили в Линьцзя-

не. Отец вызвал его к себе, чтобы дать ему возможность продолжать образование. Поскольку отец был педагогом, дядя мог бы проходить курс средней школы заочно, живя в нашем доме. Отец намеревался вырастить из него революционера.

При жизни моего отца дядя Хен Гвон рос в сравнительно здоровом духе под его влиянием и контролем. Однако после смерти отца он не мог держать себя в руках и начал вести себя своевольно. По-видимому, к нему вернулся снова характер детства, когда он ударил лбом миску с похлебкой. Он ошеломил нас своим поведением. Ему теперь даже не сиделось дома, он часто ходил в Линьцзян, Шэньян, Далянь и во многие другие места.

Люди, знающие кое-что о нашей семье, поговаривали, что он так бродит по белу свету потому, что ему не нравится невеста, с которой его помолвили родители, когда он побывал в родном краю. Конечно, это тоже могло быть причиной. Но все же главная причина того, что он стал таким неспокойным, были отчаяние и печаль из-за смерти моего отца.

Когда я вернулся домой, бросив учебу в училище «Хвасоньисук», он по-прежнему не мог собраться с духом и продолжал жить беспокойной жизнью, словно пьяный. Тогда наша семья сводила концы с концами за счет скудных доходов матери от стирки белья и шитья по найму. Видя такое тяжелое положение, и Ли Гван Рин пришла, взяв с собой немного денег и зерна, и помогала матери в ее работе. Собственно, дядя должен был играть роль хозяина дома вместо моего покойного отца. Нельзя сказать, что дома не было дела, чем он мог бы заняться. Тогда у нас еще была аптека, оставленная отцом. Правда, там было не так много лекарств. Но если содержать аптеку как следует, она стала бы известным подспорьем в семейной жизни.

Однако дядя не обращал на нее никакого внимания.

Откровенно говоря, я тогда обиделся на такой поступок дяди. И вот однажды дома я написал в его адрес длинное письмо. Это был период моего ученичества в средней школе, когда, как говорится, чувство справедливости в человеке сильно как никогда. И я не мог терпеть какого бы то ни было несправедливого акта, даже если его совершил и старший. Я ушел в Гирин, оставив письмо под подушкой дяди.

Тогда мать была очень недовольна тем, что я критиковал дядю в своем письме.

— Сейчас, конечно, твой дядя не привязался ни к чему, витает в облаках, но когда-нибудь и он войдет в нормальное русло. Безусловно, он не забудет о своих корнях. Пусть он скитается по миру, как ему хочется. Он вернется, когда это ему надоест. Так что не надо критиковать его подобным методом. Виданное ли это дело, чтобы племянник критиковал своего дядю?..

Мать уговаривала меня такими словами. Это был поистине присущий ей образ мыслей. Но все-таки свое письмо я оставил.

Спустя год я возвратился домой в Фусун на каникулы из Юйвэньской средней школы в Гирине. К моему удивлению, дядя Хен Гвон стал жить стабильной жизнью. Оказалось, предсказание матери было оправдано. Дядя не сказал ни слова об оставленном мною письме, но я понял, что оно оказало на него немалое воздействие. А зимой он вступил в Пэксанский союз молодежи.

После нашего ухода из Фусуна дядя глубоко погрузился в работу по расширению Пэксанского союза молодежи. В следующем году он вступил в комсомол по рекомендации товарищей. Так он вступил в революционные ряды и с 1928 года, получая

поручения комсомола, руководил работой Пэксанского союза молодежи в районах Фусуна, Чанбая, Линьцзяна и Аньту...

Соседи, прочитав газету, шумели, что произошло чрезвычайное происшествие: в Пхунсане застрелен японский старший полицейский. И семье в родном краю Мангендэ стало известно, что арестован дядя Хен Гвон.

Узнав об этом, мой дед говорил;

— На сей раз застрелил японца младший сын. Он следовал примеру своего старшего брата. Будь что будет, а он действует похвально.

Только спустя некоторое время я получил подробные сведения о деятельности оперативной группы в Пхунсане, направленной внутрь страны.

Члены группы переправились через реку Амнок и направлялись в сторону Танчхона. 14 августа 1930 года группа остановилась на привал в голубиковой плантации в Хвансувоне близ села Пхабар уезда Пхунсан. Тут они попались на глаза злостного старшего полицейского «Опаси» (настоящее имя — Мацуяма), проезжавшего мимо на велосипеде. Этот палач появился в районе Пхунсана в 1919 году и сковал корейцев по рукам и ногам. Поэтому местные жители и дали ему прозвище «Опаси» (оса — ред.). Они питали к нему жгучую ненависть.

Когда члены группы шли дорогой перед полицейским участком, «Опаси» вызвал их к себе. Едва дядя Хен Гвон вошел в участок, как тут же расправился с палачом, потом произнес откровенно антияпонскую речь перед жителями. Его слушали десятки местных жителей. Как подтверждено, тогда в селе Пхабар слушал речь дяди Хен Гвона также бывший военный корреспондент Народной Армии Ли Ин Мо, широко известный миру как узник, который сидел долгое время в тюрьме в Юж-

ной Корее, отказавшись от отступничества.

Несмотря на преследование врага, группа пыталась проникнуть в местности, где вспыхнуло пламя крестьянского восстания.

В то время мы придавали большое значение крестьянскому восстанию в Танчхоне. В местах, охваченных пламенем восстания, непременно были руководители массового движения и крупный организованный отряд революционных масс, пробужденных и мобилизованных в идейно-политическом отношении. Враги лезли из кожи вон в попытках отыскать организаторов восстания в данных районах. А мы старались найти среди восставших масс таких активистов, как О Чжун Хва из Ванцина, Ким Чжун из Лунцзина, Чон Чжан Вон из Онсона. Установив связь с этими активистами и оказывая на них положительное воздействие, можно было заложить почву для подъема революционной борьбы в стране. Если расширять сферу влияния на район Танчхона, можно было выступать через него в сторону Сончжина, Кильчжу и Чхончжина, а дальше в Пхеньян через Хамхын, Хыннам и Вонсан.

Вот почему мы дали оперативной группе дяди Хен Гвона, направляемой внутрь страны, задание найти организаторов восстания танчхонских крестьян.

Члены вооруженной группы, которые ушли из села Пхабар после ружейного выстрела, задержали у ущелья Поньо автомашину, на которой ехал старший полицай по делам угрозыска Пхунсанского полицейского участка, и, разоружив его, выступили с антияпонской агитацией перед пассажирами. Потом двинулись в село Мунан уезда Ривон и проводили политическую работу в ущельях Пэдок, Тэпави и других местах среди рабочих, выжигающих древесный уголь. Невзирая на трудные условия, они развернули везде активную работу.

Затем вооруженная группа выдвинулась в сторону Пукчхона. Там она разделилась еще на две мелкие группы. Дядя Хен Гвон и Чон Ун состояли в первой группе, а Чвэ Хё Ир и Пак Чха Сок — во второй. Они договорились встретиться в уездном центре Хонвон и двинулись в разных направлениях.

В начале сентября дядя Хен Гвон вместе с Чон Уном совершили налет на буддийский храм Кванчжэ на горе Тэдок уезда Пукчхон, где остановился вражеский поисковый отряд. Затем они двинулись в сторону Хонвона и Кенпхо и, столкнувшись с врагом около утеса Чольбу, застрелили начальника Чончжинского полицейского участка.

В тот же день дядя вошел в уездный центр Хонвон и посетил дом Чвэ Чжин Ёна, где члены группы договорились встретиться.

Чвэ Чжин Ён был причастен к Армии независимости, и его хорошо знали не только дядя Хен Гвон, но и я. В Фусуне он работал управляющим делами Аньсунской хозяйственно-интендантской службы, часто бывал в нашем доме. Будучи раньше в Корее начальником волостной управы, он похитил казенные деньги, был разоблачен, и жители плевали на него. Тогда он убежал на Северо-Восток Китая и примкнул к группировке Чоньибу. Когда-то он жил в нашем доме несколько месяцев, питаясь приготовленной моей матерью пищей. Когда ожидалось вторжение японских империалистов в Маньчжурию, он ушел из Фусуна, говоря, что он уже стар и ему трудно обслуживать Армию независимости. Он сказал, что хочет приобрести небольшой фруктовый сад и спокойно дожить остаток жизни, и возвратился в Хонвон. А там сразу же стал тайным агентом японских оккупантов.

Конечно, дядя Хен Гвон не знал этого факта. Чвэ Чжин Ён сказал дяде, что очень строг надзор врага, и спрятал его в

укромное местечко во дворе, а сам прибежал в полицейский участок и донес, что в его доме находится вооруженная группа из Маньчжурии.

Когда дядю увезли в полицейский участок, там уже оказался и Чвэ Хё Ир. Разумеется, Чвэ Чжин Ён донес и на него. Только тогда дядя понял, что Чвэ Чжин Ён — японский пес. Измена его была совершенно неожиданной и невероятной. Когда-то этот человек то и дело твердил: «До гроба я не забуду вашу заботу, мать Сон Чжу. Вы каждый день кормили меня трижды обильной пищей даже и с рюмочкой вина в течение нескольких месяцев». И кто бы мог подумать, что этот самый Чвэ Чжин Ён скатится на грязный путь предательства?! Сначала я не верил ушам своим, когда говорили, что он донес на моего дядю.

И вот с той поры и до сих пор я говорю, что неплохо доверять людям, но нельзя относиться к ним с иллюзией. Всякая иллюзия антинаучна, и даже человек с необыкновенной проницательностью может допустить непоправимую ошибку, когда он обольстится иллюзиями.

Тогда из кольца окружения врага вырвался только один Чон Ун. Дядя вовлек его в группу в качестве проводника, готовясь к отъезду в Корею. Он был уроженцем Ривона и хорошо знал рельеф восточного побережья. Но позже он тоже был арестован в Чхунчхоне по доносу провокатора.

Арестованный дядя Хен Гвон некоторое время сидел за решеткой в Хонвонском полицейском участке, потом был перевезен в Хамхынскую тюрьму, где опять подвергся средневековым пыткам.

Весть о его выступлении на Хамхынском местном суде дошла и до нас через уста многих людей. На процессе дядя Хен Гвон сурово осуждал преступления японских империали-

стов и во весь голос заявлял, что против вооруженных бандитов нужно воевать с оружием в руках.

Откуда у него взялась такая сила столь достойно вести себя на суде? Думаю, что она исходила из революционного убеждения и преданности делу революции. Если бы он боялся чего-то больше смерти, так это была бы измена тому убеждению, которое делает человека справедливым и мужественным и превращает его в самое достойное в мире существо.

Чвэ Хё Ир был приговорен к смертной казни, мой дядя — к 15-летнему заключению. На процессе дядя и его соратники громко пели революционную песню. После песни скандировали лозунги.

С целью продлить срок борьбы на суде члены группы подали апелляцию в Сеульский вышестоящий суд.

Японские империалисты, потерпевшие фиаско на Хамхынском суде, устроили в Сеуле закрытый процесс без публики и подтвердили решение Хамхынского местного суда.

Приговор к смертной казни через повешение, вынесенный Чвэ Хё Иру, был приведен в исполнение вскоре после суда. На виселицу он поднимался, исполненный большого достоинства, оставив людям завет — бороться неотступно и смело.

Дядя Хен Гвон был заточен в Мапхоскую тюрьму в Сеуле, где находились, главным образом, узники, приговоренные более чем к десяти годам. Он не прекращал борьбы и в тюрьме. В то время палачи пытались принудить к ренегатству «политзаключенных», уже долго находящихся под арестом. Мой дядя обратился к многочисленным узникам с пламенной речью против измены убеждениям, что тронуло струны их сердец. Он встал во главе борьбы за улучшение жизненных условий заключенных, смело идя, как говорится, в огонь и в воду. Думаю, что об этом

было уже широко сообщено.

Форсируя военные приготовления, враг заставил узников делать ящики для боеприпасов. И они были вынуждены заняться страшным каторжным трудом, питаясь по 7-й категории.

Возмущенный до предела дядя Хен Гвон по случаю годовщины Октябрьской революции организовал забастовку узников, работавших на заводе при тюрьме, против губительного каторжного труда, навязываемого палачами. В стачке приняли участие многие заключенные.

Палачи бросили дядю в темную одиночную камеру, чтобы он не мог воздействовать на узников. Не ограничиваясь и этим, они заковали в кандалы его руки и ноги. Когда он хоть малость шевелился, железные кольца врезались в плоть, вызывая ужасную боль. В день ему давали только раз ком вареных соевых бобов величиною с детский кулачок.

Но даже и в таком неимоверно тяжелом положении дядя продолжал борьбу, и тюремщики вопили, что Ким Хен Гвон превращает Мапхоскую тюрьму в красную.

Однажды Пак Чха Сок, работая на заводе при тюрьме, услышал, что мы ведем активную вооруженную борьбу в различных районах Маньчжурии, и сообщил эту весть дяде Хен Гвону. Выслушав Пак Чха Сока, дядя впервые в тюрьме проливал слезы и, взяв его руки в свои, сказал дрогнувшим голосом:

— Кажется, я не продержусь долго. Прошу вас бороться до конца, оставшись в живых. Выйдете из тюрьмы, отбыв срок, посетите непременно мою мать в Мангендэ и скажите ей обо мне... А встретитесь с Сон Чжу, передайте ему весть обо мне и скажите, что я не сдался и воевал до последней минуты своей жизни. Это моя последняя просьба...

Дядя, крайне изможденный, слег окончательно. Когда он

оказался на грани смерти, администрация тюрьмы сообщила в Мангендэ, что можно приехать на свидание.

Тогда дядя Хен Рок, взяв у людей 40 *вон* в долг, вместе с родственником Бон Чжу поехал в Сеул и увиделся там со своим младшим братом в последний раз

— Когда мы прибыли в тюрьму, тюремщик привел нас в камеру, где находятся больные. Другие узники сидели, но только один наш Хен Гвон, став калекой и дыша на ладан, лежал, как скелет. Ох, какое страшное горе я испытал тогда... Увидя меня, он не мог даже вымолвить ни единого слова и только шевелил губами. Его вид был таким ужасающим, что мне чудилось, что это не мой младший брат. Но все же он с улыбкой сказал: «Братец, ухожу я, не добившись цели, но японцы погибнут непременно». И я подумал, что это и есть мой настоящий брат Хен Гвон, — рассказывал мне дядя Хен Рок, когда я вернулся с триумфом на Родину и посетил родной дом.

Слушая его воспоминания, я проливал слезы, думая о дяде Хен Гвоне. И я раскаялся, что написал когда-то то злополучное письмо, в котором критиковал его.

Дядя Хен Рок, который даже потерял сознание, увидев ужасный вид своего младшего брата, требовал от тюремщиков:

— Дайте мне взять с собой моего младшего брата Хен Гвона и лечить его дома.

— Нельзя так. Твой брат должен жить и умереть здесь, подохнуть за решеткой. Нельзя увезти его домой, — ворчал один тюремщик.

— Тогда я буду сидеть в тюрьме вместо младшего брата. Пусть он снова придет сюда, когда вылечится дома.

— Эх ты, болван. В каком законе написано, что можно отбыть тюремное заключение вместо другого?

— Закон-то делаете вы сами. Всякое вам дозволено. Разрешите, пожалуйста, сделать так.

—Тварь, чего ты мелешь чушь? Оказывается, и ты, старший, тоже негодяй, как и младший брат. Весь ваш род такой. Вон отсюда!

Палач так кричал и выгнал дядю из камеры.

Дядя Хен Рок, подумав, дал тюремщику 16 *вон,* сказав: «Прошу вас позаботиться о нашем Хен Гвоне», и вернулся в Мангендэ, Он знал, что палачи не изменят своего отношения к умирающему, получив столько деньжонок, но он отдал им все, что у него было.

Возвратившись домой, дядя Хен Рок целый месяц не мог заснуть, не смыкая глаз и ночами. Едва он закрывал глаза, в памяти всплывал облик младшего брата.

Спустя три месяца дядя Хен Гвон умер в тюрьме. Это было в начале 1936 года. Тогда я, завершив второй поход в Северную Маньчжурию, направлялся вместе с отрядом в район Наньхутоу. Дяде Хен Гвону шел тогда 31-й год.

Умерли и отец и мать, ушли также младший брат и дядя. Не стало всех моих родных, которые сделали все от них зависящее во имя революции. Узнав тогда в горах, что погиб дядя, я дал себе клятву: останусь в живых, во что бы то ни стало отомщу врагу за дядю, лежащего с неприкаянной душой в сырой земле родной страны, с обидой за порабощенную страну, и добьюсь непременно независимости Отечества!

Уже упомянуто выше, что наша семья получила сообщение о смерти дяди, но не смогла поехать за его телом, ибо не было денег на дорогу, и он похоронен на кладбище Мапхоской тюрьмы.

Дядя Хен Гвон, закрывая глаза в последний раз, сказал

заключенным то, что он до тех пор держал в тайне:

— Ким Ир Сен мой племянник. Сейчас он в Маньчжурии громит японцев, ведя за собой крупный революционный отряд. Не за горами день, когда этот отряд вступит в свою страну. Боритесь с оружием в руках, чтобы встретить его. Только силой оружия можно изгнать японцев и освободить Родину!

Каждый раз, когда я думаю о дяде Хен Гвоне, рисую перед глазами многих соратников, отдавших без колебаний свою молодость делу революции, делу реализации решений Калуньского совещания.

У дяди Хен Гвона была дочка по имени Ен Сир. После освобождения страны она училась в Революционном училище в Мангендэ. Я старался воспитывать ее как следует, чтобы она продолжала осуществлять волю своего отца. Но и эта единственная его дочка погибла от бомбардировки во время войны.

Поистине велики и благородны заслуги бойцов Корейской революционной армии, которые прокладывали своей кровью тернистый путь нашей революции.

На основе опыта их героической борьбы и ее уроков, ценой пролитой ими священной крови явилась на свет Корейская Народно-революционная армия как постоянные революционные вооруженные силы нашей страны.

6. Поэт-революционер Ким Хек

Революция начинается с приобретения товарищей.

Состояние для капиталиста — это деньги, а для революционера — человек. Если капиталист воздвигает пирамиду своей наживы, видя ее источник в деньгах, то революционер перестраивает и преобразовывает общество силами товарищей.

В молодые годы вокруг меня было много товарищей. Среди них были и друзья, связанные чувствами человечности, и товарищи, с которыми меня связывала общая борьба. Каждый товарищ был так дорог, незаменим ничем, даже ни горою золота.

Одним из таких товарищей был Ким Хек, которого называют представители нашего подрастающего поколения поэтом-революционером. В мои молодые годы он произвел на меня неизгладимое впечатление, и поныне, когда прошло уже более полувека с тех пор, как он умер, забыть его невозможно.

Это было тогда, когда впервые я встретился с ним.

В тот день после окончания урока иероглифа я вышел из класса и разговаривал в коридоре с преподавателем Шан Юэ. Ко мне подбежал Квон Тхэ Сок и сообщил: «К тебе гость, совсем незнакомый, стоит у ворот вместе с очкариком Чха Гван Су».

Действительно, у ворот стоял незнакомый юноша с красивым лицом, как, у девушки, с чемоданом в руке, и ждал меня вместе с Чха Гван Су. Это был Ким Хек, о котором хвастливо рассказывал мне Чха Гван Су, называя его при каждом слове

талантливым юношей. Не успел Чха Гван Су представить мне его, как он протянул мне руку и непринужденно пожал мою.

— Меня зовут Ким Хеком.

И я пожал ему руку и тоже представился.

Я питал к нему особое чувство близости не только потому, что Чха Гван Су «рекламировал» его мне до боли в ушах, но и потому, что лицом Ким Хек очень походил на Ким Вон У.

— Будь добр, подожди меня до окончания уроков. Иди вместе с Ким Хеком в общежитие и подожди там меня с часик. Другой урок я пропустил бы, а жаль, это урок литературы, преподает учитель Шан Юэ.

С такой просьбой обратился я к Чха Гван Су, попросив прощения у Ким Хека за такую неучтивость.

— Э-хе-хе! Как начнет учитель Шан Юэ урок литературы, так все теряют голову. Сон Чжу, и ты, видать, вздумал стать литератором, как Ким Хек?—пошутил Чха Гван Су, поправляя очки на носу.

— А почему же и Сон Чжу не стать литератором? Между прочим, надо знать и литературу, чтобы делать революцию. Как ты думаешь, Ким Хек, не так ли?

На такие мои слова Ким Хек радостно всплеснул руками.

— Да, здесь в Гирине можно услышать приятные на слух слова. Без литературы не может быть речи и о революции. Сама революция есть объект литературы, ее ядро. Если учитель по литературе такой популярный, и мне хочется повидаться с ним.

— Вот потом я и представлю его тебе!

Пообещав это, я ушел в класс.

По окончании урока выхожу и вижу — оба они так и ждут меня у ворот. Между ними шел спор: то-то есть капитал постоянный, а это — переменный.

Их слова дышали страстью, которая передалась и мне. Вспоминая щедрую похвалу Чха Гван Су, что Ким Хек — врожденный энтузиаст, я был рад в душе, что приобрел еще одного хорошего товарища.

— Я же просил вас ждать меня в общежитии, а вы так и стоите здесь.

Ким Хек, прищурив один глаз, смотрел на небо, откуда сыпались золотые солнечные лучи.

— Какой интерес в такой прекрасный день сидеть дома, как таракан! Если на то пошло, давайте лучше целый денек побродим по улицам Гирина и поговорим!

— Говорят, и зрелища хороши на сытый желудок. Давайте пообедаем, а потом пойдем на гору Бэйшань или в Цзяннаньский парк. Ким Хек ведь приехал к нам из далекого Шанхая, и если не угостить гостя хоть разок, это же прием слишком неприличный.

— Как рад встретить тебя, Сон Чжу! В Гирине, и не евши целый день, чувствую себя сытым.

Таким вот полным страсти был характер Ким Хека, и слова его были живыми и энергичными.

К несчастью, у меня с собой не было денег. И я повел их в гостиницу «Саньфон», где могли нас радушно принять и без денег. Хозяева гостиницы были очень добрые, у них продавали вкусное *куксу*. Я попросил мамашу гостиницы войти в наше положение, и она принесла нам шесть мисок *куксу,* чтобы каждому пришлось по две.

Ким Хек провел у нас в общежитии целые три ночи за жаркими разговорами, а на четвертый день он уехал в Синьаньтунь к Чха Гван Су, чтобы ознакомиться с положением дел в Гирине и его окрестностях.

С первой же встречи я убедился, что он действительно

пламенный энтузиаст. Если Чха Гван Су веселый и беспокойный, то Ким Хек — огонь, В обычное время он тихий, прилично ведущий себя, как женщина, что ли, а как вспыхнет, так весь дышит огнем и жаром, как кипящий котел. Он, как и Чха Гван Су, был удачливым скитальцем, который, проходя огонь и воду, колесил по трем странам Востока, но из таких скитальцев он, видать, был человек чистой души. Из разговоров было видно, что у него широк кругозор и высок теоретический уровень. Он был большой знаток литературы и искусства.

Мы не раз обменивались мнениями о назначении литературы и искусства. Всякий раз он утверждал, что литература и искусство должны быть одой о человеке. Позже, несколько дней находясь под влиянием «гиринского веяния», он развил свои взгляды и заявил, что литература и искусство должны стать гимном революции. Воззрение на литературу у него было весьма прогрессивное. Учитывая такие его положительные черты, мы давали ему больше всего задания, связанные с культурно-просветительной работой средимасс. Именно поэтому ему часто приходилось руководить работой художественной агитбригады.

Он писал отличные стихи, и его наши товарищи называли «Эженом Потье»[9]. Были товарищи, которые называли его «Гейне». Ким Хек ценил Гейне и Потье выше других поэтов. А из поэтов нашей страны он больше всего любил Ли Сан Хва[10].

К любимым им относились в основном стихи революционные, возвышенные, но, как ни странно, из прозы он любил произведения Ра До Хяна[11], пронизанные эмоциональным колоритом, больше, чем произведения Чвэ Со Хэ[12], отличающиеся высоким пафосом.

Такой вкус Ким Хека заставлял нас задуматься: как чудно устроено все сущее во вселенной! Сколько в нашей жизни

встречается таких случаев, когда гармонически сливаются совершенно противоречивые вещи! Чха Гван Су аллегорически изображал такие явления как «слияние катода и анода». Если взять, к примеру, Ким Хека, говорил он, гармоническое слияние катода и анода приводило его к своеобразной литературной индивидуальности.

Ведя трудную, сложную революционную работу, Ким Хек в то же время, улучив момент, писал много замечательных стихов. Гиринские ученицы, состоявшие в нашей революционной организации, охотно выучивали его стихи, записав их в свои блокноты.

Ким Хек сочинял стихи не так, как другие, которые перечеркивали написанное на бумаге и начинали писать все заново, а он все от строки до строки обрабатывал в уме, а когда считал ненужной дальнейшую обработку, тогда, ударив кулаком по столу, брался за перо — и пошла потеха.

Зная, что при каждом ударе по столу зарождаются у него новые стихи, мы с радостью восклицали: «Ким Хек отложил еще одно яйцо!» Завершение им работы над рукописью было для нас всеобщим событием.

У Ким Хека была любимая девушка-красавица, комсомолка по имени Сын Со Ок, стройная, с миловидным лицом. Она была такая дерзкая и сильная духом, ради справедливости готовая подняться и на эшафот. Она очень добросовестно исполняла поручения комсомольской организации.

Осенью того года, когда вспыхнула массовая борьба против прокладки железной дороги Гирин — Хвэрен, мне довелось услышать ее агитационную речь. Она умела говорить очень красиво, словом, агитатор что надо. Она — одна из тех учениц, которые, переписав в свой блокнот стихи Ким Хека, читали их с самым большим увлечением. Она хорошо декламировала стихи,

хорошо пела, хорошо говорила, круглый год ходила в белой кофточке, в черной юбке, и среди гиринской молодежи почти не было человека, кто бы не знал ее.

Ким Хек, всегда воспринимавший жизнь близко к сердцу и воплощавший ее в стихах, любил свою девушку страстно и пламенно. Молодые коммунисты, делая революцию, любили друг друга. Иные говорят, будто у коммунистов нет ни человечности, ни жизни, ни любви человеческой, но это они говорят, совершенно не зная, кого представляют собой коммунисты. Многие из нас, делая революцию, любили друг друга, обзаводились и семьей под градом пуль.

Каждый раз в дни каникул мы отправляли Ким Хека и Сын Со Ок в Гуюйшу с заданиями вести работу с массами. В Гуюйшу был ее дом.

В свободное время они часто встречались и выходили на берег реки Итунхэ, заросший ивовыми кустарниками, они то гуляли тут, то удили рыбу. Когда Ким Хек удил рыбу, сидевшая рядом с ним Сын Со Ок снимала рыбу с крючка, насаживала на крючок новую наживку. Их любовь с каждым днем углублялась в ходе революционной работы, оставляя следы на живописной сопке Бэйшань, на берегах рек Сунгари и Итунхэ.

Но почему-то ее отец Сын Чхун Хак относился к их любви недоброжелательно.

Сын Чхун Хак был основателем и директором Чхансинской школы, которую можно называть предшественницей Самгванской. Несколько лет он колесил по районам Приморья, учился там, предвкушал и цивилизацию, поэтому к тому времени считали его двольно образованным человеком. Когда мы в Гуюйшу переименовали Чхансинскую школу в Самгванскую, перестроили созданные националистами массовые организации

в организации коммунистические, революционные, он раньше других с пониманием относился к нашему делу, оказывал нам активную помощь.

Именно вот такая персона относилась к их любви холодно, и Ким Хек, хотя он и настоящий мужчина, не на шутку растерялся.

А мать ее считала Ким Хека солидным женихом, поэтому она и закрывала глаза на дружбу своей дочери с ним, и перед мужем то и дело покровительствовала ему. Впоследствии Сын Чхун Хак долго и тщательно изучал Ким Хека и, в конце концов убедившись, что Ким Хек революционер до мозга костей, пошел навстречу желаниям свей дочери. В день, когда отец разрешил их бракосочетание, Ким Хек и Сын Со Ок сфотографировались. К тому времени у нее дома был и фотоаппарат.

Когда она встретила весть о смерти Ким Хека, доведенная до крайнего отчаяния, готова была броситься в реку Итунхэ. Наши товарищи приволокли ее с берега и успокоили с величайшим трудом.

И впоследствии она добросовестно участвовала в революционной деятельности. А когда умерла жена Чвэ Иль Чхона, автора «Краткого очерка истории корейского революционного движения за рубежом», она вышла замуж за него. Идеал ее был таков: пусть придется хоть мачехой нянчить чужих детей, но хочется делить одну судьбу с таким революционером, как Ким Хек.

Пламенный характер Ким Хека всегда выражался преданностью в революционной практике. Он был революционер, которого отличала высокая ответственность и преданность делу. Он был на 5 лет старше меня, учился в Японии, но не подавал и вида такого, всегда добросовестно выполнял задания, которые давали ему мы. Поэтому я относился к нему с особым вниманием и любовью.

Начиная с лета 1928 года, Ким Хек вместе с Чха Гван Су работал в районе уезда Люхэ. К этому времени под их руководством были созданы в Тонсонской школе в Гушаньцзы Общество по изучению общественных наук (специальная группа) и организация АСМ.

Тогда Ким Хек читал лекции по истории эволюции человека, политической географии мира, по литературе и музыке. Среди учащейся молодежи в Гушаньцзы он пользовался широкой популярностью.

Когда я, отбыв срок тюремного пребывания, держал путь в Восточную Маньчжурию, Ким Хек, перебираясь из Гуюйщу в Гирин, выполнял данные ему организацией задания. Направляясь в Дуньхуа, я написал ему письмо с дополнительным заданием руководить революционными организациями в Цзяндуне, Гирине, Синьаньтуне и в то же время вести подготовку к выпуску нового печатного издания.

Спустя немного времени, закончив работу в Дуньхуа и возвращаясь в Калунь, я зашел к Ким Хеку и увидел: он аккуратно выполнял данные нами задания. Я рассказал ему о том, что я задумал в тюрьме и что следует делать в Калуне, Взволнованный, он тут же изъявил желание вместе со мной пойти в Калунь. Я предложил ему прийти потом, после выполнения взятых заданий. Это его очень огорчило, но он послушался меня, остался в Синьаньтуне и ускорил подготовку к выпуску нового печатного издания. А уж после этого он приехал в Калунь.

После Калуньского совещания мы вели активную подготовку к выпуску нового печатного издания. Новая революционная линия стала злобою дня, появилась на свет первая партийная организация, призванная организовать и мобилизовать массы на

претворение в жизнь этой линии. В этих условиях выпуск печатного издания, призванного сыграть роль ее идейного представителя, выдвигался актуальной задачей, разрешение которой не терпело ни малейшего отлагательства.

Ким Хек хорошо понял такие обстоятельства. Он и в Калуне проводил ночи за заметками для печатного издания, названного по его предложению «Большевиком».

Мы решили издавать «Большевик» в виде журнала, затем, прочно вооружая массы революционными идеями и ведя достаточную материальную подготовку, постепенно перейти к выпуску газеты большого формата и увеличить ее тираж. 10 июля 1930 года вышел в свет его первый номер.

Этот журнал разносили в организации комсомола и АСМ и в другие антияпонские революционные организации, в группы КРА, доставляли и в контролируемые нами школы, чтобы его использовали в качестве учебника. В этом журнале была помещена и статья, посвященная моему докладу на Калуньском совещании. «Большевик» играл действительно большую роль в освещении и пропаганде курса, принятого на совещании в Калуне. Некоторое время он выходил в форме ежемесячного журнала, а позже превратился в еженедельную газету, идя навстречу развивающейся ситуации и запросам читателей.

Ким Хек, будучи первым редактором «Большевика», проводил все ночи напролет за статьями до тех пор, пока не покинул Калунь. Он, такой пламенный, как огонь, энтузиаст, почти не знал отдыха.

После этого он уехал в Харбин, возглавив там одну из групп КРА. Его направили в Харбин в начале августа 1930 года. Он работал, главным образом, в Гирине, Чанчуне, Люхэ, Синцзине, Хуайдэ, Итуне, и потому Харбин для него был краем незнако-

мым. И я тоже почти не имел представления об этом городе.

Еще с той поры, когда мы были в Гирине, большое внимание уделяли Харбину.

По составу населения этого города большинство составляли рабочие. Чтобы войти в гущу рабочего класса, нужно было смело продвинуться в такие крупные города, как Чанчунь и Харбин, и вырастить шире наши силы. Как показывали борьба против прокладки железной дороги Гирин — Хвэрен и выступления против вероломных антисоветских вылазок гоминьдановской военщины, совершавшей налет на Китайско-Восточную железную дорогу, рабочий класс и учащаяся молодежь Харбина отличались высокой революционностью. Если удачно разветвлять сеть наших организаций в таких районах, можно было объединить большую массу людей в них.

Наше неослабное внимание к Харбину приковало еще одно обстоятельство; там находился пункт связи Коминтерна. .В Харбине действовала еще та комсомольская организация при Коминтерне, имевшая связь с комсомольской организацией, созданной мною в Юйвэньской средней школе в Гирине. Чтобы установить связь с Коминтерном, прежде всего надо было проложить путь в этот город и сделать его таким, куда мы могли бы приходить свободно.

Главная цель, которую мы преследовали, отправляя Ким Хека в Харбин, состояла в расширении сети наших революционных организаций в районе Харбина и установлении связи с Коминтерном.

До сих пор помню, как он, будучи не в состоянии скрыть своего волнения, охотно принимал даваемые нами задания.

Тогда Ким Гван Рер (Ким Рер) написал ему письменную рекомендацию для связи с Коминтерном.

Прощаясь, он крепко пожал мне руку и долго не выпустил ее из своей. Любые дела, будь они важные или неважные, если дело касалось нас, он выполнял быстро, с большим азартом, но всегда, когда ему приходилось отправляться в путь с отдельным заданием, он не скрывал свою грусть. Что бы он ни делал, он всегда любил делать это вместе с товарищами. Он больше всего в жизни чурался одиночества.

Однажды я спросил его: «Чего ты так чураешься одиночества? Поэту было бы неплохо часто быть и в одиночестве ради литературного творчества». Тогда он честно признался; «Когда колесил по белу свету с неистребимой обидой в груди, одиночество было для меня неразлучным спутником, но, расставшись с такой жизнью, почему-то хочется избегать его». Он, очень сожалея, продолжал: «Я приехал в Калунь из Цзяндуна, где провел несколько месяцев в одиночестве, но стоит только войти во вкус здесь, работать вместе с друзьями, проводя всю ночь напролет, как придется снова расстаться».

— Ким Хек! — пожимая ему руку, говорил я, будто уговаривая детей. — На пути революции чего только не бывает! Бывает и вот такая разлука. Съездишь в Харбин, пойдем вместе в Восточную Маньчжурию и там поработаем.

Он тоскливо усмехнулся.

— Сон Чжу, о Харбине не беспокойся! Что бы ни случилось, выполню задание организации и вернусь к вам, товарищам, с радостной вестью. Когда пойдешь в Восточную Маньчжурию, не забудь меня вызвать первым.

Это было наше с ним последнее прощание.

Расставшись с ним, и я почувствовал невыразимую пустоту в душе...

Сеть наших организаций впервые начала развиваться в

Харбине с конца 1927 года. В ту пору несколько школьников, учившихся в трудных материальных условиях в Гиринской средней школе № 1, убежали в Харбин после большого скандала с реакционно настроенным учителем по истории: тот на уроке надругался над корейской нацией. Среди них были и члены Общества корейских учащихся в Гирине, находившиеся под нашим руководством.

Мы дали им задание создать новые организации в Харбине. Они там создали Общество корейских друзей по учебе и читательский кружок, главным образом, из корейских юношей и девушек, обучающихся в Харбинском училище. Харбинском политехникуме, Харбинском медицинском училище, а осенью 1928 года из актива этих организаций — организацию АСМ в Харбине, а в начале 1930 года — организацию КСМК в Харбине. Каждый раз в дни каникул мы направляли в Харбин Хан Ен Э для руководства работой этих организаций. Когда борьба против прокладки железной дороги Гирин — Хвэрен охватила Маньчжурию, учащаяся молодежь Харбина, откликнувшись на нее, развернула борьбу в крупном масштабе. Это было возможным благодаря тому, что там активно действовали эти организации.

В революционных организациях Харбина было много молодцеватых юношей. И нынешний член Политбюро ЦК ТПК товарищ Со Чхор работал тогда в организации КСМК в Харбине.

Обстановка в Харбине, когда приехала туда группа КРА во главе с Ким Хеком, была чрезвычайно жуткая. Даже таким легальным организациям, как Общество корейских друзей по учебе и читательский кружок, приходилось уйти в подполье. Комсомол и другие нелегальные организации вынуждены были

последовательно замаскироваться.

Ким Хек вместе с местными товарищами обсуждали меры по охране организаций и их членов. По его предложению все революционные организации города, разбившись на несколько мелких групп, еще глубже ушли в подполье.

Вместе с членами вооруженной группы Ким Хек, находясь в гуще портовых рабочих, учащейся молодежи и других различных слоев масс, энергично вел работу по доведению до их сознания курса, принятого на Калуньском совещании. С присущим ему организаторским умением и дерзанием он воспитывал молодежь, добивался расширения организаций и в то же время активно вел не только подготовку к созданию низовых партийных организаций, но и работу по приобретению оружия. Избегая жуткой слежки врага, он установил связь и с пунктом связи Коминтерна.

Велика была заслуга Ким Хека в активизации нашей работы в Харбине. Он вел себя, как подобает вожаку, ответственному за один из участков революции, исходил эту местность вдоль и поперек. И однажды в явочном пункте связи на улице Даоли Харбина он вступил в перестрелку с неожиданно налетевшими на него врагами. Решившись покончить с собой, он прыгнул с третьего этажа. Но крепкое телосложение изменило его воле. Попытка покончить с собой не удалась, он был арестован, увезен в тюрьму в Люйшунь. Замученный жестокими пытками и истязаниями, он умер в тюрьме.

В рядах нашей революции Ким Хек, как и Пэк Син Хан, является одним из первых представителей нового поколения, положивших свою жизнь и молодость на алтарь Отечества и нации.

В ту пору, когда каждый товарищ по революции был

бесценно дорог, потеря такого талантливого человека, как Ким Хек, была поистине душераздирающей утратой для нашей революции. Встретив весть о его аресте, я несколько дней не мог уснуть. Позже, когда я был в Харбине, удрученный, прохаживал по улице и дебаркадеру, где были запечатлены следы Ким Хека, тихо напевал про себя песню, сложенную им при его жизни.

Ким Хек, как и Чха Гван Су и Пак Хун, исходил далекую чужбину в поисках пути Кореи и сходился с нами. Когда он жил в одной комнате на скудном пансионе во французском сеттльменте в Шанхае, питаясь куском хлеба насущного, и проводил время в тяжелых вздохах, Чха Гван Су писал ему письма о нас: «Не губи свою дорогую жизнь в Шанхае, приезжай в Гирин! Приедешь в Гирин, тут есть и руководитель, есть и теория, есть и движение, чего ты ищешь. Гирин — твой идеал!..» Письма с таким содержанием писал он ему не раз, а трижды, четырежды. И он приехал к нам. После нашего знакомства он, несколько дней осмотрев Гирин, пожал мне руку. «Сон Чжу! — говорил он. — Я брошу здесь якорь! Отныне начинается моя жизнь!»

Чха Гван Су и Ким Хек были закадычными друзьями еще с периода учебы в Токио в Японии.

До сих пор помню, как он в день создания КСМК со слезами на глазах запевал песню-гимн «Интернационал».

В тот день Ким Хек, пожав мне руку, говорил:

— Одно время, когда я был в Шанхае, вместе с китайскими учащимися участвовал в демонстрации. Они шли, выкрикивая антияпонские лозунги, и я, возбужденный, влился в ее ряды. Когда была разогнана демонстрация, пришел домой и ломал голову в одиночестве: что будет дальше? Что надо делать завтра? Я был независимым юношей: не принадлежал ни к какой партии, ни к какой организации. Никто меня не звал на сбор, никто не

давал ни распоряжения, ни совета: где и каким образом надо выступать завтра... Участвуя в демонстрации, я думал: как было бы хорошо, если найдется человек, который крикнул бы мне: «Шагай вперед!», когда я упаду духом в рядах демонстрации. Как ободрился бы я, если найдутся организации и руководитель, которые при возвращении домой после демонстрации дали бы мне распоряжение, что надо делать завтра! Как я был бы счастлив, если найдутся товарищи, которые могли бы, обняв меня, плакать, обливаясь слезами и зовя меня: «Ким Хек! Ким Хек!», когда я упаду, сраженный пулей! Тем более, если бы это были корейские товарищи и корейская организация. Когда я шел навстречу дулам ружей, такая мысль тяжелым камнем ложилась мне на душу. Мне посчастливилось в Гирине встретиться с хорошими товарищами, а сегодня я вступил в комсомол. Какое это высокое достоинство и гордость!..

В словах его не было прикрас.

Он часто говорил, что самое большое счастье в его жизни — быть в кругу прекрасных товарищей.

Такие жизненные его переживания и невзгоды заставили его сложить песню «Звезда Кореи» и распространять ее среди революционных организаций.

Я сперва совершенно не знал об этом. Когда я был в Синьаньтуне, там юноши пели эту песню.

Втайне от меня Ким Хек, посоветовавшись с Чха Гван Су и Чвэ Чхан Гором, распространял эту песню в районе Гирина. Тогда я подверг их резкой критике за то, что поют песню, в которой сравнивают меня со звездой.

С того времени, когда распространялась песня «Звезда Кореи», наши товарищи переименовали меня в Хан Бера. Так делали они, конечно, не учитывая мое мнение, и звали меня

«Хан Бер», «Хан Бер». Это имя составлено из иероглифов, означающих единственную звезду «Ир Сен (一星)», то есть «Хан Бер».

А Пен Дэ У и другие влиятельные лица Уцзяцзы, а также Чвэ Иль Чхон и другие молодые коммунисты вместе с моими товарищами предложили именовать меня Ким Ир Сеном (金日成). Таким образом стали звать меня трояко: «Сон Чжу», «Хан Бер» и «Ир Сен».

Ким Сон Чжу — это мое настоящее имя, данное отцом.

А в детстве меня звали Чын Соном. Так звала меня моя прабабушка. Так стала меня звать и вся наша семья.

Я очень дорожил настоящим именем, данным мне отцом, поэтому мне было неприятно, когда называли меня другими именами. Тем более я не допускал, чтобы люди величали меня звездой или солнцем, это мне, молодому человеку, было совсем не к лицу.

Но как бы резко ни осуждал я их, как бы ни отговаривал от их затеи, все было напрасно. Зная, что мне это было неприятно, они охотно пустили в ход имя Ким Ир Сен.

Такое мое имя впервые в официальной печати было опубликовано весной 1931 года, когда я, будучи арестованным военщиной в Гуюйшу, пребывал в тюрьме дней двадцать.

Но до той поры большинство людей, знавших меня, по-прежнему звали меня Сон Чжу. По прежней привычке.

Позже, после того как я начал вооруженную борьбу в Восточной Маньчжурии, среди товарищей меня звали только одним именем — Ким Ир Сен.

Так мои товарищи, давая мне новое имя и слагая песню, выдвигали меня руководителем. Их желание величать меня было действительно искренним.

Хотя я был еще молодым и имел опыт борьбы небольшой, но они так старались величать меня, ибо они извлекли урок из движения предыдущего поколения, когда деятели различных партий и фракций, не имея своего центра единства и сплоченности, выдавали себя каждый за выдающуюся личность и, занимаясь фракционной грызней, обрекали революционное движение на провал; ибо они всем сердцем убедились в той истине, что для возрождения страны двадцатимиллионный народ должен сплотиться, а для единодушного сплочения народа необходим центр руководства, центр единства и сплоченности.

Я так люблю таких товарищей, как Ким Хек, Чха Гван Су, Чвэ Чхан Гор, и не могу забыть о них не потому, что они посвящали мне песню и величали меня руководителем, а потому, что они были пионерами, которые положили начало единству и сплоченности, чего наша нация так страстно желала, но не могла осуществить, — этому подлинному единству и сплоченности, которые стали предметом гордости и чести нашего народа, источником неиссякаемой силы. Эти пионеры ценой своей крови открыли новую историю единства и сплоченности — историю единомыслия руководителя и масс в коммунистическом движении в нашей стране.

В рядах коммунистов нового поколения, начинавших вместе с нами революцию, не было случая, чтобы они из-за теплых местечек посеяли раздоры в рядах, не было и случая, чтобы разногласия привели к подрыву единства и сплоченности, которыми мы дорожили как своей жизнью.

Единство и сплоченность служили краеугольным камнем в наших рядах, различавшим: кто настоящий революционер, а кто лжереволюционер. Вот почему они и в тюремных застенках и на эшафотах ценой своей жизни отстаивали это единство и спло-

ценность. Они передавали их как бесценное наследие коммунистам последующего поколения.

Именно в этом заключается их первая историческая заслуга. Благородный и прекрасный дух коммунистов нового поколения, которые, выдвинув своего руководителя, объединялись исплачивались вокруг него, стал великой традицией, вызвавшей к жизни те единство и сплоченность, которые сегодня наша партия называет единомыслием и сплоченностью.

С тех пор, как молодые коммунисты, выдвинув своего руководителя и сплотившись вокруг него единой мыслью и волей, развернули революционную борьбу, национально-освободительная борьба в Корее, положив конец истории прошлого, запятнанной пороками фракционной грызни и хаоса, начала вписывать в нее новую страницу.

Более полувека прошло с тех пор, как Ким Хек ушел от нас. Но и поныне стоит перед моими глазами образ человека, который во имя революции проводил бессонные ночи, голодал, обмораживал себе ноги, пробиваясь сквозь свирепую маньчжурскую вьюгу.

Будь он в живых и рядом с нами, он проделал бы еще многое. Каждый раз, когда революции предстоит пройти через суровые испытания, я вспоминаю о вечно дорогом товарище Ким Хеке, который весь, воспламеняясь огнем любви к Родине, прославлял свою молодость в борьбе, и не в силах сдержать чувство глубокой скорби при мысли о том, что он так слишком рано ушел из жизни.

Желая увековечить образ Ким Хека перед грядущими поколениями, мы поставили его бюст в первом ряду Мемориального кладбища революционеров на горе Тэсон.

Ким Хек не оставил ни одной фотокарточки. Всех соратни-

ков того времени уже нет в живых, и неоткуда теперь узнать, увидеть его живое лицо. И создавая его бюст, воздвигая его образ по моим рассказам, наши скульпторы усердно хлопотали над воссозданием его образа.

7. Лето 1930 года

Сектанты из фракции Эмэльпха не извлекли урока из неудачи восстания 30 мая. До и после Международного антивоенного дня — 1 августа 1930 года — они вновь подняли безрассудное восстание, главным образом, в районах вдоль железной дороги Гирин — Дуньхуа.

Вследствие этого безрассудного восстания перед нашей революцией встали большие трудности. Перед лицом врага обнаружены даже и те немногие революционные организации, которые ушли глубоко в подполье после восстания 30 мая. Организации, которые мы после моего выхода из тюрьмы привели в порядок с величайшим трудом во многих местах, опять подверглись удару и разрушены. В различных районах Маньчжурии были арестованы и подвергнуты смертной казни многие лучшие руководящие кадры. Враги получили новый подходящий предлог наклеветать на коммунизм и репрессировать коммунистическое движение.

Нечего и говорить, какую большую подмогу оказало это восстание японским империалистам в их политике разжигания национальной розни. Из-за двукратного восстания корейцы лишились доверия китайцев. Позже мы с трудом восстановили это доверие через партизанскую борьбу.

После восстания 1 августа корейцы в Восточной Маньчжурии постепенно сознавали всю опасность левацкого авантюриз-

ма и стали относиться с недоверием и осторожностью к фракционерам-низкопоклонникам, толкающим массы на безрассудный бунт.

Мы немедленно направили подпольщиков в районы, где вспыхивали восстания, чтобы революционные массы больше не обманывались агитацией фракционеров.

Я тоже решил идти в сторону Дуньхуа через Гирин и приводить в порядок организации, находясь там некоторое время.

В Гирине тоже сложилась очень напряженная обстановка, как после восстания 30 мая. Мне пришлось переодеваться по нескольку раз в день, чтобы встретиться с людьми, причастными к организации.

На вокзале, у крепостных ворот и на всех перекрестках Гирина были установлены посты для проверки и обыска. Тайные агенты японского консульства рыскали по улицам, чтобы отыскать корейских революционеров. То был период, когда националистическое движение катилось к закату, и теперь враги не следили за старыми деятелями Армии независимости, как во время дела Ан Чхан Хо, а ставили повсюду сети, чтобы ловить молодых борцов — участников коммунистического движения.

Взяла меня обида и досада при мысли, что теперь трудно видеть знакомые лица в городе Гирине, который кипел борьбой против прокладки железнодорожной линии Гирин — Хвэрен.

Расставаясь со мной, товарищи советовали остановиться в Гирине не надолго и без промедления уехать в Хайлун или Цинъюань. Но мне не легко было так покинуть Гирин. Не мог я сразу уйти из этого города, где я целые три года денно и нощно прилагал титанические усилия для прокладывания нового пути революции. Я не питал бы столь сильную привязанность к

Гирину, если бы не так страдал здесь ради революции, даже и сидя за решеткой. Люди любят то или иное место столько, сколько они вложили в него своей души.

К счастью, я нашел одного товарища, занимавшегося комсомольской работой, и через него узнал места, где находились некоторые члены нашей организации. Я собрал их в одно место и отдал им такое распоряжение: больше не обнажать членов организации перед врагом и на определенное время уйти в подполье даже таким легальным организациям, как Гиринское общество корейских детей и Общество корейских учащихся в Гирине. Обсуждали также и меры по осуществлению курса Калуньского совещания. Я направил в различные районы надежных товарищей с заданием привести в порядок революционные организации.

И я тоже решил покинуть Гирин. Меня ждало слишком много дел. Когда я в основном справился с работой в Гирине, меня охватило горячее стремление восстановить разрушенные организации, идя в сторону Восточной Маньчжурии.

Я думал направиться в Цинъюань или Хайлун и, скрываясь там некоторое время в домах китайских товарищей, ликвидировать последствия восстания в районах, потерпевших большой урон от вражеских репрессий. Я рассчитывал, что если идти в Цинъюань и Хайлун, можно будет установить связь с Чвэ Чхан Гором, с кем не успел я встретиться ни разу после Калуньского совещания, и уж вместе с ним прокладывать канал в Южную Маньчжурию. Эти районы, как Люхэ, были участками деятельности Чвэ Чхан Гора.

В Люхэ, Хайлуне, Цинъюане и прилегающих к ним районах он создавал первичные партийные организации и расширял сеть КСМК, АСМ и других массовых организаций. В ту пору револю-

ционное движение в этих местностях переживало серьезные испытания из-за противоборства между прокунминбуской и антикунминбуской группами. Вдобавок дали себя знать и последствия восстания 1 августа, и разрушались одна за другой многие революционные организации.

В местечке между Хайлуном и Цинъюанем жил один мой близкий друг, который был моим одноклассником в годы ученичества в Гирине. Этот китаец служил в нашем отряде, когда создалась партизанская армия, и вернулся домой после похода в Южную Маньчжурию. Я намеревался остановиться в его доме и там проводить некоторое время, думал, что за это время утихнет немного белый террор и я смогу благополучно миновать опасный момент.

Когда я отбыл из Гирина, меня провожали на вокзале несколько товарищей-девушек. Они пришли проводить меня в изящных нарядах, словно барышни богатых семей, и я смог сесть в поезд благополучно, не вызывая никаких подозрений. В то время военщина считала, что джентльмены не участвуют в коммунистическом движении.

Тогда я сел в поезд не на главном вокзале Гирина, а на окраинной станции, где надзор был не так строг.

В вагоне я неожиданно встретился с Чжан Вэйхуа. Он сказал, что едет в Шэньян на учебу. По его словам, он перед отъездом в Шэньян был в Гирине, чтобы увидеться со мной и обсудить возможность участия в революции, а там была страшная атмосфера.

— Скрылись все знакомые корейцы и бросались в глаза только одни жандармы, полицейские и японские прихвостни. Я хотел встретиться с тобой, Сон Чжу, но не смог, не было там знакомых, и вот я еду в Шэньян, — продолжал он и притащил

меня в вагон первого класса, где он занимал свое место. Казалось, он тоже догадался, что я езжу, избегая террора.

В тот день полицейские подвергли пассажиров особенно строгому контролю. Закрыв все выходы и входы, они проверяли у каждого удостоверение, а у иных бесцеремонно копались даже в ручном багаже и личных вещах. Контролеры проверяли билеты тоже особенно тщательно. Последствия восстания 1 августа сказывались не только в городе и деревне, но и в поездах.

При доброй помощи Чжан Вэйхуа я смог благополучно доехать до Хайлунского вокзала. Полицейские придирчиво проверяли других пассажиров, но не смели ни о чем спрашивать Чжан Вэйхуа, одетого в шикарное платье китайского джентльмена. Меня, сидевшего рядом с ним, полицейские тоже не проверяли. Контролеры, проверяя билеты у других, не требовали от нас даже показать им билеты. Видимо, сказывался авторитет семьи Чжан Вэйхуа.

А у меня тогда были секретные документы и материалы. Если бы полицейские обыскали меня, случилась бы беда.

Когда мы прибыли на станцию Хайлун, было видно, что на платформе и у выхода установили строгий надзор полицейские из японского консульства. Я сразу интуитивно почувствовал, что мне грозит опасность. Я насторожился не на шутку, видя японских полицейских на станции. У китайских и японских полицейских название одно и то же, но хуже было попасть в лапы японской полиции. Схваченных в Маньчжурии корейских революционеров она тут же увозила в Корею или бросала в тюрьмы в Люйшуне, Даляне и Гирине, подвергнув их суду при Квантунском губернаторстве.

Когда я безмолвно смотрел в окно в нерешительности, Чжан Вэйхуа предложил мне зайти в его дом, если у меня нет срочного

дела. Он говорил, что неплохо бы мне повидаться и с его отцом и заодно поговорить о его будущем.

Сначала я намеревался сойти с поезда на станции Цаоши и добраться до назначенного места. Нужно было для этого проехать еще пять или шесть станций. Если Чжан Вэйхуа высадился бы на станции Хайлун, возникла бы неожиданная опасность, так как больше никто бы не защитил меня. Поэтому я согласился и принял его приглашение.

Кстати, на станции ждал его отец. Он был в Инкоу, продавал там женьшень и, на обратном пути узнав, что сын приедет в Хайлун, приехал на станцию, чтобы встретить его.

Десятки дружинников с маузерами в деревянных кобурах на поясе подали нам роскошную карету. У них был такой внушительный вид, что полицейские из консульства не посмели даже подойти к нам.

Мы сели в карету и как бы демонстративно ехали по привокзальной улице, охраняемые дружинниками,

В тот день я остановился в комфортабельной гостинице и хорошо отдохнул, проводя время вместе с семьей Чжан Вэйхуа. Гостиницу охраняли его дружинники. Они стояли около гостиницы на часах, окружив ее двойными и тройными кольцами.

Отец Чжан Вэйхуа очень обрадовался встрече со мной, устроил меня в номере люкс и заказывал мне изысканные блюда. Еще в те годы, когда мы жили в Фусуне, он относился ко мне с сердечной лаской. Когда гости спросили, кто я ему, он ответил в шутку, что приемный сын. Вначале он так говорил шутя, но потом стал называть меня приемным сыном с искренней душой.

Еще в Фусуне я подружился с Чжан Вэйхуа, несмотря на то, что он сын крупного богача. В общем-то я с детства знал, что каждый помещик — эксплуататор, но это не мешало мне

дружить с Чжан Вэйхуа. Он был добрым и честным человеком, с сильным антияпонским настроением, и я вступил в дружеские отношения с ним без всяких предубеждений. Я был глубоко тронут его сердечностью, когда он оказал мне помощь в такой критический момент. Если бы раньше я чуждался его потому, что он сын помещика, они с отцом не защищали бы меня столь искренно в такую опасную для меня минуту.

Чжан Вэйхуа, будучи сыном крупного богача, мог бы прожить всю свою жизнь в роскоши, не участвуя в революции или не поддерживая ее, но он вместе с отцом помогали мне в критические минуты. Он сделал так потому, что дорожил чувством долга между друзьями.

Еще в период, когда я учился в начальной школе в Фусуне, Чжан Вэйхуа дружил со мною, не видя разницы между нами, как между богачом и бедняком, китайцем и корейцем. Он глубже, чем кто-либо другой, понимал наше горе, горе народа порабощенной страны, сочувствовал нам и поддерживал от всей души нашу волю и решимость добиться возрождения Родины. Этот его поступок объясняется тем, что он сам был патриотом, который горячо любил свое отечество и китайскую нацию. Он видел в трагической участи корейской нации трагедию и своей китайской нации.

Отец Чжан Вэйхуа был богачом, но он тоже был патриотом с твердыми убеждениями, который отвергал внешние силы и выступал за суверенитет нации. Его патриотизм и верность своему отечеству ярко отражены даже в данных им именах его детей. Старшего сына он назвал Вэйчжун. Второй слог этого имени «чжун» заимствован из официального названия Китайской республики (Чжунхуаминьго). Второму сыну дал имя Вэйхуа, третьему — Вэйминь. Он решил и четвертого сына

назвать Вэйго, но он не родился. Итак, если взять каждую вторую часть из этих четырех имен, то получится официальное название Китая — «Чжунхуаминьго».

Тогда Чжан Вэйхуа сказал мне, что, видимо, весной или осенью следующего года японские империалисты предпримут нападение, и спросил, какой у меня план в связи с этим. Я ответил:

— Буду идти в бой с японскими империалистами, когда они нападут, и буду бороться против них с оружием в руках.

—Я тоже хочу воевать, но неизвестно, разрешит ли мне это моя семья, — сказал он обеспокоенно.

И я снова сказал ему:

— Какая тут семья, когда гибнет страна! Раз и ты решил бороться против старого общества, должен принять участие в революции. Теперь другого выхода нет. Иначе просто будешь сидеть дома и перелистывать книги, бесплодно беспокоясь о судьбах родины и разговаривая о коммунизме. Третьего пути не дано. На родителей оглядываться не следует, надо вести революцию. Это и есть путь службы Китаю, путь спасения китайской нации. Ты, конечно, должен вести революцию вместе с китайцами. Когда нападут японские империалисты, восстанут не только корейцы. Китайцы тоже поднимутся.

Таким образом, остановившись в гостинице денька на два-три, я внедрял в сознание Чжан Вэйхуа антияпонские идеи. Выслушав мой совет, он сказал, что он тоже включится в дело революции после окончания школы.

— Когда мне будет трудно, я снова обращусь к тебе за помощью. Скажи-ка мне, где ты устроишься в Шэньяне? Дай мне твой адрес, — сказал я.

Он дал мне свой адрес. Потом я еще спросил его, не сможет

ли он помочь мне благополучно добраться до места назначения.

—Я буду делать все, что в моих силах, чтобы помогать тебе и защищать тебя, — ответил он и доставил меня в своей карете до дома моего китайского друга, расположенного на границе между уездами Хайлун и Цинъюань.

Семья друга, к которому я прибыл, тоже была богатая, как и семья Чжан Вэйхуа. Среди предтеч китайской революции было немало таких людей. Поэтому я всегда думаю, что китайская революция носит свой специфический характер. Наряду с рабочими и крестьянами интеллигенты и зажиточные люди тоже принимали широкое участие в революционном, коммунистическом движении.

Выходцы из богатых семей тоже могут иметь решимость участвовать в революционном движении за устранение противоречий, сдерживающих самостоятельность человека и развитие общества, когда они обнаруживают эти противоречия. Поэтому, думаю, выходят и из среды состоятельных людей передовые люди и борцы за интересы трудящихся масс. Дело не в социальном происхождении, а в мировоззрении.

Кто считает человеческую жизнь просто наслаждением, тот не может вести революцию и ограничивается лишь роскошествами. Но кто предпочитает достойную человеческую жизнь наслаждению, тот участвует в революции, несмотря на социальное происхождение.

Сама революция понесет большой ущерб, если отстранить от нее всех таких передовых людей, ссылаясь на классовую принадлежность.

Я остановился в доме китайского друга на несколько дней. Он тоже оказал мне теплое гостеприимство, как и Чжан Вэйхуа. Теперь, к сожалению, не помню точно его фамилии, Ван или Вэй.

Несколько дней искал я Чвэ Чхан Гора при помощи этого друга, но поиски оказались напрасными. Говорили, что он ушел глубоко в подполье после восстания 1 августа.

Я встретился с одним комсомольцем, который жил близ Цаоши, и попросил его передать Чвэ Чхан Гору мое письмо. В письме я предложил ему скорее восстановить разрушенные организации в Хайлуне, Цинъюане и их окрестностях и форсировать подготовку к вооруженной борьбе.

Было скучно и тяжело проводить время в доме китайского друга в качестве гостя. Мне не терпелось с головой окунуться в кипучую деятельность, шагая по земным просторам, даже если мне и грозит новая опасность. Чтобы действовать, нужно было снова переодеться. А мне думалось, что будет плохо, если допустить опрометчивый поступок. Трудно было вновь возвратиться в Гирин, да и не легко было сесть в поезд, так как южноманьчжурская железная дорога находилась в руках японцев. Хотел бы поехать в Цзяньдао, но там будет трудно действовать, потому что там катились волны ареста коммунистов. Но все же я решил отправиться в дорогу. Решил поехать в Восточную Маньчжурию, невзирая ни на что, и проводить там подготовку к вооруженной борьбе.

Итак, я вместе с моим китайским другом сел в поезд в Хайлуне и поехал до Гирина. Сделав там пересадку, направился в Цзяохэ. В Цзяохэ было немало организаций, находившихся под нашим влиянием. Там были и Хан Ен Э, с которой я подружился еще в период жизни в Гирине, и ее дядя Хан Гван. Я намеревался при их помощи найти убежище, где можно будет избежать преследования военщины до поры до времени и заниматься работой по восстановлению и упорядочению организаций. Думал также с помощью этой девушки установить связь с вышесто-

ящей организацией, подведомственной Коммунистическому Интернационалу Молодежи и находящейся в Харбине.

В начале 1929 года Хан Ен Э бросила учебу в школе Гирина из-за семейных обстоятельств и вернулась в Цзяохэ. Но и там она по-прежнему поддерживала связь с нами.

Я долго задумывался над тем, с кем нужно встретиться в первую очередь, и решил зайти сначала к Чан Чхоль Хо, бывшему командиру роты Армии независимости.

После создания Кунминбу Чан порвал отношения с верхушкой Армии независимости и, сняв военное обмундирование, вернулся в Цзяохэ и ушел с головой в эксплуатацию рисоочистительной фабрики. Я посетил этого человека потому, что он, будучи другом моего отца, очень любил меня и был патриотом, которому можно было довериться. Мне было нужно место, где можно было бы расположиться временно, до тех пор, пока не будут найдены члены организации.

Он очень обрадовался моему визиту, но не предложил мне скрыться в его доме. Видимо, он побаивался этого, и я не высказал цели моего посещения. Я направился в дом Ли Чжэ Суна, который при жизни моего отца оказывал активную помощь деятелям движения за независимость, содержа гостиницу. Он тоже радушно встретил меня, но предложил расстаться, угостив меня миской пельменей в китайской столовой.

В ту пору для меня было важнее надежное убежище, чем пища на один-два приема. Он тоже, несомненно, догадался, зачем я пришел к нему, но не предложил даже переночевать в его доме и проводил меня ласковыми словами «Счастливого пути». Конечно, он думал только о последствиях моего визита, предав забвению сознание долга и дружеские отношения прошлого времени.

Здесь я извлек один серьезный урок, ни к чему и друг отца без идейного единения; нельзя вести революцию только на основе одних дружеских отношений и симпатий прошлого времени.

Когда изменяются идеи и убеждения, меняются также и сознание долга и человеческое чувство. Образуется трещина и человеческий разрыв даже между близкими людьми, которые раньше были готовы делить даже жизнь и смерть, тоже оттого, что изменились идеи одной стороны. Дружба и товарищеские узы, считавшиеся навеки неизменными, неизбежно дают трещину, когда разложилась идейно какая-нибудь одна сторона. Без отстаивания идей нельзя сохранить чувство долга и дружеские отношения. Это был урок, который я извлек впоследствии в процессе длительной революционной борьбы.

Расставшись с Ли Чжэ Суном, я пошел в дом Хан Гвана. «Может быть. Хан Гван спрятался где-нибудь, но Хал Ен Э осталась дома, поскольку она женщина. Она поможет мне, рискуя даже своей жизнью, когда узнает о моем положении», — подумал я.

Однако не застал я дома ни Хан Гвана, ни Хан Ен Э. Я спросил у хозяйки соседнего дома, где они, она ответила, что не Знает. Скрылись все корейские юноши и девушки, которые участвовали в движении так или иначе. И теперь больше не к кому было зайти.

Вдруг налетели полицейские, видимо, по чьему-то доносу. «Не избежать ареста!» — мелькнуло в голове. Я считал положение свое отчаянным. А тут меня спасла от опасности та соседка.

— Не знаю я вас, но вижу, что вы в опасности. Проходите скорее на кухню, — сказала эта женщина и быстро привязала к моей спине ребенка, которого она носила на своей спине. — Отвечать буду я. А вы сидите вот здесь и топите печку.

Наверно, тогда я выглядел намного старше своего возраста, чтобы мог притвориться хозяином этого дома.

Я стал играть роль, порученную мне хозяйкой, с ребенком на спине, держа в руке кочергу и сидя у печки. Ведя революцию, я переживал немало опасных ситуаций и критических моментов, когда обрывалось сердце, но такой случай испытывал впервые отроду.

Полицейские отворили дверь и спросили хозяйку:

— Куда делся юноша, что убежал сюда только что?

— О каком юноше вы говорите? В наш дом не вошел никакой человек, — ответила она хладнокровно. Потом добавила как бы шутя по-китайски: — Дома никого нет. Войдите и угощайтесь, если хотите.

У меня на спине все плакал ребенок, видимо, чуя незнакомца. Я хотел было его побаюкать, но не посмел, — как бы не разоблачило меня такое неловкое баюкание, и только перемешивал кочергой топливо в печке.

— Куда удрал этот негодяй? Нет, мы в нем не ошиблись, — галдели полицейские и куда-то ушли.

Когда они исчезли, хозяйка сказала спокойно с улыбкой:

— Продолжайте играть роль «хозяина» до тех пор, покуда полицейские не уйдут из села. Наш хозяин работает на поле. Приведу я его, вы можете сидеть здесь без беспокойства. Будем обсуждать вместе, как быть дальше...

Она накрыла мне стол и сходила на поле. Спустя некоторое время опять появились полицейские. Они требовали от меня выйти на улицу, говоря, что хотят дать мне поручения.

— Хозяин болен и не может выполнить ваши поручения. Если дело срочное, буду выполнять я сама, — сказала хозяйка спокойным голосом и выполнила их поручения вместо меня.

Так я миновал критический момент при помощи этой женщины. Это была простая деревенская женщина, но она обладала исключительной находчивостью и умом. У нее была довольно высока и революционная сознательность. Образ этой неизвестной женщины произвел на меня неизгладимое впечатление. Невзирая на смертельную опасность, помогла мне эта совсем незнакомая женщина, а не друзья моего отца, которых я посетил, веря в былые дружеские отношения. Самоотверженно спасла она меня от кризиса с одним чистым желанием помогать революционеру. Настоящую цену человека можно узнать только в трудный момент.

Честное и сердечное сознание долга, на которое могут полагаться без колебаний революционеры в минуту, когда их жизнь висит на волоске, нашлось у трудового народа. Вот почему я постоянно советовал соратникам своим идти к народу, когда они сталкиваются с трудностями в революции. Советовал идти к нему и тогда, когда они испытывают голод или жажду, и тогда, когда у них произошло какое-нибудь горе, случилась какая-то беда.

Это была поистине замечательная женщина. Хотелось бы хоть сейчас отвесить ей поклон, если она еще жива.

Зимой того же года командный состав КРА и руководители подпольных организаций Маньчжурии вели совещание, собравшись в Уцзяцзы. Тогда я рассказывал им об этой женщине.

Выслушав мой рассказ, товарищи говорили:

— Тебе повезло. Сон Чжу. Небо тебе помогает.

— Нет, я миновал ту опасность и не попал в лапы военщины не потому, что помогло мне небо, а потому, что народ заботился обо мне. По-моему, народ и есть небо, и воля народа — воля неба, — ответил я им.

С тех пор выражение «тетушка в Цзяохэ» стало символом мудрости нашего народа и его самоотверженносги, символом духа женщин, сердечно помогающих революционерам в опасный момент, жертвуя своей жизнью.

И поныне я часто думаю о Цзяохэ и рисую перед глазами незабываемую женщину в Цзяохэ, когда вспоминаю обожженное палящим солнцем, кровавое лето 1930 года. И каждый раз, когда я восстанавливаю в памяти образ этой женщины, о ком уже ни слуха ни духа, как мы ни старались найти ее в течение десятков лет, с болью на сердце сознаю свою ошибку, что в тот день, более 60 лет тому назад, так спешно покинул я землю Цзяохэ, не спросив даже ее имени.

Если бы узнал я тогда хоть ее имя, то можно было бы опубликовать объявление на весь мир.

После освобождения страны и по сей день многие мои благодетели посещали меня по тем или иным каналам. Иные из них, проживавшие на чужбине, появились седыми стариками через полвека. Немало моих благодетелей, помогавших мне в трудные дни, встретились со мной и получили мой благодарственный привет, вернувшись на освобожденную Родину.

Однако одна та женщина, прожившая в Цзяохэ, так и не появляется. Может быть, и сама она совсем забыла драматическое событие, происшедшее летом 1930 года, считая его обыденным делом. Моя бесценная благодетельница более 60-летней давности безмолвно исчезла на земле без всякой вести и следов. Лучшая яшма, как правило, прячется глубже в земле...

Эта женщина сняла с моей спины ребенка только тогда, когда муж ее вернулся с поля. Это событие напоминает собою точь-в-точь детективный роман.

Я поздоровался с хозяином, представившись ему под чужим

именем, так как не мог назвать своего настоящего имени, и просто сказал, что я участвую в революции.

Хозяин ответил, что он тоже участвовал в революции, но связь с организацией у него прервалась, и как быть дальше — не знает. Он подсказал, что около его дома живет большая собака (тайный агент) и надо быть начеку. По его словам, Хан Гван убежал в Северную Маньчжурию, а Хан Ен Э вынуждена скрыться от преследования и очень трудно будет встретиться сейчас с нею.

Эти слова хозяина озадачили меня. Хорошо было бы выждать подходящий момент, спрятавшись в этом доме, и снова отправиться в сторону Дуньхуа. Но когда рядом находится лазутчик, больше никак нельзя было оставаться здесь. Впрочем, в Дуньхуа был расположен опорный пункт японцев и находилась штаб-квартира фракции Хваёпха компартии, так что там был строгий надзор. Почти все корейцы там были арестованы сразу после восстания 30 мая и остались лишь одни женщины. Трудно было надеяться, что можно будет найти опору в такой местности.

С наступлением темноты я в сопровождении хозяина дома пошел в отдельную избу, расположенную километрах в шести от Цзяохэ. Очень любезными оказались хозяева этой избушки — старик и старуха.

В ту ночь я лишний раз глубоко осознал, что нам, революционерам, не на кого опираться, кроме как на народ, и надо всегда верить ему и полагаться на него.

Я лег в постель, но сон не приходил ко мне и в голове роились всякие сложные мысли. «Не сумел найти никого из тех, с которыми следует встретиться, и вот уже несколько дней остаюсь ни с чем. Почему это так случилось? Надо выйти из такого

пассивного положения и преодолеть всякие препятствия. Если попадешь в тупик, то будет конец всему. Нужно же действовать наконец. Ничего не добьешься, скрываясь вот в такой местности. Необходимо пересилить трудную ситуацию любыми средствами, идти в Восточную Маньчжурию и развивать революцию дальше».

Когда рассвело, неожиданно появилась Хан Ен Э в этой избушке. Получив известие, что я направляюсь в Восточную Маньчжурию, она, уходя из дому в место укрытия, попросила мать сообщить ей, когда посетит ее молодой человек с ямочкой на правой щеке. Так мы снова встретились через год после суровых испытаний.

Мы были так рады встрече, что некоторое время не могли даже слова вымолвить и только глядели друг на друга. Всего лишь за один год сильно осунулось и неузнаваемо изменилось лицо девушки, которая смеялась до слез звонким заразительным смехом, когда бывало весело.

По ее словам, обстановка в Цзяньдао тоже была страшная. Я на это сказал ей так:

—Только слизняк может так прятаться, как мы сейчас. Все-таки нам надо действовать. Вскоре нападут японские империалисты, так что надо встать и готовиться к бою с ними. Нельзя сидеть сложа руки. Следует быстро привести в порядок организации и пробудить массы. Ведь нельзя же только скрываться и дрожать от страха.

Она одобрила мое мнение и сказала, что мои слова придают ей смелости.

—Да, не найдешь никакого пути, сидя здесь, где никого нет. Пойдемте в Харбин. Помогу тебе установить связь с организацией, — добавил я.

Она ответила, что металась, не зная, как быть, после прерыва связи с организацией, и обрадовалась, что такая возможность есть.

В Харбин я послал Ким Хека, чтобы установить связь с Коминтерном, но теперь решил самому немедленно отправиться в Харбин и встретиться с людьми из Коминтерна, прежде чем вернется Ким Хек и доложите своей деятельности. Организации, разрушенные до основания вследствие восстания, и вид города и деревни, где господствует ужасающая атмосфера, словно объявлено чрезвычайное положение, дали мне еще раз глубоко осознать, какой серьезный вред причинили революции левацкие оппортунисты, и ясно понять, что без преодоления их происков наша революция с самого начала 30-х годов неизбежно понесет огромный ущерб.

Одной теоретической полемикой невозможно было пресечь безрассудные действия фракционеров-низкопоклонников и левацких авантюристов. Они не прислушивались к нашим словам, логичным и полезным для дела революции. Вообще не хотели они понимать наше мнение. Вот вспыхнуло наконец восстание 1 августа как продолжение восстания 30 мая, о чем мы так беспокоились. Это свидетельствовало о том, что они полностью игнорировали предложение, выдвинутое нами на совещании парторганизации воосточногиринского района.

Нужна была помощь Коминтерна для того, чтобы остановить колесо левацкого авантюризма, которое неудержимо катится по земле Маньчжурии.

Мне хотелось узнать мнение Коминтерна о восстании и уточнить, поднято это восстание по распоряжению Коминтерна или по абсурдному настоянию некоторых личностей. Если Коминтерн дал такое распоряжение, то я хотел бы остановить это

колесо посредством дискуссии.

В условиях строгого надзора врагов мы решили сесть в поезд, переодевшись в китайцев.

Хан Ен Э целый день обходила Цзяохэ, чтобы достать джентльменские костюмы и обувь для нас и деньги на дорожные расходы. Чтобы не вызвать подозрения жандармов и полицейских, положили в чемоданы и предметы косметики.

С помощью Хан Ен Э благополучно доехал до Харбина. Мы посетили пункт связи Коминтерна, расположенный у въезда в квартал Шанбуцзе у пристани Харбина. Я представил работникам пункта Хан Ен Э, сообщил им о положении, сложившемся в Восточной Маньчжурии после восстаний 30 мая и 1 августа, и рассказал о решениях Калуньского совещания.

В пункте связи Коминтерна тоже оценили два эти восстания как авантюристические акты. Работник пункта, принявший меня, сказал, что, по его мнению, все решения, принятые нами на Калуньском совещании, отвечают реальным условиям Кореи и соответствуют принципам революции, и оценил нашу позицию как вдохновляющую, которая отражает творческий подход к марксизму-ленинизму.

Он заявил, что не противоречит принципу представительства одной партии от одной страны то, что на Калуньском совещании мы выдвинули курс на создание партии нового типа и основали ее головную организацию, то есть фундаментальную партийную организацию — союз товарищей Консор.

Таким образом, я получил от Коминтерна полную поддержку принципа самостоятельности и творческого подхода, имевшего жизненно важное значение для нашей революции, и намеченной нами всей линии.

Тогда в Коминтерне говорили, что в Москве функционирует

основанный им Коммунистический университет, и спросили меня, нет ли у меня намерения учиться в этом университете.

Я тоже знал, что в Москве есть такой университет, что в нем занимается и корейская молодежь, стремящаяся к коммунизму, по рекомендации Коммунистической партии Кореи. Так, учились в этом университете Чо Бон Ам, Пак Хон Ен, Ким Ён Бом и другие. В то время у молодежи Маньчжурии была так сильна мечта учиться в Москве, что она даже пела «Песню об учебе в Москве».

Я не хотел отрываться от революционной практики и ответил: «Идти туда хочу, но сейчас не позволяет положение».

В 1989 году, беседуя с пастором Мун Ик Хваном, мимоходом я рассказал ему о Харбине. Он сказал, что тогда его отец тоже занимался в Харбине работой по отправке в СССР на учебу молодежи, отобранной Коминтерном.

Коминтерн поручил мне тогда работать ответственным секретарем комсомольской организации восточногиринского района.

Через пункт связи Коминтерна мы получили также известие о том, что Ким Хек выбросился из окна трехэтажного здания и заточен в тюрьму. Во весь период пребывания в Харбине мы с Хан Ен Э тяжело переживали из-за ареста нашего товарища. Острой болью отозвалось в моем сердце то, что Ким Хек скован кандалами, и однажды мы побывали у трехэтажного здания на улице Даоли, с которого он бросился.

В магазинах и ресторанах на улице Даоли продавали вкусные блюда, но для нас они были «хлебом на картине».

В Коминтерне дали нам по 15 *чон* в день в качестве расходов на жизнь. Но этого было слишком мало для проживания в Харбине. Революционеры не могли останавливаться в обычной

гостинице, ибо там была очень строга проверка приезжающих. Только в отеле, который содержали белогвардейские русские эмигранты, полицейские не появлялись и не требовали прописки. Но там была слишком велика плата за питание и номер. В таком комфортабельном отеле останавливались лишь капиталисты, у кого большие деньги, а простые люди, как мы, не могли и думать о нем. После раздумья я решил устроиться в безопасном отеле, даже если придется есть только раз в день, а Хан Ен Э поместить в простую гостиницу, где обычно не проверяли женщин.

Сооружения отеля были поразительными. Тут имелись и магазин, и ресторан, увеселительное заведение, танцевальный зал и даже кинозал.

Устроившись в этом отеле без денег, я испытал немало неудобных случаев. Когда я вошел в номер, за мной последовала русская служанка и предложила мне сделать маникюр. За это обслуживание надо платить, и я от этой любезности отказался, говоря, что ногти уже подстрижены. Когда она ушла, вошел официант испросил, какие блюда заказать. Пришлось ответить, что обедал в доме друга.

Вот такая мучительная процедура повторялась каждый день, но в отеле я не питался ни разу, я в нем только ночевал. По вечерам после работы мы вместе с Хан Ен Э утоляли голод дешевыми кукурузными блинами, которые продавали на улице.

Когда-то я рассказал такую историю Лю Шаоци, посетившему нашу страну. Гость ответил, что в том году он тоже работал в Харбине. Он сказал, что тогда среди членов местной парторганизации не было китайцев и ему пришлось работать вместе с несколькими корейскими коммунистами, и спросил, не имел ли я тогда связь с Коминтерном. Судя по времени, кажется, что я прибыл в Харбин и встретился с работниками Коминтерна

вслед за тем, как Лю Шаоци покинул этот город после работы.

Я дал Хан Ен Э задание найти рассыпанных членов организации.

Она установила связь с человеком по фамилии Хан из харбинской организации комсомола, с которым была знакома еще в годы ученичества в Гирине. Через него она находила одного за другим членов организации, ушедших в подполье, и разъясняла им курс Калуньского совещания.

Я тоже шел в гущу железнодорожников и докеров. С ними работал Ким Хек, и они находились под влиянием революционной организации.

Так я привел в порядок подпольные организации в Харбине, установил связи между товарищами, а потом уехал один в Дуньхуа, оставив Хан Ен Э. Время было крайне напряженное, и я расстался с ней, не успев даже поблагодарить ее за помощь. Она хотела отправиться вместе со мной, но я не мог удовлетворить ее просьбу, так как товарищи в Харбине предложили оставить ее. После прибытия в Восточную Маньчжурию меня постоянно мучила мысль о ней, но я не мог даже написать ей письмо в силу дисциплины подпольной деятельности. И мы больше так ничего и не знали друг о друге.

О дальнейшей судьбе ее я узнал долгое время спустя по материалам, собранным сотрудниками Института истории партии при ЦК ТПК.

Уходя в Дуньхуа, я оставил письмо революционным организациям Харбина. Хан Ен Э развернула энергичную деятельность, чтобы выполнить задачи, которые я дал в этом письме харбинским товарищам, и была арестована полицией осенью 1930 года. Если бы она была простой женщиной, вернулась бы тогда в Цзяохэ, тоскуя по семье. Но она осталась в Харбине и работала

денно и нощно, чтобы выполнить данные мною задания. Она была скромной, скупой на слова девушкой, но действовала настойчиво и смело, если дело касалось интересов революции. После ареста она тут же была перевезена в Синичжускую тюрьму, где подвергалась истязаниям. То был период, когда были арестованы и брошены в тюрьмы одновременно многие причастные к ССИ, в том числе Ли Чжон Рак и Пак Чха Сок. И Хан Ен Э оказалась в тюрьме, где сидел Ли Чжон Рак. Однажды он говорил ей:

— Я хорошо знаю Ким Сон Чжу, а ты тоже работала под его руководством. Давайте вместе постараемся уговорить его сам капитулировать. Если хочешь, вступи в нашу «группу по содействию капитуляции».

— Нельзя так поступать, — с возмущением отрезала она. — Хотя мы не можем помочь Сон Чжу, но как же нам позволить себе такое мерзкое предательство?! Пусть даже придется мне сидеть дома после выхода из тюрьмы, не имея возможности продолжать революцию, но никогда я не позволю себе такой отвратительный поступок.

Зимой 1938 года, когда мы проводили совещание в Нань-пайцзы. Ли Чжон Рак пришел на место совещания в попытках уговорить меня «капитулировать». Тогда он и поведал мне эту историю.

Вот как довелось мне услышать весть о Хан Ен Э, о которой до этого не знал ничего. Томилась она в тюрьме, подвергаясь жестоким пыткам, но не изменила своего убеждения революционерки. Попав за решетку, поспешно поставили свои подписи под актом об отступничестве такие мужчины, как Ли Чжон Рак и Пак Чха Сок, а она, Хан Ен Э, мужественно вынесла всякие мучения, будучи женщиной.

Глубоко взволновала и вдохновляла меня эта весть, ибо ее я услышал в такой момент, когда после «Хесанского дела»[13] повсюду были арестованы многие революционеры и когда появлялись изменники среди людей, шедших по пути борьбы, и причиняли революции большой ущерб.

Хан Ен Э одно время работала и обувщиком на резиновой фабрике в китайском городе Дандуне. На фабрике она распространяла среди соотечественников революционные песни, которые пела в годы жизни в Гирине, и выдвигала разные требования, защищая права и интересы рабочих, и энергично поднимала их на борьбу за реализацию этих требований.

Впоследствии она поехала в Сеул и жила несколько лет в доме сына Хон Мен Хи. Тогда она была еще девушкой. Она долгое время старалась найти линию организации и вновь идти в Маньчжурию, вышла замуж поздно. Хотя она заплела косу в лучок и обзавелась семьей, но никогда не изменяла совести и убеждению тех дней, когда развернула вместе с нами революционную деятельность. Когда мы громили врагов в горах Пэкту с оружием в руках, она, узнав это известие в Сеуле, от всей души желала нам победы, вспоминая тех товарищей, с которыми дружила она в Гирине.

Ее муж занимался подпольной деятельностью после освобождения страны, будучи членом Трудовой партии Южной Кореи, и был убит врагом во время отступления (временное отступление Корейской Народной Армии в трехлетней Отечественной освободительной войне — ред.).

В период войны она тоже оказывала активную помощь фронту, руководя женской организацией неподалеку от Сеула. После смерти мужа она, взяв с собой детей, пришла к нам в Пхеньян. Но, к сожалению, не успела увидеться со мной и ночью

14 августа 1951 года погибла вместе с двумя детьми от вражеской бомбежки.

Я думаю, что Хан Ен Э прожила всю свою жизнь чисто. Она жила до последних дней своей жизни с таким духом и порывом, с каким жила и работала в Гирине. И песни пела она того же периода.

Люди, ведущие революцию, не должны отказываться от убеждений и изменять совести и тогда, когда они оказались в полной изоляции от внешнего мира. Пример тому показала Хан Ен Э.

В моей жизни она тоже была незабываемой благодетельницей. Эта чистосердечная женщина пришла ко мне в трудный час и помогла, рискуя собственной жизнью.

Вернувшись на Родину после ее освобождения, я доискивался Хан Ен Э, но ее не было в пределах нашей Республики.

До освобождения страны не успел я снова увидеться с ней, ведя антияпонскую войну. Но я никогда не забывал тех дней, когда мы работали вместе с ней. В зной она бегала вся в поту, чтобы достать китайскую одежду, нужную мне для переодевания. Когда в поезде полицейские проверяли пассажиров, она охраняла меня от опасности, находя выход из критического положения смелыми и находчивыми действиями. Когда мы ели вместе скудную блинную еду, она всегда молча выделяла мне часть своей доли,

Вся ее искренняя помощь, которую оказывала она мне, явилась проявлением чувства чистого и бескорыстного товарищества, превышающего чувства любви и дружеской привязанности.

Щемит мне грудь при мысли, что она пришла в Пхеньян ко мне, но погибла от бомбардировки, не успев повидаться со мной.

К счастью, чудом сохранилась ее фотография, представляющая ее в молодости, и попала в мои руки.

Когда всплывают перед глазами незабываемые лица благодетелей, которых уже нет в живых, я смотрю на снимок Хан Ен Э, которая оставила свои неизгладимые следы в памяти о моих молодых годах, нахожу в нем ее благородный дух и приношу ей в душе мою глубокую признательность за все, что она сделала для меня.

8. Через реку Туман

Мой отец не раз говорил, что население Цзяньдао отличается высоким боевым духом. Через восстания 30 мая и I августа и мне довелось твердо убедиться в необыкновенной революционности корейцев, проживавших в Цзяньдао.

Цзяньдао и северные районы Кореи давно служили ареной деятельности Армии справедливости и Армии независимости. Под влиянием Октябрьской социалистической революции в России распространялось идейное течение марксизма-ленинизма в первую очередь в этих районах. Коммунистическое движение в районе Цзяньдао переживало серьезные перипетии и зигзаги вследствие мелкобуржуазной поспешности, обнаруживавшейся среди руководителей, но не прекращались революционные выступления народных масс.

Вот почему еще в тюрьме я задумал использовать северный пограничный район Кореи вокруг горы Пэкту и Цзяньдао в качестве важнейшего стратегического опорного пункта, если начнется вооруженная борьба.

На эти районы давно зарились и японские империалисты. Если мы задумали использовать северный пограничный район Кореи вокруг горы Пэкту и вместе с тем Цзяньдао в качестве важнейшего опорного пункта для антияпонской вооруженной борьбы, то они замышляли использовать эти районы в качестве важного стратегического пункта для захвата Маньчжу-

рии и Монголии. Начиная с начала XX века, японские империалисты совершали провокации в Восточной Маньчжурии с целью проложить мост для осуществления именно таких своих вожделений-

В августе 1907 года японские империалисты, послав под вывеской «охраны корейцев» свои войска в Лунцзин в уезде Яньцзи, учредили там «Полицейский пункт генерального резидентства Кореи», а в 1909 году, обманув китайское реакционное правительство, заключили с ним Конвенцию о Цзяньдао, а впоследствии захватили право на строительство железной дороги Гирин — Хвэрен. Позже они возвели «Полицейский пункт генерального резидентства Кореи» в Лунцзине до уровня генерального консульства Японии. Учреждение японскими империалистами как генерального консульства в Лунцзине, так и подведомственных ему пяти филиалов было направлено не на роскошество для корейцев в Цзяньдао. Кроме такого консульского аппарата, они создали в различных районах полицейские участки, состряпали многочисленные прислужнические организации, как Общество корейских резидентов, чтобы бдительно следить за каждым движением корейцев, проживавших в Цзяньдао. К этому району протянули свои щупальца и агентство Восточно-колонизационного общества и финансовые круги. Восточная Маньчжурия полностью находилась в руках японских империалистов как в политическом, так и в экономическом отношениях. .

Таким образом, район Восточной Маньчжурии превращался в арену острого противоборства между революцией и контрреволюцией.

Тем более, ни на минуту не покидала меня мысль превратить Восточную Маньчжурию вместе с обширными лесными масси-

вами горы Пэкту в опорный пункт для вооруженной борьбы. После восстания 1 августа, чувствуя и там и тут признаки надвигавшейся агрессии японских империалистов в Маньчжурии, я твердо решил сплотить население Восточной Маньчжурии, отличавшееся высокой революционностью, и как можно скорее начать вооруженную борьбу. С этой целью я отправился в Восточную Маньчжурию.

Когда я принял решение отправиться туда, мои товарищи уговаривали меня не ехать. По их словам, идти туда, в район, опутанный, как паутиной, сетью японского аппарата насилия и разведки, — это такой риск, как лезть в огонь с сухим хворостом. Но я смело отправился в Восточную Маньчжурию, твердо решившись идти в гущу рабочих и крестьян, чтобы поднять их на революцию.

До того времени моя деятельность, можно сказать, развертывалась, главным образом, среди городской молодежи и учащихся. Для того чтобы поднять борьбу на новую, более высокую стадию развития в соответствии с требованием революционной линии, принятой на Калуньском совещании, нам самим необходимо было еще глубже идти в гущу рабочих, крестьян и других различных слоев масс, чтобы как можно скорее подготовить их к борьбе сопротивления против японских империалистов. Мою поездку в Восточную Маньчжурию поддержал и Коминтерн.

Я направился прежде всего в Дуньхуа. Этот район больше всего пострадал от восстания 1 августа. Дуньхуа был не только очагом этого восстания, но и его центральной ареной.

Здесь были расквартированы штаб гарнизона японских войск, филиал генерального консульства в Гирине и штаб 677-го полка старой Северо-Восточной армии. Взрыв такого безумного

волнения, как восстание 1 августа, в районе, где так плотно были расставлены карательные силы противника, был связан с поползновениями левацких авантюристов, которые в большинстве своем действовали в этом районе. Дуньхуа вместе с Паньши был главной базой для фракционной группировки Эмэльпха, был и центром движения за восстановление Компартии Кореи. Такие главные организаторы восстания 1 августа, как Пак Юн Сэ и Ма Гон, базировались именно в этом районе.

В Дуньхуа действовали созданные нами партийные, комсомольские организации, АСМ и другие различные революционные организации, находились и такие верные товарищи, как Чэнь Ханьчжан, Ко Чжэ Бон, Ко Иль Бон.

После приезда в Дуньхуа я проживал в доме Чэнь Хаяьчжана- Я носил китайскую шаньдунскую одежду, развертывая деятельность по ликвидации последствий восстания. Когда я повсеместно в Гирине создавал комсомольские группы, Чэнь Ханьчжан учился в средней школе и в Дуньхуа состоял в нашей организации. После оккупации японскими империалистами Маньчжурии он работал секретарем Главного командования войск У Ичэна, начальником штаба дивизии, комдивом, командующим армейской группой Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии, секретарем Южноманьчжурского комитета партии, но к тому времени он был всего-навсего простым тихим комсомольцем.

Чэнь Ханьчжан, как и Чжан Вэйхуа, был сыном богача, но он с необычайной страстью к революции очень добросовестно участвовал в комсомольской работе. Его отец был крупным кулаком, имел несколько сотен коней, было у него и много ружей. Его дом был обнесен земляной оградой и выглядел довольно внушительным. Он говорил мне в шутку, что его семья

вообще подлежит ликвидации, но вокруг дома вся земля собственная и он не ходит по чужой земле. Не знаю точно, сколько у них было земель, но факт, что его отец был крупным богачом.

Чэнь Ханьчжан принял меня радушно, называя меня старшим, учившим его коммунизму. Они жили в достатке, поэтому не обращали внимания на то, что я проживал у них бесплатно.

С помощью Чэнь Ханьчжана и Ко Чжэ Бона я начал разыскивать распущенные организации. Днем ходил в китайской одежде, говорил на китайском языке, ища товарищей, а ночью ходил в корейской одежде, говорил на корейском языке, восстанавливая организации. После того, как были в основном ликвидированы последствия восстания, я организовал комитет комсомольской организации восточногиринского района, как это было поручено мне Коминтерном.

Впоследствии Ко Чжэ Бон и еще несколько комсомольцев получили от меня задание выехать в города и села, прилегающие к бассейну реки Туман, воспитать местных жителей в революционном духе и создать партийные организации, и они отправились в район своей деятельности.

И я тоже покинул Дуньхуа, дав Чэнь Ханьчжану задание развернуть комсомольскую деятельность в Дуньхуаской средней школе.

В Восточной Маньчжурии я остановился в первую очередь в Хэлуне.

В Хэлуне был китайский товарищ по имени Чао Яфань, который состоял в нашей комсомольской организации, когда он учился в Гиринском педучилище. Был и корейский товарищ Чхэ Су Хан. Расчет мой был таков: если идти по этой нити связи, то это даст мне возможность поправить и последствия восстания,

расширить и организации.

Я отправился первым делом в Далацзы, где встретился с Чао Яфанем. Он сказал; последствия восстания 1 августа весьма пагубны и после восстания не видно корейских товарищей, видимо, они все скрылись где-то и скоро, вероятно, будет освобождено из тюрьмы несколько товарищей. Он советовал мне, чтобы я встретился с ними.

Спустя несколько дней Чхэ Су Хан пришел ко мне, получив весточку. Раньше он учился в Тонхынской средней школе в Лунцзине. Когда я учился в Юйвэньской средней школе, он , учился в педучилище в Гирине, и с того времени он, находясь под нашим влиянием, начал вести революционную работу. Он пользовался широкой популярностью среди гиринской учащейся молодежи как футболист. В то время многие юноши из Хэлуна учились в Гирине. Если Ким Чжун пропагандировал нашу деятельность в районах Лунцзина и Онсона, то Чхэ Су Хан, передвигаясь из Хэлуна в Чонсон, пропагандировал наши революционные идеи. Он вместе с товарищем Ким Иль Хваном создал организации комсомола, АСМ, Крестьянского общества, Антияпонского общества женщин и другие революционные организации, сплачивал в их ряды многочисленные массы. Что касается Ким Иль Хвана, то он позже работал секретарем уездного парткома, но по фальшивому обвинению в сопричастности к «Минсэндану» был убит без вины виноватым. Пак Ен Сун, слывший мастером по изготовлению «енгирской бомбы», работал членом АСМ на руднике Бадаогоу в уезде Яньцзи.

Между тем, с трудом созданные организации из-за двукратного восстания были полностью разрушены. Многие активисты либо были арестованы, либо ушли в подполье. И оставшаяся

незначительная часть членов организаций, не прошедшая достаточную закалку, пребывала в страхе, не зная, что делать.

Такие обстоятельства заставили меня глубоко задуматься над вопросом об убежденности революционера. Проезжая от Калуня до Хэлуна через Гирин, Хайлун, Цинъюань, Цзяохэ, Харбин, Дуньхуа, я видел много таких, которые колебались, перепугавшись перед натиском контрреволюции или лишившись веры в победу революции. Твердая вера в победу революции зарождается и углубляется в ходе борьбы лишь в том случае, когда будешь теоретически убежден в правильности революционной линии, тактики и стратегии, способных вдохновлять и призывать всех к борьбе, и уверен в своих собственных революционных силах.

Однако те, которые агитировали восстание, не могли выдвинуть программу, тактику и стратегию, достойные стать знаменем для масс. Революционная линия, принятая нами в Калуне, пока не находила широкую дорогу в массы народа. Мы вместе с Чхэ Су Ханом и другими руководящими кадрами комсомола и АСМ провели совещание, на котором я подробно разъяснил им революционную линию Калуньского совещания.

На нем подчеркнулась необходимость укомплектовать руководящий актив из доверенных товарищей, проверенных в ходе борьбы, скорее восстановить разрушенные массовые организации, постоянно расширять их ряды. Именно на этом совещании было дано задание создать новый участок для деятельности революционных организаций в каждом из уездов, прилегающих к бассейну реки Туман.

Я также подчеркивал, что все организаторы восстания, страшась тюрем и виселиц, поудирали, оставив массы под угрозой штыков, но мы должны как можно скорее поправить

последствия восстания. В Хэлуне товарищи звали меня «шаньдунским юношей», так как я ходил в китайской шаньдунской одежде.

Второе место, куда я поехал, — это был Ванцин. Целью моей поездки была встреча с О Чжун Хва.

О нем мне рассказывали Ким Чжун и Чхэ Су Хан. С того времени, как они начали приезжать в Гирин, при каждой встрече со мной они больше всего рассказывали о своих друзьях. Представляли их подробно: где и кто живет, поедешь туда — там живет такой-то, занимающийся таким-то делом, рассказывали, у кого какой характер, кто каким умом обладает. Поэтому хотя я жил в Гирине, хорошо знал о положении дел в районе Цзяньдао. Тогда я внимательно слушал их, запоминал всех, кого они называли надежными.

Мой отец, бывало, как узнает, где живет хороший человек, повидал его непременно независимо от того, где он живет, далеко или близко, подавал ему руку и приближал его к себе как верного товарища. Такой образ отца учил меня той истине, что кадры решают все, что судьба революционной работы решается тем, насколько ты завоюешь на свою сторону настоящих товарищей.

Пусть мне придется и поголодать денька три, а то и целых десять, но только бы обрести хотя бы одного товарища, — таковы были мои чувства того времени. Охваченный таким чувством, я бывал и в Ванцине- От Хэлуна до Шисяня уезда Ванцин меня сопровождал Чхэ Су Хан.

В Шисяне я встретился с О Чжун Хва, О Чжун Хыбом и со стариком О Тхэ Хи.

Семья старика О Тхэ Хи была невиданно большой. Раньше старик со своими тремя братьями жил в деревушке Кочжак уезда

Онсон провинции Северный Хамген, а примерно к 1914 году они переселились в Ванцин. Детей у четверых братьев было несколько десятков. Они жили разбросанно по сторонам реки Туман: одни в Ванцине, другие в Онсоне. Они вели и революционную работу. В то время О Чжун Хва был секретарем 5-й участковой парторганизации Ванцина, а О Чжун Хыб вел комсомольскую работу в Юаньцзядяне волости Чуньхуасян уезда Ванцин, О Чжун Сон, младший брат О Чжун Хва, вел комсомольскую работу в Шисяне уезда Ванцин, в начале 1929 года переселился в поселок Пхунри уезда Онсон и вел там революционную работу под вывеской учителя Помунской школы.

О Чжун Хва, окончив среднюю школу, работал учителем частной Хвасонской школы в Хэлуне.

Тогда я, встретившись с О Чжун Хва в Шисяне, не раз говорил ему: для того чтобы повышать революционное сознание масс, прежде всего он сам должен стать революционером, а затем воспитывать членов своей семьи и жителей села в революционном духе.

Впоследствии О Чжун Хва отлично воспитывал всю свою семью в революционном духе. Из его братьев и близких родственников более 10 человек показали себя как верные революционеры и пали от рук врагов. Не случайно, что из них вышли такие замечательные коммунисты, как О Чжун Хва, О Чжун Сон, О Чжун Хыб.

Закончив свою работу в Шисяне, я решил тут же перепраviться в район Онсона. Будучи рожденным в западной части Кореи, я с малых лет начал колесить по чужбине, поэтому почти не имел представления о районе шести уездных городков14, расположенных южнее реки Туман.

Это был край, куда при династии Ли высылали дворян,

лишенных чиновности. Край этот был скудный зерном, климат его суровый, к тому же местные правители жестоко обращались с людьми и угнетали их, и воины, мобилизованные на охрану пограничного района, приехав в этот край, тут же убегали из него в другой. Даже чиновные люди, если их назначали чиновниками в этот край, ахали от ужаса. Получив назначение, они не хотели ехать туда. Выдвигая разные предлоги, они бездельничали на сеульских улицах. Говорят, из-за этого правители-феодалы ломали головы целые 500 лет.

Каждый раз, когда Ким Чжун рассказывал мне о районе шести уездных городков, я говорил ему, что наши предки не заботились об этом крае, считая его никчемным и убогим, а мы должны ценой своего пота и крови превратить его в оплот революции. С таким далеко идущим планом мы направляли туда своих людей.

Что же касается Онсона, то это был край, где с конца 20-х годов под нашим влиянием начали вести активную деятельность такие товарищи, как Ким Чжун, Чхэ Су Хан, О Чжун Сон. Мы уже в то время понимали важность местоположения районов горы Пэкту и района шести уездных городков, в частности Онсона, расположенного в бассейне реки Туман, для развития корейской революции, задумывали превратить эту зону в стратегический опорный пункт для антияпонской революционной войны. Было решено именно отсюда начать прокладывать исходный путь к новому подъему революции внутри страны.

К тому времени 100 — 150 юношей и девушек Онсона учились в Лунцзине. Каждый раз в каникулы они возвращались в родной край и под руководством таких передовых юношей, как Ким Чжун и О Чжун Сон, имевших тесную связь с нами, распространяли в этом районе гиринское веяние. В Онсоне были

созданы местные организации КСМК и АСМ, что служили хорошей опорой, позволявшей нам продвинуть свои силы внутрь страны. Через эту опору в район Онсона значительно проникали наши идеи.

Цель моего приезда в этот район — создать партийную организацию внутри страны, принять меры к претворению в жизнь курса Калуньского совещания и развивать вширь и вглубь корейскую революцию в целом.

Двоюродный брат О Чжун Хва, сопровождавший нас из Шисяня, заранее переправился в поселок Пхунри к О Чжун Сону, чтобы сообщить ему о нашем приезде.

На подступе к оврагу вблизи деревни Хуемудун на противоположном берегу Намяна уезда Онсон мы встретились с О Чжун Соном и другими членами организации, которые вышли встречать нас, получив весть о нашем приходе. Это была первая встреча с О Чжун Соном. Он был человек с широкой натурой, телосложением крупнее старшего брата О Чжун Хва, который кстати говорил, что его брат прекрасно поет, танцует и декламирует стихи.

Ночью мы на лодке переправились потихоньку через реку Туман. О Чжун Сон греб веслом искусно и энергично. Я окинул взглядом горы и поля, окутанные ночной тьмою. Спустя 5 лет снова ступал я на родную землю. От глубокого волнения я места себе не находил.

Я причалил лодку к берегу у поселка Намянсантхан и обратился к О Чжун Хва:

-— Как было бы хорошо, если бы мы переправились через эту реку, добившись независимости страны!

Одобряя мои слова, он ответил, что и его охватывают такие мысли при каждой переправе через реку Туман.

Пройдя через поселок Намянсантхан, мы подошли к дороге, восходящей через перевал на гору Намян. Мы зашли в шалаш, заранее подготовленный О Чжун Соном, ознакомились с деятельностью революционных организаций района Онсона и с настроениями его населения. В создании массовых организаций у онсонцев было немало успехов.

Я пробыл здесь неделю, отдав все время руководству работой подпольных революционных организаций внутри страны. Узнал, что революционеры этого района хоть и создали многочисленные организации повсеместно в стране, но проявляют серьезную пассивность в деле их расширения и развития. Создав организации из нескольких проверенных активистов, они закрывали двери, не трудились над расширением их рядов, что было в этом районе обычным явлением. И их организации не могли пустить свои корни в гущу широких масс.

И онсонская комсомольская организация, созданная весной 1929 года в качестве подведомственной организации КСМК, со своими несколькими членами обносила себя высокой оградой и не решалась идти в гущу масс. Различные организации и фракции под вывесками всякой всячины — обществ Чибанхвэ, Чинхынхвэ, Синганхвэ, группы сторонников восстановления партии, будто соревнуясь между собой, стремились каждая перетянуть молодежь на свою сторону. В такой обстановке руководители онсонской комсомольской организации только всячески стремились поставить заслон проникновению отрицательного влияния извне и сохранить свою организацию.

В поселке Пхунри я встретился с комсомольскими работниками. Один из них говорит, что с усилением вражеских вылазок люди молчат, не открывают свою душу, а другой с горечью сетует, что они пока не знают, как относиться к юношам,

.имевшим дело с Союзом молодежи и обществом Синганхвэ. Чон Чжан Вон, работавший тогда руководителем Пхуньиндонского крестьянского общества, держался в стороне от людей, служивших во вражеских органах правления, хотя они были близкими ему родственниками. Среди них было немало таких, как староста деревни, начальник волостной управы, полицейский, поэтому он всегда внутренне напрягался, беспокоясь, не будут ли протянуты вражеские щупальца через них к революционным рядам.

Все это было выражением неверия в массы. Без изжития таких явлений нельзя было развивать революцию вширь и вглубь в районе Онсона, идя навстречу требованиям новой ситуации.

Жизнь революционера, можно сказать, начинается с того, как он идет в гущу масс, а поражение революции начинается с нежелания идти в гущу народных масс, с неверия в их силы.

Обращаясь к О Чжун Сону, я настоятельно говорил:

— Нельзя делать революцию одними лишь силами нескольких людей с хорошим социальным происхождением. Надо смело верить массам, широко раскрыть для них двери в наши организации. Тем более в такое время, когда разношерстные молодежные организации стремятся каждая перетянуть молодежь на свою сторону, комсомольской организации следует не впадать в пассивность, а развернуть активное наступление, чтобы завоевать больше молодежи. Надо хорошенько убедить и таких юношей, которые имеют дело с организациями Союза молодежи и общества Синганхвэ, и тех, кто шел на поводу у элементов из группы сторонников восстановления партии или несознательно играл в их руках. Надо вести их за собой и, таким образом, завоевывать одного за другим на свою сторону...

Я рассказывал Чон Чжан Вону относительно тактических

принципов, связанных с работой с лицами, служившими во вражеских учреждениях.

— Революционеру не следует пугаться или падать духом оттого, что среди родни есть староста деревни, начальник волостной управы, полицейский. Наоборот, вы должны пользоваться такими родственными отношениями и проникнуть во вражеские органы правления, чтобы парализовать японский правящий механизм низшей инстанции и развернуть работу с широким размахом. Чтобы превратить район шести уездных городков, и прежде всего Онсон, в стратегический опорный пункт для вооруженной борьбы, необходимо воспитать массы в революционном духе и в то же время смело завоевать тех, кто служит во вражеских органах правления. Попробуйте приобрести опыт в работе по завоеванию служащих во вражеских органах.

Из случаев в Онсоне самое неизгладимое впечатление оставила встреча с рабочими на стройке железной дороги у поселка Вольпха волости Мипхо, где я был вместе с Ким Чжуном, О Чжун Хва и О Чжун Соном.

Начиная с 1929 года, японские империалисты наращивали темпы строительства железной дороги в бассейне реки Туман. Собиралось более тысячи поденщиков из трех южных провинций и других районов Кореи и из Цзяньдао, они строили в поселке

Вольпха населенный пункт, называемый улицей Кэпхун. На эту улицу хлынули и поденщики, работавшие на прокладке железной дороги Гирин — Хвэрен. Они надрывались до предела, зарабатывая скудные деньжонки.

В Гирине я узнал об этом и, встретившись с Ким Чжуном, дал ему задание: если в поселке Вольпха идет прокладка железной дороги, иди к рабочим, чтобы там создать организацию.

И Ким Чжун не удержался от любопытства и радостно воскликнул:

— Какое это дельное дело!

Позже он, как мы договорились, уехал в Онсон и создал в поселке Вольпха местные организации Общества рабочей молодежи и АСМ.

Узнав, что я решил пойти на стройку железной дороги, онсонские товарищи отговаривали меня от этого, так как там усиленная вражеская охрана.

Тогда они очень старались охранять безопасность моей жизни, говоря: «Приехал посланец из Коминтерна». Окрестив меня этой должностью, они тщательно организовали охрану, так как весьма усилилась слежка и надзор японской полиции за революционерами в Корее-

Разумеется, я и сам отлично знал, что в Корее надо вести себя осторожно и на каждом шагу быть начеку. Но меня обуревало желание пожать руки рабочим и высказать им хотя бы одно вдохновляющее слово, пусть сейчас и не удастся сделать большое дело среди них. До тех пор я вел работу с учащейся молодежью с целью навести мост, через который я мог бы проникнуть в гущу рабочего класса. Наша конечная цель — руками рабочего класса осуществить корейскую революцию и довести ее до победного конца. Как мы тосковали по рабочему классу Кореи с тех пор, как, выдвинув в качестве своей программы освобождение рабочего класса, поклялись, не колеблясь, отдать и жизнь во имя этого великого дела!

На стройке я провел среди рабочих полтора дня — разгружал гальку, таскал песок, столовался в рабочем бараке *«хамба»*.

Ким Чжун представил меня рабочим, что я — его товарищ;

учусь в Гирине, пришел на стройку заработать себе деньжонок на оплату за обучение.

И сейчас я считаю, что для меня было очень полезным идти тогда в гущу рабочих.

В рабочем бараке и на стройке я видел не только трагическое положение рабочих, которые надрывались изо всех сил за какие-то ничтожные денежные подачки. Я увидел там рабочих, жаждущих борьбы, рабочих, блуждающих в поисках правильного пути, чтобы охранить и решить свою судьбу.

Я был сильно потрясен ими. Мое сердце воспламенялось стремлением на всю жизнь посвятить себя во имя счастья рабочего класса.

В ту пору на стройке железной дороги завязалось мое первое знакомство с Чвэ Чхун Гуком и Чвэ Бон Соном, которые родом из Онсона. Они впоследствии стали ветеранами антияпонской борьбы.

Провожая меня в барак, Чвэ Чхун Гук поведал мне, что у него есть порох, который он тайно запасал, когда работал взрывником, и что намерен взорвать им туннель в день завершения стройки железной дороги.

Я разъяснил ему, что нынешняя обстановка настоятельно требует укрепить организацию, пробудить рабочих и объединить их в организации, это важнее, чем рисковать таким делом, как взрыв туннеля, а порох пока надо хранить, он будет очень вужен, когда начнется вооруженная борьба-

Находясь вместе с рабочими, мы обменялись мнениями по широкому кругу вопросов.

Я разъяснял им вопросы о вооруженной борьбе, о создании партии, о формировании единого антияпонского национального фронта. Если мы доведем до их сознания один лишь дух Калунь-

ского совещания, то это станет большим успехом. Не было сомнения в том, что если мы расскажем об этом одному человеку, то оно тут же будет передаваться десятку других, и так из уст сотни и тысячи человек оно дойдет до десятков тысяч и, в конечном счете, наши идеи станут верой и знаменем всего народа страны.

Узнав о нашей линии, рабочие стройки железной дороги активно поддержали ее. Если они черпали веру в нашей линии, то я черпал веру в них, рабочих, которые, встретив нашу линию, восторгались ею.

Самый большой мой успех в Онсоне — это было создание партийной организации 1 октября 1930 года на горе Туру.

Знакомясь с революционными организациями Онсона, я узнал, что хотя революционеры этого района допускали некоторые ошибки в понимании стратегического вопроса и проявляли пассивность в работе с массами, но их решимость и готовность к борьбе значительно выше, чем я предполагал, и пришел к выводу, что в районе Онсона заложена основа для создания партийной организации.

Все революционеры района Онсона, призванные участвовать в собрании, собрались на гору Туру, переодевшись в дровосеков. Чон Чжан Вон попросил руководителя организации поселка Вольпха взять с собой розвальни с впряженными в них волами и поставить поблизости от места собрания.

На тихой полянке на горе Туру, омываемой речкой Вольпха, мы проводили собрание по созданию парторганизации внутри страны.

Я первым делом разъяснил участникам собрания линию, принятую на Калуньском совещании, и подчеркнул, что первостепенной задачей в претворении ее в жизнь является создание

революционной партии, рассказал им о цели создания партийной организации нового типа в районе Онсона. Я также наметил задачу партийной организации района Онсона, направленную на неуклонное расширение и укрепление рядов партии за счет передовых представителей трудящихся, проверенных в жизни организаций и на практике, и на мобилизацию масс на антияпонскую борьбу.

По моему предложению в партийную организацию приняли О Чжун Сона, Чон Чжан Бона, Чон Чхан Рена, Чвэ Чхун Гука, Чвэ Бон Сона, Чвэ Гын Чжу. Руководителем этой организации был избран О Чжун Сон.

Те, кто удостоились чести быть членами партии, по очереди вставали с места, рассказывали свои биографии и коротко выражали свою решимость вести революционную борьбу.

Из их выступлений почти все забылось, но до сих пор живо остается в моей памяти выступление Чон Чжан Вона. Он говорил: «Пусть я рассыплюсь в прах, но не забуду, что меня, человека со сложным семейным происхождением, приняли в партию. Клянусь: во имя революции готов лечь костьми и разлететься прахом. Если я стану подлецом, изменив своей клятве, пусть меня разрубят мечом на части и выбросят их в речушку». Хотя его слова были резкие и простые, но это было выражение его честной и откровенной души.

Слово свое он сдержал. Ему принадлежит большая заслуга в превращении Онсона в полу партизанок и и район и в оказании помощи Корейской Народно-революционной армии.

Для соблюдения секретности все вопросы, обсуждавшиеся на собрании, не протоколировались, на нем не было принято ни учредительной декларации, ни учредительного проспекта,

Онсонцы, участвовавшие в собрании, говорили: «Это же и

есть историческое учредительное собрание партийной организации, но от упрощенности собрания и отсутствия общепринятого порядка чувствуется какая-то пустота в душе. Даже в организации из *пэкчжонов* (человек, занимающийся убоем скота — ред.), такой, как общество Хенпхенса, публикуют так называемый учредительный проспект и распространяют его. А так это слишком скучновато; собрание завершилось лишь одной коротенькой клятвой».

Вдохновляя их, я сказал:

— Клятва, которую вы только что дали, содержательнее и дороже, чем декларация или учредительный проспект в несколько сот страниц. К чему составлять все время какие-то документы? Было бы ошибкой, если думать, что партийная организация должна пускать в ход громкие слухи или имена. Члены партии должны больше работать без лишнего шума. Вы должны проявлять свою партийность и свой патриотизм в ходе практической борьбы...

Создание партийной организации в районе Онсона заложило основу партийного строительства внутри страны, оно стало поворотным моментом в активизации антияпонской борьбы народа в стране. Благодаря деятельности онсонской партийной организации ускорялся в районе шести уездных городков процесс пробуждения классового сознания масс и объединения их в организации, усиливалась антияпонская борьба.

Массы начинали следовать за нами, революция шла на подъем, принимая новый характер. Чвэ Чхан Ик, пытавшийся здесь расширять сферу влияния своей фракции, покинул свой родной край и удрал в Сеул. После освобождения страны он откровенно признался в своем поступке того времени.

—Онсон, —говорил он, — это мой родной край, и я думал:

там осела наша группировка Эмэльпха, и поехал туда. А что увидел? Наших нет, все находятся под гиринским веянием. Это веяние было настолько сильно, что там были только одни сторонники товарища Ким Ир Сена. Мне тогда думалось, что ему, наверно, уже много лет, а говорили, что это не так, что он юноша лет двадцати, но сильный. И я хотел было зайти к нему, да от этого намерения отрешился.

Чвэ Чхан Ик знал, что мы чураемся фракций, не примиряемся с такими, как они, которые занимаются сектантством, и он ретировался из Онсона в Сеул.

После создания партийной организации я на том же месте руководил работой совещания подпольщиков и руководителей подпольных революционных организаций из многих районов, включая и район шести уездных городков, а затем вернулся обратно. С речной переправы Очжон на пароме возвращался через реку. В душе мне становилось намного легче, чем при переправе в Онсон. Все шло, как по маслу, по моей воле, и я чувствовал себя на седьмом небе. Стоило мне съездить на Родину, пройдя через линию смерти и рискуя жизнью.

Неделя, которую я провел на Родине, послужила важным моментом, свидетельствующим о правильности принятой в Калуне революционной линии, о том, что она является такой линией, которая завладеет сердцами всего народа. Выходит, наша линия выдержала экзамен перед народом Родины.

С тех пор онсонцы делили с нами одну судьбу.

Благополучно переправившись через реку Туман, в сопровождении О Чжун Хва я через Ляншуйчуаньцзы и Чандун достиг Чаоянчуаня уезда Яньцзи. На Чаоянчуань, как и на Лунцзин, наиболее сильно в Яньцзи оказывалось наше влияние.

В этой местности действовали Ма Дык Хан и Ра Ир — члены

секретариата партийного и комсомольского комитета цзяньдаоского района. Рим Чхун Чху, который позже работал членом парткома КНРА, тоже вел здесь революционную работу под вывеской «лекаря Пончхунданской аптеки Рим Чхун Бона». До приезда в Яньцзи он был арестован по делу ученического инцидента и заточен в тюрьму. Он, выдавая себя за врача народной медицины, выполнялроль связного между секретариатом партийного и комсомольского комитета цзяньдаоского района и организациями различных уездов.

Я тогда впервые в Чаоянчуане встретился с товарищем Рим Чхун Чху. В глазах у меня он был очень впечатлителен: в таком молодом возрасте он овладел знаниями народной медицины. На протяжении всего периода антияпонской вооруженной борьбы наши партизаны пользовались его медицинскими услугами.

Восстания 30 мая и 1 августа нанесли большой ущерб и революционным организациям Яньцзи. Здесь вражеские террористические акции усиливались больше, чем в Дуньхуа. Те, кто вели революцию, пали духом, колебались, а не совсем сознательные массы вопили; «Всему пришел конец! Это дело рук компартии?»

Встретившись с Ма Дык Ханом, Ра Иром, Рим Чхун Чху и другими руководителями партийных и комсомольских организаций, я советовался с ними по вопросам о скорейшей ликвидации последствий левацкого авантюризма, о дальнейшем расширении и усилении революционной борьбы.

После отъезда из Онсона я направился не прямо в Уцзяцзы, а через Ляншуйчуаньцзы заехал в Чаоянчуань, так как я предвидел перспективу этого района как арены вооруженной борьбы, которую мы намерены развернуть в дальнейшем. Что касается меня, то я в связи с предстоящей вооруженной борьбой

сделал свое дело: заложил фундамент для создания базы в массах в Онсоне, Ванцине и Яньцзи.

Позже этот район, как мы и предполагали, превратился в самую надежную базу для антияпонской войны.

9. «Идеальную деревню» — в еволюционную

Одно время борцы за независимость Кореи, движимые идеей о строительстве «идеальной деревни», всячески старались сделать свою мечту явью.

Под «идеальной деревней» каждый подразумевал, может быть, такое село, такой мир, где нет ни эксплуатации, ни гнета, ни неравенства и где всем людям жилось бы счастливо и свободно. С незапамятных времен наша нация мечтала о таком утопическом мире.

Утверждения националистов о создании «идеальной деревни», можно сказать, отразили помыслы и стремления наших предков, которые желали, чтобы все и каждый жили зажиточно, дружно, в согласии и в мире.

Многие люди ратовали за строительство «идеальной деревни» и прилагали для этого немало усилий. Представителем таких мыслителей был АН Чхан Хо. После опубликования договора об «аннексии Кореи Японией» сразу собрались в Циндао (Китай) АН Чхан Хо, Ли Дон Хви, Син Чхэ Хо, Рю Дон Ер и другие и провели переговоры. На них АН Чхан Хо выступил с предложением о создании «идеальной деревни». После серьезных дискуссий лидеры движения за независимость договорились скупить землю американской Тэдонской торгово-промышленной компании (уезд Мишань), освоить ее и создать там военное училище для подготовки кадров Армии независимости. Такая «идеальная

деревня» стала бы, по их мнению, материальной, кадровой и (Ьинансовой базой для движения за независимость, которая позволила бы решить и финансовую и кадровую проблемы.

И после провала намеченного плана АН Чхан Хо много лет мучительно старался накопить денежные средства на строительство «идеальной деревни» и найти ей подходящее место. В это дело он вложил всю свою душу и энергию. К этому побудила его идея о том, что движению за независимость нужна база, которая, по его мнению, материально подкрепляла бы «теорию о подготовке реальных сил».

Стремление создать такую «идеальную деревню» стало в то время, пожалуй, своего рода тенденцией в движении за независимость. Немало националистов старались сделать явью свою скромную мечту — освоить пустынную землю, создать там полеводческие хозяйства и военное училище и, таким образом, подготовить реальные силы.

На волнах такого течения и родилась деревня Ляохэ.

На эту землю первыми ступили .националисты Южной Маньчжурии. Часть из них скиталась на западе и, наконец, бросила якорь у берега Ляохэ. Среди них были Сон Сок Дам, Пен Дэ У (Пен Чхан Гын), Ким Хэ Сан, Квак Сан Ха и Мун Сан Мок. Ратуя за так называемую «идеальную деревню» корейцев, они переселили на новое место более 300 дворов соотечественников. Здесь они, отгородив деревню барьером от внешнего мира, начали создавать свой своеобразный мир. Так на карте появилась деревня Уцзяцзы (село из пяти дворов — ред.), основателями которой стали выше упомянутые пять националистов.

В Вэньгуанской средней школе в Гирине было несколько Учеников из Гуюйшу и Уцзяцзы. Они очень хвалили Уцзяцзы.

И вот я начал интересоваться этой деревней и решил преобразовать ее в революционную-

Из Восточной Маньчжурии я пошел в Уцзяцзы в октябре 1930 года. До этого я планировал созвать крупное собрание в Восточной Маньчжурии в связи с подготовкой к вооруженной борьбе. Но, судя по создавшейся ситуации, я считал Восточную Маньчжурию неподходящим для собрания местом и переменил его на Уцзяцзы. Я решил месяцами просидеть в Уцзяцзы и проводить подготовку к собранию и одновременно браться за воспитание жителей этой деревни в революционном духе. Пришел и вижу то, что слышал, —обычаи прекрасные, люди добрые.

В этой местности дует сильный ветер, и крышу черепицей не покрывали, а мазали глиной. Намажешь соленой глиной — дождь не протекает. У них и ограды тоже глинобитные, сложенные весьма аккуратно. Выкопанную глину месят, а затем бьют деревянными молотами. Когда она затвердевает, как камень, рубят ее по нужному размеру. А такую саманную стену не пробьет и пуля, как уверяют местные крестьяне.

Основатели деревни Уцзяцзы, имеющие среди жителей большое влияние, категорически запретили приток в деревню иного идеологического течения, чуждого их идеалам и концепциям.

Объединив силы крестьян, они превратили болото в заливные рисовые поля, воздвигли в деревне школу. Создали и массовые организации — Общество крестьянских друзей. Общество молодежи и Общество школьных друзей. Был создан сельский совет—самоуправляющаяся организация. 29 августа, в день оглашения Японией «аннексии с Кореей», сельчане собирались в деревне и пели «Песню о дне национального унижения». Ничего странного нет в том, что свою местность, куда почти еще

не дотянулись щупальца японских войск, полицейских и реакционной военщины Китая, называют «небесным раем».

Большинство жителей Уцзяцзы составляли люди из провинций Пхеньан и Кенсан. Кенсанцы находились под влиянием группировки Эмэльпха, связанной с Молодежной федерацией Южной Маньчжурии, а пхеньанцы — главным образом, под влиянием фракции Чоньибу.

Учитывая, что я родом из провинции Пхеньан, часто в Уцзяцзы останавливался у кенсанцев, как в Калуне, иначе это бы насторожило и взбудоражило их нервы,

Раньше мы из Калуня направили в Уцзяцзы бойцов КРА в качестве подпольщиков. Но они здесь не задали своего тона, им не удалось убедить в своем этих знатных лиц села — упрямых по характеру и имеющих прочную опору в деревне.

По совету товарищей я провел здесь всю зиму того года. Так надолго — не на одну, не на две недели, а на целые месяцы — работал я на одном этом месте. Столь важное значение придавали мы работе в Уцзяцзы.

Мы считали его последней твердыней националистических сил в Средней Маньчжурии. Еслисумеем мы успешно вести свою работу в Уцзяцзы, то сможем превратить эту деревню в образец революционного воспитания сельских жителей и на этой основе держать под нашим влиянием все села Маньчжурии и северного приграничного района Кореи.

Главную силу революции мы видели в рабочих, крестьянах и трудовой интеллигенции. Особенно большие силы были направлены нами на повышение революционного сознания крестьян. Это объясняется тем, какое место занимают крестьяне в классовом составе населения нашей страны. Они составляли более 80 процентов населения страны. Та же самая картина была и в

Цзяньдао. Здесь более 80 процентов населения составляли корейцы, а среди них около 90 процентов — крестьяне. Преследования военщины, жестокий грабеж со стороны помещиков и ростовщиков поставили крестьян в положение крайней нищеты и полного бесправия. Они смертельно мучились от эксплуатации посредством земельной ренты, а также от такой внеэкономической эксплуатации, какой подвергались в старые времена рабы и крепостные.

Ничем не отличалось и положение крестьян, проживавших в самой Корее- Это свидетельствовало о том, что именно крестьянские массы, вместе с рабочим классом, наиболее заинтересованы в революции и что в нашей революции крестьянство должно входить в ее главный отряд, как и рабочие.

Революционное воспитание сельских жителей было самой важной, первоочередной задачей в создании базы антияпонской вооруженной борьбы в массах.

Динамичная деятельность подпольщиков резко повысила энтузиазм молодежи, стремящейся следовать нашим помыслам. Это обескуражило влиятельных стариков Уцзяцзы. Они, размахивая длинными курительными трубками, с угрозой говорили молодым людям; нынче, мол, в головы молодетчины вбивается иное веяние, а мужики-то, протаскивающие социализм на равнину Ляохэ, не соберут своих костей. Иные старики беспокоились, говоря: знаешь, Цзяньдао погубила вот этакая компартия, грянет в Уцзяцзы этот сумасшедший вихрь — покоя не будет и у нас в деревне Ляохэ.

Второпях сделаешь свои шаги — и на голову тебе угодят длинные трубки этих влиятельных старичков.

И у молодежи зародилось колебание. Хотелось идти в ногу с маршем коммунизма, но боялась, как бы не косились на нее

старики. А тут-то как раз упрямые молодые люди скрестили шпаги с этими авторитетами деревни.

На основе отчета подпольщиков я пришел к выводу, что предпосылкой успеха в революционном воспитании жителей Уцзяцзы является налаживание работы с этими авторитетными лицами села. Не изменив их мышление, было невозможно спасти Уцзяцзы от бредовой мечты об «идеальной деревне», да и нельзя было претворить в дела наш замысел о превращении Ляохэ в образцовое село Средней Маньчжурии. Теперь все дело было в том, чтобы повернуть тележку этих авторитетов на новую дорогу. А потом как поступать с остальными — это будет уже в наших руках.

Прошло уже три месяца, но наши подпольщики даже и не посмели сблизиться с этими стариками, а только потихонечку похаживали вокруг них. Такими вот неприступными были эти старые знаменитости деревни Уцзяцзы. Еще бы! У них ведь боевая слава в движении за независимость, эрудиция, да и теоретическая подкованность. Не наделенный умом и опытом даже не посмеешь и слова им сказать. Так группа этих стариков распоряжалась судьбой этой деревни.

Из-за кулис командует сельским советом и держит в своих руках все крупные и малые дела деревни именно старик. Имя ему — Пен Дэ У. Он как главный, обладающий реальной властью, дирижировал всеми влиятельными стариками. Прозвище его — «Пен-Троцкий». Так сельчане прозвали его за то, что от него часто слышали о Троцком.

Старик Пен, давно окунувшись в движение за независимость, всю свою жизнь колесил по Корее и Маньчжурии. Вначале он вел педагогическую работу, создав учебные заведения в своем родном краю Ханчхоне (провинция Южный Пхень-

ан), в Часоне и Даоцингоу (уезд Линьдзян). В военные действия он включился в 1918 году, когда служил в Армии независимости, базировавшейся в горах Маоэршань в Линьцзяне. В то время он часто приходил к нам в Линьцзян, чтобы повстречаться с моим отдом. Когда он не приходил сам, его связывал с моим отцом Кан Чжин Сок, мой дядя по линии матери.

За его плечами — заведующий отделом пропаганды группы «Тэхан тонниндан», заместитель председателя Национальной армии независимости, начальник военно-юридического отдела и командир 1-го батальона Армии возрождения, заведующий отделом предпринимательства администрации Тхоньибу. Словом, он все бегал в хлопотах, чтобы поднять движение Армии независимости. С 1926 года старик ушел от воинских должностей и начал увлекаться строительством «идеальной деревни».

Одно время Пен, плывя на волнах коммунистического движения, часто бывал на советском Дальнем Востоке. У него был. даже партийный билет в синей обложке, который он вроде бы получил, когда был причастен к Компартии Коре. Не обработав старика Пен Дэ У, трудно было сдвинуть с места группу этих упрямцев и воспитать жителей деревни в революционном духе.

Ко мне пришел Пен Даль Хван, сын старика, ответственный за Общество крестьянских друзей. По-видимому, ему сказали, что я прибыл в Уцзяцзы, Он сказал:

— Нам. надо скинуть с плеч этих националистов и сделать этакое «идеальное село» Уцзяцзы революционным. А вот тут-то нам и мешают мой отец и другие «знаменитости». Просто с ними ничего не можем сделать. .Раз вы приехали, уважаемый Ким, теперь свергнем этих твердолобых, никудышных старичков.

Я, полный недоумения, спрашиваю его:

— Свергнем, говорите? А как это понять?

Ответ его был просто удивительным:

— Пускай старики ругают. Создадим отдельно свои организации, покушаем, как говорится, из другого котла, сделаем Уцзяцзы социалистической деревней. Вот чего мы хотим.

— Так делать нельзя. А то Уцзяцзы расколется надвое. Это не подходит к нашей линии.

— А что же и как нам надо делать? Все-таки мы не можем отдать Уцзяцзы в руки этих отсталых старичков.

— Сейчас все дело в том, чтобы они поддержали нас. Мне хотелось бы поработать с вашим отцом. Как вы думаете, председатель общества?

Он ответил, что даже если любой, кем бы он ни был, приблизится к нему, это ни к чему не приведет.

— К нам приезжали, — сказал он, — многие лица из администрации Кунминбу, из Шанхайского временного правительства и из комитета по восстановлению компартии, подчиненного фракции Эмэльпха. Каждый из них изо всех сил старался создать свою базу, на которую опирались бы они в будущем. Но все они, встреченные равнодушием отца, вернулись с пустыми руками. Простого человека он даже не принял. И искушенного главаря группы националистов обработал своими поучительными советами.

Я обращаюсь к Пен Даль Хвану:

— Ваш отец был близок с моим отцом, мы с вами тоже старые друзья- Значит, встреча с ним будет не хуже, чем с незнакомцами. Не так ли?

Слушая меня. Пен Даль Хван очень засмущался и добавил, что на него, такого ужасного упрямца, не воздействует даже

личное знакомство. Десять лет назад Пен Даль Хван был у нас в Линьцзяне, тогда он принес письмо его отца к моему отцу.

Мои беседы с «Пеном-Троцким» шли несколько дней в его доме, где обычно собирались знатные люди деревни.

В первый день говорил в основном старик Пен Дэ У. Он гордо восседал в комнате, положив одну ногу на другую, и то и дело привычно ударял своей длинной трубкой о пол. Вид у него был важный и гордый. Он сказал, что рад встрече с сыном Ким Хен Чжика, но относился ко мне, как к малышу. В каждой фразе его звучал высокомерный тон наставника, так и выражался: «ты и твои коллеги». Старик был такой солидный, важный, суровый и теоретически подкованный, что с самого начала создало какую-то грозную, давящую атмосферу.

И поэтому, когда старик спросил меня о моем возрасте, я прибавил себе пять лет и ответил, что мне 23 года. Если бы ответил: 18 лет, то старик отнесся бы ко мне как к совсем маленькому. В те годы я выглядел, правда, старше своего возраста, и никто не сомневался, даже если скажу, что мне 23. Когда меня спрашивали о моем возрасте, я, где бы ни находился, отвечал: 23, а то и 24 года. Это помогало мне работать как с влиятельными лицами, так и с молодежью.

И тут я брал еще и своей выдержкой, — когда старик Пен говорил, нарушая логику мысли, противореча сам себе, я ни разу не перебил его, не давал отпора старому собеседнику, соблюдал все правила приличия и терпеливо выслушивал его до конца.

— На днях, — говорит старик, — вижу, вот эти «зеленые» людишки не понимают даже ни одного словечка из десяти сказанных другими, за то тут у них сыплются придирки: пахнет, мол, феодальным или чем-то другим. Но ты. Сон Чжу, парень не такой, с тобой беседовать интересно.

Однажды он пригласил меня к себе на ужин, сказав, что при жизни мой отец в Линьцзяне часто приглашал его к столу и что сегодня он накрыл мне этот стол в ответ, хотя и не очень обильный.

И тут в разгаре нашей беседы он неожиданно задал мне вопрос:

— Ну а теперь скажи, — это правда, что ты со своими сверстниками прилетели сюда рушить нашу «идеальную деревню»?

Пен Даль Хван не ошибся, сказав мне, что его отец пуще всего насторожен по отношению к коммунистам.

— Как же так можно? Мы обязаны вам помочь. Зачем же нам рушить такую «идеальную деревню», какую построили вы, почтенные старые люди, с таким огромнейшим трудом? Да у нас и силы такой нет, чтобы разрушить.

—М-да, теперь понятно. А у нас, говорю, эти молоденькие людишки Уцзяцзы, во главе с моим сынком Даль Хваном, день и ночь придирчиво судачат о нашей «идеальной деревне». Они только и думают, как бы скинуть старичков и водрузить над селом красный флаг. Ходят слухи, что молодежь нашей деревни движешь и направляешь ты. Сон Чжу. Теперь открывай душу и высказывай твою мысль о нашей «идеальной деревне». Недовольна этим и она, гиринская молодежь, как здешние сырые да зеленые?

—Я в «идеальной деревне» ничего плохого не вижу. Чего тут плохого? На чужбине скитались наши соотечественники и вот с желанием собраться в одном месте и жить дружно создали такое село, назвав его «идеальным». Просто замечательно и даже удивительно, что на пустом болоте Ляохэ построили такое ко-

рейское село, каким я его вижу. Думаю, вам стоило большого труда создать такое село.

Очень довольный моим ответом, старик молча гладил свои усы под самым носом. И тон разговора его чуть изменился, — продолжал обращаться ко мне на «ты», но уже с мягким оттенком.

— Ничего не скажешь! Ты поймешь, что у нас в деревне нет ни полиции, ни тюрьмы, ни казны. Есть один сельский совет — орган самоуправляющийся. В нем корейцы сами решают все дела по-демократически. Такой идеальной деревни не найдешь больше нигде на свете.

Именно сейчас, подумалось мне, настал момент, когда можно пояснить ему нашу позицию, наш взгляд на «идеальную деревню».

— В своей деревне, я вижу, вы создали добрый орган самоуправления и на демократических началах помогаете корейцам в быту. Это, я бы сказал, деяние патриотическое. Но позвольте спросить: можно ли добиться независимости страны путем строительства вот таких деревень?

Старик вдруг замолчал, хотя до этой поры держал важную позу, положив ногу на ногу и ударяя о пол своей длинной трубкой. У него только черные брови двигались вкось, выдавая его волнение. А потом он вздохнул.

— Независимости-то не достичь. Ты задел именно за больное место. Собственно, «идеальную деревню» мы создали, а подмоги-то движению за независимость нет. Вот за что и переживаю. Куда лучше бы, если бы «идеальная деревня» дала стране независимость!

-у" ,-;И я, не упуская шанса, аргументировал необоснованность создания «идеальной деревни». Лишенной Родины нации невоз-

можно создать на чужбине такое село. Конечно, факт. что благодаря усилиям старых людей деревня Уцзяцзы стала лучше, чем другие корейские поселки, но нельзя считать, что тут осуществлены идеалы корейцев. Идеалы нашей нации в том, чтобы жить, не зная эксплуатации и гнета, на независимой Родине, где нет ни самураев, ни помещиков, ни капиталистов. Люди влезли в долги к помещику, можно ли тут сказать, что они живут идеально хорошо? Когда японцы придут в Маньчжурию, и в Уцзяцзы покоя не будет. Когда поглотят Маньчжурию японские империалисты — это скоро покажет время. Самураи не хотят, чтобы корейская нация жила идеально.

—- Значит, ты хочешь, чтобы я бросил эту «идеальную деревню» и все другое?

Старик Пен с нетерпением ждал моего ответа. И я ответил:

— Мы не желаем, чтобы деревня, довольствуясь нынешним положением, жила безмятежно. Мы хотим преобразовать село в иное — революционное, борющееся за возрождение Родины.

— Значит, хочешь посеять в Уцзяцзы семена социализма? Этого нельзя! Мне этот социализм, фу, противен. Летом года Ками в Куаньдяне твой отец сказал, что нужно переориентироваться на коммунистическое движение. Тогда все мы были за его идею. Потом я следовал за этакой Компартией Коре. Скажу прямо: коммунисты эти, все без исключения, сумасшедшие. Чем они занимались? Только фракционной грызней. А потом как услышу одно это слово «коммунизм», сразу меня лихорадит. Порылся в кармане, достал и показал мне этакий партбилет синего цвета, полученный в Компартии Коре.

— Сколько ни бегай в хлопотах, ведя революцию, но ты, Сон Чжу, имеешь ли такой же партбилет?

Сказав это, старик тихим взглядом посмотрел на меня. Я

заглянул в раскрытый партбилет, схватил его и быстро сунул себе в карман. Растерянный от такой неожиданности, старик в недоумении не сказал ни слова и только безмолвно взглянул на меня.

—Это партбилет той самой Компартии Коре. Провалилась она от своего сектантства. Возьму и посмотрю...

Я думал, что старик попросит вернуть ему партбилет, но у него на уме другое. Он обратился ко мне с такими словами:

— Так, ты хочешь преобразить деревню Уцзяцзы в революционную. Если есть у тебя какая-то особая программа, то высказывай ее.

И я много часов рассказывал ему, как мы вели революционное воспитание жителей Цзяндуна, Синьаньтуня, Нэдосана, Калуня, Гугойшу и других сел.

Старик с большим вниманием слушал меня. Помолчав, сказал:

— Слушаю тебя и твоих коллег, замечаю, — вы-то сталинцы. Этому я не возражаю. Но не говори только «Сталин», «Сталин». И в словах Троцкого есть кое-что достойное. Потом он распространялся о теории Троцкого. Но он, как мне казалось, не был противником марксизма-ленинизма,

Я понял, что в памяти у него глубоко запечатлелся Троцкий. Я, признаться, общался с множеством самозваных знатоков теории коммунизма, но впервые встретился с таким ярым покровителем Троцкого.

Мне это было довольно странно, и я спросил старика Пена:

— За что вы так чтите Троцкого?

— У меня-то, что греха таить, нет почтения к Троцкому. Так поступаю я, честное слово, потому, что нынче молодые люди

необдуманно чтят людей большой страны и что это мне не нравится. Троцкий есть Троцкий, Сталин есть Сталин, а вот теперь молоденькие чуть что вытаскивают теоретические положения людей большой страны и твердят и о том и о сем. Но чего там такого серьезного?! О положениях Сталина, о словах Троцкого положено судить русским же! А корейцам-то надо жить с душою корейской, говорить о том, чтобы как лучше вести свою революцию, революцию в Корее. Не так ли?

Что и говорить, рассказ старика заслуживал внимания. Несколько дней беседовал я с «Пеном-Троцким» и понял, что он отнюдь не простой старик.

Вначале, собственно, нас взяло и сомнение: «Не троцкист ли он?» А потом мы поняли: старик не троцкист, просто ему, разочарованному грызней фракционеров, захотелось предупредить молодежь вот о чем: «Вам нельзя жить вслепую, чтя и то и другое. Почему вам твердить только о чужой стране — о России, о Сталине и о тому подобном? Обязательно ли в каждом деле следовать русским образцам?» Несомненно, вот в чем была суть идеи, о чем он хотел сказать нам. Иначе говоря, надо жить своим умом.

— Я не сунусь в дела молодежи. Меня не касается и дело моего сына. Так, чем занимается мой сын Даль Хван, — это его дело. Но я беспощаден к тому, что молодые люди, потеряв свою душу, щеголяют зазубриванием чужой теорийки-

Слушая старика, я был уверен в том, что правильна была наша позиция, ведь мы неизменно выступали против фракционности, низкопоклонства и догматизма. Я убедился в правоте наших взглядов, суть которых — верить в собственные силы и силами своего народа вести революционную борьбу.

В следующий день больше говорил я, чем старик Пен Дэ У.

Я подробно объяснял ему нашу линию, принятую на Калуньском совещании. Я рассказал ему о том, что нужно создать партию нового типа и новую армию, сформировать единый антияпонский национальный фронт с охватом различных слоев населения, независимо от различий в идеологиях, вероисповедании, от имущественного ценза, пола и возраста, вернуть потерянную Родину силой сопротивления 20 миллионов корейцев. Мои слова, казалось, произвели на него сильное впечатление. В частности, он целиком и полностью одобрял наш план образования единого антияпонского национального фронта.

У них обоих — у старика Пена и у его сына — не было жен. Хозяйствовала его дочь, но одно это не развеяло воцарившуюся в семье атмосферу скучности и одинокости.

Я старался найти подходящую подругу по сердцу Пен Даль Хвалу. Мы не раз советовались с друзьями об этом и, наконец, нам удалось подобрать для будущей молодой четы девушку по фамилии Сим из деревни близ Уцзяцзы. Мои друзья устроили его свадьбу. Для меня, еще молодого парня, было просто неудобно быть сватом для человека старше меня, мне казалось, что тут я сунусь не в свое дело. Но после свадьбы сельчане так обрадовались этому как своему собственному делу и не жалели похвал в мой адрес: мол, сделано большое дело.

Этим делом мы снискали больше доверия влиятельных стариков деревни.

Однажды пришел ко мне Пен Даль Хван и рассказал, о чем думает его отец. По его словам, старик сказал своим друзьям: «Сейчас появился новый хозяин. За нас он берет на себя нашу «идеальную деревню». Это Сон Чжу и его коллеги. Если ихнее дело социализм, то и мы спокойно воспримем его. Нельзя смотреть на Сон Чжу как на простого юношу. Мы стары, мы

старье, сброшенное за борт временем, итак отдадим всю судьбу Уцзяцзы молодым людям и всеми силами поможем Сон Чжу и его коллегам». И другие старые знаменитости деревни с восхищением одобряли наши утверждения.

Выслушав такое, я опять пошел к старику Пену.

— Пожаловал к вам, — говорю ему, — чтобы вернуть вам билет Компартии Коре.

Старик, увы, даже и не взглянув на партбилет, отрезал:

— Мне не нужна такая дрянь.

Значит, вещь эта ему лишняя. Беда была в том, что я и не мог вернуть его старику и не мог бросить его. После этого та вещица несколько дней передавалась моим друзьям из рук в руки...

В следующем после освобождения Родины, 1946 году в Пхеньян приехал старик Пен Дэ У. На встрече с ним я напомнил ему о тех днях. Гость, погрузившись в глубокое раздумье, улыбнулся сухой улыбкой. Вспоминая о нашей встрече в Уцзяцзы, он сказал:

— Вот теперь я вижу, что вся Северная Корея стала буквально идеальным селом, идеальным небесным раем на земле, и мне нисколько не жаль, что умру сейчас.

Ему было тогда 67 лет. В том году он умер в уезде Итун провинции Гирин. Скорбную эту весть мне передали довольно позже. А Пен Даль Хван, сын старика, работал руководителем Крестьянского союза в Уцзяцзы. По «вине» того, что он под нашим руководством развернул антияпонскуго борьбу, он с 1931 года несколько лет мучился в Синичжуской тюрьме.

Так создалась возможность превратить Уцзяцзы в революционное село.

После этого знаменитости села стали иными глазами смотреть на подпольщиков КРА, находившихся в селе. Пригото-

вив особые блюда, они, как бы соревнуясь между собой, приглашали и угощали нас.

Проводя работу по воспитанию жителей Уцзяцзы в революционном духе, мы одновременно прилагали немало усилий для того, чтобы привлечь на нашу сторону и китайцев. Если нам не удастся привлечь к себе местных влиятельных лиц— китайцев, то уйдет у нас из-под ног почва в Средней Маньчжурии. Поэтому мы без колебания привлекли на свою сторону и использовали и китайских помещиков, когда на это открывалась возможность.

К тому времени недалеко от Уцзяцзы жил китайский помещик Чжао Цзяфэн. Однажды ему пришлось поссориться с помещиком другой местности из-за земли. И он решил возбудить дело против того помещика,

А тут Чжао Цзяфэна очень мучило то, что не знал, как ему составить исковое заявление. У него был сын, который окончил в городе среднюю школу, но и он не умел написать такой документ. Учиться-то он в средней школе учился, но, по-видимому, гонял лодыря и не усердствовал в учебе.

Чжао Цзяфэн обратился к Ким Хэ Сану, уцзяцзыскому врачу по народной медицине, с просьбой рекомендовать ему такого знатока, который мог бы написать ему исковое заявление. В какой-то день с такой просьбой пришел ко мне Ким Хэ Сан и спросил, смогу ли я написать такое заявление.

В те годы, когда мы вели подпольную революционную работу, в Китае в помощь простым жителям и учащимся издавались справочники, в которых были изложены способы писания писем, искового заявления и текста, читаемого при совершении жертвоприношения.

И я пошел за Ким Хэ Саном в помещичий дом. Чжао Цзяфэн накрыл для меня обильный стол и, угощая меня китайскими

блюдами, много часов рассказывал, как ему пришлось возбудить дело из-за земельных угодий.

Написав такой документ на китайском языке, я сам вместе'с жалобщиком пошел в уездный центр и там за кулисами помог ему победить в этом судебном разбирательстве. С этим исковым заявлением Чжао Цзяфэн дело свое наконец выиграл. А если бы проиграл, то потерял бы десятки гектаров земли.

После этого он всячески мне покровительствовал, говоря: «Совершенно не правы те, кто говорит, что господин Ким принадлежит к группе коммунистов. Он не коммунист, а очень добрый человек. Без его помощи я на суде проиграл бы».

И каждый праздник он приглашал меня к себе и угощал лакомыми блюдами.

Когда я бывал у Чжао Цзяфэна, я знакомился у него с местными влиятельными лицами Китая и прививал им антиимпериалистический дух.

С той поры в Уцзяцзы моя революционная деятельность стала легальной, легально работала и школа корейцев. Так и начали укрепляться устои нашей революционной борьбы в этой местности.

Перевоспитав влиятельных лиц деревни вот в таком духе, мы приступили к революционной перестройке массовых организаций.

Первым делом мы преобразовали Общество молодежи в организацию АСМ. Оно раньше было под влиянием национализма. После прихода группы КРА в Уцзяцзы активисты этого общества чуть прозрели, но пока не совсем избавились от пережитков национализма во всех направлениях. Прежде всего неясными-были боевые задачи и цель общества. Было мало

членов организации, да и не практиковались правильные методы работы. Никакой деятельности у них в сущности не было, оставалась одна вывеска. Только номинально называвшаяся эта организация почти не вела работы по сплочению масс молодежи. Район Уцзяцзы охватывал много поселений за 4 или 8, даже за 24 километра вокруг, но ни в одной деревне не имелось местной организации этого общества. И вполне естественно, что молодежная организация не могла прижиться в массах, не могла привести в действие массы молодежи.

Некоторые наши товарищи предложили сразу же превратить это общество в организацию АСМ. Но многие юноши и девушки пока еще не освободились из-под влияния националистов и возлагали определенные надежды на Общество молодежи. Так что нельзя было без учета идейно-политической подготовленности молодежи необдуманно перестраивать старую организацию в новую.

Бойцы КРА вместе с руководителями Общества молодежи проводили во многих селениях идеологическую работу, направленную на создание организации АСМ. В ходе этого наша революционная линия стала доходить до сознания масс молодежи. И я каждый день беседовал с молодежью.

Пройдя такую подготовительную стадию, мы создали в классном помещении Самсонской школы Уцзяцзыскую организацию АСМ, которая имела свое звено в каждом селении, Председателем этой организации был избран Чвэ Иль Чхон, заведующим орготделом — Мун Чжо Ян.

После этого Общество крестьянских друзей перестроилось в Крестьянский союз, а Общество школьных друзей — в Детскую экспедицию, Уцзяцзыский филиал Южноманьчжурской федерации по просвещению женщин — в Общество женщин. В работе

массовых организаций села начали происходить новые перемены.

Перестроенные организации широко принимали в свои ряды новых членов. Почти все жители, охваченные массовыми организациями, включились в политическую жизнь.

И сельский совет, этот административный орган местного самоуправления, мы перестроили в революционный комитет самоуправления.

Сельский совет был создан предтечами Уцзяцзы в первой половине 20-х годов. Совет занимался в основном хозяйственными делами и образованием. Он, установив постоянные связи с китайскими ведомствами, имел в Гунчжулине свою организацию — торговый пункт по продаже риса. Она оказывала помощь крестьянам в быту.

Жители Уцзяцзы нескрытно порицали работников сельского совета за необщительность в работе с массами и нечестность в хозяйственных делах.

Из бесед с крестьянами я узнал, что работники сельского совета неравномерно распределяют среди крестьян некоторые виды пищепродуктов и предметов первой необходимости, поступающие из Гунчжулинского торгового пункта, и в корыстных целях используют их не по назначению. Чтобы уточнить достоверность таких фактов, я направил одного товарища в Гунчжулин. Вернувшись, он сказал, что сельский совет прогнил насквозь. Доложил, что фактически его работники, злоупотребляя деньгами, собранными от крестьян, набивают себе карманы.

Почти всеми делами сельского совета по своему усмотрению распоряжался один сельский староста- Пагубно сказывалось своеволие и полное игнорирование мнений масс. Простые люди не вмешивались в дела, и никто не мог узнать о тех или

иных недостатках совета. В условиях, когда на революционных началах меняются и люди, и жизнь, и стиль работы, прежняя организационная структура сельского совета и устаревшие методы деятельности не позволили ему работать в соответствии с требованиями масс.

Мы созвали совещание с участием руководящих кадров сельского совета, старост всех селений и председателей организаций Крестьянского союза. На совещании подвели итоги деятельности сельского совета и перестроили его в комитет самоуправления.

И этот новый комитет прекрасно заработал по нашим планам в направлении ликвидации субъективизма и самоуправства и максимального проявления демократии в своей деятельности.

Мы уделяли большое внимание работе Гунчжулинского торгпункта по продаже риса, находящегося в ведении комитета. Чтобы про давать рис, крестьянам Уцзяцзы приходилось гонять тележки в запряжке лошадей или волов до Гунчжулина за 40 километров. При спаде цен на рис нужно хранить его в определенном месте, при подорожании цен продавать его более выгодно экономически. Но в то время в Гунчжулине хранить его было негде, и привезшим его крестьянам приходилось продавать его кому попало, не считаясь с ценами. Чтобы не было такого ущерба, хлеборобы Уцзяцзы создали осенью 1927 года в Гунчжулине свой торгпункт по продаже риса.

И мы в этот торгпункт направили людей с самой доброй и надежной репутацией из числа членов массовых организаций Уцзяцзы. Были посланы туда на помощь бойцы КРА, например, Ке Ен Чхун, Пак Гын Вон и Ким Вон У. Итак мы держали в своих руках этот торгпункт. Потом эта торговая точка не то-

лько выполняла функцию легального торгового органа, помогающего крестьянам в быту, но и осуществляла конспиративную задачу по обеспечению связей между революционными организациями и передаче нужных материалов КРА.

Таким образом мы перестроили сельский совет в комитет самоуправления и создали под его ведением легальное торговое учреждение, помогающее делу революции, такое, как Гунчжулинский торговый пункт по продаже риса. И это, можно сказать, являлось еще одним опытом нашей революционной борьбы, накопленным в начале 30-х годов.

Когда мы были в Уцзяцзы, подпольщики были направлены в различные районы Маньчжурии с целью умножения сети организаций и расширения поприща нашей деятельности. В то время несколько подпольщиков пошли и в Кайлу. Поработал здесь и Пак Гын Вон — член ССИ, выпускник училища «Хвасоньисук».

В Кайлу жило много монголов. Местные жители далеко отстали от цивилизованного мира. Так, при заболевании они не умели лечить никакую болезнь и только молились святому духу. Поэтому наши товарищи каждый раз брали с собой лекарства и давали их больным. Эффект был заметным. После этого в Кайлу к корейцам стали относиться более добродушно.

Для повышения политических и деловых квалификаций руководителей организаций мы проводили семинары, в которых участвовали руководители и другие активисты всех организаций.

Каждым вечером я с Чха Гван Су и Ке Ен Чхуном поочередно по два-три часа выступали с лекциями, темы которых — самобытная революционная линия и тактико-стратегический курс Калуньского совещания, методы политической работы в массах, методы расширения и качественного укрепления органи-

заций, методы воспитания членов организаций и руководства их жизнью в организациях.

И после семинарских занятий мы приглашали к себе руководителей местных организаций и знакомили их с различными методами работы по созданию организаций, подготовке актива, распределению поручений, подведению итогов выполнения заданий и ведению собраний и бесед.

Командный состав села Уцзяцзы уверенно шел в массы. Мы приложили много усилий и для просвещения и воспитания жителей Уцзяцзы.

Первоочередное внимание было уделено делу обучения.

Мы подобрали способную молодежь из бойцов КРА и членов подпольных организаций и направили ее на преподавание в Самсонскую школу. Мы помогали учителям самим перестроить содержание обучения на революционных началах. После того как мы начали вести работу учебного заведения, из учебной программы были удалены те старые предметы, которые насаждали идеи национализма и феодального конфуцианства, внедрены новые политические дисциплины. К тому времени в Самсонской школе отменили систему платного обучения. Расходы на содержание школы взял на себя комитет самоуправления. С зимы того года все дети Уцзяцзы, достигшие школьного возраста, учились в школе бесплатно.

Впоследствии мы в Программу Лиги возрождения Родины из десяти пунктов включили статью об обязательном бесплатном обучении, но на самом деле корейские коммунисты впервые запланировали и практически осуществили бесплатное образование именно в Гугойшу, Калуне и Уцзяцзы. Чинменская школа в Калуне, Самгванская школа в Гуюйшу и Самсонская школа в Уцзяпзы — все они являются знаменательными учебными заве-

дениями, в которых впервые осуществилось бесплатное обучение в истории образования нашей страны.

Мы позаботились и о вечерних школах для молодежи, людей среднего возраста и женщин, которые не получили школьного образования.

Такие школы я создал не только в главном, но и в окрестных поселках, приняв в них всех молодых людей.

Исходя из опыта выпуска «Большевика» в Калуне, мы издали в Уцзяцзы журнал «Ноньу» («Крестьянские друзья» — ред.), который сыграл роль печатного органа Крестьянского союза. В «Большевике» писалось так, что было немного трудновато для понимания, а на страницах «Ноньу» печатались статьи, легко доступные пониманию крестьян, стиль заметок был лаконичен и прост. «Ноньу», как и «Большевик», распространялся вплоть до Цзяньдао.

В то время мы через школьников широко распространяли среди сельских жителей революционные песни. Один раз разучили в школе песни «Красное знамя» и «Гимн революции» — и на следующий же день их запело все село.

В Уцзяцзы мы создали бригаду художественной самодеятельности. Коллектив самодеятельных артистов, руководимый Ке Ен Чхуном, работал активно, базируясь, главным образом, на Самсонской школе-

И я вплотную взялся за отработку либретто оперы «Цветочница», которое начал писать еще в Гирине. Репетиции оперы проводились уже тогда неоднократно в опытном порядке. Когда вышла из-под моего пера литературная основа, Ке Ен Чхун вместе с составом драматургического кружка Самсонской школы приступил к художественному изображению произведения.

Оперу мы поставили в большом зале Самсонской школы в день 13-й годовщины Октябрьской революции.

После освобождения страны эта опера надолго «зарылась в землю». В начале 70-х годов это произведение было выпущено в свет под руководством секретаря ЦК партии по организационным делам нашими писателями и деятелями искусства в совершенном виде в формах кинематографии, оперы и романа. Над этим он немало потрудился.

В обстановке полной поддержки жителей Уцзяцзы мы за короткий срок сумели превратить деревню Ляохэ в надежную базу КРА. Работу с крестьянами мы, конечно, проводили и раньше в окрестностях Гирина и под Чанчунем, но не так последовательно, как в Уцзяцзы, превращенном в революционное село.

На все, что было сделано нами в Уцзяцзы, удивленными глазами посмотрел и курьер Коминтерна Ким Гван Рер.

Мы, разработав самобытную революционную линию, прокладывали путь революции на самостоятельных началах, и Коминтерн стал обращать на нас свое пристальное внимание. В Восточном бюро Коминтерна, наверное, шло о нас много разговоров. «В Корее появились революционеры новой смены, в корне отличающиеся от прежних коммунистов, эти силы ни к какой группировке не принадлежат, они действуют самостоятельно без громкой шумихи, имеют надежную опору в массах. Что это за люди такие?» — с таким любопытством, пожалуй, Коминтерн и послал к нам своего курьера.

Из харбинского пункта связи Ким Гван Рер приехал к нам в Уцзяцзы. Он встретился с нашими товарищами, руководителями революционных организаций, а также с знатными деревни. После бесед со многими людьми курьер встретился и со мной. Он

высказал много вдохновляющих слов насчет нашей работы. «Молодые коммунисты Кореи, —говорил он, — прокладывают самобытный путь в коммунистическом движении и национально-освободительной борьбе в колонии, накопили немало опыта». Курьер выразил активную поддержку нашей революционной линии и нашего курса. Он очень удивился нашей линии на сформирование единого антияпонского национального фронта.

— Сейчас в международном коммунистическом движении, — говорил он, — идут серьезные дискуссии насчет вопроса: как определить круг тех, кто поддерживает революцию и сочувствует ей, а вы, вижу, идете рука об руку с силами твердолобых националистов, с верующими и даже с имущими слоями населения. Как это понимать?

— Революцию, — отвечал я ему, — нельзя вести меньшинством коммунистов, одними силами рабочих, батраков и бедня-, ков. На свержение японского империализма надо мобилизовать и все промежуточные силы. Не знаю, как в другой стране, но в Корее большинство национальной буржуазии и даже верующие выступают против внешних сил. Революции не хотят только незначительные силы; кучки помещиков, компрадорской буржуазии, прояпонских элементов и национальных предателей. Мы хотим мобилизовать всех людей, кроме них, на общенациональное сопротивление. Секрет достижения независимости Кореи силами самих корейцев состоит в том, чтобы завоевать на нашу сторону все антияпонские силы.

Выслушав мое объяснение, курьер сказал:

— Вы не ограничиваетесь классикой и все дела решаете творчески и самобытно. Это мне больше всего нравится.

Потом он предложил мне учиться в Москве:

.— Вы человек перспективный. Важна, конечно, практика, но надо учиться.

Ким Гван Рер раскрыл перед мной чемодан, где были костюм, сорочка, галстук и ботинки. Потом продолжал:

— Коминтерн возлагает большие надежды на вас и это вам рекомендует. Вам лучше бы на это согласиться.

В Коминтерне ему, наверное, приказали уговорить меня и направить в Москву. Я ему ответил;

— Большое спасибо вам за внимание. Но я пойду в Восточную Маньчжурию в народ. Если я буду кушать в Советском Союзе хлеб, то, может быть, стану пророссийским. Но таким быть не хочу. И без того у меня в сердце больно, что в Корее так много фракций — Эмэльпха, Хваёпха, Сеульпха15 и т. д. Нельзя же мне следовать по стопам таких людей. А марксизму-ленинизму буду учиться по книгам...

Было время, когда Чха Гван Су, Пак Со Сим и другие мои .товарищи тоже предлагали мне поехать учиться в Москву. Они уже в Тодоцзы подготовили все предметы первой необходимости для будущей моей учебы за рубежом.

В последней декаде декабря того года в Уцзяцзы я созвал совещание командного состава КРА и руководителей революционных организаций. Цель нашего совещания состояла в том, чтобы обобщить уроки и опыт борьбы за претворение в жизнь курса Калуньского совещания и еще более расширять и развивать революционное движение на высоте требований сложившейся ситуации.

Япония, размахивая железной палицей милитаризма, мобилизовала все свои государственные силы на форсирование подготовки к агрессивной войне для захвата новой колонии и расширения своей территории. Все преграды с этого пути она беспощадно

сметала.

Мы собирались, прежде чем Япония напала на Маньчжурию, занять свои позиции в Восточной Маньчжурии и быть начеку на случай агрессии. Чтобы выйти в Восточную Маньчжурию, нужно было подвести итоги деятельности в Средней Маньчжурии и принять необходимые меры для подготовки к вооруженной борьбе. С такой целью было созвано Уцзяцзыское совещание.

В нем приняли участие весь актив КРА и все руководители революционных организаций. Из Цзяньдао, из районов Онсона и Чонсона приехали Чхэ Су Хан и многие другие руководители революционных организаций, несмотря на 30-градусный трескучий мороз. До этого они даже не знали в лицо друг друга. На совещании многие молодые революционеры познакомились друг с другом, обменялись теплыми чувствами и серьезно обсуждали вопросы о будущем корейской революции.

Фокусом обсуждаемых проблем на совещании была заметная активизация деятельности в Восточной Маньчжурии. Мы твердо решили перенести основную арену своей борьбы в Восточную Маньчжурию. Эта проблема не терпела дальнейшего отлагательства и в свете новой революционной ситуации. Вот почему я, хотя и находился в Уцзяцзы, никогда не забывал о Восточной Маньчжурии, с нетерпением ждал того дня, когда я отправлюсь туда.

На совещании я выдвинул и другие задачи: ускорить подготовку к антияпонской вооруженной борьбе, укрепить солидарность с международными революционными силами.

Весь процесс совещания ярко продемонстрировал нашу решимость перейти от молодежно-ученического движения и

подпольного движения в деревнях к стадии вооруженной борьбы и нанести врагу решительный удар. Если Калуньское совещание сконцентрированно обобщило волю корейской нации оружием победить японский империализм и добиться возрождения Родины, то совещание в Уцзяцзы, еще раз подтвердив эту волю, осветило прямой путь к битве великой антияпонской войны.

Образно говоря, на полосе от Калуньского совещания до весеннего Минюегоуского, Сунцзянского и зимнего Минюегоуского совещаний 1931 года Уцзяцзыское совещание навело мост к решающей битве с империалистами Японии, на которую шли мы, молодые коммунисты.

В 30-е годы наше молодежно-ученическое движение, наконец, вступило в стадию вооруженной борьбы. При этом Уцзяцзы, можно сказать, сыграл роль трамплина.

Когда я уходил из Уцзяцзы, Мун Чжо Ян со слезами провожал меня целый десяток *ли.*

10. Незабываемые люди

Как-то раз в Пхеньяне мне довелось встретиться с Фиделем Кастро и долго разговаривать с ним о боевом опыте периода антияпонской революционной борьбы. Тогда гость задавал мне массу вопросов. Один из них — как мы решали вопрос с продовольствием в вооруженной борьбе?

Я ему говорил: был и метод решения вопроса с продовольствием путем захвата его у врага, но народ постоянно предоставлял нам продовольствие.

И в годы молодежно-ученического движения и подпольной деятельности местное население кормило нас и предоставляло нам ночлег.

Шанхайское временное правительство и такие организации Армии независимости, как группировки Чоньибу, Синминбу и Чамибу, учреждали по-своему законы, собирали с населения денежные пожертвования и средства в фонд армии, но мы так не поступали. Было время, когда мы нуждались в деньгах для революционной деятельности, но нам нельзя было учреждать закон о взимании налогов с населения. Привязав его к каким-либо законам или правилам, ходить с приходно-расходной книжкой под мышкой, чтобы собирать деньги — с чьего дома сколько, а с другого-то сколько, — такой метод вообще не соответствовал нашим идеалам. Наша позиция была такова: если население даст — берем, а не даст — и то ничего.

Но население, в какой бы обстановке оно ни находилось, рискуя жизнью, помогало нам. Оно, будучи пробужденным и мобилизованным, всегда проявляло заботу о нас, революционерах, как о своих родных детях. Поэтому мы всегда верили в народ. У нас не было случая, чтобы мы голодали хоть разок там, где есть народ.

Начав борьбу с голыми руками, по существу с нуля, мы могли победить лишь благодаря тому, что народ активно поддерживал нас и оказывал нам содействие. Хен Чжон Ген, Ким Бо ан, Сын Чхун Хак из Гуюйшу, Рю Ен Сон, Рю Чхун Ген, Хван Сун Син, Чон Хэн Чжон из Калуня, Пен Дэ У, Квак Сан Ха, Пен Даль Хван, Мун Си Чжун, Мун Чжо Ян, Ким Хэ Сан, Ли Мон Рин, Чвэ Иль Чхон из Уцзяцзы — все они незабываемые люди, которые оказывали нам искреннюю помощь в Южной и Средней Маньчжурии.

И в дни, когда им приходилось питаться жидкой похлебкой, нас кормили кашей, оказывая нам теплый прием. Нам было неловко доставлять хлопоты местным жителям, и порой мы спали в дежурке школы под «предлогом» того, что по срочному делу нам следует работать ночь напролет. Если в Калуне ночлегом для нас служило классное помещение Чинменской школы, то в Гуюйшу и в Уцзяцзы — классные помещения Самгванской и Самсонской школ.

Когда я спал в классном помещении Самгванской школы, подложив под голову деревянный валик, ко мне приходил Хен Гюн. Он сердился на меня и, взяв мою руку, приглашал меня к себе.

Хен Гюн, член ССИ и боец КРА, был человек умный, честный, доброй души.

Его старший брат Хен Хва Гюн, занимаясь работой Кресть-

янского союза в Гугойшу, очень помогал нам.

Оба брата состояли в нашей организации, а их отец был участником движения за независимость страны. Все члены их семьи относились к нам с исключительной любезностью и теплотой,

Хен Ха Чжук, отец Хен Гюна, занимал довольно солидное место и положение среди сторонников движения за независимость. Ха Чжук—это был его псевдоним, а его настоящее имя—Хен Чжон Ген. Жители Гуюйшу называли его не настоящим именем, а псевдонимом. К тому времени среди корейских соотечественников, проживавших в Маньчжурии, не было человека, который не знал бы Хен Ха Чжука.

И мой отец при своей жизни часто напоминал о нем, имел с ним глубокие дружественные отношения. Они были не просто друзьями, а как товарищи, которых связало единомыслие в движении за независимость, часто встречались, делились своими заветными мыслями, с горячим чувством братства уважали и поддерживали друг друга, посвящали себя делу движения за независимость.

Хен Ха Чжук был председателем Центральной юридической комиссии Тхоньибу16, а затем членом администрации Чоньибу, а в годы существования Кунминбу ведал работой политотдела Революционной партии Кореи, которую националисты называли единственной партией нации. Он был сведущим и в коммунизме, в будничные дни сочувствовал молодежи, стремившейся к коммунизму, легко общался с ней.

Когда Ким Хек, Чха Гван Су и Пак Со Сим учреждали Общество по изучению общественных наук в районе Люхэ и повсеместно создавали организации АСМ, он часто выступал в

качестве лектора в целях просвещения молодежи. Те, кто слушал его лекции в годы учебы в училище и Хвахынской средней школе в Ванцинмыне, часто вспоминали о нем.

Каждый раз, когда я бывал в Гуюйшу, Хен Ха Чжук предоставлял мне ночлег в своем доме.

— Ничего не надо стесняться, думай, что ты у старшего брата твоего отца, — так он постоянно обращался ко мне. Он был на добрый десяток лет старше моего отца.

Находясь в его доме дней десять, двадцать, а то и целый месяц, я вел работу с массами. В каком-то году, точно не помню, мы в Гуюйшу с семьей Хен Ха Чжука праздновали национальный майский праздник *тано.*

Собственно говоря, в то время, предоставляя ночлег, кормить гостя в одном доме не один день, а по нескольку недель, было не легко. Соберут урожай — отдадут его помещику в уплату за аренду и от урожая-то остаются рожки да ножки, да еще кормят революционеров. Так что семьям-то приходилось едва-едва сводить концы с концами.

Несмотря на это, в его доме старались тогда угощать меня аппетитными кушаньями. Порой резали и курицу, приготовляли и соевый творог *тубу,* и блюдо из растертых соевых бобов, сваренных с зеленью, и свекольный суп, заправленный соевой пастой.

Когда женщины его семьи, приготовляя *тубу,* мололи соевые бобы на жернове, и я тоже, засучив рукава, принимался крутить ручной жернов. Каждый раз, помню, когда я садился перед жерновом и помогал им, Ким Сун Ок, жена Хен Хва Гюна. которой на вид лет 22 — 23, не могла поднять глаз от смущения.

Хотя Хен Ха Чжук принадлежал к националистической организации Кунминбу, но не скрывал, что состоит в ее новатор-

ской группе, откровенно заявлял и о том, что в дальнейшем он будет участвовать в коммунистическом движении.

Говорили, что после моего отъезда из Гуюйшу Хен Ха Чжук уезжал в Сиань, избегая грызни между своими людьми внутри Кунминбу. Тогда продвинулись туда войска Чжан Сюэляна, и Хен Ха Чжук, видимо, последовал за ним, возлагая на пего надежду. Чжан Сюэлян отличался сильными антияпонскими настроениями, и было немало людей, которые решили развернуть под его зонтом антияпонское движение. В период до и после Маньчжурского события многочисленные деятели движения за независимость Кореи, действовавшие в трех провинциях Северо-Восточного Китая, переместили арену своей деятельности в Шанхай, Сиань, Чаншу и другие места.

Каждый раз после освобождения Родины, когда я совершал визиты в зарубежные страны, проезжая через Северо-Восточный Китай на поезде или пролетая на самолете, я не сводил глаз со знакомых маньчжурских гор и рек, вспоминая о Гуюйшу, вспоминая о Хен Ха Чжуке, вспоминая о его детях.

«Разумеется, пет уже в живых Хен Ха Чжука, — думал я, -— но из его детей, вероятно, остались хоть один или двое. Почему же нет.о них ни слуху ни духу? И я-то беспомощен разыскать их, — не знаю их адресов, но они-то могли же написать мне письмо- Беспокоить-то других легко, а отблагодарить-то вот как не легко».

Однако, совершенно неожиданно для меня, весной 1990 года состоялась после долгой разлуки волнующая встреча с детьми Хен Ха Чжука.

Его старшая сноха Ким Сун Ок хранила целые 60 лет посуду из латуни, которой я пользовался в ее доме, и ручной жернов, на котором мололи соевые бобы, готовя для меня *тубу,* и прислала

их в наш Музей революции. Статья об этом была опубликована в журнале «Торачжи», издаваемом корейцами в Гирине, ее перепечатала наша газета «Нодон синмун».

Узнав, что еще живы те благодетели, о которых не было ни слуху ни духу вот уже шесть десятков лет, я не мог удержаться от нахлынувших глубоких чувств. Я же думал: когда-нибудь страна станет независимой, обязательно щедро отблагодарю за услуги в Гугойшу. Меня обуревало горячее желание поскорее повидаться с ними, своими руками накрыть им скромный обеденный стол и поделиться воспоминаниями о прошлых годах.

И Ким Сун Ок говорила, что ей хотелось бы хоть разок увидеть меня, пока она жива, и тогда могла бы со спокойной душой умереть.

И в марте 1990 года от моего имени пригласили ее к нам. И вот мы встретились. Но, к великому сожалению, ей было уже 80 лет, от сильной старческой болезни она не могла даже ходить свободно.

Вместе с ней приехали в нашу страну шестеро ее детей. Все они были для меня как бы чужие, незнакомые. Был среди них и сын Хен Гюна. У него рот был такой же, точь-в-точь отцовский. И это их сходство напомнило мне забытые черты покойного Хен Гюна. Казалось, он, воскреснув, появился передо мной.

Мы поместили их в гостиницу, построенную в качестве резиденции для высоких иностранных гостей, предоставили им возможность ездить по стране. Они пробыли у нас примерно с месяц.

Было жаль, что она плохо слышала. И произношение у нее было неточное, и память ее сильно ослабела. Хотя после 60-летней разлуки мне и довелось чудом встретиться с одной из

благодетельниц, о которых я так беспокоился, не зная, живы они или нет, но мне не пришлось свободно обменяться с ней заветными мыслями. Я думал, что представится возможность достаточное время делиться воспоминаниями о прожитых годах в Гуюйшу: если она что-то не вспомнит, то я дополню, а если я не вспомню что-то, пусть дополнит она. Но такой надежде сбыться не довелось, рухнула надежда, и мне было от этого грустно и досадно.

И ее дети толком не знали о судьбе и деятельности Хен Ха Чжука. И я подробно рассказывал им о том, как он боролся за независимость Кореи, как помогал нам в революционной работе. Это и была моя обязанность, поскольку я хорошо знаю о его деятельности.

Пусть ты рожден от одних предков, это еще не значит, что дело предшественников будет продолжаться само собой их потомками. Только те потомки, которые толком знают боевые заслуги погибших предшественников и свято хранят и дорожат ими, могут надежно продолжать революционное дело, начатое отчим или дедовским поколениями.

На месте моей встречи с Ким Суп Ок были и Кон Гук Ок, а также Мун Чжо Ян и Мун Сук Гон, которые оказывали нам большую помощь в революционной деятельности в Уцзяцзы.

Кон Гук Ок — дочь Кон Ена, который целые три года вместо меня носил траурный головной убор и траурную одежду, когда скончался мой отец. В ту пору, когда я учился в Юйвэньской средней школе в Гирине, — точно не помню, в каком году, — во время каникул приехал я в Фусун и увидел дома жену Кон Ена с ее дочкой, к которой муж относился неприветливо за то, что у нее на лице возник шрам. Та девочка и есть эта вот Кон Гук Ок.

Помню, однажды сразу же после освобождения страны я руководил в Пхеньяне работой заседания Крестьянского союза и встретился с пектонцем, участвовавшим в собрании в качестве делегата. Я спросил его: «Не знаете ли вы, где живут члены семьи покойного Кон Ена?» Кон Ен — уроженец Пектона, поэтому мне казалось, что его жена и дочь, вероятно, живут в своем родном краю.

Тот ответил, что в Пектоне много людей по фамилии Кон, но он не слыхал, что семья Кон Ена осталась в живых.

Его ответ очень меня огорчил. Семьи других погибших патриотов появляются, но лишь о семье Кон Ена ни слуху ни духу, и я ощутил в душе какую-то тягостную пустоту.

К тому времени мы вели подготовку к строительству в Мангендэ училища для детей погибших революционеров.

После победного возвращения на Родину я обменялся приветствиями с жителями Пхеньяна на общественном стадионе и вернулся через 20 лет в родной дом, где ждали меня дедушка и бабушка. Приходили ко мне товарищи по начальной школе. Они предлагали построить среднюю школу, носящую мое имя, на месте Сунхваской школы, где одно время учительствовал мой отец. Они уговаривали; Мангендэ — это известный край, где родился Полководец Ким Ир Сен, как было бы хорошо построить здесь большую школу, присвоить ей имя Полководца и назвать «Средней школой имени Ким Ир Сена»!

До того времени в моем родном краю не было средней школы. Я им говорил: «В былые времена погибло много патриотов, которые вместе со мной сражались в горах с оружием в руках. Закрывая глаза, они завещали мне; когда Корея станет независимой, взять и обучать их сыновей и дочерей, вырастить их замечательными революционерами. С того времени я всегда

думал: когда Корея станет свободной, буду по их заветам обучать детей ушедших от нас товарищей, чтобы они продолжали волю своих родителей. И вот Родина стала независимой. И эта решимость все более крепла во мне. В Мангендэ нужно построить не среднюю школу, а училище, чтобы воспитывать детей погибших революционеров».

Тогда сельчане выразили свое недоразумение: «Сколько будет их, детей погибших революционеров? Неужели их будет столько, чтобы построить для них даже училище?» Такие люди находились отчасти исреди руководящих кадров, работавших на важных постах партийных и государственных административных учреждений. Они даже не могли и представить себе, сколько патриотов сложили головы на полях сражений во имя Родины.

При виде таких людей я не мог не удивляться. Сколько было погребено мною боевых товарищей в горах и на полях чужбины?!

И вот за счет риса, который пожертвовали крестьяне в фонд процветания Родины из своего первого урожая, собранного ими после земельной реформы, мы построили в Мангендэ училище для детей павших революционеров.

Для розыска детей павших патриотов, которые должны учиться в этом училище, были направлены многочисленные работники в различные районы страны и в районы Северо-Восточного Китая. Тогда сотни детей павших революционеров приехали из Китая. И некоторые товарищи, работающие ныне членами Политбюро ЦК нашей партии, вернулись к тому времени на Родину вместе с товарищем Рим Чхун Чху.

А иные дети павших патриотов торгашествовали на улицах красителями или табаком. Встретив весть об открытии Революю-

ционного училища в Мангендэ, они сами приходили к нам. Среди них были и дети бойцов Армии независимости, и дети павших патриотов, которые в прошлом вели антияпонскую борьбу, состоя в таких организациях, как профсоюзы и крестьянские союзы.

Но нигде не появлялась Кон Гук Ок.

Каждый раз при выезде в районы провинции Северный Пхеньан я расспрашивал о судьбе членов семьи покойного Кон Ена, просил местных руководящих работников поискать их. Каждый раз, когда я еду в училище отмечать праздник вместе с курсантами и вижу, как они весело танцуют и поют, тогда невольно всплывают в моей памяти лица жены Кон Ена и ее дочки Кон Гук Ок: жена Кон Ена приходила к нам в дом на улице Сяонаньмынь в соломенных лаптях, с дикими съедобными растениями, завязанными в платок, на голове, а ее дочка наспине у матери облизывала кончиком языка свой маленький кулачок. И, казалось, сердце у меня разрывается на части.

Лишь в 1967 году я отыскал ее. Кон Гук Ок. Тогда уже не было в живых ее матери. Если бы мать Кон Гук Ок знала, что Ким Ир Сен и есть Ким Сон Чжу, она бы немедленно пришла ко мне. Но она не знала, кто такой этот Ким Ир Сен. К тому же власть в руках компартии, а ее муж служил в Армии независимости, и она, видать, сомневалась, не посмотрят ли на них другими глазами, и, вероятно, не рассказала своей дочке о том, чем занимался ее отец,

Как только отыскали дочку Кон Ена, Кон Гук Ок, мы послали ее в Высшую партийную школу. Окончив ее, она работала в Пхеньянском горкоме партии, а затем в музее при Министерстве железных дорог. Ныне она ушла на пенсию по старости и отдыхает дома.

Ким Бо ан из Гуюйшу, как и Хен Ха Чжук, был другом моего отца. Он был и командиром роты Армии независимости.

Он выражал сожаление, что я захожу только к Хен Ха Чжуку, а к нему — ни разу. Когда мои товарищи заходят к Ким Бо Ану, он говорит им, что между ним и Ким Хен Чжиком отношения необыкновенные и что он к Сон Чжу относится необыкновенно, но почему-то Сон Чжу ни разу не заглядывает к нему.

Узнав об этом, каждый раз, когда я бывал в Гуюйшу, обязательно к нему заходил.

Обзаведясь аптекой, Ким Бо ан часть вырученных денег жертвовал в фонд шефства над Самгванской школой, которой заведовали мы. Будучи большим актив истом по части образования, он уделял необыкновенное внимание делу просвещения детей и молодежи. Когда мы приглашали его с просьбой выступить с лекцией в Самгванской школе, он с удовольствием принимал наше приглашение.

Ким Бо ан с горестью сетовал: «Население Гуюйшу не умеет даже считать деньги, можно ли с такими неучами добиться незав ис имос ти?»

Люди нашего времени, может, не поверят, что взрослые не умели считать деньги, но к тому времени среди китайцев и переселенцев из Кореи, проживавших в провинции Гирин, было много людей, несведущих в денежных расчетах. В обращении тогда находились деньги разных видов и разного качества. В провинции выпускались свои деньги, в уезде другие, к тому же были гиринские гуаньте, мукденские даяны, гиринские сяодаяны и еще какие-то иньдаяны, каждая монета имела свою стоимость. Поэтому, кто не имел образования, тот на базаре и не мог разбираться в этом сонмище разных денег.

И мы собирали крестьян в вечернюю школу, на уроках арифметики учили их распознавать и подсчитывать деньги.

И те неучи, на которых со стороны смотрели косо за неумение подсчитывать деньги, стали свободно решать задачи из четырех арифметических действий. Увидев это, Ким Бо ан, очень довольный, восклицал: «Еще бы! Корейцы вообще народ умный! Интересно смотреть, как неуч становится ученым!» Он приходил глянуть и на вечернюю школу, посещал и уроки в Самгванской школе.

Учащиеся старшего класса Самгванской школы все без исключения были умными и талантливыми. Из них до сих пор в моей памяти остаются, в частности, Рю Чхун Ген и Хван Сун Син.

Обеих рекомендовали в эту школу революционные организации Калуня. Рю Ен Сон, отец Рю Чхун Ген, работал учителем в Чинменской школе, оказывал нам большую помощь в революционной работе. К тому времени им, Рю Чхун Ген и Хван Сун Син, было лет не выше 14 — 15.

Когда мы из Гуюйшу возвращались в Калунь или в Гирин, мы просили их доставлять наше оружие. Китайская военщина не так сильно обыскивала женщин.

Они всегда добросовестно выполняли нашу просьбу. Скрывая оружие под юбками, они следовали за нами, отставая от нас метров на 50. По дороге китайская военщина не раз обыскивала нас, но на них не обращала внимания, пропускала их равнодушно.

Хван Сун Син, вернувшись на Родину после освобождения страны, занималась земледелием в своем родном краю. Она трудилась на славу, как подобает члену Детской экспедиции в годы учебы в Самгванской школе, слыла мастером богатого

урожая. Всю свою жизнь она прожила достойно, окруженная любовью и уважением людей. А в послевоенные годы некоторое время она работала и депутатом ВНС КНДР.

Рю Чхун Ген жила в Маньчжурии, странствуя по разным районам. Желая провести последние годы своей жизни на Родине, как и Ли Гван Рин, она вернулась на Родину в 1979 году.

Если она, как и Хван Сун Син, вернулась бы на Родину в свои молодые годы, иона стала бы известной деятельницей, проводила бы вторую половину своей жизни более благотворно во имя общества и народа. В годы учебы в Самгванской школе Рю Чхун Ген слыла подобающей своей надежде девочкой: среди учениц она выделялась умением хорошо писать и говорить, отличалась самым ярким умом.

Когда мы вели подготовку к созданию партизанского отряда в Аньту, она писала мне о своем желании приехать ко мне и продолжать борьбу. Тогда мы торопились с подготовкой к вооруженной борьбе, а я думал, что если начнется эта наша борьба, то женщинам будет трудно следовать за мужчинами. И я не послал ей свое согласие на ее приезд в Аньту.

Еще до того времени мы хотя и много говорили, что женщины должны пользоваться равными с мужчинами правами, но считали их неподходящими к вооруженной борьбе. Если в том же году, когда Рю Чхун Ген вернулась на Родину, было бы ей лет 50, то мы направили бы ее на учебу и привлекли бы к общественной деятельности.

Наш принцип был таков: как только разыщем тех, кто в былые годы непосредственно участвовал в революционной борьбе или был причастным к ней, независимо от того, что они уже в несколько пожилом возрасте, послать их на учебу, дать им подходящие места, чтобы они могли заниматься политической

деятельностью. Как бы ты ни был умен и каким бы способным ни был, если ты долгие годы, не занимаясь общественной деятельностью, будешь зарываться с головой в дела семейные, то будешь неизбежно терять способность мышления, станешь несведущим в жизни, и у тебя, как говорится, будет ржаветь воззрение на жизнь.

После освобождения страны немало ветеранов революции и людей, кто был причастным к революционной борьбе, не выдвигались на соответствующие посты, оставались, как говорится, втуне. Фракционеры долгие годы не представляли их к выдвижению на руководящие посты, ссылаясь на то, что ветераны антияпонской революции хотя и имеют за плечами хороший опыт прошлого, но они, мол, «неучи», никуда не годятся. Но если они действительно «неучи», то надо было бы послать их учиться, упорно воспитывать их, чтобы они стояли на своих ногах. Но фракционеры отстранили их и закрывали на них глаза.

Вот почему мы приняли необходимые меры: если найдутся дети павших революционеров и те, кто был причастным к нашей революционной борьбе, посылать их на учебу в Высшую партийную школу или в Академию народного хозяйства, а потом выдвигать их на руководящие посты в соответствии с их подготовленностью.

Если не учиться, не вести жизнь в организациях, то и ветераны революции становятся отжившими свой век людьми.

Через вышеуказанный процесс многочисленные ветераны революции, дети павших революционеров и те, кто содействовал нашей антияпонской революционной борьбе, росли способными руководителями партии и государства, видными общественными деятелями.

Одним из таких лиц был и Мун Чжо Ян из Уцзяцзы. В

бытность свою заведующим орготделом Уцзяцзыской организации АСМ, он вместе с Пен Даль Хваном, Чвэ Иль Чхоном, Ли Мон Рином, Ким Хэ Саном оказывал нам большую помощь. Вместе с нами он писал много статей, часто выступал с речами, с большим азартом участвовал и в создании массовых организаций. И собрания, вероятно, больше всего проводились в его доме.

Когда я был в Уцзяцзы, много доставлял хлопот семьям Мун Си Чжуна, старшего брата Мун Чжо Яна, и Чвэ Иль Чхона.

Мун Си Чжун был человек добрый и щедрый. Несколько месяцев кормил нас бесплатно. Когда мы действовали в Уцзяцзы, он зарезал для нас и свинью, прося нас об одном — во что бы то ни стало вернуть стране независимость. Это, кажется, происходило как будто вчера. Я долго жил в его доме, питался, пользовался ночлегом. Мне каждый раз подавали на обеденный стол соленый чеснок. Ничего не скажешь, каким вкусным был этот чеснок! Вкус его был исключительно оригинальным. И после освобождения страны, когда я встретился с дочерью Мун Си Чжуна — Мун Сук Гон, тотчас же вспомнился мне тот самый соленый чеснок, и я пригласил ее в свой дом, чтобы она научила нас методу засолки чеснока.

Каждый раз, когда я бываю на периферии, подают мне на обеденный стол соленый чеснок, но вряд ли можно сравнить его по вкусу с тем соленым чесноком, который я когда-то аппетитно ел с вареной чумизой, разбавив ее водой.

Недавно Мун Чжо Ян отметил свой 80-летний юбилей. Вспоминая прожитые годы в Уцзяцзы, я направил ему букет цветов и накрыл в его честь юбилейный стол.

Когда я бывал в Уцзяцзы, по нескольку недель находился и в доме Чвэ Иль Чхона, бывшего председателем местной орга-

низации АСМ и главным редактором журнала «Ноньу». В те времена его звали и Чвэ Чхоном или Чвэ Чхан Соном. Чвэ Хен У, под именем которого были изданы «Краткий очерк истории корейского революционного движения за рубежом», — это его псевдоним, под которым он занимался сочинением трудов в Сеуле после освобождения страны.

Он считался самым образованным в Уцзяцзы. Он не писал стихов, как Ким Хек, но владел талантом незаурядного прозаика. По нашему совету он, находясь несколько лет в Чанчуне, вел подпольную деятельность и работал начальником филиала редакции «Тоньа ильбо». Тогда он собирал массу материалов о нас, писал много хороших статей, часто посылал их в печать.

Чвэ Иль Чхон был «поднадзорным лицом», за которым неотступно следила японская контрразведка. За воротами заведуемого им филиала редакции «Тоньа ильбо» чуть ли не каждый день несли дежурство японские жандармы исыщики, зорко следя за ним. Противник стал обращать на него внимание за то, что он продолжал и в Чанчуне работу с молодежью и что он в тесной связи с патриотически настроенными деятелями внутри страны зачастую вел пропаганду о нас. После того, как мы начали вооруженную борьбу в Восточной Маньчжурии, он рекомендовал в антияпонские партизанские отряды несколько юношей-активистов, непосредственно подготовленных организацией АСМ. Подлинное описание национально-освободительной борьбы корейцев в Маньчжурии в «Кратком очерке истории корейского революционного движения за рубежом», его живое и страстное перо, чем безукоризненно воспроизведены эти события, следует оценивать как плод, добытый и выращенный в ходе такой революционной практики.

Когда Чвэ Иль Чхон находился в Шэньяне и Пекине, он не

раз приезжал в Сеул, где рассказывал видным деятелям страны и представителям различных слоев населения о боевых успехах в антияпонской вооруженной борьбе. После того, как была создана Лига возрождения Родины, он разъяснял им Программу этой лиги из десяти пунктов. По его агитации Научное общество корейских языковедов и Движение этнографов, которые возглавлял Ли Гык Ро, целиком и полностью поддерживали Программу Лиги возрождения Родины и в соответствии с ее духом развертывали борьбу в защиту национальной культуры и духа нации.

Когда усиливались преследования и надзор со стороны японских ведомств, Чвэ Иль Чхон приехал в Сеул с материалами о нашей борьбе и движении за независимость страны, которые он как начальник филиала редакции «Тоньа ильбо» собирал лично в различных районах Маньчжурии. Он передал целиком эти материалы Ли Гык Ро, который тогда возглавлял Научное общество корейских языковедов, как это было уже сказано выше. Среди этих материалов были и кипы номеров журнала «Ноньу», который мы издавали в Уцзяцзы.

— Эти материалы, — говорил Чвэ Иль Чхон, обращаясь к Ли Гык Ро, — имеют ценность национального сокровища. За мной постоянный надзор и слежка, и мне не под силу хранить эти материалы. По ним я хотел бы написать историю, когда страна станет независимой. Прошу вас, уважаемый Ли, что бы ни случилось, бережно хранить их до того времени.

Оставив материалы с такой просьбой, он снова уехал в Маньчжурию.

Сразу же после освобождения страны Чвэ Иль Чхон взял обратно у Ли Гык Ро эти материалы, которые тот бережно хранил по его просьбе, и тут же написал «Краткий очерк истории корейского революционного движения за рубежом». Эта книга

была напечатана на регенерированной бумаге даже с песчинками, изготовленной из макулатуры, но она пользовалась такой широкой популярностью, что читателей ее и не счесть. Молодые интеллигенты, специалисты по истории и литературе, переписывали весь текст и с увлечением читали.

После освобождения Кореи военная администрация США, определив антикоммунизм и акты против Севера в качестве «государственной политики» южнокорейского режима, поддерживала его штыками. И в такой жуткой обстановке Чвэ Иль Чхон писал карикатуру, посвященную антияпонской борьбе, разжигал среди детей и молодежи дух антиимпериалистической и антияпонской борьбы.

Поистине поразительно, что после освобождения страны, когда в Сеуле царили политический беспорядок и хаос, ему удалось, напрягая всю силу воли и духа, написать такую весомую книгу, как «Краткий очерк истории корейского революционного движения за рубежом».

После освобождения страны он выступил на политическую арену Южной Кореи, работал на таких важных постах, как заведующий политотделом Революционной партии Кореи, заведующий отделом ЦК Новой прогрессивной партии, член Комиссии для приветствия Полководца Ким Ир Сена, член исполкома Лиги национальной самостоятельности. Идя рука об руку с Ре Ун Хеном, Хон Мен Хи, Ким Гю Сиком, он самоотверженно боролся за сплочение демократических сил и объединение Севера и Юга. В годы Отечественной освободительной войны он был убит в Сеуле от рук реакции.

«Краткий очерк истории корейского революционного движения за рубежом» — это его незаконченное произведение. Вообще он решил после завершения второй книги написать

третью, но, выступив на сложную политическую арену Южной Кореи после освобождения, не мог улучить и капли времени на это, и его план остался невыполненным. Насколько мне известно, в следующей книге он намеревался всесторонне описать нашу революционную деятельность.

Если бы Чвэ Иль Чхон остался жив, то непременно та книга вышла бы в свет. Тогда появились бы интересные исторические материалы, связанные с историей нашей революционной деятельности.

С той поры утекло много воды, мало осталось в живых тех, кто мог бы вспомнить период антияпонских революционных лихолетий. Тем более мало осталось людей, могущих вспомнить ранний период нашей деятельности. И моя память не безгранична. Многое из пережитого забыл и я, бывает и такое, что из-за туманности прошлого не могу точно вспомнить даты и людей.

Из людей, оказывавших нам помощь в Южной и Средней Маньчжурии, особенно сильное впечатление оставила Чон Ген Сук, невеста Ким Ри Габа.

Ким Ри Габ, будучи главным героем инцидента с «Цзиньгангуанем» («Дачэнгуань»), выступает и в «Кратком очерке истории корейского революционного движения за рубежом».

Весной 1930 года полицейские из японского консульства, переодетые китайцами, ворвались в дом О Сан Хона (О Чхун Я) на улице Фусинцзе в Гирине. Варвары, заткнув Ким Ри Габу рот и связав ему руки и ноги, увезли в Чанчунь.

Впоследствии на судебном процессе его приговорили к тюремному заключению сроком на 9 лет и отвезли в тюрьму в Далянь.

Родители Чон Ген Сук были против бракосочетания своей

дочери с таким революционером, как Ким Ри Габ. Но она решительно шла вопреки воле родителей, бросила дом и уехала в Далянь к любимому. Тогда ей было всего лет 18 — 19. Она поступила на текстильную фабрику, возглавила там комсомольскую организацию, искренне помогала Ким Ри Габу, заточенному в тюрьму.

Об этом мне рассказывал Тун Чанжун, работавший секретарем Восточноманьчжурского Особого окружного комитета. Когда он вел подпольную партийную работу в Даляне, повидался с Чон Ген Сук. Тронутый ее пламенной, искренней любовью к революционеру, он говорил: «После встречи с ней убедился, что корейская женщина отличается беззаветной верностью и непоколебимой волей».

Слушая его, и я был растроган ее благородными качествами. Я вновь восстанавливал в памяти ее образ: когда я прибыл в Ванцинмынь на съезд Молодежной федерации Южной Маньчжурии, она приготовила мне ужин и намекнула на террористический план группировки Кунминбу. И считал я Ким Ри Габа настоящим счастливцем.

Нет конца рассказам о тех многочисленных благодетелях, которые варили нам кашу, собирали, кроха по крохе, деньги и давали их нам на оплату за обучение и на дорогу, когда мы, коммунисты нового поколения, исходили по обширным землям Маньчжурии, чтобы спасти нацию.

Не перечесть еще таких людей, о которых до сих пор нам неизвестно: где они, живы ли они или нет. Появились бы они хоть и сейчас, я чувствовал бы себя облегченно, будто свалилась бы гора с плеч. Как было бы хорошо, если я мог бы угостить их хоть разок и вместе с ними поделился бы копившимися десятилетиями заветными воспоминаниями!

Но вряд ли я могу таким образом отплатить им за все их усилия и услуги, за их искренность, проявленную ко мне в былые годы.

Я думаю: сделать жизнь парода еще богаче, предоставить ему еще больше благ, довести до победного конца революцию, начатую при поддержке и помощи народа, — вот что является наивысшей отплатой и подарком им. Не сделав такой отплаты, никто из коммунистов не вправе говорить, что он выполнил свой долг перед народом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Народ — под ружьем !

Многострадальная земля ... 229

Событие 18 сентября ... 250

Оружием — на оружие! ... 269

Подготовка к кровопролитной борьбе ... 300

Рождение новых вооруженных сил ... 326

Январь 1931 — апрель 1932

1. Многострадальная земля

Вихрь белого террора, вспыхнувший в связи с восстаниями 30 мая и 1 августа, с нарастающей силой охватывал обширные земли Маньчжурии, вступая в 1931 год. Враги повсюду устраивали кровавые бойни с тем, чтобы выкорчевать революционные силы, которые корейские коммунисты и патриоты подготавливали большими усилиями в течение многих лет.

Когда я прибыл в Восточную Маньчжурию, там положение было еще более напряженным, чем в Южной и Средней Маньчжурии. Последствия восстаний здесь были более жестоки и пагубны. Увидев головы повстанцев, повешенные на шестах у ворот Наньмынь в Дуньхуа, я мог представить себе, каким безжалостным репрессиям подвергают враги революционные силы.

Даже после восстаний 30 мая и 1 августа фракционеры-низкопоклонники, зараженные догматизмом и мелкобуржуазным ячеством, по случаю дня национального унижения, годовщины Октябрьской революции, годовщины Гуанчжоуского восстания и других памятных дат непрерывно поднимали восстания. Такие бунты повторялись несколько сотен раз под предлогом общественного долга отметить какой-то памятный день, защиты урожая, выступления против шантажа и т. д. Это и подстрекало врагов продолжать террор из года в год.

В ходе этих репрессий были разрушены почти все революци-

онные организации в Цзяньдао, арестованы и подвергнуты смертной казни даже люди, снабжавшие повстанцев пищей, не говоря уже об активистах, боровшихся в первых рядах. Понесли немалый ущерб также и те организации, которые мы восстановили год назад, направляясь в бассейн реки Туман.

Часть участников восстания явилась с повинной или порвала с революционной организацией. Нашлись и люди, которые, оглядываясь кругом, чуждались нас, когда мы шли в деревню найти организации, ушедшие в подполье. Иные говорили: «Цзяньдао потерпело крах из-за компартии», «Вся земля Цзяньдао утонула в море крови и огня от безрассудства компартии», «Погибнешь всей семьей, если плясать под дудку компартии». Они огульно остерегались и отвергали коммунистов, независимо от того, к какой организации и группе они принадлежат.

Когда я зашел в Минюегоу, Ли Чхон Сан, член Вэнцюйского парткома, рассказал мне о страданиях, которые испытал он после восстания.

— Вышестоящие все время требуют от нас идти в гущу масс, восстановить и расширять организации. Но, откровенно говоря, теперь неохота встречаться с людьми, да и нет уж такой смелости. Люди, уважавшие меня как революционера, и даже те, кто вступил в организацию по моей рекомендации, уже несколько месяцев избегают встречи со мной. Вряд ли можно проводить революцию в такой обстановке. Буря восстания бушевала несколько раз, и совсем портились настроения жителей Цзяньдао. Иногда мне даже думается, что спокойнее было бы на душе отказаться от революции и зарабатывать где-нибудь на пропитание, нежели жить в такой холодной атмосфере. Но все же революционеру не легко и бросить первоначальную цель, за которую он решил отдать свою жизнь. Так или иначе, но нужны

какие-то меры. Но дельная мысль в голову мне не приходит, и я только и знаю, что сетую на тревожное время, — проговорил он.

Эти муки Ли Чхон Сана были и моими муками. Подобные мучения испытывали все революционеры Цзяньдао в 1930 и 1931 годах. Откровенное признание такого честного и молчаливого ветерана революции, как Ли Чхон Сан, показало, как тяжела и сурова была обстановка.

Конечно, Ли Чхон Сан не бросил революцию на полпути. Позже я снова встретился с ним в Аньту. Он сказал, что переведен в Аньтуский участковый комитет партии, когда я разъезжал по различным уездам бассейна реки Туман. Он выглядел бодрее, чем во время встречи в Вэншэнлацзы. Ли Чхон Сан говорил, что идет на лад дело на новом месте, и остался этим очень доволен.

— Период кошмара прошел.

Так лаконично выразил он изменения, происшедшие в его жизни. На его лице не было ни тени отчаяния и уныния того времени, когда он жаловался, что люди сторонятся его.

Однако в то время, когда я встретился с Ли Чхон Саном в Вэншэнлацзы, революционеры Маньчжурии пока еще испытывали на себе горький вкус белого террора и мучились оттого, что народ чуждался их.

Я тоже мучился от аналогичного обстоятельства. Именно тогда мне пришлось страдать от недоедания, питаясь жидкой кукурузной похлебкой с *кимчхи* из сарептской горчицы и ночуя в нетопленой комнате чужого дома, подложив под голову деревянный валик. Голод был одним из самых тяжелых мучений, которые мы тогда испытывали. В самом деле в те годы мы переживали страшный голод и холод, находясь в Цзяньдао.

Я зимовал в одном костюме без ватника и всегда дрожал от

холода больше всех. В доме, где нечем было укрыться, ложился спать прямо на пол, не раздеваясь. И в доме Ли Чхон Сана тоже не было одеяла и подушки. И пришлось мне ночевать в одном костюмчике, и никак я не мог заснуть от зверского холода.

Не мог я забыть о страданиях той ночи, и однажды сказал об этом матери в Аньту. Выслушав меня, она в несколько дней сшила мне большую блузу на вате, какие носят извозчики. Так я и ходил в этом ватнике. Когда ночевал в доме, где не было одеяла, спал, свернувшись калачиком, укрывшись этой блузой и подложив под голову деревянный валик, обмотанный полотенцем.

Но такие мучения еще можно было терпеть. Весной того же года я, находясь в Цзяньдао, ни одной ноченьки не мог спать спокойно. Да и ляжешь, бывало, а сон от голодухи и холода бежит от тебя, к тому же не давала покоя мысль об убитых товарищах и беспокойство о разрушенных организациях.

Мучили меня также отчаяние и чувство одиночества при холодном отношении народа к нам. Как же тут заснешь, когда видишь, как жители чуждаются нас? Вот и лежишь в холодной комнате, подложив руки под голову, а перед глазами все мелькают лица людей, относящихся к тебе с недоверием...

Собственно, уже давно мы возлагали большую надежду на Цзяньдао. Район Яньцзи находился под серьезным влиянием фракционеров, но остальные местности Цзяньдао были заражены этим пороком не очень серьезно. Это создавало благоприятные условия для того, чтобы в этих местах быстро росла плеяда коммунистов нового поколения и развернула революцию по-новому. На протяжении долгих лет наши товарищи неустанно проводили тщательную подготовку к поднятию в этом районе антияпонской революции на новый, более высокий этап.

Однако вследствие двукратного восстания понес большой

урон этот труд, стоивший столь огромных усилий. Левачество временно соблазнило массы ультрареволюционными фразами и лозунгами, но его последствия были такими пагубными и разрушительными. Я думал, что не случайно говорят, что левый уклон есть правый уклон наизнанку.

И мы, отодвинув все другие дела на задний план, спешно поехали в Цзяньдао именно с целью восполнить ущерб, причиненный левым уклоном, и по-настоящему форсировать подготовку к скорейшему переходу к вооруженной борьбе.

Мы пришли в Цзяньдао с большой надеждой, но здесь жестокие разрушения превысили наше предположение и вдобавок жители не доверяли революционерам и сторонились их. Это вызвало острую боль у меня на сердце.

Вряд ли бывает печаль более глубокая, чем та, какую испытывают борцы за народ, отверженные народом, который их породил. Не вправе считаться живым тот революционер, который хоть на один день лишится доверия народа и не пользуется его поддержкой.

Когда массы вообще отвергали революционеров, не внимая их принадлежности к организации, наши сердца терзала тяжелая мысль о том, что восстание дискредитировало коммунистов, заставило массы не доверять своим руководителям и уйти из своих организаций, породило раздор и недоразумения между корейским и китайским народами.

Такие обстоятельства мучили нас тогда больше всего.

Однако мы не сидели сложа руки, горюя и мучась в отчаянии. Когда нет трудностей на пути революционера, то дело его и нельзя называть революцией. Именно в такой трудный момент революционер призван собраться с духом и настойчиво преодолевать испытания с несгибаемой волей.

И в 1931 году мы упорно продолжали в Цзяньдао работу по ликвидации последствий восстания 30 мая. Именно эти последствия были первым препятствием на пути претворения в жизнь курса Калуньского совещания. Без их скорейшего устранения, без восстановления революционных рядов нельзя было вывести революцию из кризиса и добиться ее дальнейшего развития.

Отправляясь в Восточную Маньчжурию после совещания в Уцзяцзы, я поставил перед собой и товарищами две задачи.

Первая задача — проанализировать последствия восстания 30 мая. Хотя мы сами не планировали и не возглавляли это восстание, но мы считали необходимым научно и точно проанализировать и подытожить его в различных плоскостях.

Восстание терпело одно поражение за другим, но в Восточной Маньчжурии все еще оставались фанатические сторонники террора и приверженцы линии Ли Лисаня, которые побудили массы к безрассудной насильственной борьбе.

Линия Ли Лисаня «за победу прежде всего в одной или нескольких провинциях!» была догматическим применением ленинского положения о возможности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране. Такая установка играла роль сильного катализатора, толкавшего массы на восстание.

Эта линия была выдвинута человеком, взявшим в свои руки реальную власть в китайской партии, и была навязана по организационному каналу. Так что люди следовали этой линии долгое время, до тех пор, пока Ли Лисань не был снят с партийной должности и не была осуждена его установка как левацко-авантюристическая. Несмотря на горькую неудачу и провал, они так и не смогли очнуться от слащавой химеры, которую строил Ли Лисань.

Анализ последствий восстания 30 мая мог бы помочь людям пробудиться от этой химеры. Мы решили посредством подведения итогов этого восстания бить в набат, поднимая людей на борьбу с карьеризмом, честолюбием и мелкобуржуазным ячеством фракционеров-низкопоклонников.

Я думал, что вместе с тем подведение итогов восстания станет своего рода историческим поворотным моментом, позволяющим революционерам Маньчжурии освоить научно обоснованную тактику и стратегию, а также верный метод руководства массами.

Вторая задача — наметить верную организационную линию, дающую возможность объединить широкие массы в единую политическую силу и ознакомить коммунистов нового поколения с этой линией.

У коммунистов Цзяньдао не было правильной организационной линии, которая могла бы служить им руководством в их деятельности, направленной на то, чтобы восстановить и упорядочить разрушенные организации, расширить и укрепить их.

Фракционеры-низкопоклонники, действовавшие в Восточной Маньчжурии, допустили серьезную левацкую ошибку и в работе по организации масс. Они принимали в свою организацию только крестьянскую бедноту, батраков и рабочих, выкрикивая «теорию классовой революции». Они считали все остальные слои населения объектами, не имеющими никаких отношений с революцией. Поэтому люди, не состоявшие в организации, с негодованием процедили; «Вот что такое коммунизм! Шушукается лишь жалкая кучка подонков, а всех остальных отстраняет. Это и есть коммунизм».

Чтобы ликвидировать такую тенденцию замкнутой касты и сплотить воедино различные слои патриотических сил, нужно

было преодолеть низкопоклоннические и догматические уклоны, носители которых цеплялись только за положения классиков и опыт другой страны, наметить правильную организационную линию, направленную на объединение всех патриотических сил, и как можно скорее проводить ее в жизнь.

Я спешил в Восточную Маньчжурию, определив эти задачи в качестве цели первого этапа своей работы в Цзяньдао. После руководства работой массовых организаций в Гуюйшу я вместес Рю Бон Хва и Чвэ Дык Еном отправились в сторону Чанчуня. Тут я совершенно неожиданно был арестован реакционной военщиной по доносу провокатора. В то время военщина зорко следила за нашей деятельностью. Она тоже имела не менее острое, чем у японской полиции, обоняние. Она пронюхала даже то, что мы направляемся в Восточную Маньчжурию для подготовки к вооруженной борьбе.

Военщина, узнав, что Гуюйшу является важной базой деятельности корейских коммунистов в центральной части Маньчжурии, заслала в это село надзирателя через уездную управу Итун и неотступно следила за каждым нашим движением.

В Гуюйшу был китайский помещик Ли Чулю, который тайно разведывал нашу деятельность, поддерживая связь с направленным сюда уездной управой надзирателем. Не кто иной, как этот самый Ли донес надзирателю, что мы направились из Гуюйшу в сторону Чанчуня. Мы были арестованы в Дананьтуне членами охранного отряда, в пожарном порядке прибежавшими по донесению надзирателя. Меня допрашивали несколько дней в камере уездной управы и перевезли в Чанчунь, где я просидел около 20 дней за решеткой. Так попал я в тюрьму в третий раз в своей жизни.

Тогда в Чанчуне находились директор Юйвэньской средней

школы Гирина Ли Гуанхань и преподаватель Хэ. Узнав, что я арестован, они пришли к администрации военщины и заявили ей решительный протест.

— Ким Сон Чжу был освобожден из Гиринской тюрьмы за отсутствием состава преступления. Почему арестовали его снова? Мы ручаемся за Ким Сон Чжу, — заявили они.

К счастью, я был выпущен на волю благодаря их усилиям.

Думаю, что оба мои учителя-благодетеля без колебания спасли меня от опасного положения потому, что они понимали коммунизм и сочувствовали ему.

Образ учителей оставил во мне глубокое, неизгладимое впечатление. Они неизменно сочувствовали мне и защищали меня искренно и всегда относились к нашему делу с пониманием.

Прибыв в Восточную Маньчжурию, мы первым делом организовали в Дуньхуа семинары для бойцов КРА и актива революционных организаций.

На семинарах разъясняли слушателям задачи по активному ускорению подготовки к вооруженной борьбе, пути их осуществления, принципиальные вопросы обеспечения единого руководства низовыми парторганизациями, а также проблемы организационного объединения распыленных революционных масс. Эти семинары можно было бы назвать предварительным мероприятием для зимнего совещания в Минюегоу, проходившего в декабре того же года.

После этого мы руководили работой революционных организаций районов Аньту, Яньцзи, Хэлуна, Ванцина, Чонсона и Онсона.

На основе глубокого изучения положения дел в Цзяньдао и в районе шести уездных городков, расположенном в бассейне реки Туман, мы в середине мая 1931 года открыли в Вэншэнлацзы, в

доме Ли Чхон Сана совещание партийных и комсомольских руководящих кадров. В истории оно называется также и «весенним совещанием в Минюегоу».

Вэншэнлацзы означает скалу, издающую звон глиняной посуды. До оккупации Маньчжурии Японией Минюегоу называли Вэншэнлапзы. Захватив Маньчжурию, японцы построили в Вэншэнлазцы железнодорожную станцию и переименовали эту местность в Минюегоу, и впоследствии местные жители тоже стали так называть.

В настоящее время Мингоегоу является уездным центром Аньту, но в ту пору, когда мы проводили там совещание, эта местность принадлежала к уезду Яньцзи.

В «весеннем совещании в Минюегоу» участвовали несколько десятков партийных и комсомольских руководящих работников, бойцов КРА и ее подпольщиков. Думаю, что на совещании присутствовали почти все известные революционеры из плеяды молодых коммунистов в Цзяньдао, включая Пэк Чхан Хона.

Моя речь на совещании, впоследствии опубликованная, — «Отвергнем левацко-авантюристическую линию и претворим в жизнь революционно-организационный курс». В этой речи были затронуты две задачи, которые я обдумывал, направляясь в Восточную Маньчжурию.

На совещании мы, как уже было запланировано, глубоко проанализировали сущность восстания 30 мая, подытожили его уроки и наметили революционно-организационный курс, направленный на то, чтобы крепко объединить трудящиеся массы и тесно сплотить вокруг них различные слои антияпонских сил и тем самым объединить всю нацию в единую политическую силу.

На совещании были обсуждены задачи по осуществлению этого организационного курса, а именно: вопрос о надежном

выпестовании руководящего ядра и повышении его самостоятельной роли, проблема восстановления и упорядочения разрушенных массовых организаций и вовлечения в них широких слоев населения, вопрос о закалке масс в практической борьбе, проблема укрепления совместной борьбы, дружбы и солидарности корейского и китайского народов. Вместе с тем на совещании были определены тактические принципы: постепенно перейти с маломасштабной борьбы к крупномасштабной, от экономической борьбы к политической и искусно сочетать легальную форму борьбы с нелегальной. Была особо подчеркнута необходимость последовательной ликвидации левацко-авантюристической тенденции.

Одним словом, «весеннее совещание в Минюегоу», проходившее в мае 1931 года, можно назвать собранием, имевшим своей целью завоевание масс. При завоевании масс самым большим препятствием была именно левацко-авантюристическая линия. Поэтому мы смело били по этой линии.

Когда мы били по левизне и выдвинули широкую организационную линию, участники совещания поддерживали ее целиком и полностью.

На совещании выступили многие люди, и все их речи были революционными. Ораторы, как один, призывали вести надлежащую подготовку и вовремя вступить в решительный бой с японскими захватчиками, говоря, что они вторгнутся в Маньчжурию не нынче завтра. В совещании участвовали многие опытные революционеры, и на нем говорилось многое, что было полезно и достойно учитывать. Я многому научился через это Совещание.

После совещания по дпольщики отправились один за другим во все районы Цзяньдао и в Корею.

Находясь некоторое время в Минюегоу, я руководил работой местных партийных и массовых организаций, потом отправился в Аньту. Я планировал, сделав Аньту опорным пунктом своей деятельности, в течение определенного времени находиться здесь, чтобы развивать революционную работу в Цзяньдао и в Корее.

Аньту расположено в горном районе, далеком от железной дороги, автомагистрали и городов, и окружено крутыми горами и дремучими лесами, так что сюда протянулись не так глубоко щупальца японских империалистов. Поэтому здесь было удобно установить связи с организациями Яньцзи, Хэлуна, Ванцина, Хуньчуня, Фусуна, Дуньхуа и Хуадяня, а также района шести уездных городков и других местностей в Корее. Было очень благоприятно также для создания и обучения партизанского отряда и ускоренного проведения работы по организационно-партийному строительству. Состав населения тоже был благонадежным.

Более того, тут невдалеке высится священная гора Пэкту, и мы нашли глубокое душевное утешение и вдохновение в ее благородном, торжественном облике. Ведь мы ни на минуту не забывали свою Родину. В ясную погоду виднелась вдали в юго-западном крае небес серебристо-белесая горная цепь Пэкту. Глядя на эту чудесную картину вдали, мы горели страстным стремлением скорее взять оружие в руки и освободить Родину. Хотя мы и будем начинать вооруженную борьбу не в своей стране, а на чужбине, но нашей общей мечтой было произвести винтовочный выстрел антияпонской войны в месте, откуда виднеется гора Пэкту.

Уже в апреле, после семинаров в Дуньхуа, я был в Аньту и руководил там работой массовых организаций.

Тогда мать болела тяжелой затяжной болезнью. В ту пору медицинская техника отставала и было невозможно установить диагноз. Она принимала лекарственный отвар, говоря, что, кажется, что-то твердое сжимает ей желудок.

Она совсем не внимала своему тяжкому недугу, а беспокоилась о том, что я скитаюсь по чужбине без гроша в кармане, вкладывала всю свою душу в работу Общества женщин.

Когда я вновь через два месяца смог навестить мать, меня не покидало беспокойство о ней. Однако, когда я прибыл в Аньту, лицо матери было очень светлое, вопреки моему предположению, и я успокоился. Она постоянно наставляла меня целиком отдаваться делу спасения Родины, не беспокоясь о семье. Но когда я появился, она так обрадовалась и всячески старалась скрывать болезненный вид своего лица.

Услыхав о моем приезде, выбежала в одних носках бабушка, приехавшая из Мангендэ, и тепло меня обняла. Она приехала в Маньчжурию в том году, когда умер мой отец, и, еще не возвращаясь в родной край, жила вместе с моей матерью в Фусуне. Семья жила бедно — утром питалась кашей, вечером — жидкой похлебкой. Когда семья переселилась из Фусуна в Аньту, бабушка пришла сюда вместе с моей матерью. Здесь она устроилась в родном доме матери девочки Ен Сир, находившемся в Синлунцуне, и проживала то в доме свата, то в нашем доме поочередно.

Ен Сир — единственная дочка моего дяди Хен Гвона.

После заточения дяди Хен Гвона в тюрьму его жена (Чхэ Ен Ок) впала в тяжкое уныние. Недавно она вышла замуж и родила первого ребенка, а тут, к несчастью, забрали в тюрьму ее мужа. Тут ее нервы и сдали совсем.

Когда дядя Хен Гвон был приговорен к 15-летнему заключению и находился в тюрьме, я написал его жене письмо, в котором советовал ей выйти замуж вторично, отдав ребенка на попечение кому-то другому. Она не последовала моему совету.

«Твоя мать не вышла замуж вторично, хотя муж и умер, и растила троих детей, испытывая всякие мытарства. А как же мне снова выйти замуж, когда муж пока еще живой? Если я выйду замуж вторично, как же огорчится отец Ен Сир в тюрьме, узнав об этом! Смогу ли я спать и принимать пищу со спокойной душой, когда начну новую жизнь, отдав Ен Сир на попечение кому-то другому и выйдя замуж за другого мужчину?», — так сказала она и потребовала от меня больше не говорить ей таких вещей. Она была доброй, вежливой и волевой женщиной.

После переселения в Аньту мать послала жену дяди, которая жила вместе с ней, в ее родной дом в Синлунцунь, говоря, что ей надо переменить настроение. И бабушке пришлось пожить в доме матери Ен Сир, окружая заботой младшую невестку. Но она, беспокоясь о больной старшей невестке, часто приходила в наш дом, варила ей лекарственный отвар и занималась кухонными делами. Тогда бабушка очень переживала все это безмолвно, ухаживая за обеими больными невестками.

Думаю, что бабушка не смогла скоро вернуться в родной свой край и провела несколько лет на чужбине потому, что она как свекровь с сердечной любовью жалела двух своих невесток, оказавшихся в состоянии такого трудного одиночества.

В тот вечер, когда я прибыл в Аньту, бабушка уложилась спать рядышком со мной. Когда я проснулся глубокой ночью, моя голова оказалась на ее руке. Видимо, она незаметно отодвинула в сторону подушку, когда я заснул, и обняла мою голову. И я не осмелился переложить голову на подушку, чувствуя всю

душевную теплоту ее ко мне, да ведь сама-то она в ту ночь и глаз не сомкнула. Только тихо спросила:

— Не забыл ты о родине-то?

— Как мне забыть родину, бабуся! Я никогда не забывал о Мангендэ. И очень тоскую по родственникам в родном краю.

— Собственно, я пришла в Маньчжурию за семьей. Думала взять к себе твою мать и младших братьев, хотя тебя уж взять не смогу. Но твоя мама никак не хочет слушать меня. Она говорит: «Ведь мы покинули родину, поклявшись не переправляться снова через реку Амнок без возрождения страны. Хотя и умер отец Сон Чжу, но как же нам так легко изменять свою решимость?!» У нее такая твердая воля, что даже ни разу не оглянулась назад, когда покидала Фусун. Поэтому я больше не смела уговаривать ее вернуться на родину. Если вам нужно жить здесь, чтобы ускорить достижение независимости Кореи, я не буду тащить вас и вернусь в Мангендэ одна. А когда захочется тебе повидать бабушку и дедушку в родном краю, напиши хоть иногда письмецо. Тог да мы будем думать, что вы рядом с нами. Ведь не могу же я часто ездить сюда...

А я так и не сумел удовлетворить эту последнюю просьбу бабушки. Писем не писал, думая, что весть обо мне передадут газеты Родины, которые часто сообщали о моем имени и боевых успехах антияпонского партизанского отряда.

— Чтобы ты мог работать больше, не должна болеть твоя мать. Но болезнь ее становится все серьезней. Да и сама она работает вон как усердно. Просто беда, — со вздохом проговорила бабушка.

Слова бабушки вызвали у меня беспокойство о матери, и я больше не смог заснуть. Я думал о многом как старший сын в

семье, призванный взвалить на свои плечи домашнее хозяйство, как самый старший внук рода в Мангендэ.

В те времена среди молодежи, участвовавшей в революции вместе с нами, господствовали взгляды, что настоящий мужчина, вставший на путь борьбы, должен забыть о семье. Было общим мнением молодых революционеров то, что человек, думающий о семье, не может, мол, справиться с большим делом.

Я же давно критиковал подобную тенденцию и говорил, что кто не любит свою семью, тот не может по-настоящему любить Родину и вести революцию.

Впрочем, как же я сам-то любил свою семью и заботился о ней? Высшая любовь к семье выражается в посвящении всего себя делу революции — таков был мой тогдашний взгляд на сыновнюю почтительность. Я никогда не думал о чистой семейной почтительности в отрыве от революции. Ибо судьба семьи и судьба Родины неразрывно связаны друг с другом. Общеизвестная истина, что и в семье может быть спокойно только тогда, когда спокойно в стране. Трагедия страны неизбежно постигнет составляющие ее миллионы семей. Следовательно, надо защищать страну, чтобы охранять благополучие и счастье семьи, а для защиты страны каждый человек обязан со всей ответственностью исполнять свой гражданский долг.

Однако нельзя предавать забвению свою семью, ссылаясь на революцию. Именно любовь к семье служит своего рода движущей силой, вдохновляющей революционера на борьбу. Когда у революционера остыла любовь к семье, у него остынет и воля к борьбе.

Я теоретически знал такое соотношение между семьей и революцией, но пока еще не имел ясного понятия, какова должна

быть любовь революционера к семье, любовь человека, отдавшего себя делу революции...

Проснулся утром, оглядываюсь вокруг, — да, дел тут, требующих мужских рук, немало. И нет запаса дров. Тут я решил, пользуясь случаем, хотя урывками, влезть в домашние дела, помогая матери. В тот день я все другие дела отодвинул на задний план и пошел вместе с Чхоль Чжу на гору за дровами.

Мать направилась было к колодцу за водой, да догадавшись, куда мы, пошла за нами, взяв с собой серп и круг, на котором носят тяжести на голове. Мы уговаривали ее идти домой, но это было тщетно.

— Я хочу идти вместе с вами не для того, чтобы вам помочь. Мне хочется поговорить с тобою в горах. Ведь вчера бабушка разговаривала с тобою всю ночь.

И мама светло улыбнулась.

Только теперь я понял ее душу. Дома-то всегда только бабушка «монополизировала» меня в разговорах, а когда она отпускала меня, приставали ко мне с разговором младшие братья.

Пока мы заготавливали дрова, мама стояла рядом и разговаривала со мной.

— Сон Чжу, ты знаешь человека по имени Чвэ Дон Хва?

— Знаю, как не знать. Он же деятель коммунистического движения. А что?

— Он зашел к нам недавно и спросил, когда ты приедешь в Аньту. И попросил сообщить ему, когда ты будешь дома. Он сказал, что хочет с тобой поспорить.

— Да? А он не сказал, зачем и о чем ему спорить со мной?

— Он говорил, что ему не по душе, что ты, обходя многие адеста, пропагандируешь: восстание 30 мая было неправильным.

Он молвил, что ему не понятно, почему такой толковый человек, как Сон Чжу, так осуждает это восстание, которое одобрили и поддерживали вышестоящие, и качал головой. Может быть, ты действуешь, вопреки воле и ожиданиям людей?

— Можно считать и так. Кажется, есть люди, которым не нравится мое мнение. А как ты думаешь, мама?

— Я же не знаю мирских-то дел. Только думала, какая беда, что убивают и арестовывают многих. Кто же будет вести революцию, когда перемрут все активисты?

Мне очень понравилась эта простая и в то же время такая четкая и лаконичная трактовка матери. Взгляды народа были всегда справедливы. Следовательно, не может быть такого общественного явления, которое не поддалось бы пониманию народа.

— Верно твое рассуждение, мама. Ты расцениваешь вопрос более правильно и точно, чем этот Чвэ Дон Хва. И теперь революция несет потери от этого восстания. Вот я на этот раз и приехал в Аньту, чтобы устранить эти последствия.

— Значит, тебе опять придется бегать туда и сюда, как прошлой весною. Не беспокойся о жизни семьи вот так, как сегодня. Целиком отдавайся своему делу.

Так вот о чем она хотела сказать мне. Наверное, в тот день она напомнила мне и слова Чвэ Дон Хва с тем, чтобы сказать об этом.

С тех пор я вкладывал всю душу в укрепление организаций, как того желала моя мать.

Аньту тоже понес большой ущерб от восстания 30 мая. Кроме того, здесь не удовлетворительно шла работа по объединению масс в организацию. Для воспитания жителей Аньту в революционном духе было необходимо прежде всего укреплять в

этой местности партийную организацию, расширять ее ряды и установить четкую систему партийно-организационного руководства.

В середине июня 1931 года мы организовали Сяошахэский участковый партком уезда Аньту из активистов, включая Ким Чжон Репа и Ким Иль Рёна, и дали комитету задание -— направить подпольщиков в Эрдаобайхэ, Саньдаобайхэ, Сыдаобайхэ, Дадяньцзы, Фуэрхэ, Чэчанцзы и создать там низовые партийные организации.

После создания участкового парткома мы расширяли комсомольские организации в районах Люшухэ, Сяошахэ, Дашахэ, Аньту и основали там такие антияпонские организации, как Крестьянская ассоциация, Антиимпериалистический союз. Революционное общество взаимной выручки и Детская экспедиция.

Итак, летом того же года в районе Аньту завершилась основная работа по объединению масс в организации. Не было ни одного села, не охваченного сетью организаций.

В деле воспитания жителей Аньту в революционном духе самым большим препятствием являлся раскол революционных рядов на части.

Река разделила Аньту на два поселка — Мулнам и Мулбук. В этих поселках действовали отдельные молодежные организации. Молодежной организацией Мулбука ведали потомки представителей Чоньибу, а молодежным обществом Мулнама управляли Сим Рён Чжун и другие лица Чхамибу. Эти две организации враждовали и выступали друг против друга. Вдобавок туда протянула свою линию также молодежная организация фракции Эмэльпха, руководимой Чвэ Дон Хва, и была очень сложна обстановка внутри молодежного движения.

В таких условиях мы не ограничивались лишь простым

восстановлением молодежных организаций, а воспитывали молодежь и вели ее по пути объединения в одну организацию. Мы без малейшего примирения критиковали и остерегались всякой попытки расколоть молодежное движение. Поэтому даже такой заядлый фракционер, как Чвэ Дон Хва, был вынужден серьезно относиться к нашему мнению, что нужно создать в районе Аньту единую молодежную организацию.

В процессе воспитания жителей Аньту в революционном духе наблюдались также гнусные обструкционистские происки враждебных элементов.

В Калуне и Уцзяцзы сельские старосты находились под нашим влиянием. А в Синлунцуне сельский староста примкнул к злостному китайскому помещику Му Ханьчжану и служил ему шпиком. Этот тип тайно расследовал настроения сельчан и движение массовых организаций и часто ходил в город. И однажды мы открыли осуждающий этого старосту митинг с участием жителей Синлунцуня, всех от мала до велика, и выгнали его из села.

Спустя несколько дней Му Ханьчжан пришел ко мне и выдвинул свое предложение.

— Я давно знаю, что вы, господин Ким, коммунист. Я обычно живу в Старом Аньту, а здесь находится только мой охранный отряд. Я опасаюсь, как бы эти несмышленые ребята не причинили вам вреда, узнав ваше подлинное лицо. Тогда я стану врагом всех коммунистов. Впрочем, неудобно и продолжать жить так, как сейчас. Когда японцы узнают это, они сперва отрубят мне голову. Давайте сделаем так, чтобы было удобно обеим сторонам. Вы, господин Ким, уйдите, пожалуйста, отсюда навсегда. Могу я дать вам дорожных расходов сколько угодно, если они вам нужны.

Выслушав его до конца, я ему сказал:

— Вам беспокоиться нечего. Я верю, что у вас сохраняется совесть китайца, хоть вы и помещик, и вы ненавидите японских империалистов, пытающихся поглотить Китай. Думаю, нет основания, чтобы вы выступили против нас и причинили нам вред. Я не думаю по-иному как о вас, так и о молодых китайцах — членах вашего охранного отряда. Я бы не сказал так откровенно, если бы вы были человек узколобый. Вам не мешало бы прежде всего обратить внимание на то, чтобы люди не называли вас «псом» японцев. А обо мне беспокоиться нечего.

Выслушав мои слова, Му Ханьчжан не продолжал разговор и покинул Синлунцунь.

После этого он и его охранный отряд придерживались в основном нейтральной позиции и относились к нам серьезно. А вновь назначенный сельский староста тоже, оглядываясь на нас, осторожно выполнял лишь соответствующие административные задания.

Если бы мы в Аньту не осуществили вовремя курс на объединение масс в организации, то в тревожном районе Цзяньдао, где свирепствовал белый террор, мы не успели бы заставить капитулировать такого крупного помещика, как Му Ханьчжан, не смогли бы нейтрализовать его, превратив в номинальное существо.

Поистине неисчерпаемы силы организованных масс и нет для них ничего неосуществимого.

Революционные организации деревни Синлунцуня и прилегающих к ней местностей энергично расширяли свои ряды и силы.

2. Событие 18 сентября

Как только революционные организации Аньту вступили в нормальную колею своей жизни, я с целью расширения этих успехов направлялся летом и ранней осенью 1931 года в местные организации Хэлуна, Яньцзи, Ванцина и их окрестностей, вел там работу по объединению масс, распыленных после восстания 30 мая.

Сделав Дуньхуа опорным пунктом своей деятельности и установив связь с Аньту, Лунцзином, Хэлуном, Люшухэ, Дадяньцзы, М инюегоу и другими местностями, я развернул работу во всю ширь. А тут вспыхнуло событие 18 сентября. Тогда я проводил работу с комсомольскими активистами в селе близ Дуньхуа.

Ранним утром 19 сентября Чэнь Ханьчжан прибежал в село, где я остановился, и сообщил, что Квантунская армия атаковала Мукден.

— Война! Японпы наконец развязали войну! — воскликнул он, задыхаясь, будто несет великую тяжесть на плечах, и бессильно плюхнулся на завалинку.

Этот крик «Война!» вырвался из груди Чэнь Ханьчжана слишком трагично, как крик о самой страшной в жизни беде.

Это событие предвиделось уже давно, и возникло оно примерно в предположенное нами время. Но все-таки я испытал от этой вести такое потрясение, будто у меня оборвалось сердце.

Я предчувствовал, что обрушится беда на корейскую нацию и сотни миллионов китайцев и произойдут крупные перемены также и в моей судьбе.

Позже по разным каналам нам стали известны подробности этого события.

Ночью 18 сентября 1931 года была взорвана железная дорога в Лютяогоу западнее Бэйдаина в Шэньяне, принадлежавшая японской Компании маньчжурской железной дороги. Под абсурдным предлогом, что, мол, войска Чжан Сюэляна взорвали железную дорогу и напали на японский гарнизон, империалисты Японии предприняли внезапную атаку и заняли одним махом Бэйдаин, а утром 19-го числа захватили даже мукденский аэродром. Вслед за Шэньяном были заняты один за другим такие крупные города Северо-Востока Китая, как Аньдун, Инкоу, Чанчунь, Фэнчэн, Гирин и Дуньхуа, Квантунской армией и дислоцированными в Корее войсками, которые переправились через реку Амнок. Не прошло и пяти дней, как японские агрессивные войска оккупировали почти все обширные районы провинций Ляонин и Гирин и ринулись в направлении Цзиньчжоу, расширяя дальше зону боевых действий. Это была молниеносная скорость в буквальном смысле этого слова.

Японские империалисты, выдавая черное за белое, переложили на китайскую сторону ответственность за это событие, но люди мира не верили распространяемым ими слухам. Они слишком хорошо знали природу японских самураев, набивших руку на хитрых интригах. Как признали позже сами те, кто состряпал событие, спецслужба Квантунской армии была зачинщиком, который взорвал железную дорогу, принадлежавшую Компании маньчжурской железной дороги, и зажег фитиль события 18 сентября. Поэтому тогда мы опубликовали в печати

статьи и разоблачали, что инцидент в Лютяогоу является заговором и гнусной интригой японских империалистов, намеревающихся поглотить Маньчжурию.

Утром 18 сентября 1931 года, когда Квантунская армия вступила в состояние выжидания накануне Маньчжурского события, один из организаторов инцидента полковник Тохихара Гендзи (начальник шэньянской спецслужбы) вдруг появился в Сеуле. Он пошел к Канде Масатанэ, высшему штабному офицеру командования японских войск в Корее, и сказал, что посетил его, чтобы избавиться от назойливых журналистов. Так он объяснил цель своего визита окольным путем. То есть он заранее укрылся в Корею потому, что множество журналистов будет мучить его надоедными вопросами, когда вспыхнет Маньчжурское событие.

Как известно, в один и тот же час генерал армии Ватанабэ Дзётаро, начальник главного штаба военно-воздушных сил Японии, посетил Сеул и вместе с генералом армии Хаяси Сэндзюро, командующим японскими войсками в Корее, проводил свой отдых, устроив банкет в великолепном ресторане «Пэгунчжан». Следовало бы сказать, что это было слишком спокойное и беспечное времяпрепровождение для тех, кто подготовил такой сногсшибательный инцидент, как Маньчжурское событие.

Читаешь исторические записи об этом, невольно вспоминаешь то, что Трумэн отдыхал на даче, когда возникла корейская война. Мы можем найти общность в событии 18 сентября и корейской войне, в этих отличных друг от друга войнах, не только в том, что та и другая кампании начались внезапно без объявления. В облике организаторов этих двух инцидентов можно найти также общие характерные черты — коварность и циничность, агрессивность и поработительскую сущность,

свойственные империалистам, которые стремятся установить господство над другими странами.

Иные люди называют историю нагромождением неповторимых событий. Мы вместе с тем не можем совсем игнорировать сходство и общую тенденцию, существующие между отдельными событиями.

Нам было совершенно ясно, что Япония спровоцирует такой инцидент, как событие 18 сентября, и поглотит Маньчжурию. Когда японские империалисты сфабриковали дело гибели Чжан Цзолина от взрыва, мы предчувствовали это. Когда случился Ваньбаошаньский инцидент и возникло грозное противоборство между корейским и китайским народами, предчувствовали и это. Когда была инсценирована «пропажа» капитана Накамура, который, будучи офицером, принадлежащим к штабу Квантунской армии, занимался шпионской деятельностью под вывеской «агронома», мы предчувствовали также и это.

В частности, я получил сильный толчок от Ваньбаошаньского инцидента.

Ваньбаошань — небольшое село, расположенное примерно в 28 — 32 километрах к северо-западу от Чанчуня. Ваньбаошаньским инцидентом был конфликт, происшедший между корейскими переселенцами и китайскими коренными жителями этого села из-за оросительного канала. Для превращения полей в заливные рисовые корейские переселенцы рыли канал, чтобы провести сюда воды реки Итунхэ. А этот канал ущемлял поля китайских коренных жителей- Вдобавок река могла бы выйти из берегов в сезон затяжных дождей, если ее запрудить. Поэтому коренные жители выступили против этого строительства.

Тут японцы подбили корейских крестьян форсировать строительство, в результате чего расширился конфликт. Дело

дошло до того, что конфликт распространялся даже на Корею и повлек за собой человеческие жертвы и разрушение имущества. Был искусно использован для разжигания национальной розни локальный конфликт, который мог бы нередко возникать в деревне.

Если бы японцы не сеяли раздоров или был бы среди корейских и китайских крестьян передовой человек, способный рассуждать разумно, то конфликт ограничился бы простой ссорой и не перерос бы в драку, сопровождавшуюся погромом. Вследствие этого инцидента возникли еще большее недоразумение, недоверие и вражда между корейским и китайским народами.

Тогда я думал и думал всю ночь напролет: «Зачем затевать кровавую драку народам двух стран, страдающим почти одинаково по вине японских империалистов? Какое это безобразие, что они с таким отчаянием ведут жестокое «междоусобие» из-за ничтожной канавы в час, когда нации обеих стран должны встать на совместную борьбу рука об руку под большим девизом — антияпонская война! Почему, по чьей вине произошел такой несчастный случай? Кому это на руку и кому оно вредно?»

И вдруг пришла мне в голову мысль, что этот инцидент является состряпанным заранее фарсом, прелюдией к наступающему поразительному событию. Прежде всего было подозрительно, что чиновники японского консульства в Чанчуне вмешивались в случайный конфликт крестьян и выступали в «защиту» интересов корейцев. В самом деле смехотворной политической карикатурой стало перед лицом мира то, что японцы, которые отняли в Корее сельскохозяйственные угодья посредством грабительского «закона о земельном кадастре» и проводили губительную аграрную политику, вдруг превратились в покровите-

лей наших крестьян и «защищали» их интересы. Вызвал подозрение и тот факт, что Чанчуньский филиал редакции газеты «Кенсон ильбо» поспешно сообщил в свою редакцию о конфликте в Ваньбаошане, а внутри страны торопились с печатанием и распространением экстренного номера.

Зачем все это? Может быть, хитрые и коварные стратеги империалистической Японии плели потрясающий заговор, ловко пользуясь незначительным местным конфликтом в целях разжигания розни между народами двух стран — Кореи и Китая, и добились своего? Если это так, то зачем им нужен был этот заговор?..

Когда мы приводили в порядок революционные организации в глухой местности Аньту, японские империалисты, несомненно, спешили подготовить что-то.

Довела китайско-японские отношения до грани войны «пропажа» капитана Накамура, происшедшая летом того же года, когда не утихли еще отзвуки Ваньбаошаньского инцидента. Одновременно с этим инцидентом что ни день возникали в самой Японии необыкновенные происшествия. Молодые офицеры Токио, собравшись в синдоистском храме «Яскуни», совершили жертвоприношение духу умершего капитана Накамура и нарисовали собственной кровью государственный флаг с изображением восходящего солнца, повесили этот флаг над храмом и раздували военный психоз среди населения. А органы всех мастей и разновидностей, причастные к Маньчжурии, устраивали совместный митинг всех групп, посвященный маньчжурско-монгольскому вопросу, и поднимали шумиху, крича во все горло, что маньчжурско-монгольский вопрос можно решить только с применением силы.

Тогда я рассуждал, что агрессия японского империализма

против Маньчжурии является вопросом времени. Было немало оснований сделать такой вывод.

После захвата Кореи поглотить Маньчжурию и Монголию, а потом захватить весь Китай и дальше установить господство над всей Азией — это была основная государственная политика Японии. Так было определено и в «докладе Танаки императору». Согласно этой государственной политике беспрепятственно двигалась военная машина милитаристской Японии, ослепленной претензией стать властелином Восточной Азии.

Под предлогом «пропажи» капитана Накамура японские империалисты сосредоточили силы Квантунской армии в Шэньяне и готовились к наступлению.

В то время Чэнь Ханьчжан был охвачен крайней тревогой.

— Японская армия нападет сейчас же, поглотит Маньчжурию, а у нас одни только голые руки. Как нам быть? —спросил он отчаянно.

Он возлагал известную надежду на гоминьдановскую военщину Чжан Сюэляна.

— Пусть до сих пор она проявляла нерешительность, но когда государственная власть подвергнется посягательству, будет вынуждена сопротивляться, хотя бы из-за своей репутации перед китайской нацией и под давлением сотен миллионов китайских граждан, — сказал он.

Я ему ответил, что это бредовая мечта — надеяться, что гоминьдановская военщина будет сопротивляться.

— Вспомните те дни, когда возник инцидент гибели Чжан Цзолина от взрыва[17]. Было ясно, что это дело рук Квантунской армии, и были улики. Но тем не менее тогда военщина Северо-Восточного Китая не уточнила факт и ни единым словом не привлекла Квантунскую армию к ответственности. Даже в зал с

гробом покойного принимала японцев, явившихся выразить соболезнование. Нельзя расценивать это просто как проявление серьезности, слабости и нерешительности. Гоминьдан лезет из кожи вон в попытках уничтожить компартию и карать Рабоче-крестьянскую красную армию, он перебрасывает сотни тысяч войск на Центральный советский участок Цзянси. Гоминьдан намерен разгромить компартию и Рабоче-крестьянскую красную армию, даже выделив часть территории страны японским империалистам. Ликвидировать коммунистические силы, прежде чем бить внешних врагов, и усмирить первым делом политическую ситуацию внутри страны, — вот что такое линия Гоминьдана. Слепо следует этой порочной линии Чжан Сюэлян, который окончательно склонился на сторону Гоминьдана после гибели своего отца от взрыва. Следовательно, не будет сопротивления, и напрасно надеяться на него, — объяснил я.

Чэнь Ханьчжан серьезно прислушивался к моим словам, но не выразил согласия.

Он сказал, что пусть военщина Чжан Сюэляна следует линии Гоминьдана, но вряд ли он не будет сопротивляться агрессорам даже сейчас, когда эта военщина полностью потеряет Северо-Восток —свою военно-политическую и экономическую базу. И он не отказался от надежды на военщину.

В такой-то вот момент разразилось событие 18 сентября и армия Чжан Сюэляна, насчитывающая сотни тысяч солдат, отдала Шэньян без всякого сопротивления. И не случайно Чэнь Ханьчжан прибежал ко мне с мертвенно-бледным лицом, сжав кулак.

—Товарищ Сон Чжу, я был наивным фантазером, несмышленышем, — произнес он, дрожа всем телом.

— Каким я был наивным! Думал, что будет защищать

Северо-Восток такой человек, как Чжан Сюэлян. Он трус и генерал разбитой армии, предавший доверие китайской нации и отказавшийся от антияпонской войны. Когда я был в Шэньяне, весь город был занят войсками военщины, весь был наполнен ими. На всех улицах кишмя кишели солдаты с винтовками нового образца на плечах. И вот эта большая армия отступила, не выстрелив ни одного патрона. Какой позор! Как это понимать? — продолжал он, взволнованный, пеняя на себя.

Утром того дня Чэнь Ханьчжан, всегда спокойный и рассудительный во всяком деле, не мог унять волнение и кричал хриплым голосом.

Впоследствии Чжан Сюэлян выступил за антияпонскую войну и внес свой вклад в сотрудничество Гоминьдана и компартии, но была недоброй его репутация во время Маньчжурского события.

Я пригласил Чэнь Ханьчжана в комнату и уговаривал его тихим голосом:

—Успокойтесь, товарищ Чэнь. Ведь мы же и сами предвидели, что японская армия вторгнется в Маньчжурию. Стало быть, незачем так шуметь. Теперь нам следует хладнокровно следить за развитием событий и вести соответствующую подготовку.

— Конечно, надо так делать. Но меня взяла такая обида и досада. Кажется, я возлагал слишком большую надежду на этого Чжан Сюэляна. Всю ночь не мог глаз сомкнуть. Промучился всю ночь без сна и вот прямо прибежал сюда. Товарищ Сон Чжу, вы знаете, сколько солдат насчитывает Северо-Восточная армия, которой командует Чжан Сюэлян? Ни много ни мало три ста тысяч. Триста тысяч! Это же не малое число. А эти триста тысяч отдали Шэньян за одну ночь, не выстрелив ни одного патрона... Неужели так труслива и беспомощна наша китайская нация?!

Неужели погибла родина Конфуция, Чжугэ Ляна, Ду Пу и Сунь Ятсена?! — горько сетовал Чэнь Ханьчжан, бия себя в грудь. По его щекам струились горькие слезы.

Было естественно, что он так обиделся и горевал, думая о трагической участи, которая постигла его нацию. Это было чувство чистое, какое могут ощущать только те, кто любит отечество, это было их неотъемлемое священное право,

Когда-то я тоже тайком проливал слезы в сосняке родного края, думая о Родине, растоптанной японскими самураями. Помню, это было воскресным вечером. Я был в Пхеньяне и увидел там незнакомого старика, он лежал на улице весь в крови, истерзанный кованым сапогом японского полицейского. Вернувшись домой, я целый день не мог унять обиду и просидел на сопке Манген до заката солнца.

«Наша страна славится древней, пятитысячелетней историей. Как же она покрыла себя таким позором, будучи порабощенной в один прекрасный день?! Как смыть этот позор?» — думал я тогда с горечью на душе подобно Чэнь Ханьчжану.

Оказалось, и я и Чэнь Ханьчжан испытывали на себе один и тот же позор. Раньше нас сблизила общность идеалов, а теперь удесятерила нашу дружбу общность положения. Как говорится, взаимное сочувствие у несчастных людей. Можно сказать, что люди глубже понимают друг друга и еще теснее дружат и сближаются в беде. В прошлом народы и коммунисты Кореи и Китая столь легко подружились, как родные братья, благодаря общности положения, цели и дела- Коммунисты обеспечивают прочную интернациональную солидарность во имя общей цели борьбы — освобождения человечества и его блага, тогда как империалисты добиваются временного соглашения ради прибылей. Я воспринял горесть Чэнь Ханьчжана как свою собственную

горечь, трагедию китайской нации — как трагедию корейской нации.

Положение изменилось бы, если бы Чан Кайши, Чжан Сюэлян, другие политические и военные правители, в чьих руках находились сотни тысяч и миллионы войск, обладали такими патриотическими чувствами и проницательностью, какие имел один юноша из Дуньхуа. Если бы они ставили судьбу нации выше собственных интересов и интересов своих группировок и подняли вооруженные силы и все народные массы на антияпонскую войну, выступая не против коммунистов, а за сотрудничество с ними, то смогли бы пресечь агрессию японского империализма на первых порах и с честью защитить территорию своей страны и свой народ.

Однако они закрыли глаза на судьбы отечества и нации. Еще до нападения Японии на Маньчжурию Чан Кайши отдал Северо-Восточной армии Чжан Сюэляна письменный приказ: «В случае провокации со стороны японских войск придерживаться серьезности и всячески избегать столкновения», и тем самым заранее сдержал сопротивление армии. Позже это вызвало гнев сотен миллионов китайцев.

И после возникновения события 18 сентября Нанкинское правительство Чан Кайши опубликовало капитулянтское заявление, что армия и народ Китая не должны сопротивляться японским войскам, а должны сохранять спокойствие и проявлять терпеливость. Это снизило боевой дух армии и народа Китая. Судьба Маньчжурии была предопределена еще до события 18 сентября. Помимо того, Нанкинское правительство послало своего представителя в Токио и проводило тайные переговоры с японским правительством. На переговорах чанкайшисты без колебания совершили предательский акт, дав японским импе-

риалистам согласие на уступку им зоны советско-китайской границы при условии отказа Японии от захвата других районов Китая.

Чан Кайши, махнув рукой на свое достоинство как главы государства, прославленного сотнями миллионов населения и площадью территории в несколько миллионов квадратных километров, без всякого стеснения позволил себе такой безрассудный поступок, что выделил японцам крупную часть своей государственной территории. Это объясняется тем, что он боялся дула винтовки народа своей страны, выступающего против помещиков, компрадорской буржуазии и гоминьдановского чиновничества, больше, чем японской пушки.

Так трехсоттысячные войска северо-восточного края Китая, отступая под натиском частей Квантунской армии, численность которых не превышала даже двадцать пятой части их вооруженных сил, обратились в бегство, бросив всю обширную территорию Маньчжурии с ее несметными природными богатствами.

— Теперь нельзя больше верить в какую-либо партию, военщину или политические силы. Надо верить только в самих себя и в свои собственные силы. Общая ситуация требует от нас вооружить народные массы и встать на антияпонскую войну. Путь к выживанию у нас один—взять в руки оружие, —сказ ал я Чэнь Ханьчжану, рыдавшему от обиды за обреченную страну.

Он молча крепко пожал мне руки. Тогда я целый день провел вместе с ним, стараясь улучшить его настроение. А что касается обиды за обреченную на тяжкие беды страну, то я испытывал ее больше, чем он. У него была отнята лишь часть отечества, а у меня — вся моя Родина целиком. Я был сыном народа, потерявшего всю свою страну.

Он упрашивал меня поехать к нему домой. И на следующий день мы отправились вместе в Дуньхуа...

Событие 18 сентября потрясло не только Корею и Китай, а и весь мир. Мир, который был ошеломлен захватом Японией Кореи, снова вопил от канонады 18 сентября. Человечество сочло эту канонаду началом новой мировой войны.

А Япония изображала это событие как случайный локальный конфликт, который можно разрешить переговорами между Китаем и Японией, но люди мира не верили этой версии.

Справедливая мировая общественность осуждала нападение Японии на Маньчжурию как вопиющую агрессию против суверенного государства и требовала от Японии вывода своих войск из оккупированного его района.

Однако империалисты, и прежде всего американские, держались позиции сочувствия японским агрессорам, надеясь втайне, чтобы острие атаки Японии повернулось на Советский Союз. Лига Наций послала в Маньчжурию комиссию по расследованию во главе с Литтоном, но и эта миссия не стала на стороне справедливости, четко не отличила черное от белого и, придерживаясь туманной позиции, не определила Японию агрессором.

Падали духом сотни миллионов людей из-за того, что канонада войны потрясала материк и могучая и крупная армия военщины Чжан Сюэляна рухнула в один прекрасный день и совершила общее отступление под напором яростно атакующих японских полчищ. Миф о «непобедимой императорской армии», порожденный победами Японии в войнах с цинским Китаем и Россией, стал реальной действительностью на глазах у всех. Наряду с пламенным гневом волны страха охватили не только Корею и Маньчжурию, но и весь азиатский континент. В этих волнах страха полностью обнажили свою сущность все

вооруженные и политические силы, революционные организации, патриоты и знатные люди всех мастей и разновидностей.

Событие 18 сентября загнало в горную глушь большинство остатков сил Армии независимости, оказавшейся в состоянии краха, и толкало на сторону японских империалистов тех людей, которые кричали одно время о выращивании «реальных сил». Когда бойцы Армии независимости возвращались в родные края, зарыв в землю пропитанные потом винтовки и втянув головы в плечи, национал-реформисты орали о сотрудничестве с Японией. Патриоты, публиковавшие то и дело декларацию независимости и кричавшие о спасении страны сопротивлением, поспешно эмигрировали за границу, распевая песню «Тоскую по родимой стороне». Нашлись и деятели движения за независимость, которые, бросив опорные пункты своей деятельности и следуя за отступающей армией Чжан Сюэляна, бежали в Цзиньчжоу, Чаншу и Сиань.

С канонадой 18 сентября быстрыми темпами происходил внутри нации сложный процесс разложения, отличающий патриотизм от предательства, антияпонские элементы от прояпонских, самоотверженность от приспособленчества. Каждый по своему взгляду на жизнь пристал к положительному или отрицательному полюсу. Маньчжурское событие сыграло роль своего рода пробного камня, проявившего настроение и подлинное лицо каждого члена нации.

Тогда в Дуньхуа мы вместе с Чэнь Ханьчжаном несколько дней обменивались мнениями о событии 18 сентября. Вначале мы тоже, собственно, растерялись, и даже очень. Правда, мы без труда сделали вывод, что настала пора взять в руки оружие, но не знали, что и как начинать в обстановке, когда нахлынули лавиной японские войска. Но вскоре самообладание наше вое-

становилось, и мы стали хладнокровно следить за ходом развития событий.

В то время я много думал о том, какое влияние окажет на корейскую революцию агрессия японского империализма в Маньчжурии.

Нам пришлось столкнуться лицом к лицу с врагом в результате того, что японские войска вторглись в Маньчжурию и оккупировали ее. Правда, японские власти, используя как рычаг «соглашение Мицуи», в течение нескольких лет подвергали жестоким репрессиям деятелей движения за независимость и коммунистов Кореи с помощью китайской реакционной военщины. Но были редки случаи, когда японская армия и полиция, находившиеся в Корее, проходили в Маньчжурию через границу. По соглашению, заключенному с Китаем, переход японской армии и полиции через границу был принципиально запрещен.

Поиском и захватом корейских коммунистов в Маньчжурии занимались, главным образом, полицейские японского консульства, находившиеся в Маньчжурии.

До возникновения Маньчжурского события японские войска, оккупировавшие Корею, не могли войти в Маньчжурию. Япония, эвакуируя свои войска, вторгшиеся в Сибирь во время гражданской войны в России, оставила в Хуньчуне две роты с разрешения китайской стороны. Это были все вооруженные силы японской оккупационной армии в Корее, дислоцированные в Северо-Восточном Китае.

Однако с событием 18 сентября Маньчжурия превратилась в арену бесчинств японской армии. Из Кореи, Шанхая и Японии хлынули потоком в Маньчжурию десятки тысяч японских войск. Маньчжурский материк превратился в передний край фронта, где воюющие стороны действовали вперемешку. Значит, на

самом деле граница, разделившая Корею и Маньчжурию, была устранена вторжением японской армии.

Оккупация Маньчжурии японскими войсками, несомненно, создала бы серьезное препятствие на пути нашей борьбы, развернувшейся при опоре на эту местность. Одна из главных целей агрессии Японии против Маньчжурии состояла в том, чтобы подавить национально-освободительную борьбу корейского народа, растущую в этом районе, и облегчить себе сохранение безопасности в Корее. Следовательно, мы должны были учитывать, что впредь нам придется развернутьсвою деятельность под угрозой японской армии и полиции во многих отношениях. Я полагал, что бич «нового закона о безопасности», применяемого внутри Кореи, обрушится и на голову корейцев в Маньчжурии.

Когда Япония создаст марионеточное государство в Маньчжурии, это тоже может стать для нас своего рода большим барьером. В самом деле позже и стало серьезным препятствием в нашей деятельности существование Маньчжоу-Го, состряпанного Японией.

Оккупация Маньчжурии Японией ввергнет в пучину бедствий сотни тысяч корейцев-эмигрантов, заживших в этом районе, устраивая свою жизнь. Корейские переселенцы опять лишатся свободы жить в местности, где нет японских самураев, без ярма правления генерал-губернаторства. И станет напрасным то, что они покинули родной край и перебрались на немилую чужбину с надеждой построить новую жизнь.

Однако в связи с событием 18 сентября мы не думали только о неблагоприятных условиях. Если бы мы учитывали лишь неблагоприятные моменты и впали в пессимизм и уныние, то не смогли бы стать на ноги и пали бы духом в отчаянии.

Почему-то я вспомнил тогда корейскую пословицу: «Хо-

чешь поймать тигра, иди в его логово». Глубокую истину подсказала мне эта философия жизни, которую постигали и формулировали наши предки на протяжении многих тысячелетий.

«Маньчжурия превратилась в логово тигра. Нужно поймать в этом логове тигра — японский империализм. Настала пора бороться с оружием в руках. Если не воевать и не решать дело сейчас, то нам нельзя исполнить свою миссию никогда», — думал я и укрепился в решимости подняться, не упустив шанса.

Для победы в войне японские империалисты усилят колониальное господство в Корее и прибегнут к жестокой экономической эксплуатации и экспроприации, чтобы обеспечить себе военные средства. Достигнут крайних пределов национальные и классовые противоречия, возрастут антияпонские настроения корейской нации. Когда мы организуем вооруженный отряд и начнем антияпонскую войну, то народные массы окажут нам активную материальную помощь и духовную поддержку. Сотни миллионов китайцев тоже встанут на общенациональное антияпонское сопротивление.

За сегодняшним вторжением в Маньчжурию завтра последует агрессия против Внутреннего Китая, и весь китайский материк будет охвачен пламенем тотальной войны. Нечего и говорить, что китайский народ, сильный духом самостоятельности, не будет сидеть сложа руки перед лицом опасности, угрожающей его отечеству. Рядом с нами многие коммунисты и патриоты Китая, полные решимости не допустить империалистическую агрессию и защищать национальный суверенитет, сотни миллионов китайских братьев, любящих свободу и независимость. Вчера они сочувствовали корейцам как народу порабощенной страны, а завтра эти простые сочувствующие станут

нашим надежным союзником и, взяв винтовку, прицелятся в общую мишень из одного окопа. На нашем фланге всегда будет находиться великий союзник и союзническая армия — китайский народ.

Когда Япония распространит войну на Внутренний Китай, возникнет лобовое столкновение ее интересов с интересами держав Европы и Америки, что станет фитилем новой мировой войны. Если затянется китайско-японская война и Япония втянется в новую мировую войну, она будет испытывать затруднения с нехваткой и истощением людских и материальных ресурсов.

Поглощение Маньчжурии Японией означает расширение сферы ее господства. А само расширение сферы господства неизбежно приведет к ослаблению способности господствовать. Япония не сможет сохранить прежнюю плотность в господстве над колонией.

Весь мир будет осуждать японский империализм как агрессора, Япония не избежит международной изоляции.

Я рассчитывал, что все это создаст стратегически благоприятную ситуацию для нашей революции.

Когда армия Чжан Сюэляна начала общее отступление и хлынули лавиной агрессивные войска японского империализма, перед нашими глазами происходили поразительные явления. Чиновники административных учреждений и полицейские органов общественной безопасности прекратили выполнять свои служебные обязанности и удрали кто куда. За несколько дней закрыли двери все местные органы правления военщины. Была парализована система правления военщины, когда армия Чжан Сюэляна обратилась в бегство.

А агрессивные войска японского империализма не могли

прилагать усилия к обеспечению общественной безопасности, торопясь расширять свои боевые успехи. Таким образом, одно время на территории Маньчжурии наблюдалось хаотическое состояние. Мы рассчитывали, что такое состояние продлится на определенное время, до тех пор, пока японские империалисты не установят на материке новую систему своего господства. Именно это вакуумное состояние было самым подходящим моментом, когда мы могли бы свободно формировать вооруженный отряд. Нельзя было упустить этот подходящий шанс.

Революция переживала период новых перемен. Наступило время, когда каждый должен решить, что ему следует делать для выполнения задачи, возложенной на корейскую революцию, и идти в огонь и в воду, чтобы осуществить эту задачу.

Событие 18 сентября означало агрессию против народа Китая и в то же время оно значило нападение на корейских коммунистов, всех корейцев, живущих в этом регионе. Мы, корейские коммунисты, должны были отвечать на это соответствующим образом.

Я думал, что надо спешить с созданием вооруженного отряда.

3. Оружием — на оружие!

Событие 18 сентября поставило перед нами актуальную задачу — немедленно начать антияпонскую войну. Настал самый подходящий для этого момент. Должна была загреметь канонада справедливости в ответ на орудийный гул несправедливости — зловещего предвещания новой мировой войны.

С захватом Маньчжурии японскими империалистами все наши революционеры вышли из подполья и заняли свои боевые позиции. Грохочущая канонада, сотрясавшая осенью того года весь материк, можно сказать, окончательно отрезвила жителей Маньчжурии. Пушечный гул не сковывал людей, а наоборот, пробудил сознание масс и поднял их на ноги. Маньчжурская земля, опустошенная вихрями репрессий врага, снова задышала новым импульсом борьбы.

Мы думали: вот наступила хорошая пора, когда массы пройдут школу боевой закалки.

К тому времени, откровенно говоря, каждого жителя Маньчжурии тяготили чувства подавленности, порожденные поражением восстания. Нужно было вселить в них уверенность в себе, чтобы поднять революцию на следующую ступень. Одними воззваниями, пустословием ни к чему не приведешь.

Чтобы придать веры и силы народным массам, привыкшим к сериям поражений, нужно было позвать их на борьбу и довести ее непременно до победного конца. Только победа выступлений

спасла бы подавленные массы, вывела бы их из кошмарного застоя. Пусть группа предтеч и начнет вооруженную борьбу, но она не покажет большую силу без боевой закалки масс.

Событие 18 сентября дало населению Восточной Маньчжурии повод еще раз подняться на борьбу. Им дали мощный толчок также народные выступления в Корее, которые обрели форму восстания.

Внутри Кореи непрерывно вспыхивали арендаторские конфликты и другие антияпонские восстания крестьян. Типичными были, например, арендаторские конфликты на ферме Восточно-колонизационного общества в Ковоне, на ферме «Фудзи» в Рёнчхоне и на ферме «Оки» в Кимчжэ.

И после 1929 года в районе Рёнчхона не прекращались крестьянские выступления. В то время местные организации зарекомендовали себя в борьбе, установив связи с нами. В район Рёнчхона было послано много наших подпольщиков.

Более трех тысяч енхынских крестьян и свыше двух тысяч хлеборобов Самчхока поднялись на крупные восстания в знак протеста против японских империалистов, которые, делая ставку на событие 18 сентября, громогласно объявили «чрезвычайную ситуацию» и ужесточили фашистские репрессии и грабеж.

В такой обстановке мы организовали в Цзяньдао крестьянские выступления по поводу осеннего урожая.

Местные комитеты борьбы имели в своем распоряжении агитбригады и дружины пикетчиков, тщательно провели подготовительную работу — печатали листовки и воззвания, определяли лозунги. Потом по участкам для деятельности революционных организаций приступили к борьбе за «осенний урожай». Вначале она велась как легальная экономическая борьба за снижение ставок арендной платы.

Одно время некоторые историки дали этим выступлениям название «Восстание осеннего урожая». Но я считал такое название неуместным. Борьба эта не была подражанием восстанию 30 мая, не была его копированием. Это была победоносная массовая борьба, развернувшаяся на основе новых тактических принципов после полной ликвидации влияния левацко-безрассудной идеологии Ли Лисаня. В предыдущем восстании главную роль сыграли фракционеры, а в осенних выступлениях у руля стояли коммунисты нового поколения и ориентировали, направляли борьбу масс.

В них насилие не стало главным средством борьбы. Восставшие 30 мая не брезговали ни поджогами, ни убийствами. Они сжигали трансформаторные подстанции и учебные заведения, шли на свержение всех помещиков и других имущих вообще. В отличие от них участники борьбы за «осенний урожай» действовали порядочно и дисциплинированно. Они, выдвинув справедливые требования об уплате арендной платы в размере 30 — 40 процентов всего урожая, под единым руководством местных комитетов борьбы скоординировали свои действия с другими организациями.

Требования крестьян отнюдь не были чрезмерными, судя по положению голодающих крестьян. Они были справедливые, и власти Гиринской провинции были вынуждены объявить уплату арендной платы в размере 3 : 7 или 4 : 6 (помещику 30 — 40 процентов, арендатору 60 — 70 процентов урожая).

В отношении послушных помещиков, принявших требования крестьян, никогда не применяли насилие. Насилие пускалось в ход только в том случае, если злостные помещики отчаянно отказывались выполнять требования местных комитетов борьбы, а войска и полиция пытались штыками подавить выступле-

ния крестьян. Когда упрямствовали помещики, крестьяне увозили свою долю прямо с помещичьих полей или забирали хлеб со складов в указанном размере,

Мишенью в борьбе стали также грабительский финансовый отдел Восточно-колонизационного общества, ростовщики. Общество корейских резидентов и другие реакционные организации, содействовавшие режиму японского империализма.

Я руководил осенними выступлениями крестьян в районе Яньцзи. А после этого вернулся в Аньту.

Однажды ко мне пришел Чвэ Дон Хва, который после восстания 30 мая скрывался во избежание слежки японской полиции. Он выразил озабоченность тем, что выступления постепенно носят характер восстания.

Раньше он выступил в Аньту главным зачинщиком восстания 30 мая. Затем ему вздумалось вступить в полемику с нами по поводу того, что мы определили это восстание как слепое левачество. А вдруг теперь он, изменив свой тезис, выступает с концепцией о вредности насилия. Я просто не мог этому не удивиться.

—Товарищ Сон Чжу! Что у вас творится?! Вы раньше осудили восстание 30 мая как слепое левачество, а теперь протаскиваете насилие даже в чисто экономическую борьбу. Скажите, как это надо понимать?

С таким вопросом Чвэ Дон Хва, скрестив руки на груди, обходил вокруг меня. Казалось, он, довольный, думал: «Вот как я тебя задел за живое».

— По-моему, у вас тут какое-то недоразумение. Вы, значит, ставите на одну доску ваше «красное насилие», за что ратовали в восстании 30 мая, и наше насилие в борьбе за «осенний урожай»?

Так я переспросил его, не успев взвесить, что неприлично отвечать вопросом на вопрос.

— Конечно, тут разница-то есть, но небольшая. Однако, знаете, насилие есть насилие. Не так ли?

— К насилию мы прибегали только по уважительным причинам, когда это считалось справедливым. Так, например, если помещики отказывались от крестьянских требований, мы силой открывали у них амбары. Когда войска и полиция забрали наших товарищей, мы применили силу, чтобы они не попали в их лапы. Так, скажите, будем ли мы добрыми, когда враги орудуют дубинами насилия и подавляют наши выступления?

—Я знаю общепризнанный принцип марксизма: на насилие отвечать насилием. Я осуждаю вас не за это. Теперь, я говорю, не такая пора, чтобы биться силами один на один- Восстание 30 мая уже кануло в прошлое. Наша революция, к несчастью, вступила, как говорится, в период отлива. Вот какая сейчас пора.

— Период отлива, говорите?

— Да, да. Пора спада. Два шага назад. Пожалуй, даже эпоха реакции Столыпина не так была мрачна, какая у нас сейчас. Не видите, что Квантунская армия с одного маху оккупировала всю Маньчжурию? Отступили и трехсоттысячные полчища Чжан Сюэляна. В такое время советую не обнаруживать революционные силы, а сохранять их. Впопыхах тронешь противника — повторится в Восточной Маньчжурии такая трагедия, как крупная кара года Кенсин.

А Чвэ Дон Хва настаивал на том, чтобы борьба за «осенний урожай» не переросла в насильственную и люди не взяли бы оружие в свои руки. Он противился нашей идее о вооруженной борьбе. Это, по его выражению, не только преждевременно, но и подобно тому как строить дом на песке.

Словесная полемика с ним, собственно, для меня была непосильной. В общем-то Чвэ Дон Хва был человеком светлого ума, интеллигентом с высоким коммунистическим сознанием. Уговаривать так глубоко убежденного в своем человека, как говорится, не всякому по зубам. В каждую фразу внося цитаты из классиков, он аргументировал правоту своих утверждений, — все у него было к месту. Убеждать его в своем — дело было не простое.

Концепция его исходила, в конечном счете, из того, что революция-де вступила в период отлива. Он ясно видел неблагоприятные симптомы, такие, как крупное военное наступление японских империалистов, бегство войск Чжан Сюэляна и дезорганизация Армии независимости, но остался слепым перед выступлениями народа Кореи и Восточной Маньчжурии, носящими характер восстания. Передо мною, действительно, стоял слепой с открытыми глазами, не видящий реальной действительности.

Наступление контрреволюции и бегство трусливых сборищ не означали, что революция пошла на спад. Дело было в том, как рассматривать настроения народных масс — главной силы революции.

Чвэ Дон Хва, как и все другие коммунисты предыдущего поколения, чрезмерно недооценил силы народных масс.

Он не видел в народных массах субъекта революции, не верил в силы народных масс, недооценил их.

На этой беседе с Чвэ Дон Хва, твердившим о периоде спада революции, я убедился в коренном различии во взглядах между нами и коммунистами предыдущего поколения. Суть разницы, можно сказать, исходила, в конце концов, из того, как рассматривать народные массы. Из-за этого различия мы и они, хотя и

следуя общим идеалам и целям, не смогли объединить силы и обращались друг к другу, как чужие.

—То, что я говорю, вы можете считать парадоксальным, — сказал я Чвэ Дон Хва. — Но я думаю так: именно сейчас, когда народные массы не пали на колени перед агрессорами — японскими империалистами — и выступают наступательно, применяя и насилие, настал период подъема революции. Мы не упустим этого периода подъема. Мы решили кончать борьбу за «осенний урожай», а затем немедленно и еще более активно пробуждать и организовывать массы и, таким образом, поднимать антияпонскую борьбу на новую, более высокую ступень развития. Как бы ни складывалась ситуация, решимость эта у нас не изменится и не поколеблется.

Чвэ Дон Хва, ничего не сказав, с горькой усмешкой ушел.

Он и ему подобные типы, твердя о бесполезности революционного насилия, ставили нам палки в колеса, но мы ни на шаг не сбились с избранной нами самими столбовой дороги и, полные уверенности в себе, ориентировали выступления по поводу осеннего урожая в нашем направлении.

Более сотни тысяч крестьян Цзяньдао с сентября до конца декабря 1931 года не прекращали свою несгибаемую кровопролитную борьбу, несмотря на варварские репрессии японских войск и полиции, реакционной военщины Китая.

Борьба эта родила множество легенд о геройстве корейской нации. Долго оставался среди жителей Маньчжурии сенсационным предметом разговоров эпизод о том, как разыграли демонстранты местности Кайцюй рукопашные схватки на ледяном поле реки Туман с японскими и маньчжурскими войсками и полицейскими.

Хорошо известен рассказ о трагических последних мину-

тах жизни мужественной женщины Ким Сун Хи. Подвиг этот тоже родился в пламени борьбы по поводу осеннего урожая и весеннего голода. Ким Сун Хи была членом Красного ополчения села Яошуйдун, членом местного комитета борьбы за «осенний урожай».

В то время она была в полном положении. Ворвались в это село каратели. Палачи, тыкая дулами винтовок ей в живот, насмешливо спросили, что в нем таится. Она, бросив уничтожающий взгляд на окружающих ее солдафонов японского гарнизона и полицейских японского консульства, дерзко ответила:

— Родится хороший — будет королем, а плохой — будет такая же тварь, как и проклятые вы, шляющиеся перед воротами чужих домов.

Такой бойкий ответ насмерть перепугал врагов. А чтобы сохранить тайну своей организации, она откусила себе язык собственными зубами. Несчастная женщина погибла в зажженном палачами пламени. Погибла она в самом цветущем возрасте — в 22 года.

Борьба за «осенний урожай» кончилась победой хлеборобов.

В этой борьбе черпали веру и силу жители Восточной Маньчжурии. Они впервые всерьез поняли, что исход их выступлений зависит от начала до конца от стойкой воли самих масс, от методов руководства их борьбой. Люди стали восхищенными глазами смотреть на молодых коммунистов новой смены — организаторов победы в выступлениях, стали теснее сплачиваться вокруг них.

Победа этих выступлений позволила народным массам самим найти причины поражения восстания 30 мая. Они твердо поверили в открытую ими истину о том, что интенсивность

насилия не является основным фактором, предопределяющим боевые успехи. Все ясно поняли: восстание 30 мая кончилось неудачей отнюдь не потому, что мало применялось насилия. Ведь фактором победы их выступлений за «осенний урожай» не было широкое применение насилия. Насилие отнюдь не было панацею, оно было только одним из средств для достижения намеченной цели.

Только такое насилие, которое применяется для достижения правых целей, такое справедливое, разумное и уместное по времени насилие может обеспечить победу тем, в чьих руках держится насилие. Только такое насилие может по-настоящему служить делу перестройки общества и прогресса истории. Именно такое насилие мы поддерживаем.

Дело зависело от того, как мобилизовать, организовать и ориентировать массы. В таком смысле коммунисты нового поколения создали яркий образец борьбы. Выступления за «осенний урожай» были оригинальной формой борьбы. Дело в том, что ее участники, тесно сочетая экономическую и политическую формы борьбы и оптимально соединяя мирные и насильственные методы, неизменно крепко держали в своих руках инициативу и загоняли противника в пассивное положение. Можно сказать, что и выступления периода весеннего голода, имевшие место весной следующего года, являлись такой же формой борьбы.

Борьба за «осенний урожай» укрепляла сплоченность народов Кореи и Китая, крепила революционные узы коммунистов обеих стран.

Она стала знаменательным моментом идеологического пробуждения и закалки народных масс. В боевом строю обыкновенные, простые люди выросли борцами, революционерами.

Революционные организации Восточной Маньчжурии сумели укрепить свои ряды за счет многочисленных активистов, закаленных в борьбе за «осенний урожай». Подготовка такого ядра создала благоприятные условия и для предстоящей вооруженной борьбы.

Многочисленные молодые революционеры, выкованные в вихрях борьбы за «осенний урожай», стали костяком партизанских отрядов, которые впоследствии были организованы в различных уездах Восточной Маньчжурии.

Направляя эти выступления, я без устали размышлял о вооруженной борьбе. Массовый героизм и несгибаемый боевой дух жителей Восточной Маньчжурии послужили безграничным вдохновением для меня в поиске революционной линии нового этапа, глубоко убедили меня в том, что если мы с оружием в руках встанем на решительные схватки с японскими империалистами, то массы непременно будут поддерживать нас.

В октябре 1931 года, когда еще пламя борьбы за «осенний урожай» охватывало всю Восточную Маньчжурию, я кратковременно был в районе Чонсона провинции Северный Хамген. Я пошел туда для того, чтобы обсудить с товарищами в Корее вопросы вооруженной борьбы, вызвать наших подпольщиков из района шести уездных городков и поручить им важнейшие задачи, связанные с вооруженной борьбой. До Чонсона меня сопровождали Чхэ Су Хан и О Бин.

Чонсонбыл родным краем Чхэ Су Хана, там была семья его жены. Здесь жили его родители до последнего периода Старой Кореи. Прадед его был советником уездной администрации. Семья Чхэ Су Хана покинула Родину и переселилась в Цзиньгу уезда Хэлун сразу же после «аннексии Кореи Японией».

Чхэ Су Хан рос и мужал в Цзяньдао, но всегда тосковал по

родной стороне, где прошли незабываемые детские годы. Каждый раз, когда ему доводилось со мной переправиться через реку в Чонсон, он волновался от неудержимой радости.

Но на этот раз он почему-то помрачнел.

Думалось, что лавина борьбы за «осенний урожай» снесла и хлебные скирды его дома. И я, как ни в чем не бывало, спрашиваю своего дорогого спутника:

— Скажи, дружок, и твой дом, может быть, экспроприируют?

Он был родом из семьи богатого помещика. Его отец занимал должность директора какого-то общества, именуемого «Токсинса», на которое бедняки смотрели искоса.

— Какая там экспроприация? Мы же, прежде чем потребовали крестьяне, прямо на поле роздали им хлеба в размере 3:7.

— Молодцы! Вот какая семья у секретаря укома! А почему же у тебя личико-то такое мрачное?

— Знаешь, некоторые люди просили меня: уговори отца бросить должность директора. А вот мой отец со мной никак не согласен.

Чхэ Су Хан не знал, что его отец занимает эту должность по поручению революционной организации. Дисциплина есть дисциплина, и отцу его было не позволено открывать душу сыну. И, естественно, сын недоволен был отцом за отказ от его просьбы.

Дело складывалось так скверно, что у него на душе заскребли кошки. В то время среди руководителей вышестоящих партийных органов оказались и леваки, которые огульно навязывали низам экстремистские требования в ущерб интересам революции. Это порой ставило нижестоящих работников в затруднительное положение. Эти леваки даже сняли Чхэ Су Хана

с должности секретаря укома за «ошибки», что, мол, не сумел разграничить себя с отцом классовой «линией». Но потом эту должность ему снова восстановили.

Чтобы как-то ослабить его мрачные настроения, я переменил тему разговора в сторону вооруженной борьбы. Чхэ Су Хан в шутку сказал:

— При создании наших войск я первым вступлю в армию и стану пулеметчиком.

— Тебе, дружок мой, не к лицу военное дело. Тебе суждено быть гражданским чиновником, — пошутил я, улыбаясь.

Но в моей шутке была и крупица правды. Я видел его врожденным политработником. Если бы он был жив и вступил в революционную армию, то, я уверен, он несомненно стал бы политработником полка или дивизии.

Когда мы, создав в Аньту партизанский отряд, во всю ширь развернули вооруженную борьбу, его убили японские каратели под Далацзы...

О Бин еще в Тонхынской средней школе в Лунцзине показал себя ловким спортсменом. Так, на Хуньчуньской уездной спартакиаде он занял первое место на соревновании по национальной борьбе *сирым,* за что в награду получил живого быка. Он был скромен, прост, весел и лих.

Я думал, что именно О Бин уместен как человек воинского склада, который стал бы лихим командиром революционной армии. При знакомстве с тем или иным человеком я взвешивал, какие должности годятся ему в революционной армии. Именно в те дни, могу сказать, зародилась у меня такая привычка. Злободневность ситуации в преддверии антияпонской войны, пожалуй, сделала меня таким «расчетливым» человеком.

С бухты Шицзяньпин мы на лодке переправились через реку

Туман. В Тонгванчжине мы зашли на Турянское хозяйство, где была площадка по сортировке соевых бобов. Здесь по сортам взвешивали на весах бобы, привезенные японцами из Маньчжурии, заполняли мешки зерном и отправляли готовые в Японию.

Мы, притворяясь чернорабочими-поденщиками из Цзяньдао, помогали местным рабочим и беседовали с ними.

Узнав, что мы приехали из Цзяньдао, рабочие начали говорить нам о выступлениях по случаю осеннего урожая. В общем-то у них взгляд на эти выступления был пессимистичен.

И прежде, до японской оккупации Маньчжурии, вспыхивало в Цзяньдао много восстаний, но все они провалились. А теперь самураи начали агрессию в Маньчжурии. Так к чему приведет такое выступление, как борьба за «осенний урожай»? И эта затея в конце концов не избежит той участи, что и с восстанием 30 мая. Сейчас любые выступления бесполезны. Поглядите-ка, японские войска вон как торжествуют. К тому же на их стороне стоит и международная организация, в которую вошли великие державы. Значит, слабой и малой нации взирать больше не на что... Таков был общий взгляд этих рабочих.

Эти слова рабочих дали нам ощутимые толчки с трех сторон. Во-первых, чтобы вникнуть в душу народа, революционер всегда должен быть в гуще масс. Во-вторых, начало вооруженной борьбы предполагает прежде всего ускорить работу по политическому пробуждению масс и объединению их в организации. В-третьих, любая форма борьбы не принесет желаемого успеха, пока не полностью осмыслят массы ее значение и не будут приведены в активное действие.

Слушая такие нигилистические, пораженческие мнения рабочих, я еще острее ощутил актуальность нашего дела — корейские коммунисты должны как можно скорее начать воору-

женную борьбу и принести соотечественникам надежду на возрождение и независимость страны.

В тот день мы в доме Чвэ Сон Хуна, председателя Кванменчхонского общества молодежи, провели совещание политработников, посланных в Корею, и руководителей подпольных организаций. На нем шли разговоры о задачах революционных организаций внутри страны, связанных с вооруженной борьбой.

Я обратил внимание участников совещания на то, что резкие перемены ситуации, происшедшие после события 18 сентября, и исторический урок антияпонского национально-освободительного движения в нашей стране актуально требуют организованной вооруженной борьбы. Я подчеркнул: начало вооруженной борьбы является закономерным требованием нашей революционной борьбы и станет ее качественным скачком. Две крупные задачи были поставлены мною: первая — провести полную военную подготовку, вторая—заложить прочную основу вооруженной борьбы в массах.

Перед предстоящим волнующим событием, имя которого—организованная вооруженная борьба, участники совещания не скрывали своего душевного подъема, выступали с пламенными речами, творческими предложениями о содействии созданию вооруженных отрядов.

Вопрос о подготовке революционных сил, нужных для организации и развертывания вооруженной борьбы, уже был обсужден и уточнен на Гуншудэском совещании, состоявшемся в мае 1931 года. На этой основе Кванменчхонское совещание обсудило практические задачи, стоящие перед революционными организациями внутри страны в преддверии нового события — вооруженной борьбы. Совещание стало как бы предварительной командой, предварительным сигналом о начале вооруженной

борьбы для революционеров и всего народа внутри страны. На нем революционеры, действовавшие в Корее, выразили активную поддержку вооруженной борьбы. Это придало мне большую силу.

Переночевав одну ночь в Чонсоне, я немедленно вернулся в Цзяньдао и расстался с Чхэ Су Ханом и О Бином. Мы решили встретиться опять в Минюегоу в середине декабря. Мы обещали там подвести итоги хода подготовки к вооруженной борьбе, обсудить конкретные меры и тактико-стратегические вопросы вооруженной борьбы.

После этого все мои дела и помыслы были посвящены подготовке к совещанию в Минюегоу.

Когда я говорю о подготовке собрания, всякий может иметь в виду прежде всего доклад, резолюцию и другие документы. Но надо сказать, что в то время подготовка собрания означала процесс поиска, то есть процесс мышления о линии действий и определения нашей стратегии и тактики. Письменное изложение мысли было процессом второстепенным.

Особенно много времени я уделял размышлению о выборе формы вооруженной борьбы.

Общеизвестно, что в теории марксизма-ленинизма особо подчеркивается значение вооруженной борьбы. Однако, в какой форме надо вести ее, — об этом сформулированных правил не было. Да это и понятно: не может быть такого рецепта, который соответствовал бы любому периоду и мог бы применяться в любой стране. И в поиске нашей формы вооруженной борьбы я старался избежать догмы.

Решив более углубленно обсуждать проблему вооруженной борьбы и советоваться с товарищами о задачах перед лицом новой ситуации, я пошел в Восточноманьчжурский Особый

окружный комитет повстречаться с Тун Чанжуном. Поскольку мы на маньчжурской земле создадим свои вооруженные силы и начнем антияпонскую войну, то нам нельзя игнорировать сотрудничество с коммунистами Китая.

Проблема вооруженной борьбы ставилась на повестку дня и у китайских коммунистов Маньчжурии. После события 18 сентября Компартия Китая и Рабоче-крестьянская красная армия Китая выступили с призывом; мобилизовать организованные массы на сопротивление агрессии японских империалистов и, взяв в руки оружие, нанести непосредственные удары захватчикам.

Перед коммунистами Кореи и Китая, призванными сообща повернуть дула винтовок в одну и ту же мишень, встала актуальная задача: сформировать нерушимый никаким железным кулаком прочный совместный фронт, укреплять взаимное сотрудничество, поддерживать друг друга.

Тун Чанжун, секретарь Восточноманьчжурского Особого окружного комитета, чудом спасся от смертельной опасности в вихрях карательных операций японских войск. И он, находясь в городе Лунцзине, пожелал встретиться со мной.

Но войти в город Лунцзин, где кишмя кишели шпики, было опасно, и я пригласил его в Минюегоу.

А тут Восточноманьчжурский Особый окружный комитет передал мне сообщение о том, что Тун Чанжун, пока не сведущий в обстановке в Цзяньдао и не знающий о перемещении ВМООК, бродил в поисках его и попал в лапы лазутчиков и что его бросили за решетку. Неожиданная эта весть больно ударила по мне. А секретарь Маньчжурского провинциального комитета партии Ло Дэнсянь и секретарь его военной комиссии Ян Рим после события 18 сентября покинули Шэньян и скрылись. Ян

Цзинюй пока страдал в тюрьме. Словом, мне советоваться было не с кем.

Я решил во что бы то ни стало спасти Тун Чанжуна и советовался об этом с товарищами.

В это самое время человек, именуемый Ко Бо Бэ (Бо Бэ—прозвище), высказался спасти мученика. Он, как фокусник, был чрезвычайно ловок движением рук, слыл «отчаянным карманником». Так, сидя напротив собеседника, он буквально в мгновение ока выхватил у него авторучку из кармана. Ко Бо Бэ любил такую игру, и там, где бывал этот «карманник», поднималась шумиха с «потерей» вещей.

На улице Лунцзина этот «карманник» воровал и нарочно попался в руки полицейского. Потом, попав в тюрьму, он встретился там с Тун Чанжуном. В тюрьме он так изощренно «обработал» блюстителей порядка, что секретаря Особого окружного комитета сразу же выпустили на волю. Так он и получил возможность принять участие в совещании в Минюегоу.

В середине декабря 1931 года мы созвали в Минюегоу совещание партийных и комсомольских руководящих кадров. Для удобства мы называли его «зимним совещанием в Минюегоу».

На совещании присутствовали Чха Гван Су, Ли Гван, Чхэ Су Хан, Ким Иль Хван, Рян Сон Рён, О Бин, О Чжун Хва, О Чжун Сон, Ку Бон Ун, Ким Чхор, Ким Чжун Гвон, Ли Чхон Сан, Ким Иль Рён, Ким Чжон Рён, Хан Иль Гван, Ким Хэ Сан, всего более 40 молодых борцов, которые своей самоотверженной деятельностью снискали себе любовь и доверие масс.

В Минюегоу я в первый раз попробовал соленую зелень, что местные называли енчхэским *кимчхи*. Вечером того же дня, когда я прибыл в ущелье под Минюегоу, семья Ли Чхон Сана

угощала меня похлебкой из кукурузы с фасолью и этим енчхэским *кимчхи*. Очень вкусным было это блюдо из соленых овощей. Такое *кимчхи* мастерски приготавливают люди Кильчжу и Менчхона провинции Северный Хамген. Теперь это овощное блюдо входит в меню правительственного банкета.

В один из дней, когда проходило совещание. Ли Гван откуда-то достал пять фазанов. Ему было жаль, что делегаты совещания питаются одними кукурузной похлебкой и кашей из чумизы. И он, по-видимому, с активом комсомола пошел на охоту на фазанов.

«Нашлось хорошее мясо на *куксу!*» — так думал хозяин Ли Чхон Сан и вечером приготовил корейскую лапшу *куксу*. В Минюегоу редко бывал очищенный рис, зато была картофельная мука.

А тут Чха Гван Су, страшный любитель *куксу,* шумливо совался в дела и балагурил:

— Эй, Ли Гван, дяденька Ванцина! Скажи-ка, в чей рот попадет дичь — пять фазанов! Мало!..

Чха сильно страдал болезнью желудка и за столом почти не прикасался к каше. Но там, где много молодежи, любил выдавать себя за ненасытного обжору, смертельно голодающего.

— Слушай ты, барин из Гирина, ты же не справишься даже и с одной миской кукурузной похлебки. А мелешь — есть в три горла! Знаешь, Чха-шумливый, я нес на плече мешок с зерном, да еще этакую тяжесть — пять штук дичи. Устал до смерти' — ответил балагуру Ли Гван в шутку.

Чха Гван Су зашумел: мол, из пяти фазанов мало мяса, так что посадить делегатов в двух комнатах; в одной угощать *куксу с* фазаниной, а в другой — с курицей.

Но делегаты все — «против». Для *куксу* смешивали фазанину с куриным мясом. Мы сидели в одной комнате и дружно лакомились лапшой. Пак Хун, парень здорового аппетита, мгновенно справился с тремя порциями, за что заслужил прозвище «король *куксу*».

Чтобы провести совещание результативно, мы перед ним проводили в доме Ли Чхон Сана предварительное заседание, на котором обсудили повестку дня, вопрос о мандате участников и о порядке работы совещания.

После этого заседания совещание шло 10 дней. В фокусе обсуждения была проблема вооруженной борьбы, особенно вопрос; в какой форме вести ее. Только решив это, мы могли бы одновременно решить и другие проблемы, такие, как форма военной организации и форма опорной базы.

У нас не было государства. Значит, нечего было надеяться на сопротивление регулярных войск. Вместе с тем пока' еще не созрели условия, которые позволили бы всему народу немедленно подняться на вооруженное восстание. В такой обстановке меня, естественно, тянуло к партизанской войне.

Ленин определил партизанскую войну как вспомогательную форму борьбы, которая неизбежно применяется в случае, когда или массовое движение уже фактически достигло стадии восстания, или в гражданской войне наступает более или менее промежуточный период между крупными боями. Мне было очень жаль, что Ленин рассматривал партизанскую войну не как основную форму боевых действий, а как временную и вспомогательную форму борьбы. Ибо в то время я с большим интересом изучал и изучал изо дня в день не регулярную, а именно партизанскую войну.

Если мы берем партизанскую войну, проводимую посто-

янными революционными вооруженными силами, за основную форму нашей предстоящей вооруженной борьбы, то такая форма соответствует ли реальным условиям нашей страны или нет? — об этом вопросе я много думал и размышлял. В ходе такого поиска я изучал «Суньцзыские методы ведения боя»[18], еще раз читал «Историю троецарствия»[19]. Из военных книг Кореи я читал «Тонгукпенгам»[20] и «Пенхакчжинам»[21].

Иные люди говорили, что партизанская война берет свой исток с 400-х годов нашей эры. Но нам было неизвестно, конкретно в какой стране и как велась эта война.

Маркс и Энгельс с большим интересом изучали партизанские действия русско-французской войны 1812 года — практику крестьянских ополчений России. Рассказы о партизанском герое русско-французской войны Денисе Давыдове и о полководце Кутузове, умело командовавшем совместными операциями регулярных войск и партизанских отрядов, еще больше умножали мой интерес к партизанской войне.

История Имчжинской отечественной войны[22] многое подсказала мне в определении партизанской войны как основной формы борьбы. Я считал, что борьба Армии справедливости, увенчавшей эту войну победой, особо яркой страницей войдет в летопись партизанской войны. Меня совсем очаровали образцы мужества и разнообразия боевых действий, показанные известными предводителями Армии справедливости: Квак Чжэ У, Син Доль Соком, Ким Ын Со, Чон Мун Бу, монахом Сосан, Чвэ Ик Хеном, Рю Рин Соком и другими. Сам термин «партизанская война» овладел всем моим существом — ведь мы стояли в преддверии великой войны с вооруженными до зубов японскими империалистами.

Беда в том, что зафиксировано: партизанская война возмо-

жна лишь при наличии государственного тыла или поддержки регулярных войск. Эти условия, указанные классиками марксизма-ленинизма, вынуждали меня проходить сложный процесс поиска в выборе формы вооруженной борьбы. Возможна ли партизанская война в условиях Кореи, где нет ни обеспеченного государственного тыла, ни регулярных войск? На этот вопрос никто не мог дать ответа. Это оставалось для нас как бы «искомым числом» в математике. Вокруг этого вопроса у нас шли серьезные дискуссии.

Вокруг нас одно за другим происходили драматические события, стимулирующие революцию. Среди патриотических солдат старой Северо-Восточной армии, недовольных капитулянтством Чан Кайши и Чжан Сюэляна, непрерывно поднимались военные бунты. Ван Дэлинь, Тан Цзюйу, Ли Ду не следовали за Чжан Сюэляном. Все они, подняв мятежи, отделились от старой Северо-Восточной армии. Генерал Ма Чжаньшань тоже поднял военный бунт и, взяв в руки оружие, призвал к сопротивлению Японии. Эти люди стали главной опорой антияпонских отрядов, которые создались в различных районах Маньчжурии. Началось движение Армии спасения отечества.

События эти создали очень благоприятные условия для нас, стремившихся к вооруженной борьбе.

Я подчеркивал: в истории имеются формы вооруженной борьбы — регулярная и партизанская войны. Первая считалась главенствующей формой, вторая — вспомогательной. Нам придется из двух форм выбирать одну. Партизанская война, по моему личному мнению, кажется, более подходящая в условиях нашей страны. У нас в стране, где невозможна регулярная война, главенствующей формой борьбы должна быть партизанская война независимо от готовых «рецептов».

— Необыкновенно разнообразная партизанская война является основной формой вооруженной борьбы, которую нам следует выбрать. В условиях нашей страны, где нет собственного государства, невозможно сопротивляться японским империалистам путем регулярной войны. Нам предстоит, имея слабые в военно-техническом и количественном отношениях силы, бороться с сильными врагами — агрессивными войсками японского империализма. Поэтому важно вести необыкновенно разнообразную партизанскую войну. Кроме этого, другого выхода у нас быть не может. — Так я говорил людям.

У молодежи, которая видела только войска военщины Чжан Сюэляна, Армию независимости и японские войска, совсем не было представления о партизанской армии.

Я разъяснял различие между регулярной и партизанской армиями. Чтобы победить сильные японские захватнические войска, продолжал я, нужно провести непревзойденные совместные действия больших и малых отрядов, бои с налетами и из засады, политическую, подпольную и производственную деятельность, словом, охватить все звенья военного дела, политики и экономики, а для этого следует организовать партизанскую армию, которая могла бы вести войну, продолжая свободное рассредоточение и сосредоточение сил.

Выслушав меня, некоторые товарищи выразили сомнение: «Можно ли победить противника, взяв такую форму вооруженной борьбы? У нас нет государственного тыла, нет поддержки регулярных войск, к тому же мы действуем на территории чужой страны. Так, одними нерегулярными вооруженными силами, такими, как партизанская армия, можно ли победить многомиллионные полчища, оснащенные танками, пушками, самолетами, современными видами лучшего оружия?»

Сомневались они не без основания.

Да и я сам, честное слово, не раз взвешивал возможности на это. Не станем ли мы предметом насмешек, когда осмелимся с несколькими винтовками пойти на сопротивление такой военной державы, как Япония? Армия справедливости. Армия независимости, трехсоттысячные войска Чжан Сюэляна — все они не избежали перед могучими силами японских войск той участи, что тлеющий огонек коптилки перед ветром. Во что мы хотим верить, чтобы победить их? Есть ли у нас-государственная власть? Есть ли территория? Есть ли богатства?

— Мы — сыны народа, лишенного всего — и государственной власти, и территории, и природных богатств, — сказал я им. — Сейчас мы, молодежь, ничего не имеем, у нас одни только голые руки, да и живем мы на чужбине, как говорится, ютимся в соседней комнате чужого дома. Но мы без колебания бросили вызов японским империалистам. Во что мы верили? В народ! С такой верой и решили начать антияпонскую войну. Народ есть государство, народ—тыл, народ—регулярная армия! Разразится схватка — весь народ станет солдатом. Вот почему партизанская война, которую мы будем вести, можно сказать, война народная!

Так у нас много часов шли дискуссии. И, наконец, мы пришли к полному единству мнений по вопросу организации и развертывания вооруженной борьбы, основной формой которой является партизанская война.

Партизанская война — это такой метод вооруженной борьбы, который позволял бы при сохранении собственных сил нанести противнику большие политические и военные удары, небольшими силами уничтожить врага, превосходящего в количественном и техническом отношениях. Мы глубоко верили, что

сумеем окончательно победить противника, если организуем и развернем вооруженную борьбу путем партизанских боев при активной поддержке народных масс, используя благоприятные природно-географические условия.

Когда многие рассматривали партизанскую войну как вспомогательное средство регулярной войны, мы уточнили ее как основную форму борьбы, как боевой курс. Это была научно обоснованная и в то же время творческая мера, соответствующая нашим реальным условиям.

Когда кончилось обсуждение вопроса о развертывании организованной вооруженной борьбы с ее основой — партизанской войной, мы приступили к обсуждению мер для осуществления намеченного курса.

Первый вопрос на повестке дня — строительство революционных вооруженных сил. Во время этого обсуждения мы договорились: для начала в каждой местности создать небольшой партизанский отряд и вооружить его, а затем постепенно превращать его в крупные революционные вооруженные силы, на первом этапе — в батальон, а потом постепенно укрупнять его вплоть до Народно-революционной армии. Затем шли разговоры о приобретении оружия.

Обсуждение проблемы организации армии уступило место разговору об опорных базах. Где базироваться будущей антияпонской партизанской армии — в горах или в городах, или в сельских поселениях? Где создавать базы партизанских действий — в Корее или в Маньчжурии? Ведь все эти регионы были оккупированы японскими империалистами. По всем этим вопросам шел весьма серьезный обмен мнениями.

Любая армия должна иметь свой опорный пункт. Это простейшая вещь, понятная даже ученику начальной школы.

Наши вооруженные силы будут бороться без обеспеченного государственного тыла, без поддержки регулярных войск. Поэтому им нужны опорные базы, на которых бы после боев люди безопасно отдыхали, приводили в порядок боевые ряды, запасались оружием и боеприпасами, проводили военные обучения и лечили раненых. Только так мы могли бы вести партизанскую войну долгосрочно и неустанно. Поэтому при организации партизанской армии мы должны были одновременно создать собственными силами и опорные базы.

После оживленных дискуссий мы пришли к выводу: опорные партизанские базы создать в горных районах Цзяньдао, где имеются надежная массовая основа, определенные условия для материального обеспечения и благоприятные рельефные условия. В обширной Маньчжурии интенсивность вражеского правления была слабее, чем в Корее. И поэтому мы решили сейчас же базироваться в Цзяньдао, а потом, когда настанет подходящее время, выйти внутрь Кореи и обосноваться в дремучих лесах горы Пэкту и Ранримского горного хребта.

Опорные базы должны создаваться в основном в форме освобожденных районов, куда не доходил бы аппарат вражеского правления. Они непременно должны быть расположены в горных районах в бассейнах реки Туман, благоприятных как для проведения военных операций в Корее, так и для получения поддержки народа Родины. В притуманганских зонах было немало горных поселений, которые имеют хорошие условия материального обеспечения. Эти села неблагоприятны врагу для нападения и удобны нам для обороны.

Когда начали выбирать конкретные места для будущих опорных баз. Ли Гван, О Бин, Ким Иль Хван и многие другие товарищи наперебой высказывали немало хороших мнений. По

их предложениям было решено создать опорные базы в труднодоступных районах с природными крепостями, в таких, как Юйланцунь, Нюфудун, Ванъюйгоу, Хайланьгоу, Шижэньгоу, Саньдаовань, Сяованцин, Гаяхэ, Яоингоу, Дахуангоу, Яньтунлацзы. Здесь были сосредоточены революционные массы, которые переселились сюда во избежание карательных операций японских войск после борьбы за «осенний урожай». Здесь уже было создано Красное ополчение, которое охраняло революционные организации и жителей.

Чем глубже и подробнее стало обсуждение проблем, тем больше выдвигалось сложных практических вопросов, связанных с долгосрочной работой и сохранением опорных баз. Так, были поставлены вопросы: как организовать сельскохозяйственное производство и другую хозяйственную деятельность, как создать мастерские по ремонту оружия и больницы, кому поручить задание вести работу по актам гражданского состояния и т. д.

На совещании мы обсудили и другие вопросы: о закладке в массах основы для вооруженной борьбы, о сформировании совместного антияпонского фронта народов Кореи и Китая, об активизации организационно-партийной и комсомольской работы.

Все эти важные вопросы непременно должны быть решены для развертывания вооруженной борьбы с ее основой — партизанской войной. На совещании все вопросы были сформулированы как руководящие установки.

Да, это было действительно гигантским, серьезным творческим делом. История партизанской войны любой страны, любого периода не дала нам такого образца, который применялся бы, как он есть, на практике революции в нашей стране. И нам

пришлось мыслить обо всем своим умом и создавать опорную базу собственными силами. Это было неизбежной, я бы сказал, роковой задачей корейских коммунистов, которые были вынуждены вести партизанскую войну в беспрецедентных в истории трудных условиях, когда не было обеспеченного государственного тыла и поддержки регулярных войск.

Если мы при решении этой задачи догматически подражали бы чужому опыту, — кстати, в других странах партизанские бои предполагали поддержку со стороны регулярных войск и совместные действия с ними, — то мы не избежали бы непоправимых серьезных поражений.

В каком-то году, точно не помню, приехал к нам из Латинской Америки один руководитель движения сопротивления и попросил меня рассказать ему об опыте партизанской войны.

Ознакомив собеседника с некоторыми аспектами практики антияпонской войны, я отметил:

— В партизанской войне универсальных формул быть не может. Это гигантская творческая борьба, которая требует полного выявления творческого ума человека. Наш опыт, пожалуй, мог бы послужить для вас определенной подмогой, но вам нельзя абсолютизировать и механически копировать его. Каждая страна имеет присущие ей условия. Так что и вам рекомендую создать и практиковать свои методы и формы борьбы, которые соответствовали бы условиям вашей страны. Вот в чем секрет победы.

Выслушав меня, он о чем-то долго размышлял и сказал:

— В моей стране много горных районов, но мы до сих пор не учли этих особенностей, опирались на партизанские действия в городах. Оттого, думается, у нас и мало было успехов, зато

потерь было много. Впредь учтем реальные условия и проведем движение сопротивления главным образом путем партизанских боев в горных деревнях.

Обсуждение на совещании кончилось. Все мы договорились по возвращении с совещания немедленно организовать в своих районах партизанские отряды. На пороге — рождение нашей армии, наших вооруженных сил.

Как жаждали этого молодые люди, ударяя себя в грудь кулаками, когда погибали родные и товарищи в кровавых репрессиях и карательных операциях японских империалистических агрессоров! Теперь создание родной армии стало делом недалекого будущего, делом завтрашнего дня. Молодые участники совещания все встали и во весь голос пели «Гимн революции» и «Интернационал». Торжественно и громко звучала мелодия — это было присягой перед любимой Отчизной и революцией.

На совещании в Минюегоу присутствовали Тун Чанжун и несколько других коммунистов Китая. Это они были дальновидные революционеры, которые, исходя из особенностей Восточной Маньчжурии, где абсолютное большинство населения составляли корейские коммунисты, переселенцы из Кореи, с самого начала придали большое значение дружбе между народами обеих стран и сотрудничеству корейских и китайских коммунистов в этом регионе.

Тун Чанжун не раз просил, чтобы выступали с важными речами корейские товарищи, которые, по его выражению, долгое время боролись в Восточной Маньчжурии и уже накопили немало опыта.

Я произнес агитационную речь на китайском и корейском языках поочередно. Говорил о нашем замысле насчет организа-

ции вооруженных отрядов и вооруженной борьбы, касаясь в основном обсужденных на совещании проблем.

Наши планы полностью одобрили и китайские товарищи. Они сошлись с нами во мнениях по всем вопросам: и о форме партизанской войны, и об организации партизанской армии, и об опорных партизанских базах.

С той поры гроза вооруженной борьбы народов Кореи и Китая, борцов против общего врага — японских империалистов, начала сотрясать весь материк. В кровопролитных боях начали пускать свои корни великие традиции корейско-китайской дружбы.

Минюегоуское совещание зимой 1931 года положило начало антияпонской вооруженной борьбе. Это историческое совещание вызвало новый поворот в антияпонском национально-освободительном и коммунистическом движении в нашей стране. На совещании получила дальнейшее углубление и развитие линия на проведение вооруженной борьбы, намеченная на Калуньском совещании. Если в Калуне была подтверждена воля корейской нации перевести антияпонское национально-освободительное движение на его высшую фазу — вооруженную борьбу, то в Минюегоу еще раз подтвердилась эта решимость и официально объявлена война за разгром японских империалистов под лозунгами «Оружием — на оружие! Революционным насилием — на контрреволюционное!» Именно на этом совещании были разработаны главные тактико-стратегические принципы, определившие направления партизанской войны, и на этой основе был создан весь арсенал необычайно разнообразных методов и приемов вооруженной борьбы.

После совещания я и Тун Чанжун, сидя под Белой скалой, говорили о многом. Тогда, помнится, я услышал от него о Ким

Ри Габе и его невесте Чон Ген Сук, о том, что Ким заточен в Даляньскую тюрьму и что она заботится о нем, томящемся в тюрьме, и, причислившись к коллективу текстильной фабрики, проводит комсомольскую работу.

Тун Чанжун сказал, что по составу жителей и партийцев Восточной Маньчжурии их большинство занимают корейские товарищи, что он желает, чтобы я, представляя их, хорошенько помогал ему.

— Главная сила в революционной борьбе в Восточной Маньчжурии — корейцы. Партизанская война может победить лишь при опоре на жителей из корейской нации. Сколько бы японцы ни сеяли рознь, но коммунисты обеих стран, думаю, смогут предотвратить национальные предрассудки. Впредь Особый комитет будет уделять пристальное внимание работе с корейскими товарищами. Прошу вас оказать нам в этом большую помощь. Я верю вам, товарищ Ким Ир Сен!

Я тепло принял его просьбу.

— О сплоченности двух наций прошу не беспокоиться. И мы этому делу уделяем особое внимание. Временное недоверие между народами Кореи и Китая будет рассеяно выстрелами партизанской войны!

И мы, улыбаясь, крепко пожали руки друг другу,

После этого я и Тун Чанжун часто вспоминали тот незабываемый день.

И каждый раз, когда я посещал Китай, премьер Чжоу Эньлай в своих речах на приемах и на переговорах не раз отмечал, что в начале 30-х годов создание Антияпонской партизанской армии и совместная борьба вооруженных сил Кореи и Китая против японских империалистов подняли корейско-китайскую дружбу на высокую ступень развития. О глубоких

корнях традиций этой дружбы он высказывал много трогательных слов.

Тогда я обрисовывал в памяти то место совещания в Минюегоу, где воцарилась такая теплота ко рейско -китайской дружбы. Тогда я с волнением вспоминал о тех близких нам китайских товарищах, которые с нами прошли под градом пуль сквозь пушечный дым, — Вэй Чжэнмине, Тун Чанжуне, Чэнь Ханьчжане, Ван Дэтае, Чжан Вэйхуа, Ян Цзинюе, Чжоу Баочжуне, Ху Цзэмине и многих других.

Чувства дружбы тоже исходят из человеческих сердец, и потому они становятся прочными, когда складываются через конкретные человеческие отношения. Такие теплые чувства, думаю, не остынут и через десятки, сотни лет.

4. Подготовка к кровопролитной борьбе

На совещании в Минюегоу было решено развернуть организованную вооруженную борьбу. Его участники выразили надежду на то, чтобы я взял на себя передовую, авангардную роль в этом деле.

—Ким Ир Сен, задай-ка тон первым! Во всяком деле нужен образец, нужен и пример!

С этими словами товарищи попрощались со мной.

Я оставался в Минюегоу, пока не уехали все участвовавшие в совещании. Простившись с Тун Чанжуном, я уехал в Аньту. Чтобы развернуть партизанскую войну, нужен был, судя по всему, именно такой край, как Аньту.

Как обсуждалось и на декабрьском совещании в Минюегоу, первоочередным делом, выдвигавшимся в создании вооруженных отрядов, мы считали работу с отрядами Армии спасения отечества — этих антияпонских вооруженных сил Китая, организованных в различных районах Маньчжурии после события 18 сентября. Мы решили расквартировать основные силы своей организации в Аньту и Вакцине. Аньту и Ванцин были центрами скопления отрядов Армии спасения отечества.

Я возвратился в Синлунцунь. Здесь я некоторое время оставался с семьей в доме Ма Чхун Ука, потом переселился в. Камышовый поселок Туцидяня в Сяошахэ и приступил к активной подготовке к созданию Антияпонской народной партизан-

ской армии. В Сяошахэ жили организованные массы. Там обстановка была намного благоприятнее, чем в Синлунцуне. В этой деревне, куда пустила свои крепкие корни наша подпольная организация, не могли свободно действовать сыщики, не шушукались прислужники, и войска и полиция почти не совершали карательные экспедиции в Сяошахэ.

Наша борьба за создание АНПА с первого шага наталкивалась на трудности и преграды. Перед нами стояли вопросы о личном составе армии, об оружии, о военном обучении, о продовольствии, о базе в массах, об отношениях с Армией спасения отечества и множество других трудных военно-политических проблем, решение которых не терпело отлагательства.

В подготовке вооруженных отрядов мы считали вопросы о ее личном составе и об оружии самыми важными, двумя необходимыми элементами. Однако нам их было недостаточно.

Под людьми, о которых мы здесь говорим, подразумеваются хорошо подготовленные в военно-политическом отношении кадры. Мы нуждались в таких юношах, которые толком знали бы политику и военное дело и были готовы с оружием в руках бороться за Родину и народ в течение длительного периода.

За полтора года мы потеряли почти весь актив КРА. Ким Хек, Ким Хен Гвон, ЧвэХёИр, Кон Ен, ЛиЧжэУ, ПакЧхаСоки другие ведущие лица из революционной армии за один год либо погибли, либо заточены в тюрьму. А в январе 1931 года и Ли Чжон Рак, действовавший командиром роты, — он отправлялся с брошюрой о КРА на приобретение оружия, — был арестован полицией японского консульства вместе с Ким Гван Ером, Чан Со Боном, Пак Бен Хва. Забрали в тюрьму и Ким Ри Габа, сведущего в военном деле, а Пэк Син Хан был убит в бою. От Чвэ

Чхан Гора и Ким Вон У— неизвестно, что случилось с ними—ни слуху ни духу.

Бойцов, имевших военный опыт из уцелевших сил революционной армии, было так мало, что их можно было пересчитать по пальцам, но и их приходилось направлять на массово-политическую работу, и нельзя было включать их в вооруженные отряды. Когда я был занят хлопотами в Аньту, чтобы создать партизанский отряд, из КРА рядом со мной был только Чха Гван Су.

Другое дело могло бы быть у тех, в чьих руках государственная власть. Они, пустив в ход такие законы, как приказ о мобилизации или система воинской повинности, легко могли бы обеспечить себе необходимый воинский контингент. Но нам нельзя было мобилизовывать людей таким путем. Ни юридический механизм, ни физическая сила не способны мобилизовать массы на революцию. Одно время Шанхайское временное правительство в свою конституцию включило статью о том, что все население страны несет налоговую и воинскую повинность, но народ даже не знал, был ли такой закон. Нет ни тени сомнения в том, что не вступят в силу ни законы, ни директивы эмигрантского правительства, которое, лишившись государственной власти, осуществляло ее лишь в одном уголке сеттльмента чужой страны.

В национально-освободительной революции в колониях такими юридическими средствами, как приказ о мобилизации и система воинской повинности, нельзя заставить людей носить оружие. В этой революции призывы возглавляющего ее вождя и пионеров заменяют законы, морально-политическая сознательность каждого человека и его боевая страсть решают вступление его в армию. Не по чьей-либо воле или указке, а сами массы берут

ружье в свои руки, чтобы добиться своего освобождения. Таков существенный инстинкт народных масс, которые считают самостоятельность важнейшим фактором своего существования и ради нее готовы отдать и свою жизнь.

Руководствуясь таким принципом, мы начали в Аньту и его окрестностях разыскивать людей, готовых вступить в партизанские отряды. В таких полувоенных организациях, как Красное ополчение. Детский авангард. Рабочая дружина, Местный ударный отряд, было много бравых юношей, которые желали вступить в армию. В бурях выступлений за «осенний урожай» и борьбы периода весеннего голода быстро расширились полувоенные организации, и в водовороте этих бурь неузнаваемо выросли и юноши.

Но, ссылаясь на стремление масс вступить в армию, нельзя было принимать всех как попало в партизанские отряды, независимо от их подготовленности. Люди среднего и молодого возраста в Восточной Маньчжурии были недостаточно подготовлены в военном отношении. Для обеспечения личного состава партизанских отрядов необходимо было усиливать военно-политическую подготовку молодежи в таких полувоенных организациях, как Красное ополчение и Детский авангард.

Но рядом со мной не было ни одного человека, который взял бы на себя ответственность за военное обучение. Мне одному было не под силу военизировать всю молодежь района Аньту. Хоть и я отчасти нюхнул военного учения в училище «Хвасоньисук», но и для меня были почти темным лесом такие вопросы военной практики, как маневрирование партизанской армии — войск нового типа. Чха Гван Су, человек, недавно расставшийся со школьной скамьей, знал военное дело хуже меня. Забрали в тюрьму и Ли Чжон Рака, теперь совсем уж не на кого было на-

деяться. Будь у нас еще бы хоть один такой, как Ли Чжон Рак, я поручил бы ему военное дело, а сам мог бы целиком все свое время отдать политической работе. Но сделать так было невозможно, и это очень огорчало меня.

Каждый раз, когда передо мной вставали трудные проблемы, я остро чувствовал нехватку товарищей.

Когда мы переживали такие трудности, к нам пришла подающая надежду личность — человек по имени Пак Хун, окончивший офицерскую школу Вампу. Начальником этой школы был Чан Кайши, а начальником политотдела — Чжоу Эньлай. В этой школе было много корейцев. В восстании в Гуанчжоу, которое китайцы называют «трехдневным советом», главенствующую роль играли именно курсанты этой офицерской школы.

Пак Хун и ан Бун участвовали в восстании в Гуанчжоу, а когда оно потерпело поражение, они убежали оттуда в Маньчжурию. Пак Хун был человек крепкого телосложения, а его манера говорить и вести себя как по-военному была свободной и широкой. Он больше говорил на китайском языке, чем на корейском, ходил чаще в китайской одежде, чем в корейской. Вот он и был моим «военным советником».

Вследствие измены Чан Кайши делу революции (событие 12 апреля) было разорвано сотрудничество Гоминьдана с компартией и потерпела поражение первая гражданская революционная война. Избегая чанкайшистского террора, из южной части Китая в Маньчжурию собрались Ян Рим, Чвэ Ён Гон, О Сон Рюн (Чон Гван), Чан Чжи Рак, Пак Хун и другие многие лица, которые участвовали в китайской революции, окончив такие военные училища, как офицерская школа Вампу, Гуандунское и Юньнаньское военные училища.

Откровенно говоря, я тогда возлагал на Пак Хуна большую надежду, ведь он из офицерской школы Вампу.

Пак Хун владел особым искусством стрельбы из пистолета. Он, взяв в обе руки по пистолету, стрелял из обоих сразу в бою. Мастерство его стрельбы было действительно поразительным. Он стрелял так метко, что лучше и черт бы не сумел.

Другое его отличительное мастерство — это умение давать команду. Пак Хун был военным инструктором с поразительным голосом: без микрофона обычным голосом он мог бы легко приводить в движение колонны в десять или даже в двадцать тысяч человек. Когда он кричал на поляне у поселка Туцидянь, то его слышал весь поселок.

Все юноши Аньту были потрясены его командами и смотрели на него очарованными глазами.

— Такой зычный голосище, может, услышит и сам японский император в своем логовище в Токио. Откуда такая звезда свалилась к нам? —с восхищением говорил Чха Гван Су, видя, как Пак Хун руководит военной подготовкой членов Красного ополчения.

И самым привязанным к Пак Хуну был именно Чха Гван Су. Эти двое чаще спорили по теоретическим вопросам, но в то же время были исключительно близкими.

Пак Хун действительно отлично руководил военной подготовкой в Аньту, поэтому организованный нами отряд позже, когда останавливался в Ванцине, получил репутацию «студенческого отряда». Партизаны нашего отряда за весь период антияпонской войны пользовались уважением как люди, отличающиеся своей порядочностью, высокой дисциплинированностью, вежливостью в обращении, опрятностью одежды.

И Ян Цзинюй не скрывал чувства своей зависти, восхищаясь порядочностью, энергичностью и культурностью нашей революционной армии. Каждый раз в таких случаях я вспоминал о Пак Хуне, о его голосе, раздававшемся на поляне у поселка Тупидянь.

Следующей отличительной чертой в его качествах как военного инструктора была строгая требовательность к бойцам. Неоспоримый факт — благодаря его необыкновенной требовательности новобранцы быстро, за короткий срок, освоили военное дело.

Однако Пак Хун порою и взыскивал с них. Если из новобранцев кто-либо не выполнит требований строевой подготовки или нарушит дисциплину, то Пак Хун этого никому не простит, пронзая его испепеляющим взглядом и осыпая крепкими словами, то и ногою его пиная, а порою и налагал взыскания. Сколько я ни говорил ему, что в рядах революционной армии такое телесное наказание запрещается, ему в моих словах не слышалось что-то обязательное, и никакого толку от них не было.

Однажды после окончания военного обучения я возвращался домой вместе с Пак Хуном, который шипел, охрипнув за целый день от такой нелегкой работы.

— Пак Хун, от тебя что-то очень уж пахнет духом военщины. Откуда ты научился такому стилю? — спросил я.

Он смотрел на меня, улыбаясь в ответ на слова «дух военщины».

—Нас обучал очень строгий и грозный военный инструктор. Не знаю, видимо, это наследие от того немца- Но что там ни говори, а чтобы быть порядочным воином, надо побольше нюхать хлыста.

Следы военного обучения немецкого образца обнаружива-

лись у Пак Хуна в различных формах. В его теоретических лекциях самое большое место занимали рассказы о войсках Пруссии. Вместе с тем он не раз рассказывал о мужестве английских войск, о быстрой маневренности французских воинов, о точности воинов немецких, об упорстве воинов России. Каждый раз, когда он останавливался на этом, мы призывали новобранцев стать воинами-универсалами, овладевшими совокупностью всех этих качеств.

Большинство учений по военной подготовке, проводимых им, не соответствовало особенностям партизанской войны, к чему мы стремились. Объяснив, что такое наполеоновская колонна и английская линейная тактика. Пак Хун всячески старался построить такой строй из новобранцев, которых было не больше 20 человек.

Ознакомившись с ходом военного обучения, я во время перерыва сказал ему вполголоса:

— Пак Хун! Вот насчет построения английского линейного строя, которому ты только что обучал бойцов, нельзя ли обойтись на таком занятии одним кратким объяснением? Другое дело, если мы здесь проведем такую войну, как битва под Ватерлоо. Нам же предстоит вести в горах партизанскую войну с противником, вооруженным пушками и пулеметами. К чему это нужно — обучать партизан методам ведения боев старого времени?

— Но что ни говори, а надо иметь такого рода военные знания, чтобы вести войну.

— Разумеется, важное значение имеют и общеобразовательные военные знания, которые в ходу в других странах, но для нас надо подобрать из них актуально необходимое и обучать этому. Не думай целиком обучать тому, чему научился в военном училище!

Тогда я говорил ему это, чтобы он поостерегался догмы в военном обучении.

Однажды я, предоставив в его распоряжение более десятка бойцов Красного ополчения, велел ему обучать их технике стрельбы. А он, поставив на поляне кол, целый день повторял лишь одни и те же слова: при появлении противника стрелять в нижнюю часть от середины.

Я вынужден был обратиться к нему с замечанием:

— Нельзя так вести военное обучение. Надо отложить на задний план то, что не отвечает нашей действительности, а на первом плане должно стоять до зарезу необходимое для партизанской войны, в частности, обучение знаниям о битвах в горных условиях. Давай смело перестроим не отвечающие нашим требованиям методы, создадим сами своим умом новые методы ведения боев, которых нет в наставлении.

Пак Хун всерьез относился к моим словам.

С этого времени мы проводили военное обучение, делая главный упор на необходимое для партизанской войны. Не говоря уж об элементарной строевой подготовке и курсе обращения с оружием, мы обучали методам маскировки, сигнализации, обращению с копьем, методам разведки расположения противника, ходьбе по горам, обращению с дубинкой, методам захвата оружия, различия между врагом и своими в ночных условиях боя. Таким образом обучали актуально необходимым нам военным знаниям.

Вначале Пак Хун обучал бойцов, как говорится, наобум, что и как взбредет ему в голову, а потом он стал составлять учебный план и планомерно вести занятия.

Позже, вспоминая о случаях тех дней. Пак Хун честно признался: «Военное дело, которому я обучался в офицерской

школе Вампу, все принадлежало пяти военным державам мира. Это были всеобъемлющие, комплексные военные знания, в которых систематизированы военные приемы Востока и Запада, старого и настоящего времени. Я гордился тем, что обучался таким знаниям в известной офицерской школе Вампу, которую можно назвать храмом военного образования современного Китая. Считал, что если я буду распространять их в Восточной Маньчжурии, все будут мне аплодировать. Но я ошибся. Меня встречали не аплодисменты, а холодная реакция. Молодые люди принимали мои лекции как знания, на которые плюнуть да растереть, не принимали их как насущное, актуально необходимое. Я твердо убедился, что то военное дело, которое я усвоил за прошедшие несколько лет, хотя и является мировым, но эти знания не полноценные, не особенно пригодные для партизанской войны. Я стал разочаровываться в себе за то, что считал это военное дело абсолютным, из ряда вон выходящим всесильным кодексом. Всем сердцем убедился я в необходимости создать новую военную теорию, отвечающую требованиям партизанской войны. С того времени я, избавившись от догмы, обратился к образу мышления своего образца, отвечающему делу корейской революции...»

Из «инструкторов по военной подготовке» в районе Аньту, кроме Пак Хуна, отличительной личностью был Ким Иль Рён. Он был не таким сведущим, как Пак Хун, в знаниях о современной войне, но упорно воспитывал бойцов на основе боевого опыта, приобретенного им в Армии независимости.

В ходе усиления военного обучения в таких полувоенных организациях, как Красное ополчение. Детский авангард, Детская экспедиция, и в ходе расширения их рядов вокруг нас объединились десятки верных юношей, проверенных в военно-

политическом отношении. Мы призвали собраться в Аньту товарищей, работавших в разных уездах бассейна реки Туман, и подобранных нами юношей, закаленных и проверенных в выступлениях за «осенний урожай» и в борьбе периода весеннего голода. К нам приехали многочисленные юноши из Аньту, Дуньхуа и других различных районов Восточной Маньчжурии.

Из этих юношей мы выбрали 18 активистов, в том числе Чха Гван Су, Ким Иль Рёна, Пак Хуна, Ким Чхора (Ким Чхор Хи), Ли Ен Бэ, и первым делом организовали из них небольшой партизанский отряд. Одновременно с этим было отдано распоряжение создать аналогичный вооруженный отряд в Яньцзи, Ванцине, Хэлуне, Хуньчуне. Таким образом в уездах создавались один за другим вооруженные отряды, в каждом из которых состояло по 10 — 20 человек. Организовать вооруженный отряд из небольшого количества людей и, действуя потихоньку, приобретать оружие и, накапливая опыт, расширять свои ряды, а когда назреют условия, создавать крупный вооруженный отряда каждом уезде — таков был курс, который был обсужден и принят на совещании в Минюегоу.

Процесс создания небольших партизанских отрядов сопровождался кровопролитной борьбой за приобретение оружия. Из ряда трудностей, которые мы терпели, не было более тяжелой, чем добыча оружия.

Империалистические агрессивные войска Японии непрерывно наращивали боевую мощь трех своих родов современным оружием и техникой, выпускаемыми серийным методом на предприятиях военной промышленности в самой Японии. А у нас не было ни обеспеченного тыла государства, предоставляющего нам оружие, ни денег, на которые мы могли бы купить хоть одну винтовку. Мы нуждались не в пушках, не в танках, нам

достаточно было бы иметь сейчас хотя бы такое легкое оружие, как винтовка, пистолет, граната. Если бы внутри страны у нас имелся оружейный завод, мы могли бы добывать его, воспользовавшись помощью рабочего класса, но у нас в стране не было такого завода. К несчастью, нам нисколько не удалось воспользеваться помощью промышленности своей страны, вооружая себя.

Поэтому у нас не было иного пути, кроме как провозгласить решительный лозунг; «Вооружай себя, отняв оружие у врага!»

Вернувшись в Аньту, я выкопал из-под земли два пистолета, оставленные отцом у матери.

Подняв эти два пистолета, я обратился к товарищам:

— Видите это наследие, оставленное мне моим отцом. Мой отец не принадлежал ни к Армии справедливости, ни к Армии независимости, но до последней минуты своей жизни он носил их с собой. Почему? Он понимал — только вооруженная борьба, эта высшая форма борьбы, принесет стране независимость. Отсюда и беззаветное стремление моего отца — развернуть вооруженную борьбу. Когда передавали мне эти два пистолета, я твердо решил: непременно осуществить стремление отца. Теперь вот пробил час! С помощью этих двух пистолетов начнем наш поход—борьбу за независимость страны. Да, пока у нас только два пистолета. Но представьте себе тот день, когда от этих двух пистолетов пойдет наращивание нашей силы, когда у нас будет и 200, и 2000, и 20 000 единиц оружия! Если у нас будет иметься на вооружении 2000 единиц оружия, мы вполне сможем освободить страну! Основа основ у нас есть, пустим ее в оборот — и доведем наше вооружение до 2000 и 20 000 единиц!..

Дальше я говорить не смог. Я чувствовал, как к горул

подступает горячий комок при мысли об отце, который ушел так рано из жизни, так и не добившись своей цели.

Когда вопрос о добыче оружия стал злобою дня. Пак Хун спросил меня:

— Где же те десятки ружей, которые, как говорят, какой-то сын богача пожертвовал тебе в Фусуне?

Какой-то сын богача, о котором он упомянул, это и был Чжан Вэйхуа. Когда мы были в Уцзяцзы, он пришел к нам, взяв с собою 40 ружей у своей дружины. Тогда мы роздали все эти ружья бойцам КРА.

Узнав об этом. Пак Хун очень сожалел и говорил: выход — в деньгах. Он предлагал обойти все революционные деревни» созданные нами, обращаясь к крестьянам с призывом пожертвовать деньги.

Мы его предложению не последовали. Другое дело, если бы обращаться с такой просьбою к богачам, но вытрясать карманы у бедных рабочих и крестьян и покупать на эти деньги оружие — это было бы делом неприличным. Может быть, это намного легче —собирать деньги, чем, рискуя жизнью, отнимать оружие у врага.

Но мы выбрали путь не легкий, а трудный. Я тоже не отрицал как метод покупать оружие за деньги, но не очень поощрял его.

Протягивать руку к населению за деньгами — это метод Армии независимости, а не наш. Если даже деньги и будут собраны, и то откуда же тут быть большому капиталу? Это лишь какие-то крохи.

Как-то раз Чвэ Хен купил у Лесного отряда пулемет за 1500 *вон.* Если подсчитать по рыночным ценам того времени, когда

один вол стоил 50 *вон,* то получится, что за один пулемет нам приходится продавать 30 волов. Нам нельзя было не думать об этих цифрах.

После неоднократного обсуждения мы отправились в сторону горы Нэдо, где откопали несколько ружей, закопанных бойцами Армии независимости. И в других уездах, как бы соревнуясь, собирали ружья, которыми пользовались бойцы Армии независимости.

Войска Армии независимости, возглавляемые Хон Бом До, после битвы под Циншаньли, закопав в окрестности Даканьцзы большое количество ружей и патронов, отступали в сторону советско-маньчжурской границы.

Японский гарнизон, пронюхав это через сыщиков, мобилизовал десятки грузовиков и увез массу ружей и патронов. После совещания в Минюегоу товарищи из Ванцина направили своих людей в Даканьцзы. Они собрали примерно 50 тысяч патронов на том же месте, где выкопали ружья солдаты японского гарнизона.

Когда в наших руках оказалось несколько ружей, мы с этими ружьями приступили к непосредственным боевым действиям, чтобы отнять оружие у врага.

Первым объектом нашего налета был выбран дом помещика Шуан Бинцзуня. В его распоряжении была охранная дружина примерно в 40 человек. Ее начальником был тот самый Ли До Сон, который позже слыл пресловутым командиром отряда «Синсондэ» и был разгромлен партизанским отрядом Чвэ Хена.

Казармы дружины находились внутри и вне земляной ограды дома помещика.

Мы заранее провели разведку и на этой основе организовали штурмовую группу из бойцов мелкого партизанского отря-

да и Красного ополчения, совершили внезапный налет на дом этого помещика, расположенный в главном населенном пункте деревни Сяошахэ, и отняли у него более десятка ружей.

Борьба за приобретение оружия активно развертывалась в порядке массового движения во всех районах бассейна реки Туман.

Революционно настроенные массы — все от мала до велика, мужчины и женщины под лозунгом «Оружие — наша жизнь! Оружием — на оружие!» поднимались во главе с бойцами мелких партизанских отрядов, Красного ополчения, членами Детского авангарда. Местного ударного отряда на решительную борьбу за захват оружия у агрессивных войск империалистической Японии, японской и маньчжурской полиции, прояпонски настроенных помещиков и реакционных чиновников.

Именно в это время в ходу были слова: «Яоцян буяомин!» Это в переводе означает: нужно только ружье, а жизнь ваша не нужна. Ворвавшись в таможню, или в отряд охранной дружины, или в ведомство общественной безопасности, или в дом помещика, вытащив ружье, крикнешь только «Яоцян буяомин!» — и трусливые мелкие чинуши, реакционные помещики и полицейские, дрожа от страха, отдавали все имевшиеся у них ружья.

Выражение «Яоцян буяомин!» находило широкое распространение как модные слова на всех участках Восточной Маньчжурии, где действовали революционные организации.

Отец товарища О Чжун Хва (О Тхэ Хи) и его дядя, вытащив пугачи, изготовленные из ножек обеденного стола, угрожали ими полицейским и охранникам со словами «Яоцян буяомин!», отнимали у них ружья и отправляли их Красному ополчению. Эти слухи доходили и до Аньту. Мы восхищались их находчивостью и дерзостью.

Позже я встретился с О Тхэ Хи в Ванцине и спросил его:

— Как вас осенила такая остроумная идея?

А старик, улыбаясь, ответил:

— Ночью и ножка обеденного стола выглядит пистолетом. У нас же ни пистолета, ни гранаты! Как говорится в поговорке, захочешь пить, выроешь колодец. Вот я и вытащил столовую ножку. Когда человек зайдет в тупик, найдет такой выход...

Старик был прав. Действительно, мы тогда, находясь в положении человека, которому захочется пить и который выроет колодец, отдавали себя безотчетно мужественной борьбе за захват оружия. Это была трудная борьба, которая требовала максимума творческой активности и ума.

Революционеры и революционно настроенные массы Восточной Маньчжурии отнимали оружие у врага, маскируясь то жандармами, то воинами Армии спасения отечества, то чиновниками японского консульства, то крупными богачами, то коммерсантами, ловко приспосабливаясь к различным обстоятельствам. В иных краях женщины, ударив валиком или дубинкой по голове солдата или полицейского, тоже отнимали у них оружие.

Борьба за приобретение оружия была прологом к началу всенародного сопротивления, предварительной его репетицией. На эту борьбу были мобилизованы все революционные организации, поднимался весь народ. Час пробил! Революция требовала оружия, и массы, не колеблясь, поднимались на борьбу за его добычу. В ходе этого они пробуждались. И они осознали величие своей силы.

Повсюду и везде наш лозунг: «Сам добывай себе оружие!», проявлял большую жизненную силу.

Разумеется, в ходе этой борьбы мы теряли многих товарищей по революции. Каждое ружье, добытое нами в то время,

было обагрено их святой кровью, оно говорило об их пламенном патриотизме.

Одновременно с этим под лозунгом опоры на собственные силы мы вели борьбу за самостоятельное изготовление оружия.

Вначале мы ковали железо в кузницах и изготовляли из него ножи, копья и клинки. А затем научились изготовлять пистолеты и ручные гранаты.

Из таких самодельных пистолетов самым искусным, годным для пользования, был «пистолет с пичжике», изготовленный членами наньцюйской организации АСМ в уезде Ванцин. Жители провинции Северный Хамген называли спички, как по-русски, «пичжике». Порох для патрона делали из всюду зажигающихся спичек и сыпали его в патронник, отсюда и его название: «пистолет с пичжике».

И ствол они делали из жести.

Если взять, к примеру, самые известные из оружейных мастерских в Восточной Маньчжурии, то это оружейная мастерская в пещере Сурипави Шэньсяньдэ, находившаяся в Цзиньгу уезда Хэлун, Наньцюйская оружейная мастерская в уезде Ванцин, Чжуцзядунская мастерская в поселке Наньянцунь, что в Иланьгоу уезда Яньцзи.

В оружейной мастерской в пещере Сурипави изготовляли даже бомбу из пороха, добываемого через революционную организацию рудника Бадаогоу в уезде Яньцзи.

Первую бомбу называли «звуковой бомбой». Она отличалась только оглушительным взрывом, но почти не обладала убойной силой. С учетом этого недостатка выходила «бомба с перцем». Ее эффект был лучше, чем у первой, но и она отравляла только одним запахом, почти не обладая убойной силой.

Хэлунские товарищи изготовили бомбу не с перцем, а с

железными осколками. Она обладала высокой убойной силой. Она и есть известная «енгирская бомба». После появления ее на свет мы вызвали Пак Ен Суна из Хэлуна и организовали двухдневные семинары в Дафанцзы в Сяованцине с целью распространять технику изготовления самодельной гранаты в различные районы Восточной Маньчжурии. В семинарских занятиях участвовали работники оружейных мастерских и командиры партизанских отрядов, приехавшие из разных уездов Цзяньдао.

В первый день семинара я читал лекцию о методе изготовления пороха. В то время партизанские оружейные мастерские доставали порох втайне из рудника. Но это всегда сопровождало большую опасность, ибо враги вели строгий контроль над порохом. Мы в населенных пунктах легко добывали сырье для пороха, и нам удалось изготавливать из него порох. На семинарах обучали этому секрету, чтобы распространяли его в различные районы.

Пак Ен Сун рассказывал о методе изготовления гранаты и правилах ее эксплуатации, о методе ее хранения и обращения с ней. Все участники семинара восхищались, услышав о том, как изготовляли гранату в Хэлуне с духом опоры на собственные силы. Пак Ен Сун и Сон Вон Гым, заведовавшие оружейной мастерской в пещере Сурипави, были очень талантливыми товарищами. Позже эта оружейная мастерская играла большую роль в антияпонской войне как надежная оружейная база, как ремонтная мастерская Корейской Народно-революционной армии.

Если кто-либо из писателей соберет эпизоды о беспримерной самоотверженности и дерзости, об умении приспосабливаться к изменявшимся обстоятельствам, о необыкновенной творче-

ской активности нашего народа в борьбе за приобретение оружия и воссоздаст их в художественных образах, то это стало бы действительно огромной эпопеей. Народные массы, тысячелетиями и десятками тысячелетий оставаясь вне истории низкооплачиваемой рабочей силой, блуждали во тьме невежества и одурения. Они же с кровавыми слезами на глазах скрежетали зубами, горько скорбя по трагической судьбе народа, лишенного Родины, и вынуждены были принять такой удел за фатальную неизбежность. Именно эти простые люди встали на путь священной освободительной борьбы, чтобы своими руками проложить себе новый путь.

Каждый раз при виде оружия, захваченного у врага или изготовленного местными организациями, я вновь и вновь с гордостью убеждался в правильности нашей решимости проложить путь корейской революции, опираясь на свой народ, веря в его силы.

Ускоряя подготовку к созданию постоянных вооруженных сил, мы в то же время особое внимание уделяли и делу создания в массах опорной базы для антияпонской вооруженной борьбы. Постоянно пробуждать сознание народных масс в ходе практической борьбы, давать им проходить закалку и надежно подготовить их к антияпонской войне — таково было насущное требование развития нашей революции. Именно в сознательной и общенациональной мобилизации широких масс была гарантия окончательной победы.

Небывалый неурожай в 1930 году и следовавший за ним жестокий голод создавали условия для развертывания новой массовой борьбы в Восточной Маньчжурии вслед за выступлением за «осенний урожай». Мы приняли меры, чтобы, не ослабляя боевой дух масс, приподнятый в ходе выступления за

«осенний урожай», развернуть новую борьбу периода весеннего голода против японских империалистов и прояпонски настроенных помещиков. Борьба периода весеннего голода начиналась с требования от помещиков давать крестьянам в долг продовольствие. Она быстро перерастала в борьбу за конфискацию продовольствия у японских империалистов и прояпонски настроенных помещиков, в насильственную борьбу за ликвидацию приспешников японского империализма.

В огне борьбы периода весеннего голода поднималась на новую стадию работа по повышению революционного сознания местных жителей Восточной Маньчжурии. И в условиях, когда наступление контрреволюции против революции принимало столь наглый характер, корейские коммунисты шли в гущу масс, терпеливо просвещали и воспитывали их. Массовые организации, выйдя из рамок тенденций закрытых дверей, настежь раскрывали массам двери, неуклонно закаляли их в практической борьбе.

Но эта работа шла не так легко, как ходит парусник по ветру. Был и случай, когда лишились жизни несколько революционеров, проводя работу по превращению одной деревни в революционную. А порой нам приходилось подвергаться нестерпимым оскорблениям и неверию со стороны населения, и надо было безропотно переносить все это, чтобы не выдать себя, что ты революционер.

И мое испытание в селе Фуэрхэ, можно сказать, относится именно к такому случаю.

Фуэрхэ — это был важнейший населенный пункт, расположенный на границе между Аньту и Дуньхуа. Не пройдя через эту деревню, нельзя было свободно передвигаться в Дуньхуа и в Южную Маньчжурию. Не превращая эту деревню в револю-

ционную, невозможно было гарантировать безопасность Сяошахэ, Дашахэ, Люшухэ и других смежных деревень.

Много способных подпольщиков из революционных организаций было направлено в эту деревню, но каждый раз мы тут терпели неудачу. Необходимо было немедленно плести там сеть организаций, но как только пойдет туда кто-либо из нас, его арестовывали и убивали. Казалось, выход из этого положения найти было нельзя. Ким Чжон Рён, называя Фуэрхэ «реакционной деревней», с досадой говорил, что в ней, видимо, есть шпик или какая-то организация белых, но их никак нельзя вывести на чистую воду. Стоит только услышать об этой деревне, и меня не покидала странная мысль.

В Фуэрхэ был один товарищ по фамилии Сон, состоявший в нашей организации, но ему одному было не под силу разоблачить реакционные элементы и воспитать жителей деревни в революционном духе. Кто-нибудь из нас должен был проникнуть в село, рискуя жизнью, чтобы ликвидировать того, кого надо, организовать то, что нужно, и таким образом перестроить это село из «реакционного» в революционное.

Исходя из этого, я вызвался проникнуть в Фуэрхэ.

Я вызвал товарища Сона в Сяошахэ и заранее с ним обо всем договорился.

— Вернешься в село, распространи слух: «У меня дома не хватает рабочих рук, и потому я заимел батрака». Тогда я пойду к тебе в батраки.

Глаза у Сона полезли на лоб. Он покачал головой:

— Это же риск какой! Там одни только реакционеры. Да еще вздумал пойти в батраки?

И организация тоже возражала против моего решения проникнуть в Фуэрхэ.

Несмотря на уговоры и возражения, я вместе с Соном на розвальнях, запряженных волом, отправился в Фуэрхэ. Я не умывался, не стригся, нарочно притворяясь дурачком, и проник в «логовище реакции».

Спустя несколько часов, когда мы с Соном ужинали, как вдруг, откуда ни возьмись, нагрянуло в деревню целое кавалерийское полицейское подразделение, взвивая за собой облако пыли. Как? Каким образом они узнали? А все-таки узнав, в пожарном порядке уже прислали из Аньту полицию.

Дети, игравшие во дворе, кричали: «Кавалерия!» Я вышел во двор с топором и стал колоть дрова. Точно такой же случай, какой был в доме незнакомой женщины в Цзяохэ!

Полицейские спросили, кто этот человек, указывая на меня. Сон ответил, что это его батрак.

Один из полицейских вопросительно покачал головой.

— Говорили, один из коммунистических руководителей проник в это село, чтобы руководить...

Так, значит, они прикатили за руководителем, одетым, конечно же, в шикарный европейский костюм, а перед ними вот какой-то батрак в дрянной блузе, и лицо все в саже... И они, видимо, огорчились, что напрасно хлопотали.

Тогда и мне пришло в голову подозрение: не скрывается ли в наших рядах неблагонадежный элемент, имеющий связь с врагом? О моем проникновении в Фуэрхэ знали ведь только несколько ответственных лиц.

После того как полицейская конница ускакала, я оглянулся на Сона. Он был весь не в себе, на лбу у него выступили капельки холодного пота.

Со следующего дня в доме хозяина я вставал чуть свет,

ходил за водой, колол дрова, подметал двор, готовил пойло для вола. Вместе с Соном каждый день отправлялся в лес на розвальнях. В лесу я читал документы, заготавливал дрова, обсуждал дела, давал Сону задания.

Слух обо мне распространялся по селу как об аккуратном «батраке». Тогда в Фуэрхэ всерьез принимали меня за добродушного «батрака». Если обледеневало место колодца, женщины, пошевеливая пальцами, подзывали меня и просили поскорее сколоть лед с колодца. Я безропотно исполнял их просьбу. И вообще чем больше сельчане будут просить меня сделать что-то, тем больше я буду походить на настоящего «батрака». И чем вернее буду я исполнять их просьбы, тем труднее будет сыщикам унюхать во мне признак революционера.

Как-то раз в соседнем с Соном доме шла подготовка к свадьбе- В тот день ко мне валили сельчане, они просили меня месить тесто для лепешек. Они, видимо, думали, что раз я «батрак», значит, я в таком деле собаку съел.

Мой дед, всю жизнь гнувший спину на поле, часто говорил: надо владеть тремя видами работ — орудовать лемехом, резать солому на соломорезке и бить деревянным молотом вареный рис для хлебца, только тогда можешь назвать себя настоящим крестьянином-землепашцем. Но мне ни разу не приходилось месить тесто для хлебца. Семья наша жила не так богато, чтобы месить хлебец и роскошничать. Тут и попал я как кур во щи: выполнять просьбу сельчан — это все равно что выдать себя, а отказаться от их просьбы «батраку» не положено. Поэтому вначале я ссылался на занятость домашними делами. Но соседи приходили снова и настоятельно просили, да так, что мне отказываться дальше было уже неудобно.

С моим появлением во дворе дома, где шла подготовка к

свадьбе, хозяева дома радостно всплеснули руками, что теперь им будет легче делать свое трудное дело. И они, вырвав деревянный молот из рук худощавого пожилого человека, тоже их соседа, вручили его мне, чуть не силком втолкнув его в мои руки. Да еще и приговаривали:

—А ну, покажи свой класс! Вкус лепешки сего дня зависит от твоего умения месить, взбивать тесто!

Было и смешно, и неловко: хозяйка дома, не зная, что творится в моей душе, суетилась, принесла корыто с только что сваренным рисом для хлебца. Любопытные сельчане стояли рядами по бокам. Им, видимо, очень хотелось посмотреть мастерство «батрака» орудовать деревянным молотом. В быт и жизнь сельчан вошла такая привычка.

Поплевав на руку, которой держал деревянный молот, я в душе думал: «Ну что же, была не была! Попробую ударить деревянным молотом со всего размаху. Ведь и это, видать, тоже дело рук человеческих! Где же написано, что батрак должен быть искушен во всех делах? Во всяком случае будут меня упрекать, что я не мастер на все руки, ишь беда какая»...

Узнав об этом, Сон спас меня из этого заколдованного круга.

— Эй, ты что, с той руки месить тесто, а? Я сколько раз тебе говорил, что руку надо беречь...

Он отругал меня с напускной серьезностью, а затем, обращаясь к хозяевам дома, сказал:

— Он-то вчера руку ушиб, когда рубил дрова в лесу, и ему сейчас это нельзя. Давай-ка я за него буду месить хлебец. Ведь это же радость, торжество соседское...

В тот день женщины угощали хлебцем гостей, а со мной

обращались, как с «батраком». Другим подносили миску с хлебцем, а мне сунули его прямо в руки.

Но я о сельчанах не думал ничего плохого за то, что они так неприлично относятся ко мне. Наоборот, я считал это полезным для моей подпольной работы.

Работа по превращению деревни Фузрхэ в революционную проходила не так легко. Такая работа в Уцзяцзы была очень тяжелой, но это, можно сказать, была пара пустяков, его не сравнить с превращением деревни Фуэрхэ в революционную.

В этой деревне я прожил примерно полтора месяца, создал организацию и, мобилизовав юношей-активистов, ликвидировал и шпика.

После возвращения в Сяошахэ я рассказал об этом моим товарищам, все покатились со смеху. Тогда я им сказал:

— Нет таких мест, куда нельзя проникнуть революционеру. Если до сих пор вам не удавалось вторгнуться в Фуэрхэ, то это значит, что вы действовали, как капля масла в воде, не желали идти в гущу масс, а вели революцию по-джентльменски...

Позже, после создания АНПА, я как партизанский командир ехал на коне, проездом остановился в этой деревне, созвал митинг, на котором выступил с речью, и все сельчане ахнули, увидев и узнав меня.

Молодая женщина, которая, шевеля пальцами, позывала меня и просила сколоть лед с колодца, диву далась, когда я после речи сел в седло.

—Э-ге-ге! Это же тот самый батрак в нашем селе? Он же стал командиром революционной армии!.. — сказала она, готовая провалиться сквозь землю.

Так мы преодолевали трудности, которые стояли перед нами.

Но самый острый вопрос был еще впереди, он оставался еще неразрешенным. Это была работа с отрядами Армии спасения отечества, из-за которых корейским коммунистам приходилось проливать немало крови.

5. Рождение новых вооруженных сил

Весна 1932 года, полная мировых сенсационных событий, была неспокойная и тревожная. Японские империалисты, захватившие материк Маньчжурии, сфабриковали марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с последним императором пинского Китая Пуи, оттесненным бурями Синьхайской революции, ведомой Сунь Ятсеном. Рептильная пропаганда Японии, прояпонская пресса Китая и Маньчжурии громогласно рекламировали «примирение и согласие пяти наций» и создание «обетованной земли», не жалея похвал в адрес Маньчжоу-Го. Прогрессивная общественность Азии и всего мира выступила против этого с решительным протестом.

Внимание земного, шара приковала к себе комиссия Лиги Наций по расследованию положения в Маньчжурии, которая только что прибыла в Японию с миссией выяснить причины события 18 сентября и ответственность за этот инцидент.

Комиссию возглавил лорд Литтон — старейший советник Тайного совета Великобритании, в ее составе были представители великих держав — США, Германии, Франции и Италии. Комиссия, принятая японским императором, встретилась также с премьером, военно-сухопутным министром и министром иностранных дел островной страны. В Китае комиссия имела вс гречи с Чан Кашли, Чжан Сюэляном. На земле Маньчжурии она встретилась с командующим Квантунской армии генерал-

лейтенантом Хондзё и осмотрела место происшествия — события 18 сентября. Обе стороны — Япония и Китай — всячески усердствовали в конкуренции по радушному гостеприимству, стремясь каждая притянуть на свою сторону комиссию Литтона. В народе ходила крылатая молва, — дескать, если делегация выяснит подоплеку происшествия и будет пользоваться влиянием Лиги Наций, то Япония, возможно, выведет из Маньчжурии свои войска. Предположения эти не только обостряли нервы политических, общественных кругов и средств массовой информации. Слухи передавались из уст в уста даже у малышей начальных школ, ставших чуткими к политике, стали предметом разговора у стариков на вечерних прогулках.

Но мы в то время, готовясь в районе Аньту к вооруженной борьбе, не очень интересовались подобной молвой и всякими предположениями, полностью отдаваясь военному обучению. Каждый день члены Общества женщин Сяошахэ, неся на головах деревянные корыта с обедом, взбирались на лесную поляну Туцидяня.

В середине марта мы проводили в Аньту кратковременное обучение (кратковременные семинары) для командного состава небольших партизанских отрядов, созданных в уездах Восточной Маньчжурии. На лесной поляне Туцидяня, находящейся в Сяошахэ, собралось около 20 командиров местных отрядов.

Обучение шло два дня. В первый день — теоретическая лекция, в следующий — обучение действиям. Я читал на политическом занятии лекцию о линии и курсе корейской революции, выступил с темой о правилах и нормах службы партизанского отряда. Военной подготовкой в большинстве случаев руководил Пак Хун. Занятия у нас начались с таких элементарных вопросов, как действие в строю, сборка и разборка оружия, потом посте-

пенно углублялись и перешли на тактические проблемы, такие, как организация налета и засады.

Аньту стал штабом, центром действий корейских коммунистов для создания АНПА. Из уездов бассейна реки Туман часто приходили к нам в Сяошахэ подпольщики и связные, чтобы установить с нами связи. Слухи о том, что мы создаем в Аньту партизанский отряд, передавались из уст в уста, дошли они и до районов Кореи. Молва собирала молодежь, пылкую духом, около 20-летнего возраста, из районов Кореи и Маньчжурии. Они с риском для жизни проникли в Сяошахэ и попросили принять их в наш отряд.

К тому времени Пен Даль Хван вместе с восемью молодыми добровольцами из Уцзяцзы попытались пройти в Аньту, но по дороге были арестованы японскими войсками и полицейскими. И их бросили в тюрьму. В первые дни после освобождения Кореи на встрече со мной старик Пен Дэ У очень сожалел, что его сын, так и не успев попасть в отряд, много лет промучился за решеткой.

Из разных уездов Цзяньдао, особенно из Яньцзи, добровольцев к нам поступило больше всего. В Яньцзи была разветвленная сеть учреждений правления и репрессивного аппарата противника, шпионских служб. В начале апреля 1932 года в Яньцзи и другие районы Цзяньдао хлынули солдаты Цзяньдаоского временного экспедиционного отряда, командуемого полковником Икэда. Экспедиция переправилась через реку Туман для карательных операций в Восточной Маньчжурии. Ее главной силой был 75-й полк 38-й бригады Ранамской 19-й дивизии. Экспедиция была укреплена и усилена артиллерией, саперами и подразделениями связи.

Поэтому местная подпольная организация в Яньцзи больше

послала в Аньту молодых добровольцев. Прослышав о нас, многочисленная молодежь пришла к нам сама, независимо от рекомендаций организаций.

Приехал ко мне и Чэнь Ханьчжан из Дуньхуа. Он явился ко мне с китайским юношей Ху Цзэминем, который преподавал в педучилище в Хэлуне.

Иной день, бывало, молодежь приходила к нам группами более чем в десять человек.

А тут вся беда в том, что на пути их захватили и повально убивали солдаты Армии спасения отечества.

В то время на Северо-Востоке Китая было много разношерстных китайских антияпонских отрядов. В их числе — Северо-Восточная армия самообороны, Антигиринская армия, Антияпонская армия спасения отечества. Антияпонская добровольческая армия. Лесной отряд, отряд Дадаохуэй (Союз Больших Мечей—ред.), отряд Хунцянхуэй (Союз Красных Пик— ред.) и т. д. Под антияпонскими отрядами подразумеваются националистические войска, образованные из патриотической части воинов, которая после японской оккупации Маньчжурии отделилась от старой Северо-Восточной армии под знаменем сопротивления Японии и спасения отечества. В них включились также чиновники и крестьяне. В общем всех их называют Армией спасения отечества.

Из известных антияпонских отрядов Маньчжурии можно взять, к примеру, отряды Ван Дэлиня, Тан Цзюйу, ВанФэнгэ, Су Бинвэня, Ма Чжаныпаня, Дин Чао и Ли Ду.

Самой крупной частью среди них в Восточной Маньчжурии был отряд Ван Дэлиня. Одно время Ван Дэлинь, скрывшись в лесах районов Мулина и Суйфэньхэ, без всякого идеологического тезиса провел молодые годы в местном бандитизме как

«герой зеленого леса». Потом со своими подчиненными причислился к Гиринской армии Чжан Цзосяна и стал офицером регулярной армии. До возникновения события 18 сентября он служил командиром 3-го батальона 7-го полка 3-й бригады старой Гиринской армии. В народе его отряд называли «старым третьим батальоном».

После нашествия японских войск в Маньчжурию его начальник комбриг Цзи Син капитулировал и встретился с командующим Квантунской армии. Поклявшись быть преданным японской империи, он был назначен комендантом Гиринского гарнизона.

ВанДэлинь, возмущенный предательством своего начальства, немедленно поднял бунт и объявил сопротивление Японии и спасение отечества. Он со своими 500 с лишним солдатами вошел в лес и создал Китайскую национальную армию спасения отечества. Потом он, назначив У Ичэна командующим боевой части, начал сопротивление агрессивным войскам японского империализма.

Верными подчиненными Ван Дэлиня были У Ичэн, Ши Чжунхэн, Чай Шижун, Кун Сяньюн, которые, базируясь в Лоцзыгоу и его окрестностях, сдерживали противника, дислоцированного в районе Цзяньдао, и позже имели кровные узы и с нашими партизанскими отрядами.

В горной местности Южной Маньчжурии действовала Армия самообороны Тан Цзюйу, в провинции Хэйлунцзян отряд Ма Чжаныпаня сопротивлялся японским войскам, продвигавшимся к северу. В горный район Аньту хлынул отряд командующего Юя, подчиненный У Ичэну. Преследования этого отряда были крайне жестокими.

Все они видели в корейских коммунистах приспешников

японского империализма и думали, что корейцы являются главными виновниками, протащившими агрессивные войска империалистической Японии на маньчжурский материк. В то время из головы китайцев не изгладилось плохое впечатление о корейцах, полученное во время восстания 30 мая и инцидента под Ваньбаошанем. Вдобавок к этому японские империалисты продолжали сеять раздор в попытках вбить клин между народами обеих стран — Кореи и Китая.

Твердолобые верхушки Армии спасения отечества не обладали достаточной силой политического суждения и проницательного анализа вещей, чтобы понимать истину: корейская и китайская нации являются угнетаемыми народами, которым навязывают бедствия и страдания агрессоры — японские империалисты; как китайцы не могут быть приспешниками японских империалистов, так и корейцы не могут стать псами японских самураев; как китайцы не могут быть врагами корейского народа, так и корейцы не могут быть врагами китайского народа. И к коммунизму они были слепо враждебны. Это объяснялось тем, что верхушка Армии спасения отечества в большинстве своем — выходцы из имущих классов. Руководство этой армии по своему усмотрению придумало формулу: «Корейцы — коммунисты, коммунисты — фракционеры, фракционеры — холуи японского империализма». Взяв такую формулу за эталон, они без разбору преследовали и убивали корейских людей молодого и среднего возраста.

В городах и равнинных районах свирепо хозяйничали японские захватнические войска, а в сельских и горных местностях, куда еще не ступала нога японских агрессоров, контролировали развилки дорог тысячи, десятки тысяч солдафонов Армии спасения отечества. И нам некуда было деваться. Враждебные акты

Армии спасения отечества серьезно угрожали самому существованию нашего молодого партизанского отряда.

Не только японские империалисты, но и все Лесные отряды и Армия независимости выступили против корейских коммунистов, так что мы буквально попали в беспомощное состояние, окруженные со всех сторон врагами.

Не улучшив отношения с антияпонскими отрядами, нельзя было легализировать существование и действия наших партизанских отрядов. Без этого партизаны не могли бы расширять свои ряды и открыто проводить военные действия.

Отряд создан, но не легализирован. Нам, к несчастью, было суждено укрыться на задворках. Выйди из темного угла и радуйся свету. Но нельзя было явиться на свет. Все жаловались и сетовали: сидим, мол, на задворках чужого дома, и то не в военной, а в гражданской форме, мы каждый в своем углу только возимся с маузерами, а когда же будем драться с япошками? Да мы и скрылись-то только в поселениях корейцев, больше деваться было некуда. Только под покровом ночи тайком ходили мелкими группами.

Вот почему вначале мы и называли партизанский отряд «секретным партизанским отрядом».

В те дни нам приходилось избегать не только японских солдат, но и Армии спасения отечества и даже недобитых солдат Маньчжурской армии. Сторонились мы и реакционеров и части корейских националистов, которые враждовали с коммунистами. Открыто явись—бах! бах! И еще: хулиганство. Мол, явились коммунисты. Просто беда была от них всех. То же самое было и в Яньцзи, Хэлуне, Ванцине, Хуньчуне.

Однако нам нельзя было входить только в дома коммуни-

стов. В общем-то они люди бедные. А вот гурьбой в десятки человек входим в эти дома и кушаем — опустеют чаны, обеднеет хозяйство. И это тоже нас мучило.

Партизанам надо действовать легально. Пусть они среди бела дня шествуют с песнями, встречаемые приветствиями масс, пусть пропагандируют свои идеи и цели в людях, тогда дело у нас пойдет на лад, тогда все познают смысл боевой жизни. Но так поступать было не позволено. И нам это было просто обидно и досадно.

Как собираемся мы, продолжаем дискуссии: как легализовать партизанский отряд, как улучшить отношения с антияпонскими отрядами?

Самый серьезный вопрос в разговоре был таков; верно или ошибочно коммунистам пожимать руки китайским националистам? Не одного, не двух брало такое сомнение: как это так? Верхушка Армии спасения отечества — выходцы из имущих классов, эта армия выражает интересы помещиков, капиталистов и чиновников, и если мы, коммунисты, пожимаем им руки, то это не означает ли отказ от классовых принципов и компромисс с ними? Отношения с этой армией, говорили они, можно временно улучшить, но нельзя устанавливать с ними союзнические отношения, а их враждебные акты надо подавлять силой.

Эти утверждения были чреваты крайней опасностью.

Мы настаивали вот на чем. Надо твердо стоять на позиции, что Армия спасения отечества хотя и имеет ряд ограниченное те и, но может стать нашим стратегическим союзником в антияпонской войне, исходя из общности целей борьбы и положения, и что нужно не только улучшать отношения с ней, но и сформировать с ней совместный фронт. Проблема эта касалась совместного фронта двух вооруженных сил, имеющих разные идеологии и

идеалы. Такой вопрос в то время был выдвинут впервые и вызвал бури сложнейших дискуссий.

Проблема сформирования совместного фронта с антияпонскими отрядами была выдвинута и в Коммунистической партии Китая в качестве серьезного вопроса. Восточноманьчжурский Особый окружный комитет давно уделял внимание воинской части Ван Дэлиня и направил 7 — 8 отличных коммунистов на работу с бойцами Армии спасения отечества. С такой же целью были посланы нами Ли Гван и другие коммунисты Кореи.

Через связных мне не раз доложили, что Ли Гван в части Тун Шаньхао ломает голову над работой с ее солдатами — бойцами Армии спасения отечества.

Когда еще больше нахальничала эта армия, наши товарищи предложили: совместный фронт—это просто фантазия, что же, теперь и нам начать перестрелку и мстить за погибших. Я с величайшим трудом удерживал их от этого заблуждения. Ставить Армию спасения отечества на одну доску с врагом, прибегать к возмездию один на один — это означало бы полное безрассудство. Такой акт не соответствовал бы великой идее сопротивления Японии и моральному долгу и обрекал бы на гибель наш партизанский отряд еще в его колыбели.

Не только в Цзяньдао, но и во всей Маньчжурии коммунисты и партизаны переживали на душе за скандалы Армии спасения отечества.

В то время в каждом уезде партизан были единицы. В нем всего было несколько десятков человек партизан. И если они попадут в лапы этой армии — все погибнут. Ясно было, что даже при всем желании невозможно было умножать ряды партизан.

И пришла мне в голову такая мысль: не разумно ли будет на время нашим партизанам причислиться к части командующего

Юя и действовать как отряд особого назначения? Допустим, что мы вступим в его часть, тогда у нас будет вывеска «Армия спасения отечества». Значит, нам нечего будет беспокоиться о своем ущербе, да и мы, возможно, получим еще сколько-то оружия. А если хорошенько воздействуем на них, даже сможем повести их по руслу коммунизма, сделаем их нашим надежным союзником.

Гипотеза эта была вынесена на обсуждение товарищей. По этому вопросу шло собрание целый день в доме Ким Чжон Рёна в Сяошахэ, где находилась штаб-квартира парторганизации. Собрание это сейчас называют Сяошахэским совещанием. Собрание было необычайно жарким и острым. Ставился вопрос: возможно или невозможно, выгодно или невыгодно действовать в части Армии спасения отечества как отряд особого назначения? С самого утра до поздней ноченьки кричали, дискутируя, до боли в горле. Не говоря уж о любителях курения, даже некурящие свертывали самокрутки и пускали изо рта густые клубы табачного дыма, что ел мне глаза, и я просто от него задыхался. И сейчас я помню ту муку. В то время сам-то я не курил.

Мой почин об отряде особого назначения в конце концов встретил одобрение товарищей.

На совещании было решено направить делегата в часть командующего Юя на переговоры с Армией спасения отечества. Подходящим посланником выбрали меня. Впрочем, нет, меня не мои товарищи избрали, а я сам добровольно пожелал туда пойти.

В то время у нас не было такой личности, которая имеет опыт военной дипломатии. И, естественно, шли серьезные разговоры вокруг вопроса: кого направить в качестве представителя? Выражались опасения: пускай пошлем мы избранного делегата,

а партнер по диалогу подпустит ли к себе нашего представителя? На переговорах не загонят ли они нас в тупик своими чрезмерными требованиями? Кто может быть уверен, что не убьют они нашего представителя, когда что-то помутит их настроение? В один голос сказали, что делегатом может быть и должен быть такой человек, который умело вел бы себя в любой ситуации.

Среди нас не было особы такой категории. Для встречи с командующим Юем нужно было избрать человека солидного возраста. Но такими были у нас только Пак Хун, Ким Иль Рён и Ху Цзэминь. Ким Иль Рён был старше меня более чем на десять лет, но он плохо знал китайский язык. Остальные были 18 — 20-летними молодцами, которые только что окончили школу, как Чао Яфань.

Вот я предложил товарищам направить меня.

Друзья мои на это не согласились.

— Ты, Сон Чжу, наш командир. Трудно будет, если тебя как коммуниста скинет командующий Юй. Лучше бы на это избрать умелого «дипломата» из китайских товарищей, таких, как Чэнь Ханьчжан, Чао Яфань и Ху Цзэминь.

Я спросил товарищей:

— Почему убьет меня командующий Юй, если я туда пойду? В ответ услышал:

— Что будет, бог знает. Пойдешь — убьют тебя как «гаолибанцзы» (по-китайски — это кореец в презрительном выражении — ред.) — и все. Других убьют, а тебя им незачем оставлять живым. После инцидента с отрядом Гуаня в Ванцине они, эти солдаты Армии спасения отечества, острыми глазами ищут корейскую молодежь. Тебе лучше туда не ходить.

Под инцидентом с отрядом Гуаня подразумевается событие, когда секретный партизанский отряд Ли Гвана разоружил в

Ванцине антияпонский отряд Гуаня. Это событие заметно ухудшило отношения между партизанскими отрядами и Армией спасения отечества, создало более трудную ситуацию для действия партизан. Связной из Ванцина доложил, что после этого события Армия спасения отечества приняла там меры для возмездия — были арестованы и расстреляны несколько партизан. К тому времени и товарищ Ким Чак чуть было не погиб от рук солдат Лесного отряда в Северной Маньчжурии.

Я все время упрямствовал. Так я настаивал на своем отнюдь не потому, что я отличался какой-то большей, чем у других, дипломатической способностью или что у меня был какой-то особый рецепт, который позволил бы мне поставить командующего Юя на колени. Само существование партизанских отрядов зависело бы от переговоров с командующим Юем, удача нашего дела гарантировалась бы урегулированием связей с Армией спасения отечества. Не сделав эту армию своим союзником, мы не сможем даже выйти за порог дома на улицу, не говоря уж о партизанской войне в Восточной Маньчжурии. Так сурова была жизнь. Кроме того, я думал, что если не сумею успешно преодолеть эту трудность и не начну вооруженную борьбу,то я не достоин буду и не вправе жить как сын Кореи.

Я убедил товарищей:

— Боишься смерти — не делаешь революцию. Я говорю по-китайски хорошо, не раз одолевал невзгоды еще в годы молодежного движения. Раз пойду — все-таки встречусь с командующим Юем. Так что прошу вас направить меня.

И вот я отправился к командующему Юю, взяв с собой Пак Хуна, Чэнь Ханьчжана, Ху Цзэминя и еще одного молодого китайца. Это был, конечно же, путь к авантюре, не было никакой гарантии безопасности собственной жизни.

Командование Юя находилось в Лянцзянкоу.

Мы заранее договорились: когда солдаты Армии спасения отечества спросят, откуда мы идем, отвечать — из Гирина, а не из Аньту. Ибо не было бы пользы от того, что мы назовем им такую местность Восточной Маньчжурии, где дислоцированы партизанские отряды.

По дороге в Дашахэ мы столкнулись с отрядом части командующего Юя. Отряд численностью в сотни человек торжественно и грозно шествовал к нам, распустив знамя с надписью «Командующий Юй», как о подобном мы читали в книге «История троецарствия». Слухи о них в то время были громкими, ибо недавно часть Юя разгромила в Наньхутоу японские войска и захватила у них даже пулемет.

— Скрываться? — тревожно взглянул на меня Ху Цзэминь.

— Нет! Давай навстречу!

Я все время шел вперед, и остальные четверо по моим бокам шли в ногу со мной.

— Гаолибанцзы! Иди сюда! — заорали бойцы Армии спасения отечества.

И они, нисколько не задумываясь, сразу собирались нас арестовать.

Я по-китайски запротестовал:

— И мы тоже, как вы, боремся против самураев, зачем же вы хотите нас арестовывать?

— Ты кореец? — спросили они.

Я без колебания ответил, что кореец, и, указывая на Чэнь Ханьчжана и Ху Цзэминя, сказал, что они китайцы.

— У нас срочное дело — посоветоваться с вашим командующим Юем. Сейчас мы направляемся к нему. Проводите нас к командующему!

Я принял грозный вид, и они, немного смягчившись, просили следовать за ними.

За солдатами мы шли немного. Какой-то командир в офицерской форме старой Северо-Восточной армии дал команду на обед и задержал нас в крестьянской избе.

Тут я столкнулся с неожиданностью, — в избу вошел мой бывший учитель Юйвэньской средней школы Лю Бэньцао. В школе он одно время преподавал иероглиф, потом учительствовал в Вэньгуанской и Дуньхуаской средних школах. Он был в близких отношениях и с учителем Шан Юэ, хорошо знаком и с Чэнь Ханьчжаном. Это был человек доброй души, большой эрудиции, он рекомендовал нам в школе много хороших книг, сам сочинял хорошие стихи и любил декламировать их перед воспитанниками. Поэтому мы, ученики, очень любили и уважали его.

Узнав старого учителя, я и Чэнь Ханьчжан с восклицаниями бросились к нему. Больше всего обрадовались мы тому, что встретились с ним в такой трудной обстановке.

Лю Бэньцао, не скрывая радости и удивления, начал осыпать нас вопросами;

— Почему ты здесь, Сон Чжу? Как ты сюда попал? Куда путь держишь? Зачем тебя арестовали?

Я коротко объяснил, что произошло. Выслушав меня, учитель мой громко сказал подчиненным:

— Угостить гостей хорошенько! И я вместе с ними пообедаю. Накрывай как положено!..

Оказалось, он покинул кафедру, когда японские войска ринулись в Маньчжурию, и сейчас служит начальником штаба у Юя.

Сидя с нами за обеденным столом, Лю Бэньцао рассказал:

— Страна погибает — и я не утерпел и надел военную форму. Мои подчиненные, видите, такие невежественные, ничего не знают. Вот вместе с такими приходится сражаться. Мучит меня не одно, не две. Не хотите, ребята, работать вместе с нами?

Мы согласились с ним и по просили его устроить нам встречу с командующим Юем. Учитель сказал, что командующий Юй сейчас идет из Лянцзянкоу в уездный городок Аньту и что мы сможем встретиться с ним, если пойдем туда вместе с ним.

Я обратился к Лю Бэньцао;

—И мы хотели бы создать отряд из корейцев. Ненависть *к* японским империалистам более жгуча у корейцев, чем у китайцев. Не так ли? А почему же антияпонские отряды мешают корейцам бороться против самураев, нахальствуют и убивают их?

— Да, ничего не скажешь, это правда. Я все уговариваю: прекратите скандалы. Но все идет так же. Какие невежды! Не знают, что такое компартия. Чего плохого в том, что компартия против японских империалистов? — негодовал и Лю Бэньцао.

Слушая его, я в душе обрадовался: «Теперь будет все в порядке, путь к жизни открыт!» И тут же я сразу с места в карьер отправил Пак Хуна в Сяошахэ с поручением сообщить товарищам, что дело у нас получилось благополучно, начальник штаба части командующего Юя искренне помогает нам и что видна перспектива легализации партизанского отряда.

После обеда мы с Лю Бэньцао отправились в уездный городок Аньту.

У Лю Бэньцао был личный боевой конь. Мы попросили учителя ехать верхом, но он отказался.

— Вы идете пешком, а мне ехать на коне неудобно. Вместе пойдем пешочком и по дороге поговорим...

Так мы до городка совершили с ним пеший марш.

Вижу; почти каждый солдат антияпонского отряда был с нарукавной повязкой с надписью иероглифами: «Бупасы бужаоминь!» Смысл этой надписи: «Не бойся смерти, не вреди народу!»

В отличие от грубости солдат девиз их был довольно здравым и боевым. Сама эта надпись зажигала во мне смутную искорку надежды на то, что встреча с командующим Юем, может быть, принесет неплохой результат.

В тот день мы с помощью Лю Бэньцао смогли без особого труда встретиться с командующим Юем. Оттого ли, чтобы не скомпрометировать авторитет начштаба, Юй принял нас прилично, обращался с нами как с гостями высокого ранга. Так доброжелательно поступали они, возможно, потому, что хотели держать нас у себя на службе, заранее узнав о нас. Ведь все мы были молодого возраста, выпускниками средней школы, умели делать все: и выступать с речами перед массами, и писать воззвания, и обращаться с оружием.

Как я и предугадал, Юй, действительно, предложил нам служить в его части. Мне рекомендовал должность начальника агитационно-пропагандистской группы командования.

Я не на шутку попал в тупик: сам пожелал создать свою армию и легализовать ее, а вот командующий предлагает мне возглавить агитпропгруппу! Откажусь — Юй, несомненно, обидится. Да это затруднит и положение Лю Бэньцао.

Дело, как говорится, табак, но ничего не поделаешь. Воспользуешься его доверием, можетбыгь, тебе и улыбнется судьба. И я принял его предложение, отвечая, что сказано — будет сделано.

Юй был очень доволен и тут же на месте велел подчиненному написать приказ о моем назначении.

Итак, я стал начальником агитпропгруппы командования. Ху Цзэминь был назначен помощником штабного офицера, ЧэньХаньчжан—секретарем. Получился безрассудный, неожиданный результат. Но нам пришлось ступать по этой «лестнице». Но, правду сказать, этот сюрприз, мой «чин», в значительной мере помог нам в легализации нашего партизанского отряда.

Вчера мы укрывались на задворках чужого дома, а теперь при помощи Лю Бэньцао проникли в самую сердцевину части командующего Юя. Сравнивая перемены вчера и сегодня, на душе у меня стало даже приятно.

Но вечером того же дня, вопреки моему ожиданию, мы столкнулись с неожиданной неприятностью. Солдаты Армии спасения отечества забрали и привели в городок 70 — 80 корейских юношей, которые направлялись из Яньцзи к Фуэрхэ.

Я, весь охваченный гневом и удивлением, издали с грустью посмотрел на арестованных и поспешил к учителю Лю Бэньцао.

— Вот беда! Ваши солдаты опять захватили целую группу корейцев. Какие они там прояпонцы?! Нет там никаких про японских душ. Надо же узнать, есть ли среди них холуи самураев или нет. А потом уж прошу и принимать решение.

Выслушав меня, Лю Бэньцао ответил:

— Пойди ты, Сон Чжу. Тебе мы верим.

— Мне одному сделать это будет трудно. Прошу сделать это вместе с вами. В общем-то у вас речь убедительная. Ваше слово, пожалуй, воздействует даже и на японского прислужника. Надо убедить и поднять их на схватки с япошками. Зачем же их умерщвлять?! Ведь они же не прояпонские!

— Ты сам. Сон Чжу, умелый оратор, тут мне незачем выступать с речью. Выйди один, — сказал Лю Бэньцао, отмахиваясь от меня.

Это, конечно, факт, что я, как сказал учитель, часто выступал с речами в ученические годы. В Гирине, Дуньхуа, Аньту, Фусуне, Чанчуне и во многих других районах я выступал, разоблачал в своих речах амбиции японских империалистов, их стремление к агрессии в Маньчжурии, призывал к сплочению народов Кореи и Китая. Это прекрасно знал Лю Бэньцао.

— Но я же буду говорить по-корейски, как же поймут меня ваши почтенные китайцы? Может быть, у них зародится сомнение, что я агитирую корейских юношей не без провокации.

Выслушав меня, Лю Бэньцао опять отмахнулся и поторопил меня выйти к ним.

— Ты, полагаю, будешь всего-навсего пропагандировать коммунизм. Ну и пускай, это ничего. Я за тебя ручаюсь. Говори спокойно и свободно...

Он уже знал, что я причастен к компартии, участвую в коммунистическом движении.

— Если понадобится, то надо пропагандировать и коммунизм. Чего там плохого?

Прямо скажу, я не осмелился бы так говорить, если бы мы не верили друг другу. Конечно, не исключено, что все будет кончено, если они свернут мне шею, говоря: ты же коммунист, значит, прислужник японских самураев! Однако у нас с учителем были особо близкие отношения, и неприятности такой не произошло.

Еще в Юйвэньской средней школе я и учитель Лю Бэньцао сблизились друг с другом без всякой утайки души. Когда я в Гирине ходил в школу, он от всей души заботился обо мне.

Когда наша беседа была в самом разгаре, в штаб сунулся

командующий Юй. Выглядывая в окно на захваченных молодых людей, командующий качал головой: видишь, мол, опять взяли коммунистов, все-таки не пойму, когда компартия так много детенышей народила на маньчжурской земле!

В ту минуту Лю Бэньцао подмигнул мне одним глазом:

— Выйди ты, начальник агитпропгруппы, и побеседуй с ними. Не верится, что все корейцы — коммунисты. Кстати, и не все коммунисты — приспешники японских империалистов.

Выслушав начальника штаба, Юй разъяренно крикнул:

— Что-о ты мелешь, а? Коммунисты не прояпонские, говоришь? Знаешь, они подняли бунты, пытались отнять у нас землю и, наконец, протащили сюда даже япошек.

Предвзятость Юя к корейцам была более жестока, более слепа, чем предполагалось. Не менее упрям был у него и ошибочный взгляд на коммунистов.

Я решил во что бы то ни стало убедить в своем командующего Юя. И, собравшись с мыслями, дерзко спросил его:

—Откуда вы, господин командующий, знаете, что компартия такая плохая? Из книг или по слухам? Если это не так, то зачем вы ненавидите коммунистов?

—Тут книги ни при чем. По словам знаю. Всякий, у кого рот, порицает коммунистов. Потому и я ненавижу их, понял?

Его ответом я был ошеломлен, но на душе у меня улеглось: «Теперь дело пошло!» Зародилась уверенность в том, что могу развеять у него это недоумение, ведь оно порождено не собственным опытом, а по слухам.

— Как вы, господин командующий, сумеете вершить большие дела, если следуете чужим словам слепо, без собственных суждений?

Рядом стояли коммунисты Чэнь Ханьчжан и Ху Цзэминь, да

и нас поддерживал начальник штаба. Оказалось, сам командующий Юй был в нашем окружении.

Я решил, что настал хороший шанс, и убедительно говорил:

— Отчего же убивать эту молодежь, господин командующий? Жалко. Им же мы не сразу поручим оружие, но каждому по одному копью дать можем. Не понадобится ли пускать их в дело как ударников? Давайте проведем эксперимент, как они сражаются с японцами, хорошо или плохо. Бьются здорово, лучше некуда. А послать их на тот свет — это просто бессмысленно.

Юй долго слушал меня и потом сказал:

— М-да, ты прав! Ну-ка иди ты, начальник агитпропгруппы, разреши этот вопрос.

Я пошел к арестованным и, написав записочку, тайком передал ее захваченным. В записке написано: «Не говорите, что вы коммунисты, пока не будет никакой улики. Ответьте так: вон там взял листовки «Воззвание к антияпонским солдатам!», что нашлись у вас при обыске». Те молодые люди не могли узнать, как попала к ним в руки эта записочка.

Когда я явился перед ними, меня колол их гневный взгляд. Их, пожалуй, взяло сомнение: вот, мол, он, тряпка, подручный вассал Юя.

Я,чувствуя на себе вражду такого колючего взгляда молодежи, обращенного ко мне, спросил:

— Скажите, кто из вас слыхал имя Ким Сон Чжу?

Этот короткий вопрос сразу нарушил гнетущую, холодную, Как лед, атмосферу в толпе. Люди шумно загудели. Слышу в ответ:

— Мы слыхали имя Ким Сон Чжу.

— А мы — нет...

— Так вот перед вами Ким Сон Чжу. Я здесь, в части командующего Юя, служу начальником агитпропгруппы. Только что командующий Юй поручил мне узнать вот что: хотите ли вы сражаться вместе с Армией спасения отечества или нет? Скажите, пожалуйста, сражаться вместе с нами хотите?

— Хотим! — в один голос ответила толпа.

Потом я вернулся к Юю. Точно сообщив ему о намерениях молодежи, я предложил:

— Давайте их возьмем и дадим им воевать с японскими войсками.

С моим предложением он сразу согласился. Итак, судьба молодежи — жизнь или смерть, была решена удачно, чего мы и хотели.

Теперь перед нами — более широкая дорога, дорога к формированию совместного антияпонского фронта.

Мы стояли на подступах к легализации партизанского отряда. А тут козни строил советник Юя — кореец, который регулировал за его спиной все дела. Он был старый националист из группировки Ким Чва Чжина[23]. В Наньхутоу занимался земледелием, присоединился к Армии спасения отечества, когда вспыхнул инцидент 18 сентября. Он был человеком знающим, голова крепко держалась у него на плечах, за что и снискал глубокое доверие Юя.

Этот интриган все время науськивал Юя к преследованиям коммунистов. Вот он и зашумел: без проверки сразу принять в часть 70 — 80 новичков — дело легкомысленное, вряд ли не имеется среди них прояпонский элемент. Не удержав скандалиста, мы опять столкнулись бы с новой большой трудностью.

Однажды я как бы случайно спросил командующего Юя:

— Я слыхал, что в части служит один кореец. Зачем вы его скрываете?

Юй переспросил:

— Ну что, еще не повидал его?

И велел подчиненному вести его к нам.

Привели. Вижу — мужик дюжий, гигантского роста, крепкого телосложения.

Я первым поздоровался:

— Рад с вами познакомиться- Знаю, вы солидного возраста, многоопытный. Мы же люди молоденькие, ничего не знаем. Прошу вас оказать нам большую помощь.

Он тоже представился и говорит:

— Слышал, что в командование назначен новый корейский юноша, который хорошо говорит по-китайски. Начальником агитпропгруппы и помогает командующему Юю. Я, собственно, этому очень рад как один и тот же кореец.

Он осмелился позволить себе сказать о своей нации, называя себя корейцем. Я, не упустив шанса, в упор ему сказал:

— Раз так, то надо как можно больше собрать борцов против японских самураев. А почему же вы все убиваете их? Умерщвлять за иную идеологию разве позволительно? И без того корейцам досадно, что не можем жить в своей стране. Угнанных сюда, в Маньчжурию, наших соотечественников убивают солдаты Армии спасения отечества. Ничего досаднее и обиднее не найдешь. Независимо от идеологий — коммунизма или национализма, надо сплачивать людей и помогать им сражаться с японскими империалистами. Не годится упрямо отвергать и убивать друг друга.

Мой собеседник внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Ты прав, начальник агитпропгруппы...

Итак, рухнул второй барьер.

Командующий Юй с довольной улыбкой наблюдал, как заканчивается наша беседа в доброжелательной обстановке.

Я предложил командующему:

— Раз вы доверяете мне, не можете ли передать мою должность как шефа агитпропгруппы кому-то другому, скажем, Ху Цзэминю, по совместительству, а мне дать право собрать корейцев и командовать их отрядом?

Лю Бэньцао, поддерживая меня, сказал, что дело это достойное.

Командующий Юй поинтересовался:

— Если отдельно создать отряд из корейцев, откуда для этого взять оружие?

Я ему говорю:

— Об оружии прошу не беспокоиться. К вам, господин командующий, руки за помощью не протянем. Мы захватим оружие у врага и будем вооружать отряд за счет врага.

Юй был очень доволен моим ответом.

— Ну ладно. Создавай свой отряд. Оружие-то дать могу, а потом что будет, если вы повернете дуло этого оружия на нас?

— Об этом не беспокойтесь. Такой измены никогда не будет. Допустим, что мы осмелимся повернуть на вас дуло винтовки, но ведь и в таком случае ваша крупная часть разве не сумеет одолеть нас, таких молокососов?!

Юй отмахнулся и расхохотался: мол, ты что, начальник агитпропгруппы, мою шутку принял за правду?

Я думал, что Юй обидится, если скажу, что с самого начала отделю новый отряд от Армии спасения отечества. И я попросил его наименовать новый отряд от имени командующего.

Стоявший рядом Лю Бэньцао предложил:

— Будем называть его отрядом особого назначения. А еще бы лучше назвать так: корейский отряд особого назначения.

С его предложением согласились все — и командующий Юй, и я.

Фундаментальная работа по легализации секретного партизанского отряда успешно завершилась с рождением отряда особого назначения. В новый отряд мы приняли секретных партизан Аньту и тех 70 — 80 юношей, которые были задержаны в части командующего Юя. Таким образом, были легализованы действия нашего партизанского отряда.

Я, взяв под руки Чэнь Ханьчжана и Ху Цзэминя, вышел из комнаты командующего. Мы говорили друг другу: «Победа!», «Большая удача!» — и всю ночь погуляли вокруг городка.

Ху Цзэминь предложил мне сигарету и попросил попробовать подышать табачным дымом. В такой радостный день, мол, неплохо бы или побыть во хмелю или вдыхать в горло хотя бы табачный дымок, если нет «горилки».

Я первый раз в жизни брал в рот сигарету и силился вдохнуть в себя табачный дым. Но вот беда — задохнулся и долго-долго чихал. Все хохотали — и Ху Цзэминь, и Чэнь Ханьчжан, и я сам тоже.

— Боже мой, не умеешь даже глотнуть дымок табачка! А как тебе в таком случае быть партизанским командиром? — шутил Ху Цзэминь.

Вернулся я в Сяошахэ и сообщил ребятам, что переговоры прошли удачно. Мои товарищи, поздравляя меня, тут же посадили меня «на коня» — на свои плечи и хлынули из маленькой комнаты. На улице мы на всю деревню прокричали три раза «У-ра-а!»

Знаменитый наш «певец» Ким Иль Рён запел даже народную песню «Ариран». В такой удачливый, прямо-таки праздничный день, естественно, лучше звучали бы веселые, жизнеутверждающие вальсы или бравурные марши. А вот, к сожалению, Ким Иль Рён, такой крепкий мужик, поет такой печальный «Ариран». Почему это так — никому неизвестно, дело это просто вот такое неожиданное.

Ким Чхор (Ким Чхор Хи), покачивая рукою поющего, недоуменно спрашивает:

— Брат Иль Рён, а почему у тебя в такой хороший день этакая грустная песенка, а?

— Не знаю сам, почему. Сам не заметил — взял да и вылился вдруг изо рта этот «Ариран». Знаешь, дружок, ведь позади у нас было так много горестей и трудностей.

Закончив песню, Ким Иль Рён со слезами на глазах смотрел на Ким Чхора.

Слушая его, я не мог не погрузиться в глубокое размышление. Да, он правильно сказал, — сколько нам до этого дня пришлось одолеть перевалов испытаний! Жизнь Ким Иль Рена буквально была средоточием этих громадных испытаний. Сначала он как боец Армии независимости бросился в волны националистического движения, потом окунулся в движение коммунистическое. Куда только не заносила его судьба! Жил и в Корее, и в Маньчжурии, и в Приморье. Вздыхал, проливал много слез — вся жизнь была полна горестей.

И эта песня «Ариран» была сгустком его жизни. Стоя на водоразделе вершины истории, где ему доводилось заменить вздохи смехом и, покончив с пассивным выжиданием, перейти к активным действиям, он хотел в последний раз окинуть той песней «Ариран» пройденный им путь, полный перипетий, и во

весь голос пропеть о восторге нового старта под синевой ясного неба...

Если тогда на нашем пути нам не случилось встретиться с учителем Лю Бэньцао, то куда занесла нас игра судьбы? Какая участь постигла наш партизанский отряд? И сейчас, размышляя об этом, я от всей души преподношу безмолвную благодарность уже покойному моему учителю.

Удаче наших переговоров в части командующего Юя больше всех обрадовался Лю Бэньцао. Когда мы отправились из городка, Лю провожал нас далеко за казарму и, взяв меня за руки, с радостью и вдохновенно сказал:

— Ну вот теперь мы друг другу не враги, а братья, дружественные войска, вместе будем бороться против захватчиков — японских империалистов.

Когда я узнал о его смерти, я горько и горько плакал, вспоминая о незабываемых днях переговоров в городке Аньту и о годах моего ученичества в Юйвэньской средней школе.

Успешные переговоры с командующим Юем позволили нам легализовать существование и действия партизанского отряда и иметь свою союзническую армию, которая во взаимодействии с нами может развернуть сопротивление захватчикам — японским империалистам. Удача этого диалога убедила нас в том, что великий смысл патриотизма, любви к своей нации позволяет нам сформировать единый фронт даже с националистами чужой страны, имеющими иные идеи и идеалы, развернуть вместе с ними совместную борьбу.

Думаю, что это убеждение ощутимо воздействовало на мою более чем полувековую политическую деятельность. Когда речь шла о том, чтобы привлечь на нашу сторону националистов с другими идеями и идеалами и деятелей различных кругов,

выходцев из имущих классов со сложной биографией, некоторые работники, бывало, колебались и относились к этой проблеме с предвзятостью. Тогда я обязательно напоминал им о нашем опыте проведения переговоров с командующим Юем и помогал им расширить свой кругозор.

Вернувшись в Сяошахэ, я встретился с Ли Гваном, который ломал голову над работой с Армией спасения отечества в районе Ванцина. Я ему подробно рассказал, как проводились переговоры с командующим Юем и как мы создали корейский отряд особого назначения. А потом я дал ему задание: с учетом опыта, оправдавшего себя в Аньту, немедленно организовать в Ванцине отряд особого назначения.

До того времени Ли Гван работал в подполье. Я направил ему одну роту и помог ему создать там отряд особого назначения и перейти от подпольной деятельности к легальной.

Под отрядом особого назначения подразумевается тот специальный отряд, который образован из корейцев. Среди корейских отрядов только те, которыми командовали я и Ли Гван, действовали открыто во взаимоотношениях с Армией спасения отечества.

В то время наши отряды назывались «отрядами особого назначения». Могу сказать, что это было своего рода тактической мерой для обеспечения легальных действий наших партизанских отрядов, для укрепления связей с Армией спасения отечества и сформирования с ней антияпонского совместного фронта.

После создания таких отрядов мы активно проводили подготовку к скорейшему основанию Антияпонской народной партизанской армии путем расширения и переформирования отрядов.

Построение отрядов сопровождалось дискуссиями по ряду вопросов.

В те дни некоторые товарищи были обеспокоены малочисленностью выходцев из рабочих в составе партизанского отряда. Изучили более 100 записавшихся добровольцами, и оказалось, что они в большинстве своем были учащимися и крестьянами по происхождению. Сделав большие глаза, иные выразили сомнение: «Малочисленность рабочих не является ли нарушением принципа марксизма-ленинизма в создании революционной армии? Не станет ли этот факт причиной перерождения революционной армии?»

Товарищам с такими взглядами я терпеливо и убедительно растолковывал: «Рабочий класс должен быть главным составом революционной армии — таков общий принцип марксизма-ленинизма по военному делу, но не надо механически применять этот принцип. В нашей стране подавляющее большинство населения составляет крестьянство, а рабочий класс по сравнению с ним — незначительное количество. Однако нельзя отодвигать на задний план создание партизанской армии и ждать до тех пор, пока не возрастет рабочий класс в численном отношении. В нашей стране у выходаев из крестьян и у учащихся революционное сознание и национальный дух не менее высоки, чем у рабочего класса. Хотя они и не одинаковы с рабочим классом по происхождению, но тут страшного ничего не будет. Пусть они сражаются с врагом, имея идеи рабочего класса, — и все. Преобладание выходцев из крестьян и интеллигенции никак не станет причиной перерождения революционной армии».

И при разработке системы командования мы не абсолютизировали готовые формулы, учли особенности и требования партизанской войны. Определили строение и штатный состав

отряда в таком направлении, чтобы больше было воюющих — исполнителей команды, чем командующие. Так сказать, систему командования максимально упростили. Стало быть, в штатном составе отряда не было специальной интендантской службы и ее начальника. Готовили всех и каждого к тому, чтобы они сами и кашу себе варили, и стирали белье, и шли в бой, а порой и работали в подполье, если это необходимо.

Каким хорошим наставлением послужила бы нам книга Клаузевица «О войне»[24], если бы тогда она попала нам в руки! В то время военные знания у нас были достаточно скудные, знали только, что система 3:3 при формировании части была разработана Наполеоном, а о Клаузевице знали только его имя.

Только во время второй мировой войны мне удалось достать сочинение Клаузевица «О войне». Я легко понял идею автора, что надо упростить систему командования, чтобы стало больше воюющих.

В начале создания АНПА ее основной боевой единицей была рота. Меня избрали командиром и ло совместительству политкомиссаром.

Партизанское обмундирование было сшито из ткани защитного цвета, окрашенной соками дуба. К левой стороне груди прикреплен пятиконечный лоскуток ткани красного цвета, на котором написан номер роты. Было решено прикрепить к фуражке красную звезду и повязать ноги гетрами белого цвета. Шла последняя работа по созданию партизанской армии. Просто было приятно заканчивать каждую из деталей обмундирования будущей армии.

Мы серьезно обсуждали и решили проблему обмундирования. Члены Общества женщин начали шить военную одежду.

В то время моя мать была тяжело больна. Но она, страдая от

болезни, вместе с членами Общества женщин вложила всю душу в шитье военной формы — вела не только закройку, но сама и крутила швейную машину.

Шли последние дни апреля 1932 года. В Аньту проходило заключительное собрание по созданию АНПА. На собрании обсудили вопрос об окончательном утверждении приема молодых добровольцев, о дате и месте церемонии по случаю основания партизанской армии. Была уточнена зона предстоящей деятельности армии, разработан весь комплекс мер, связанных с действиями партизан.

После собрания желающие вступить в отряд собрались в Люцзяфэньфане (Фацайтунь) — на подступе к Саньдаобайхэ. Потом они опять собрались в Сяошахэ. Молодых добровольцев было более 100 человек. Не все фамилии и имена бойцов помню сейчас, кроме Чха Гван Су, Пак Хун, Ким Иль Рён (из Сяошахэ), Чо Док Хва (из Сяошахэ), Рябой (прозвище, из Сяошахэ), Чо Мен Хва (из Сяошахэ), Ли Мен Су (из Сяошахэ), Ким Чхор (Ким Чхор Хи, из Синлунцуня), Ким Бон Гу (из Синлунцуня), Ли Ен Бэ (из Синлунцуня), Квак х х (из Синлунцуня), Ли Бон Гу (из Саньжэньфана), Пан Ин Хен (из Саньжэньфана), Ким Чжон Хван, Ли Хак Ён (из Кореи), Ким Дон Чжин (из Кореи), Пак Мен Сон (из Яньцзи), Ан Тхэ Бом (из Яньцзи), Хан Чхан Хун (из Южной Маньчжурии).

Утро 25 апреля 1932 года.

Мы устроили на лесной поляне Туцидяня церемонию по случаю основания Антияпонской народной партизанской армии.

На поляне горки, окруженной лиственницами, выстроились по подразделениям ряды бойцов в новой форме, с оружием. В одной стороне поляны стояли и шумели жители из Сяошахэ и Синлунцуня.

Я довольным взглядом окидываю строй бойцов — полнокровной и славной молодежи. У меня в памяти роились, как плавающие облака, всякие воспоминания. Чего только не стоило создание этого вооруженного отряда! Какой далекий путь прошли наши товарищи, сколько проводили собраний, сколько раз произносили речей, сколько перевалов одолели! Сколько было у нас горечи и жертв! АНПА создана ценой неутомимых усилий, слез, кровопролития и жертв многочисленных товарищей- Это было бесценным детищем нашей революции!

Сердце мое хотело пригласить на эту горку всех покойных, всех товарищей, которые погибли, так и не увидев этого светлого дня. Я чувствовал в себе бурю волнения, исходящего из глубины сердца, и начал произносить речь.

Вот я объявляю создание АНПА — и вмиг бойцы во весь голос закричали «Ура!», среди жителей раздался гром аплодисментов.

А 1-го Мая — в боевой праздник рабочего класса всех стран — отряд АНПА с развевающимся красным флагом, торжественно вступил в уездный центр Аньту. Трубили трубы, гремели барабаны, величаво двигались колонны парада. На марше стал запевалой Ким Иль Рён, один из командиров АНПА.

Высыпали на улицу люди — не только жители, но даже офицеры и солдаты китайских антияпонских отрядов. Аплодировали с приветствиями и поздравлениями, торжественно вздымая вверх большой палец.

После парадного марша отряд вернулся в Туцидянь. Чха Гван Су и Ким Иль Рён побежали в наш дом и подняли с постели больную мою мать.

Истерзанное болезнью лицо, морщины на переносице, седые

волосы... Но у нее безмятежно улыбались глаза- Подходит она к Ли Ен Бэ и долго-долго гладит винтовку, патронную ленту, пятиконечную звездочку. Потом проходит перед Ким Чхором, Чо Док Хва, Ким Иль Рёном, Пан Ин Хеном и Чха Гван Су. Гладит оружие то у того, то у этого, гладит по плечам молодых бойцов.

Вот и у нее наконец глаза повлажнели.

— Молодцы, ребята! Теперь у нас своя армия, приятно на душе. Бейте япошек, верните потерянную Родину!

Голос был взволнованным. В ту минуту она, может быть, совсем забыв о себе, о своем труде, вложенном в наши дела, думала о стремлениях и желаниях моего отца, который умер с завещанием о возрождении Родины, вспоминала обо всех погибших патриотах страны...

В Яньцзи, Ванцине, Хуньчуне, Хэлуне и других районах Восточной Маньчжурии непрерывно появлялись партизанские отряды. Ким Чаком, Чвэ Ён Гоном, Ли Хон Гваном, Ли Дон Гваном и другими стойкими коммунистами Кореи было создано в Северной и Южной Маньчжурии много партизанских отрядов, которые открыли по противнику смертоносный огонь.

Весна 1932 года созревала в неумолкающих громах выстрелов великой антияпонской войны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Годы испытаний

В Южную Маньчжурию ... 361
Последний облик матери ... 383
Радость и скорбь ... 402
Невозможно ли сотрудничество? ... 422
Под идеалом консолидации ... 449
Вместе с Армией спасения отечества ... 472
Осень в Сяошахэ ... 490
На плоскогорьи под Лоцзыгоу ... 507

Май 1932 — февраль 1933

1. В Южную Маньчжурию

После легализации партизанских действий и официального создания Антияпонской партизанской армии среди наших товарищей прошел серьезный спор вокруг вопроса: с чего начать в качестве ее первого шага?

Вернувшись в Сяошахэ после военного парада в городке, мы разместили своих бойцов по крестьянским домам — по три-четыре человека в каждой комнате. Дав им отдохнуть там несколько дней, мы обсуждали вопрос: как определить направление дальнейших действий партизанской армии. И это обсуждение сопровождалось жаркими дискуссиями, как и в Калуне и в Минюегоу.

Посмотришь со стороны на их словопрения — каждый выглядел настоящим оратором, как говорится, кто поет — тот и певец.

Каждый имел свое представление о партизанской войне. Какая была разноголосица утверждений и толкований насчет ее тактики! Да иначе и не могло быть: коллектив наш состоял из ста с лишним юношей, разных по образованию, жизненному пути и принадлежности к организациям.

Если резюмировать их утверждения, то их можно было свесги в основном к трем группам.

Утверждение первой группы сводилось к идее борьбы отдельными группами. Эта идея означала не следовать заштампо-

ванному методу формирования частей: роты, батальона, полка, дивизии и т.п., а организовать многочисленные вооруженные группы, небольшие, но высокоманевренные, и истрепать врага непрерывными истребительными ударами.

Если раздробить партизанские силы по группам, в каждой из которых по три-пять человек, и, следуя единой тактике штаба, повсеместно действовать десятками и сотнями групп, то вполне, мол, можно поставить на колени оккупантов — японских империалистов.

Сторонники этой идеи утверждали, что такая партизанская война, основной единицей которой является отдельная вооруженная группа, может быть, послужит процессом создания новой формы национально-освободительной борьбы в колониальной стране.

За эту идею стояли, в частности, многие из юношей, приехавших из Дуньхуа и Яньцзи. Юноши этих двух местностей больше всего находились под влиянием левацкой авантюристической линии Ли Лисаня. Ее порочный яд все еще оставался в их образе мышления.

Чха Гван Су подверг резкой критике идею борьбы отдельными вооруженными группами как современный вариант бланкизма. Взгляды Чха Гван Су разделял и я.

Суть идеи борьбы отдельными вооруженными группами заключалась в том, чтобы избегать лобового вооруженного противоборства крупными отрядами, так как военная мощь японского империализма непомерно грозная, и, действуя группой в несколько человек, бросать гранаты на главарей противников, как это делали Ра Сок Чжу и Кан У Гю, устраивать поджоги в органах правления и карать прояпонских прислужников и национальных предателей.

Такая идея была разновидностью терроризма, прикрытого вывеской партизанской войны.

Если последовать этой идее, то это на деле означало бы отказ от партизанской войны крупными отрядами, означало бы отступление в методах борьбы. Мы не вправе были обойти молчанием такое отступление.

В период до и после создания АНПА произошло в Японии и Китае два сенсационных события. Это было дело рук патриотов Кореи. Одним из них был поступок Ли Бон Чхана. За воротами Сакурада-мон императорского дворца в Токио он бросил бомбу в карету, запряженную двумя лошадьми, в которой сидел японский император. Бомба пролетела мимо, и Ли Бон Чхану не удалось добиться своей цели расправиться с императором. Другое событие —это случай с метанием бомбы Юн Бон Гиром в Хункоуском парке Шанхая 29 апреля того же года. Цель его была достигнута: были убиты на месте командующий японскими войсками в Шанхае генерал армии Сиракава, генеральный консул в Шанхае Мураи, глава группы резидентов Кавахаси, тяжело ранены посланник в Китае, командир 9-й дивизии, адмирал ВМС и ряд других ведущих военных и политических деятелей, собравшихся в Хункоуском парке по случаю дня рождения императора, что вызвало большую сенсацию в стране и за ее пределами.

9 января 1932 года, на следующий день после ареста Ли Бон Чхана за метание бомбы на императорское шествие, газета «Гоминь жибао», печатный орган Гоминьдана в Китае, опубликовала статью под заголовком «Налет корейца Ли Бон Чхана: к несчастью, не попал в японского императора», набранную особо жирными шрифтами. И другие газеты тоже широко информировали о патриотическом поступке этого корейца в своих специальных статьях. Это сообщение вызвало такой потрясаю-

щий отклик, что местные японские войска и полиция совершили налет на редакцию газеты «Гоминь жибао» и разгромили ее. Они закрыли все газеты, опубликовавшие статьи со словом «к несчастью».

Патриотическим поступком Юн Бон Гира восхищались все народы Кореи и Китая. После инцидента в Хункоуском парке известные представители китайской общественности один за другим обращались к Ким Гу, организатору и закулисному руководителю этого инцидента, с просьбой встретиться с ним. Даже главари реакционного гоминьдановского правительства, взявшие курс капитулянтства перед лицом японской агрессии, были тронуты непоколебимым духом сопротивления и героизмом корейской нации и обещали оказывать экономическое содействие корейцам, проживающим в Китае.

Ли Бон Чхан и Юн Бон Гир были подручными Ким Гу, членами возглавляемого им Союза патриотов Кореи. Основным методом антияпонской борьбы союза были террористические акты.

Вслед за поступками Ли Бон Чхана и Юн Бон Гира возник в Даляне случай с арестом посланных Ким Гу членов этого союза по обвинению в покушении на командующего Квантунской армией. Они замышляли убить командующего Квантунской армией, президента японской Компании Южноманьчжурской железной дороги и вновь назначенного заведующего отделом внешних сношений, воспользовавшись случаем, когда японские военные и политические деятели выйдут на вокзал встречать приезд комиссии Лиги Наций во главе с Литтоном из Мукдена в Далянь. Ким Гу намеревался послать своих подручных и на ликвидацию генерал-губернатора в Корее.

Когда восхваляли ан Чжун Гына, выстрелившего в Ито

Хиробуми, как национального героя, когда поступки Ли Бон Чхана и Юн Бон Гира всколыхнули не только население внутри страны, но и все круги соотечественников, проживавших в различных регионах Америки, Приморья, Маньчжурии, терроризм, настраиваясь на такую атмосферу времени, пленил многочисленных корейских юношей, воспламенявшихся ненавистью к врагу. Так что нет ничего удивительного, что в такое время по днималаголову идея борьбы мелкими вооруженными группами и была представлена на рассмотрение нашей споры, где следовало решить направление действий АНПА. Сторонники этой идеи твердили, что если такие акции, как патриотический поступок Юн Бон Гира, будут непрерывно возникать в различных районах Кореи, Японии и Китая, то пошатнется цитадель господства японского империализма.

Вторая группа настаивала на немедленном переходе ко всестороннему вооруженному наступлению. Если Ким Иль Рён и другие лица проявляли интерес к идее борьбы небольшими вооруженными группами, то Пак Хун, Ким Чхор(Ким Чхор Хи) и другие юноши тянулись к идее немедленного вооруженного противоборства. Пак Хун только и видел, как в крупном городе хлынули потоком разгневанные бойцы регулярных войск и восставшие массы численностью в тысячи и десятки тысяч человек. Поэтому идея борьбы отдельными вооруженными группами шла ему не по нутру, он упорно настаивал на необходимости немедленно начать всестороннее вооруженное наступление. Такое его утверждение отчасти было понятно. Ким Чхор, который жил в доме родителей невесты, тоже выступал с жаром, как не подобало покорному по натуре, заявлял, что надо с самого начала развернуть дело с широким размахом. Действительно это удивило меня.

И у тех, кто ратовал за тотальное вооруженное наступление, были определенные основания. После события 18 сентября Япония легко добилась своей цели — оккупации Маньчжурии, заняла Шанхай и ряд других важнейших опорных пунктов Внутреннего Китая. В трех провинциях Северо-Востока Китая[25] появилось марионеточное государство «Маньчжоу-Го» и подняло свой флаг. Куда будет направлено потом острие японской атаки? На Внутренний Китай и на Советский Союз. Совершенно было ясно, что ныне японские войска, наблюдая со стороны за тенденциями развития ситуации, не наращивают темпы наступления, но рано или поздно, состряпав какой-то предлог, совершат нападение на Китай и на Советский Союз. Поэтому предпринять всесторонние военные действия ныне организованными вооруженными отрядами — это все равно что нанести удар по затылку японским империалистам, глубоко увязшим в трясине войны. Нашими партизанскими отрядами предпринять активные наступательные действия — это веление истории... Таков был их довод.

Ким Иль Рён отвечал на их радикальное утверждение одной лишь короткой пословицей: «По одеялу протягивай ножки». В самом деле это были безрассудные субъективистские взгляды, которые совершенно не считались с подготовленностью АНПА.

Линия на ведение вооруженной борьбы, выдвинутая нами в Калуне, разумеется, предусматривала всестороннее вооруженное противоборство с японскими империалистами. Не было сомнения в том, что основной формой нашей борьбы станет организованное всестороннее вооруженное противоборство с врагом. Но если партизанские отряды, только что сделавшие свой первый шаг, с самого начала без всякой собственной

подготовки пойдут по такому пути, то это было бы равнозначно самоубийству.

Кроме того, была еще и другая, третья группа, которая выступала с идеей благоразумия. Ее сторонники утверждали, что победа за победой будет тогда, когда будешь знать и врага и себя, а когда не будешь знать и врага и себя, тогда последует поражение за поражением.

Сторонники идеи благоразумия заявляли; «Наш противник сильный, а мы? Всего-навсего недавно рожденные молодые ростки, судя как по количественному, так и по качественному отношению. Разумеется, нет сомнения в том, что мы станем впредь могучими, но сейчас надо, действуя потихоньку, постоянно наращивать силы как в количественном, так и в качественном отношениях. Наша борьба носит затяжной характер, поэтому надо терпеливо накапливать силы и, воспользовавшись моментом, когда противник ослабеет, одним ударом разгромить его». Эти взгляды подвергались критике как весьма нерешительные и туманные, неопределенные по времени.

Такой диспут мы не впервые вели в Сяошахэ. Подобный спор мы проводили и при организации революционной армии в Гуюйшу. Такого рода диспут проходил и тогда, когда после утверждения в Калуне линии на вооруженную борьбу мы приняли в Минюегоу решение о развертывании организованной партизанской войны. Поэтому всем другим товарищам, за исключением тех, которые уже давно с нами вели жизнь в одной организации, трудно было понять глубокую суть нашего намерения.

Такие разные голоса, звучавшие в наших рядах вокруг такого важного вопроса, как вопрос о линии, можно сказать, явились своего рода хорошим примером, показывающим моло-

дои облик Антияпонской народной партизанской армии. Наш отряд состоял из людей, разных по профессии, образованию, месторождению и организациям, а именно: были и юноши, которые, регулярно читая газеты «Тоньа ильбо», «Чосон ильбо» и другие издания, а также конспекты уроков средней школы, упорно работали над расширением своего кругозора, были и юноши, которые, прочитав такие художественные произведения, как «Мальчик-бродяга» Цзян Гуанцы и «Исповедь беглеца» Чвэ Со Хэ, и лелея заветную мечту о преобразовании общества, вступили в партизанский отряд, были и такие юноши, которые не могли переступить порог школы, но несколько лет проходили школу политического крещения в революционных организациях, таких, как Красное ополчение и Детский авангард, и, приобретя ружье, вступили в вооруженный отряд. Отсюда естественно, что возникали различия в уровне понимания явлений и вещей.

Эти обстоятельства обязывали нас уделять особое внимание организационно-политической работе по обеспечению единства идей в рядах, согласованности действий и единообразия привычек и обычаев.

Мы считали необходимым принять в качестве первого шага меры по обеспечению единства взглядов на тактические принципы партизанской армии и важный вопрос линии борьбы. Мы признали, что без этого новорожденная АНПА с первого же шага может оказаться перед опасностью крушения.

Я вместе с Чха Гван Су заходили к товарищам, расквартированным в домах сельчан, толком не понимавшим наших тактических соображений. Я сказал им:

— Идея борьбы отдельными вооруженными группами — это все равно что идти по следам Ан Чжун Гына. Поставить на колени японский империализм террористическими актами —это

бредовая мечта. Ито Хиробуми был убит, но японское господство остается таким же. Наоборот, оно состряпало и «Маньчжоу-Го», а теперь протягивает свои щупальца к внутренней территории Китая. В случае необходимости АНПА может действовать и группами, но группа не должна стать основной боевой единицей.

И еще сказал:

— И идея немедленно перейти к тотальному военному наступлению не отвечает реальной действительности. В нашем отряде всего сто с лишним человек. Идти этим отрядом на лобовое противоборство с крупными войсками Японии численностью в сотни тысяч штыков — это лишенный логики акт. Если думать, что наступлением ста бойцов удастся подавить полчища численностью в сотни тысяч солдат, то какое же это наивное суждение! Товарищи! Прошу вас трезво оценить врага.

Продолжая, еще сказал:

— Тогда что делать? Давайте пока проведем партизанские бои, делая роту основной единицей! Действуя по небольшим группам, не совершишь большое дело! В дальнейшем, когда отряд расширится, можно будет действовать и более крупными единицами, но ныне рациональнее всего действовать ротами. И вы хорошо знаете, что обстоятельства не позволяют нам с самого начала создавать крупные отряды. Антияпонская война — это не краткосрочная война, которая завершится лишь несколькими боями. Поэтому нам следует начать борьбу небольшими силами, а затем в ходе войны непрерывно накапливать вооруженные силы и расширять их, а, когда делу пробьет свой час, объявить решительную войну в сочетании с общенародным вооруженным восстанием и добиться окончательной победы. Мы должны, оперативно маневрируя с легким вооружением,

рассредоточивать скопления противника, а рассредоточенных врагов громить поодиночке и, избегая крупного скопления противника, уничтожать малочисленного врага. Таким образом надо постоянно обеспечивать тактико-стратегическое превосходство над врагом и громить захватчиков империалистической Японии непрерывными истребительными боями. Это и есть партизанская война, в этом и есть ее искусство. Товарищи сторонники идеи благоразумия! Вы утверждаете: избегая битв, потихоньку накапливать силы, а когда настанет час, одним ударом разгромить противника! Вы думаете, что без борьбы, без жертв и без кровопролития сам собою придет такой час? Надо твердо запомнить, что никто не подарит нам шанс добиться независимости страны. Такой шанс мы должны сами своей борьбой завоевать!

Такими словами я старался убедить бойцов в наших соображениях. Разумеется, не все бойцы тут же полностью поняли их. Среди них находились и товарищи, которые не хотели взять обратно свое утверждение, упорно стояли на своем.

Только практическая борьба, думал я, положит конец разноголосому нашему диспуту, определит, на чьей стороне правда. Я не щадил времени для изучения и определения направления деятельности нашей партизанской армии.

Перед нашим отрядом, вставшим на путь антияпонской войны, к тому времени стояли следующие задачи: во-первых, закалять АНПА в ходе практической борьбы, во-вторых, быстро расширять ее отряды и укреплять их в качественном отношении, а в-третьих, создать в массах прочную базу для революционной армии и сплотить вокруг партизанской армии широкие слои масс.

Видя ключ к разрешению вышеуказанных задач в походе в

Южную Маньчжурию, мы выдвинули его в качестве главной стратегической задачи на 1932 год.

Вооруженный отряд, организованный нами в Аньту, отличался от других партизанских отрядов, созданных в разных уездах и участках. Если они созданы из уроженцев данных уездов, то партизанский отряд Аньту — из отобранных активистов из разных уездов Восточной и Южной Маньчжурии и передовых юношей, приехавших из Кореи. Если другие отряды считали своим принципом действовать только в одной своей местности, то наш отряд в принципе не ограничивал арену своей деятельности одним или двумя районами, действовал в районе горы Пэкту и во всех других районах бассейнов рек Амнок и Туман.

С географической точки зрения Аньту был весьма благоприятным для партизанской войны, но нам нельзя было пребывать только в одной местности. Нашему партизанскому отряду, только что вышедшему из своей скорлупы, следовало выйти на широкий простор, чтобы под ветром и дождем вырастить свой ствол и свои ветви и пустить свои корни в гущу народа. Нужно было предостерегать от склонности поспешно вести боевые действия, но была недопустима и тенденция сидеть на одном месте и проводить просто время, думая только о сохранении своего существования. Именно в этом крылась одна из важных причин того, что мы выбрали поход в Южную Маньчжурию как первый шаг к военным действиям АНПА.

Главная текущая цель похода — установить связь с отрядами Армии независимости, действовавшими в бассейне реки Амнок. В районе Тунхуа Южной Маньчжурии были расквартированы отряды Армии независимости во главе с командующим Рян Сэ Боном. Мы хотели создать с ним совместный фронт.

Войска Армии независимости, действовавшие под его ко-

мандованием, насчитывали несколько сотен человек. Их называли и Корейской революционной армией.

К тому времени, когда в Аньту была создана АНПА, Рян Сэ Бон в сотрудничестве с Армией самообороны во главе с Тан Цзюйу успешно громил японские войска и войска марионеточного государства Маньчжоу-Го. Весть об этих боевых успехах долетела до горной деревни Сяошахэ, радуя нас.

Пак Хун, отрицательно качая головой, сомневался: вряд ли Рян Сэ Бон — националист из Кунминбу, до мозга костей пронизанный-антикоммунизмом, пойдет на сотрудничество с коммунистами. Но я заявил: если возможно сформировать совместный фронт и с китайской Армией спасения отечества, а почему же нам, людям, в жилах которых течет кровь одних предков, нельзя пойти рука об руку под общим лозунгом антияпонской борьбы? Что бы ни случилось, сказал я, нужно пойти на совместный фронт с отрядами Армии независимости.

Я считал, что есть шанс добиться успеха в сотрудничестве с Рян Сэ Боном. Такой мой довод состоял и в том, что я дорожил чувством дружбы и долга и близкой личной привязанностью прошлого: он как человек, связанный с моим отцом узами глубоких дружественных отношений, очень любил меня. Я еще в детстве слышал, что Ким Си У и Рян Сэ Бон вместе с моим отцом в Хуадяне побратались и сфотографировались. Дружественные отношения между командующим Ряном и моим отцом были необыкновенно близкими. Не будь их отношения такими, он не писал бы мне письменную рекомендацию в училище «Хвасоньисук» и каждый раз, когда он приезжал в Гирин, не приходил бы в Юйвэньскую среднюю школу и не давал бы деньги мне в руки. С каким скромным расчетом я расходовал эти деньги в

ту пору! Из-за трудности с оплатой за обучение мне приходилось экономить каждую копейку, не позволяя себе отведать даже китайскую пампушку, которую другие охотно покупали и ели.

Из-за моего разочарования в группировке Кунминбу вообще, вызванного инцидентом в Ванцинмыне, отношения между нами с Рян Сэ Боном, естественно, становились отчужденными, но из моей души никогда не уходило чувство благодарности к нему.

И после создания партизанской армии мне приходилось ломать голову, не находя дальнейшего ее пути. Не случайно, что в такое время меня первой осенила мысль: «Ты должен обратиться к Рян Сэ Бону». Меня обуревало страстное желание не столько сформировать с ним единый фронт, сколько обратиться к нему за советом, послушать вдохновляющие слова: он же имеет за плечами многолетний опыт практической борьбы.

Если сравнивать командующего Рян Сэ Бона с нами, ни разу еще не нюхавшими пороха и охваченными радостью похода, то можно было назвать его опытным старейшим полководцем. Мы, конечно, не раз заявляли перед деятелями националистического движения о своей решимости не повторять методы Армии независимости, но это не означало, что мы не должны считаться с их военным опытом и искусством. А означало нашу готовность не следовать их дурным привычкам не опираться на силы народа.

Когда в Ванцинмыне я испытывал на себе белый террор Кунминбу, я, глотая кровавые слезы, решил не связываться больше с вожаками Армии независимости. Но мы, думая о нашем общем священном деле — национальном освобождении, решили не копаться в порочных следах прошлого. Если сво-

дить счеты с прошлым, то никак не наладишь никакого сотрудничества.

В Южной Маньчжурии, кроме части Рян Сэ Бона, действовали еще антияпонские вооруженные отряды под командованием таких корейских коммунистов, как Ли Хон Гван и Ли Дон Гван. Партизанский отряд, организованный Ли ХонГваном в мае 1932 года, называли Паньшиской рабоче-крестьянской добровольческой армией. Позже этот отряд был реорганизован в Южно-маньчжурский партизанский отряд 32-го корпуса Рабоче-крестьянской красной армии Китая, а потом — в 1-й корпус Северо-Восточной народно-революционной армии.

Ли Хон Гван слыл известным лицом не только потому, что он с присущими ему необыкновенной находчивостью и полководческим искусством умело командовал своими войсками, но и потому, что газеты Квантунской армии и Маньчжоу-Го и другие виды вражеской прессы давали неправильную информацию, называя его «женщиной-полководцем».

Что послужило тому поводом? А вот такой комедийный эпизод, вызвавший всеобщее посмешище. Однажды, вернувшись в свою опорную базу после налета на Дунсин, Ли Хон Гван приказал своей подчиненной партизанке вести допрос пленных. Прежде чем начать допрос, эта партизанка, представляя себя: «Я и есть Ли Хон Гван», потребовала от пленных выдать расположение сил полиции и планы карательной экспедиции. И эти пленные, вернувшись, распространяли слухи: «Ли Хон Гван — красавица лет двадцати». Таким образом среди японских солдат стали в ходу слухи о том, что Ли Хон Гван — «женщина-полководец».

Если Ли Хон Гван отличался своей находчивостью и дерзостью как военный стратег в ходе вооруженной борьбы, то Ли

Дон Гван выделялся как способный политработник, показывавший свое необыкновенное умение в партийном строительстве ив идейном пробуждении масс и объединении их в организации. Еще во второй половине 20-х годов его имя находило широкое распространение в Восточной Маньчжурии.

О нем мне говорили Ким Чжун, Со Чхор и Сон Му Сон. Еще в бытность свою учеником Тонхынской средней школы в Лунцзине Ли Дон Гван стал выделяться руководителем ученического движения. Весть о его аресте в Лунцзине по первому этапу дела компартии в Цзяньдао и его бегстве из тюрьмы долетела до Гирина.

Летом 1930 года я встретился в Харбине с товарищем Со Чхором. Он мне мимоходом напомнил, что Ли Дон Гван знает обо мне. Когда ан Чхан Хо читал лекцию в Гирине, Ли Дон Гван, мол, видел меня, а позже — на конференции представителей крестьян района Паньши в Улихэцзы. И я просил Со Чхора при встрече с Ли Дон Гваном поведать ему о стратегии нашей борьбы и передать мои слова о том, что рано или поздно нам придется познакомиться друг с другом и сражаться рука об руку в одном окопе.

Позже Ли Дон Гван работал секретарем Южноманьчжурского Особого комитета, заведующим орготделом провинциального комитета Восточной и Южной Маньчжурии, но в дни, когда мы готовились к походу в Южную Маньчжурию, работал секретарем участкового комитета в уезде Паньши.

Корейские коммунисты составляли костяк антияпонских вооруженных сил и в районах Южной Маньчжурии, как и в Восточной.

В случае похода в Южную Маньчжурию мы решили установить связь и с ними. Если отряды, находящиеся в «поре юности»,

будут встречаться и обмениваться опытом, совместно предпринимать меры по борьбе, то это, я считал, будет очень полезным для развития АНПА. В самом деле мы на протяжении всего периода антияпонской вооруженной борьбы действовали в тесной связи с партизанскими отрядами Южной Маньчжурии. В ходе этого мы с Ли Хон Гваном, Ли Дон Гваном и Ян Цзинюем были связаны неразрывными узами.

В Люхэ, Синцине, Паныпи и других районах Южной Маньчжурии действовали многочисленные наши организации. Когда мы действовали в центральной части Маньчжурии, мы посылали много лучших работников КСМК и АСМ в эти районы на организационную работу. Были направлены туда и Чвэ Чхан Гор и Ким Вон У. Однако рожденные их усилиями организации были жестоко разрушены после события 18 сентября.

Если мы выйдем в Южную Маньчжурию, то это могло бы создать благоприятные предпосылки для восстановления этих организаций и ободрения павших духом революционеров.

Иные историки излагают этот период так, будто после создания АНПА вся наша деятельность шла как по маслу, без всяких преград и зигзагов, однако революция не такая простая вещь.

С тех пор, как был определен маршрут первого похода новорожденной партизанской армии в Южную Маньчжурию, и до его совершения нам не раз приходилось переживать глубокие душевные муки и невзгоды.

В мае 1932 года мы собрались в доме Ким Чжон Рёна, где помещалась штаб-квартира участкового парткома. Здесь мы созвали совещание с участием руководящих кадров партийных и комсомольских организаций уездов Восточной Маньчжурии. На нем были обсуждены вопросы о походе в Южную Маньчжурию и

о создании опорной базы. Предложенный нами план похода в Южную Маньчжурию был единодушно одобрен участниками совещания. Курс на совершение похода с радостью воспринимали и юноши, которые вели жаркий спор, разбившись на две-три группы в отряде.

Однажды, когда мы активно вели подготовку к походу, с серьезным выражением на лице пришел ко мне Чха Гван Су, назначенный начальником штаба отряда.

— Товарищ командир! — сказал он. — Раз решили совершить поход, не лучше ли на днях немедленно покинуть Сяошахэ? Тут поблизости от нас большак, непрерывно проходят вражеские транспортные обозы, не скажут они нам спасибо. Остро стоит и вопрос продовольствия. Здесь всего сорок крестьянских дворов, а мы, более ста человек, питаемся на дармовщину. Какой бы ни была щедрой и гостеприимной деревня Сяошахэ, она дальше такого не выдержит!

Начиная с весны, наступил голод, поднялся народ на восстание по случаю весеннего голода, поэтому жалоба на продовольственный кризис убедила меня не менее, чем его объяснение.

Но я не согласился с ним, что нужно немедленно оставить Сяошахэ со ссылкой на частый проход вражеского транспортного обоза. В ответ на его предложение оставить Аньту потихоньку, незаметно, я сказал:

— Товарищ начштаба! Раз мы поднялись с оружием в руках, не лучше ли нам драться с врагом?

— Бой?

— Да! Раз создан отряд, надо начать бой. Враги ходят под самым носом, а мы сидим да смотрим на них сложа руки. Так дальше не годится. Придет время, покинуть-то покинем, но

неплохо бы сделать в Аньту хоть один выстрел. Без боев нельзя закалять бойцов. Если дело кончится удачно, можем приобрести и материалы, необходимые для похода.

Чха Гван Су с большим удовлетворением согласился с моим предложением. И тут же он вместе с Пак Хуном вышел на большак и разведал местность. Разведка была направлена на поиск удобного для засады места. Они предложили устроить засаду на перевале Сяоинцзылин у дороги и совершить налет на проходящий транспорт. Их план совпал с моим замыслом. В формах боевых действий партизанских отрядов засаду я считал самой целесообразной и общепризнанной формой.

Перевал Сяоинцзылин находится в промежуточном участке дороги от Аньту до Минюегоу. Это была прямая дорога от Дадяньцзы в Дашахэ, прямое расстояние до него от Сяошахэ— примерно 16 километров. Гора была не такая уж крутая, но дорога шла, извиваясь, вдоль ущелья. Это было очень удобное для засады место. Противник перевозил по этой дороге военные материалы войскам, переброшенным в Аньту и его окрестности.

И вот наконец к нам прилетело сообщение от местной организации об отбытии из Минюегоу в Аньту транспортных обозов войск марионеточного государства Маньчжоу-Го, на подводах — оружие и интендантские материалы. Я вместе с бойцами, предназначенными совершить поход в Южную Маньчжурию, быстрым ночным маршем прибыл в Сяоинцзылин. Засаду устроили по сторонам дороги.

Бой из засады в ночных условиях вообще нельзя назвать рациональным методом ведения боев. Ночью трудно различить своих от врага, эффективнее был бы внезапный штурмовой бой. За весь период антияпонской войны, думаю, было мало случаев боев из засады в ночных условиях.

Нам, только что тронувшимся в неизведанный путь, тогда было и невдомек учитывать такие разумные обоснования. К счастью, ярко сияла полная луна, что и помогло нам избежать такого несчастного случая, как бой между своими.

В глубокую ночь, на перевале появились транспортные обозы. Первая группа, устроившая засаду в 100 метрах от нас, на передовой линии, дала сигнал о появлении противника. Транспортные обозы противника состояли из 12 подвод.

Я был так сильно напряжен и взволнован, что слышно было, как у меня колотится сердце. Тогда я всем своим существом убедился, что любое дело, с которым впервые будешь сталкиваться, всегда будет сопровождаться вот таким большим душевным потрясением, тревогой и опасением- Рядом со мной лег Пак Хун, и он тоже был до предела напряжен. Раз таким был и Пак Хун, окончивший офицерскую школу Вампу и даже успевший понюхать пороха, то какими были и как себя чувствовали другие бойцы, — нетрудно было догадаться.

Первая группа в засаде пропустила головную часть обоза. Когда же половина его вереницы оказалась перед второй группой засады, я, взобравшись на скалу, дал сигнал из пистолета. В ущелье раздались оглушительные выстрелы и крики. Мы легко различали своих, обвязавших руки белыми полотенцами, но застигнутые врасплох транспортники противника не могли различать своих и стреляли вслепую. Более 10 конвойных, опираясь на подводы, яростно отвечали на наш огонь. Тут уж, если протянуть время, обстановка могла стать для нас неблагоприятной.

Мы продолжали стрельбу примерно минут 10, а затем ринулись в атаку и одним махом завершили бой. Противник сдался: убитых и раненых было более десяти, столько же было

взято в плен. Все они были солдатами войск Маньчжоу-Го, среди них был только один японский сержант.

Перед сдавшимися солдатами я произнес краткую речь, призвал их к антияпонской борьбе.

Той же ночью мы на 10 подводах с трофеями вернулись в Мутяотунь. 17 винтовок, один пистолет, большое количество пшеничной муки, которой нам, сотне человек, хватило бы примерно на месяц, ткань и армейская обувь... Ничего не скажешь, первый трофей был довольно щедрым.

Уже за полночь. Мы развели во дворе костер, сели вокруг него и ели мучные клецки. Это был скромный пир в честь победы в первом бою.

И я их ел, но не мог успокоить в себе волнение: сердце так и колотилось. Был и вкус их отличным, а настроение у нас было еще куда лучше. И поныне, вот прошло уже 60 лет, живы в моей памяти испытанные в ту ночь радость и волнение от первой победы, отчего, казалось, чуть не разорвалось сердце. Чха Гван Су молча глядел на костер. Под его очками для близоруких струйками лились слезы. Вдруг он, схватив меня за руку, глухим голосом заговорил:

— Послушай, Сон Чжу! Как пронюхал, ничего тут особенного.

Таково было впечатление начштаба от первого боевого крещения.

Если вкратце резюмировать, таким было впечатление и мое. «Бой, — думал я, — не такая уж особая вещь. Будь у тебя оружие и дерзость, вести его всякий сможет. Да и противник этот не так уж силен, каким нам до сих пор он представлялся. Видишь, они подняли руки вверх и сдались нам. Ну, давайте с твердой верой

подготовимся к более крупным битвам. Мы возьмем верх, мы победим».

— Как было бы хорошо, если бы в такие минуты был с нами Ким Хек. Будь он тут, в его голове взблеснул бы экспромт и он высыпал бы нам весь запал своего сердца. Эх, как рано ушел он из жизни! Ким Хек, Син Хан, Ри Габ, Чжэ У, Кон Ен, где же они все?—так бормотал про себя, как в бреду, Чха Гван Су, вытирая слезы, которые ручьями текли по его щекам.

Он вспоминал о товарищах, которые ушли от нас, так и не увидев рождение АНПА. И мне вспоминались товарищи, которые отдали свою жизнь борьбе за создание краеугольного камня АНПА. Живо всплывали в моей памяти лица друзей, ушедших от нас, не увидев этого дня, и я не мог удержаться от горькой обиды. Если были бы они в живых, какими сильными были бы ваши отряды!

Чха Гван Су, сняв очки, произнес у костра речь, возбужденно жестикулируя.

— Товарищи! Мы сделали первый шаг! Мы одержали первую победу! Кто одержал? Именно мы, сидящие здесь вокруг костра!

Он, широко раскинув руки, делал вид, что, взяв их всех в обнимку, поднимет их вверх.

— Раз мы с ружьем, из него должен раздаться выстрел, а когда прогремит выстрел, надо победить! Не так ли? Сегодня вечером мы разгромили транспортный обоз. Это всего лишь небольшой эпизод. Но это начало нашего великого дела. Маленькая речка начала нести свой первый поток из глухой горы и тихой долины в просторное море!

Я впервые видел Чха Гван Су таким взволнованным.

В ту ночь он произнес поистине замечательную речь. Она

была гораздо живее и проникновеннее, чем эта моя запись, которую я сейчас составляю по памяти. Жаль, что не могу воспроизвести ее в точности.

— Товарищи! Как хорошо драться! У нас теперь и ружье, и продовольствие, и обмундирование, и обувь... Сегодня вечером я обучился великой и глубокой диалектике! Разделим взятые у врага ружья! Разгромим с этим ружьем новых врагов. Тогда будет у нас еще больше ружей, больше продовольствия! Будет и пулемет, будет и пушка! Давайте рассыплем продовольствие в мешки и, питаясь им, совершим энергичный поход! До тех пор, пока японские империалисты не будут наголову разбиты, у них возьмем, как сегодня, и оружие, и продовольствие. Таков способ нашего существования, таков способ нашей борьбы!

По окончании его речи я первым аплодировал ему. Все вокруг вспыхивало и отвечало на его речь горячими аплодисментами.

Затем кто-то встал и запел. То ли это Чо Док Хва или Пак Хун, точно не помню, но какая это была взволнованная песня!

Мы, полные уверенности в себе, сделали первый шаг.

2. Последний облик матери

Наш отряд форсировал по-настоящему подготовку к походу. Однажды пришел ко мне в Сяошахэ мой младший брат Чхоль Чжу. Весть о том, что АНПА разгромила на перевале Сяоинцзылин транспортную часть войск Маньчжоу-Го, командуемую японским инспектором, облетела даже районы Дуньхуа и Яньцзи за пределы Аньту. Везде оживленно разговаривали о наших боевых успехах. Революционные организации в Сунцзяне, Дадяньцзы, Люшухэцзы даже специально прислали людей в Сяошахэ, чтобы узнать подробности об этой битве.

Вначале я просто думал, что младший брат тоже прибыл с аналогичным заданием.

Однако, вопреки моему предположению, Чхоль Чжу ничего не спросил о бое. Весь день он то смотрел на строевую подготовку бойцов, упорно закрыв рот, то плел лапти в соседней комнате командного пункта вместе с бойцами, включенными в экспедиционный отряд Лапти тоже вошли в определенный штабом перечень предметов, которые нужно запасти для похода. Не оправдалась моя догадка, и теперь я решил по-своему, что Чхоль Чжу появился в Сяошахэ с целью помогать экспедиционному отряду в подготовке к походу. К вечеру, когда я возвращался в штаб после встречи с руководителем крестьянской организации села, он сказал, что уйдет домой. Я предложил ему поужинать вместе, а потом уж отправиться в дорогу, но он отказался и

хотел уйти сразу же. Я заметил, что младшему брату хочется сказать мне о чем-то, да он не смеет высказать этого и тревожно глядит на меня с необычным выражением на лице.

Тут я интуитивно понял, что он пришел в Сяошахэ не для помощи в подготовке к походу, а посетил меня по каким-то другим обстоятельствам. Если бы случилось что-то, о котором он хочет мне сказать, так это, несомненно, касалось бы матери или его самого.

Я не зашел в штаб и проводил Чхоль Чжу до околицы.

— Может, что-то случилось в Туцидяне? — спросил я его без обиняков.

Я назвал имя поселка, имея в виду семью. Что-то мне страшно было произносить слово «в семье».

— Нет, ничего не случилось, — ответил он и улыбнулся как бы нехотя.

Младший брат хорошо играл роли в спектаклях, был большим юмористом, так что ему было не так трудно обмануть вдои глаза притворной улыбкой. Однако в тот момент в улыбке его ощущался печальный оттенок, да и она тут же заменилась горестью. Он избегал моих глаз и устремлял взгляд вдаль, в небо через мое плечо.

— Если сложилось какое-нибудь трудное положение, надо же об этом сказать откровенно. Когда уйдешь вот так, ничего не вымолвив, меня же не оставит беспокойство. Ну скажи прямо, не прикидывай ничего стороннего и не отделывайся намеками. Он глубоко вздохнул и сказал неохотно:

— Кажется, ухудшилась болезнь матери. Уже второй день она не взяла в рот ни ложки каши.

Слова младшего брата звучали в моих ушах, словно гром

среди ясного неба. Потемнело у меня в глазах, когда я услышал, что мать ничего не ест. Я тоже хорошо знал, что до сих пор она тяжело болела затяжной болезнью.

Когда мы жили в Бадаогоу, мать почти ни разу не слегла от болезни. Но она стала часто страдать от заболевания в Фусуне после смерти отца и моего ухода в Гирин на учебу в среднюю школу. Иногда Чхоль Чжу сообщал мне об этом в письмах.

Получив такие письма, сначала я подумал, что мать, может быть, заболела эндемической болезнью, распространенной в данной местности. В районе Фусуна было много жителей, страдавших таким заболеванием. Говорили, что у тех, кто заражен этим недугом, сгибаются руки, утолщаются суставы пальцев и возникает болезнь горла, вследствие чего больные теряют трудоспособность и умирают еще до 30 лет. После смерти отца О Дон Чжин пришел в Фусун и советовал моей матери переселиться в Гирин, чтобы наша семья, в частности, не страдала такой болезнью.

Когда я вернулся домой во время каникул, мать страдала от переутомления, а не заболела эндемической болезнью. Было обидно при мысли, что переутомление наконец подорвало здоровье матери, которая проживала всю жизнь в мытарствах, не зная отдыха. Но все же я немного успокоился, узнав, что мать не нажила себе этого страшного недуга.

После переселения в Аньту она мучилась от боли под ложечкой. В те времена такую болезнь называли спазмой желудка. Мать сетовала на нестерпимо острую боль под ложечкой. Теперь мне думается, что у нее, возможно, был рак желудка.

Врачи установили диагноз «спазма желудка», но не могли принять соответствующие меры лечения. Никакое лекарство не давало эффекта. Когда щемит под ложечкой, она лежит в

постели, пропуская еду или принимая по нескольку ложечек рисового отвара. Это был единственный ее метод лечения.

В ту пору мои товарищи во многих отношениях прилагали большие усилия для лечения матери. Все мои друзья, занимавшиеся комсомольской работой, все без исключения присылали лекарства. Когда они читали в газетах объявления о лекарствах, которые могли бы помочь моей матери, они покупали их, невзирая на цены, и присылали почтой. Такие посылки приходили из Гирина, Шэньяна, Харбина, Лунцзина и из многих других мест.

Врачи народной медицины района Ань ту тоже не жалели сил для лечения моей матери. Доктора народной медицины из Дашахэ лечили ее бесплатно.

Глядя на мрачное лицо Чхоль Чжу с налитыми кровью глазами, я понял, что болезнь матери достигла кризисного рубежа. Я спросил его, есть ли дома запасы зерна. Он ответил, что кончилось и продовольствие.

На следующий день я купил в Сяошахэ одну мерку чумизы на деньги, данные товарищами, и отправился в Туцидянь. Я рассчитывал, что семья из трех едоков (мать, Чхоль Чжу и Ен Чжу) сможет прожить один месяц, питаясь одной этой меркой зерна, а за этот срок я успею сходить в Южную Маньчжурию.

Одна мерка зерна составляла около 15 килограммов. При тогдашних условиях жизни нашей семье, которая не могла питаться досыта даже жидкой похлебкой, 15 килограммов зерна было немало. За счет этого зерна могли бы даже устроить банкет.

Однако мне казалось, что одной этой мерки чумизы все же

слишком мало. Ноша тяжело давила на плечи, но я ничуть не ощущал тяжести. Думал, что это зерно — ничто по сравнению с заботой, которой окружала меня мать.

Когда-то я слушал рассказ отца о Ли Рин Ене, предводителе народного ополчения 13 провинций. В процессе выдвижения этого человека на пост предводителя народного ополчения 13 провинций был драматический и весьма поучительный момент. Когда командиры отрядов Армии справедливости района Квандон (провинция Канвон и северная часть провинции Северный Кенсан — ред.) пришли к нему для выдвижения на пост их руководителя, он ухаживал за своим старым отцом, который был на смертном одре.

—Армией справедливости может командовать другой человек, а с родителями нельзя вновь встретиться после их смерти. Как мне идти, оставив дома старого отца? Он сейчас на грани смерти. Не могу я стать непочтительным сыном, — сказал он командирам и отказался от их предложения.

Только в четвертый день он принял их просьбу.

Отряды Армии справедливости всей страны собирались наперегонки под командование Ли Рин Ена, и численность их достигла 8 тысяч человек. Вскоре к ним присоединились еще части Хо Ви и Ли Ган Нена, и численность народного ополчения выросла до 10 тысяч человек. К нему примкнули также три тысячи бойцов армии Старой Кореи, вооруженных винтовками.

Командиры всех отрядов Армии справедливости всей страны выдвинули Ли Рин Ена на пост предводителя народного ополчения 13 провинций и наступали в направлении Сеула под его командованием. Конечная цель Армии справедливости заключалась в том, чтобы вторгнуться в Сеул и, разгромив гене-

ральное резидентство одним ударом, отменить договор о протекторате.

Согласно такому оперативному плану отряды Армии справедливости ринулись в Сеул. Именно в этот момент и умер отец Ли Рин Ена, и он, передав командование другому человеку, спешно вернулся в родной край. Уход Ли Рин Ена, наряду с поражением авангарда, командуемого Хо Ви, привел к трагическому исходу: падал боевой дух Армии справедливости и распались ее ряды.

В период ученического движения в Гирине я вместе с молодежью, вовлеченной в Общество корейских учащихся в Гирине, вел дискуссию вокруг вопроса о том, что Ли Рин Ен вернулся в родной край на похороны отца. Тогда многие товарищи осуждали его как недостойного командира Армии справедливости.

— Предводитель ополчения в десять тысяч бойцов перед началом большого дела — наступления на Сеул — вернулся в родной край на похороны отца. Разве можно называть такого человека настоящим мужчиной, патриотом? — орали они с жаром.

Впрочем, не все осуждали Ли Рин Ена. Нашлись и люди, заступившиеся за него.

— Это верно и вполне естественно, что он вернулся домой, когда умер отец, чтобы совершить похоронный обряд, — утверждали они и даже восхваляли Ли Рин Ена как почтительного сына.

В настоящее время называют почтительным сыном того, кто предан стране и в то же время верен родителям. Но тогда называли верным сыном того, кто проявлял просто почтительность к своим родителям.

— Можно назвать подлинно почтительным сыном только такого человека, который любит как отечество, так и семью. Неужели достоин звания почтительного сына тот, кто только дорожит своей семьей и пренебрегает бедами страны? Пора и нам исправить конфуцианский взгляд на сыновнюю почтительность. Имя Ли Рин Ена было бы еще больше прославлено перед грядущими поколениями, если бы он справился со своими обязанностями и, добившись цели, посетил могилу отца и совершил жертвоприношение, — сказал я и заявил, что поступок Ли Рин Ена не может служить образцом поведения почтительного сына.

Это была потрясающая декларация, провозглашенная против старой идеологии людей, пропитанных до мозга костей феодальной моралью и конфуцианскими взглядами на сыновнюю почтительность к родителям.

Члены Общества корейских учащихся в Гирине разделились на две группы и развернули острую дискуссию, твердя, что, дескать, достойны или недостойны внимания слова Сон Чжу.

Теперь это совершенно ясная проблема, и о ней не спорили бы члены нашего Союза социалистической трудовой молодежи и Детского союза. Но в то время это была очень сложная тема дискуссии, и трудно было определить, чье мнение правильно, а чье нет. Требовались десятки лет суровых испытаний, полных кровью и слезами, чтобы народ всей страны понял и воспринял своим убеждением истину, что подлинная сыновняя почтительность проявляется в любви как к Родине, так и к семье.

Невольно вспомнил я этот эпизод о Ли Рин Ене, шагая в дом, в Туцидянь с мешком зерна на спине. Как-то мне казалось, что был справедливым поступок этого предводителя народного ополчения. Было очень странно, что в поступке того

человека, которого все осуждали единодушно как недостойного командира ополчения, я видел частицу справедливости и сочувствовал ему в душе с некоторым пониманием.

Людям трудно забыть семью, ссылаясь на революцию, да и вообще не может быть такого случая. Революция нужна для людей. Как же революционерам пренебрегать семьей и быть равнодушными к судьбе своих родителей, жен и детей?! Мы всегда рассматривали счастье семьи и участь страны в одном импульсе. Когда страна переживает беду, не может быть спокойствия и в семье, а когда мрачный вид у семьи, не может быть светлым и лицо страны, — таково было наше убеждение. Исходя именно из этого убеждения, мы без малейшего колебания приняли беспрецедентные в истории войн меры, что за спасение семьи одного солдата был послан в тыл врага целый полк. Это были чувство долга и мораль, присущие только корейским коммунистам.

Вначале я тоже старался быть верным этой морали. После выхода из тюрьмы и перемещения арены деятельности в Восточную Маньчжурию я, разъезжая по Дуньхуа, Аньту и другим районам, часто заходил домой, непрерывно доставал лекарственные материалы, полезные для лечения болезни матери.

Однако это обидело мать. Когда учащались мои визиты, однажды мать, усадив меня рядом с собою, настаивала:

— Если ты решил вести революцию, отдай всего себя делу революции. А если хочешь вести домашнее хозяйство, отдайся ему целиком. Избирай один из двух путей. Думаю, что тебе следует вкладывать всю душу в революцию. О семье не беспокойся. Чхоль Чжу дома, и мы с ним сможем кормить себя сами.

Я стал реже посещать дом после того, как выслушал эти слова матери.

А после создания АНПА домой уж почти и не заходил.

Я раскаивался в этом. Было больно на сердце при мысли, что все же я должен бы исполнять свой сыновний долг, хотя и иное наказывала мне мать. Поистине так нелегко быть верным и стране, и семье.

С приближением к деревне Туцидянь шаги мои все ускорялись. Зато на душе ежеминутно становилось все тяжелее. Тревожила душу мысль о встрече с тяжелобольной матерью.

В болотце уже довольно высоко поднялся камыш и колыхался на ветру. Это место называли Камышовым поселком, так здесь было много камыша. Но несколько лет назад Ким Бен Ир, живущий в нижнем поселке, начал обжигать гончарные изделия на продажу. Так произошло «сотворение мира» и в этой глухомани, и ее стали именовать деревней «Туцидянь» («Гончарная» — ред.)

Я перешел ручей по перекинутому через него бревну и пошел в верхний поселок. В глаза мне бросилась знакомая изба, крытая соломой. Покосившаяся редкая изгородь из леспедецы и ветхая соломенная кровля напоминали заброшенную убогую лачужку. Это и была наша изба, которой уже несколько лет не касалась рука мужчины.

Едва открыл я калитку и вошел во двор, как дверь распахнулась с шумом.

— Мама! — воскликнул я, поспешно подходя к матери, которая сидела с улыбкой, прислонившись к дверному косяку.

— Думаю, звук шагов такой знакомый...

Она трогала рукой лямки на мешке с зерном, положенном на завалинку, и не знала на радостях, как быть. А я еще опасался, как бы она не упрекнула меня за частое посещение дома, но, к счастью, упрека не было.

Некоторое время мы разговаривали о здоровье, о житье-бытье. Разговаривая с ней, я старался узнать состояние ее здоровья, обращая внимание на выражение лица, на голос, на ее жесты. Во внешнем виде ее изменений по сравнению с прошлой зимой почти не было, но все же было заметно, что у нее значительно ослабели силы. Грудь была полной, а теперь впала, стала тоньше шея, на висках даже появились седые волосы. И мне стало грустно при мысли о том, как же время может так скоро оставить печальные следы на облике моей матери.

До поздней ноченьки проговорили мы с ней. Не было конца разговорам, касавшимся разных тем: докуда дошла японская армия, как будет действовать партизанский отряд дальше, как будет осуществлено взаимодействие с Рян Сэ Боном, что надо делать на опорной базе...

Она вела разговор только на политические темы. Когда речь заходила о семейной жизни и ее здоровье, она сейчас же ставила точку и переходила на другую проблему, заставляя и меня следовать за ней.

Я объяснял это тем, что обычно мать пытается скрыть от сына свою болезнь, не дать ему почувствовать, что она находится в столь тяжелом положении. Меня била неудержимая дрожь от сознания того, что у нее такой уж небольшой остаток жизни, и тайком глотал слезы.

На следующий день, рано позавтракав, я поднялся вместе с братом Чхоль Чжу на гору за дровами. Дома оставалось лишь одна-две вязанки дров. Думал, что легче будет на душе, если заготовить хоть немного дровишек, пользуясь случаем. Хотелось заготовить их впрок на несколько месяцев, раз уж взялся за это, но сделать это было невозможно. Гора не была густой лесом, сухостоя не было, и пришлось рубить кустарник.

— Чхоль Чжу, нет ли лучшего местечка, чем это? — спросил я.

— Давай заготовим хоть этого, что тут есть, хотя бы немного, и вернемся домой. А то мать узнает и будет упрекать, — ответил он, поддергивая штаны из грубой хлопчатобумажной ткани.

Внешне он выглядел еще несмышленышем, но разумом уже поокреп.

Орудуя серпом, он то и дело с тревогой смотрел в сторону поселка. Он опасался, как бы мать не догадалась, что мы ушли в гору за дровами. Он тоже знал, что матери не по душе то, что я беспокоюсь о каких-то домашних мелких делах.

Я сжимал в горсти кусты и косил их серпом без передышки в поте лица. Только к закату мы спустились с горы с дровами на *чиге*. Когда мы вышли к повороту, откуда видны заросли камыша, бросился в глаза образ матери, стоящей у избы, ожидая нас. Спускаясь по тропинке и опираясь на палку, я был погружен в мучительное раздумье. У меня щемило грудь и помрачнело в глазах, когда вспомнил, что придется выступить в поход, оставив мать, страдающую тяжелой болезнью. Мы определили срок похода в один-два месяца, но ведь никто же не мог предполагать, что случится со мной и какой оборот примет поход отряда за эти один-два месяца.

«Нельзя ли продолжить еще на несколько лет подпольную борьбу, как в прошлом? Тогда можно будет заходить домой хотя бы раз через несколько месяцев, обсуждать домашние дела, утешить мать. Не это ли долг сына перед матерью, которая всю жизнь жила в невзгодах, испытывая душевные муки, как никто? Сможет ли она, такая больная, побороть тоску и одиночество, когда я так вот уйду из Аньту вскоре после того, как бабу-

шка возвратилась в родной край, да, как тогда? Но нельзя же из-за личных интересов своей семьи отменить план похода в Южную Маньчжурию, намеченный уже как курс годовой деятельности партизанского отряда», — чередовались в моей голове сложные мысли.

— Беспокоишься, что кончатся дрова в таких горах? — сказала вдруг недовольным тоном мать, ожидавшая нас у калитки.

Вместо ответа я улыбнулся, глядя на нее и вытирая пот. — Вижу, что ты странно стал вести себя. Ты не был таким, когда мы жили в Фусуне. Да я не замечала в тебе такого, когда мы находились в Синлунцуне. Но в последнее время ты стал так беспокоиться о семье, — сказала она с дрожью в голосе.

— Освежил душу запах трав. Давно не был в лесу.

И я зашагал во двор, делая вид, будто не внимаю ее словам.

Вечером вся семья вчетвером сели за стол. Давно не было такого случая. На столе была и тарелка с жареными гольянами. Очень вкусна была эта рыбешка. Я спросил у матери, откуда этот деликатес. Она ответила, что самый младший мой брат удил рыбу и бережно сушил ее целехонькую под стрехой, и добавила, что он всегда вот так беспокоится, думая, что не будет никакой закуски, когда придет старший брат, что нечем будет и угостить его. А мне, тронутому такой внимательностью ко мне братишки, трудно было есть эти рыбешки с пальчик величиной, и на тарелке осталось их несколько штук.

Когда самый меньшой из нас заснул, мать, прислоняясь к стене, приподнялась на постели и сказала мне серьезным голосом:

— Я вижу, что ты стал иным, чем был раньше. Не думала,' что тебе придется еще даже таскать на спине мешок с зерном,

Чтобы кормить мать. Конечно, я — больная, и это тебя беспокоит. Я благодарна тебе за исключительную почтительность, но твой поступок меня не утешает. Разве я ждала от тебя лишь такую помощь, когда вместе с тобой переходила через крутой перевал, заботясь о том, чтобы раскинуть пошире сети Общества женщин в Фусуне? Тебе предстоят еще большие дела, ты должен выполнить заветы отца. И еще как много корейцев, чье положение хуже моего! Не беспокойся обо мне и иди смелее своим путем.

Голос матери дрожал от волнения. Когда я поднял голову, она сжала губы и не могла продолжать свою речь. Это был священный миг, когда слова матери, в которых воплощен ее взгляд на жизнь, глубоко трогали струны моего сердца и запечатлевались в моей душе.

После небольшой паузы она продолжала;

— Можешь и дрова заготавливать, если тебе больше нечего делать, но... Считай, что на свете не было твоей матери и младших братьев, не было и нет, и ты о семье не беспокойся. Я смогу выздороветь, когда ты будешь хорошо вести революцию, оставив семью ради этого. Ты должен скорее отправиться с отрядом. Это мое желание.

Я тут же ответил:

— Крепко запомню я твой наказ, мама. Переночую вот и завтра уйду в Сяошахэ, а потом отправлюсь с отрядом сразу же в Южную Маньчжурию, к Рян Сэ Бону.

Я не мог сдержать хлынувших слез и отвернулся лицом к стене.

Видимо, и у матери на душе было больно. Она притащила из угла шкатулку с принадлежностями для шитья и взялась пришивать пуговицу к моему френчу,

Перед моими глазами невольно всплыла картина похорон

отца. Тогда она не надела на себя траурной одежды и не пошла к могиле отца. Она послала на похороны только нас, троих братьев, одев нас в траурную одежду. Несколько десятков деятелей Армии независимости, в том числе О Дон Чжин, Чан Чхоль Хо и Рян Сэ Бон, вместе с моим дядей, следовали за гробом отца, но только одна мать не шла за ним к могиле.

Вскоре после смерти отца наступил майский праздник *тано,* и мы упрашивали мать посетить вместе могилу отца.

— Мне нечего там делать, идите вы одни, — сказала она и отказалась пойти вместе с нами.

Но она приготовила нам жертвенную пищу и досконально объяснила, как сжигать благовония, как наливать вино и как кланяться перед могилой. Думаю, что она не пошла вместе с нами к могиле отца потому, что не хотела показать детям своих слез. Она ходила к могиле одна.

Она нарушила эту традицию только один раз, когда Ли Гван Рин, не успевшая присутствовать на похоронах отца, пришла в Фусун позже и посетила могилу. Тогда мать сопровождала ее. У могилы Ли Гван Рин рыдала так горько, что чуть было не упала в обморок. Мать даже утешала ее, уговаривая перестать плакать.

Моя мать была такая сердобольная, но не показывала своих слез перед людьми. Она обладала таким стойким характером, какой редко наблюдается у женщин. Поразительные личные качества матери, которые видел я в детстве, оставили в моей жизни, в моей памяти неизгладимые впечатления.

Будучи вот такой, она без колебания торопила сына тронуться в путь, невзирая на свое одиночество и тоску. Будучи такой больной, прикованной к постели, она дала сыну, словно бичуя его беспощадно, такое глубокомысленное наставление, которое стало моим кредо на всю жизнь.

Я полагаю, что моя мать была женщина необыкновенная. Не случайно я часто называю Чан Гиль Бу, мать товарища Ма Дон Хи, необыкновенной женщиной. Она встретилась со мной после освобождения страны. Она не плакала. Все другие женщины плакали, встретившись со мной, но она не плакала. Я предложил ей жить в Пхеньяне, где много соратников ее сына. Но старуха тайком вернулась в родной край, заявив, что она должна найти врагов, которые донесли на ее сына...

Я не мог заснуть и вышел на двор. Расхаживал возле покосившейся изгороди из леспедецы, дыша свежим воздухом. Бесшумно открыв дверь, вышел к завалинке Чхоль Чжу. Мы с ним сели на вязанку дров и разговаривали. Он сказал мне, что до сих пор не мог ухаживать за матерью как следует, занятый комсомольской работой, но отныне будет окружать ее заботой, чтобы старший брат не беспокоился о семье. Собственно, я и хотел попросить его об этом, а он сказал это сам, и на душе у меня стало легче.

Утром мы с аппетитом ели кушанье из протертых соевых бобов. После завтрака я посетил Ким Чжон Рёна, жившего за нашим домом. Хотелось посоветоваться с ним о судьбе младших братьев. Я ему откровенно признался, что мне надо сейчас же отправиться в Южную Маньчжурию, но не смею уйти из деревни Туцидянь из-за беспокойства о семье.

— Иди, а все домашние дела поручи мне. Я буду целиком и полностью отвечать за них. Так что не беспокойся. Буду заботиться о твоих младших братьях и ухаживать за больной матерью как надо, — ответил Ким Чжон Рён.

Я вернулся домой и стал собираться в путь. Когда я завязывал шнурки на обуви, мать достала из плетеной корзиночки-ящичка четыре пятиюаневых денежных знака и подала мне.

— Бери это с собой. В жизни на чужбине, наверно, бывает немало случаев, когда понадобятся деньги. У мужчины в кармане должны быть деньги на всякий случай. Ведь твой отец не раз говорил, что в последний период пинского Китая Сунь Ятсен, заключенный в тюрьму иностранного посольства, мог убежать оттуда, сунув в руку уборщику несколько грошей.

Деньги я взял, но в карман положить их не мог. Стоял с дрожащими руками, не зная, как поступить. Я слишком хорошо знал, какие огромные усилия матери вложены в эти 20 *юаней.* Эти деньги она копила грош за грошом, занимаясь стиркой и шитьем по найму, истирая ладони и пальцы в кровь. В ту пору вол стоил примерно 50 *юаней.* Так что на 20 *юаней* можно было купить вола средней величины или зерна, достаточного для пропитания семьи из трех едоков на целый год.

Я сошел с завалинки, шатаясь, будто потерял равновесие тела от тяжести этих денег. Склонил голову и произнес:

— Мама, я ухожу. До свидания!..

В эту минуту в моей голове мелькнула только одна мысль: «Нельзя заставить мать проливать слезы приветом, в котором ощущается что-то необычное, чем в прошлое время». Поэтому я старался попрощаться просто, как обычно, без какой-то особенной интонации.

— Иди скорее, раз решил идти...

Мать кивнула мне головой с грустной улыбкой на лице, на котором отражена тень тяжелой болезни.

Когда я сделал шаг, за моей спиной раздался звук закрывающейся двери. Я зашагал вперед, но ноги ступали не в сторону околицы, а делали круг около дома. В руке были все еще те же 20 *юаней,* обжигая ее. Обошел избу раз, другой, третий...

В этот короткий промежуток времени в моей голове роились сложные мысли, мучившие меня всю ночь напролет. «Когда же смогу я снова войти в этот двор? Обещает ли мне победу путь, по которому я решил идти? Что ждет меня впереди? Не будет ли надежды на улучшение здоровья матери?» Я погрузился в такие размышления, продолжая обходить дом.

Вдруг мать отворила дверь и упрекнула меня сурово;

— Почему ты мешкаешь с отъездом? Что еще беспокоит тебя? Вряд ли сможешь справиться с большим делом, чувствуя себя вот так. Ты же решил вернуть потерянную Родину. А ты, вижу, такой слабовольный, озабоченный домашними делами. Ты должен думать о своем дяде и дяде по матери в тюрьмах, прежде чем беспокоиться о семье. Тебе надо думать о порабощенном отечестве и о народе. Уже двадцать два года с тех пор, как японцы захватили страну. Если ты сын Кореи, должен иметь твердую волю и идти крупным шагом. А если хочешь и впредь посетить дом, беспокоясь о матери, не показывайся больше у этой двери. Я не хочу видеться с таким сыном.

Эти слова матери потрясали мое сердце, словно гром.

Она прислонилась головой к дверному косяку, будто истратила всю свою силу в эти слова, и глядела на меня глазами, полными любви, пыла и обиды. В моей памяти воскрес ее облик того вечера, когда она отправляла меня, прибывшего в Бадаогоу, преодолев пешком тысячу *ли,* тут же в Линьцзян, не позволив даже переночевать дома.

Я как сын впервые видел тогда образ такой стойкой и благородной, справедливой и пылкой матери. Казалось, что она вот-вот воспламенится всем своим справедливым и пылким существом.

До тех пор я полагал, что хорошо знаю свою мать, которая

родила и вырастила меня. Но ее воля и дух достигли такого рубежа, какого я и представить себе не мог.

В эту минуту облик ее вставал перед моими глазами образом не матери, а учителя и наставника. Мое сердце наполнилось безмерным счастьем и гордостью, что у меня такая замечательная и благородная мать.

-— До свидания, мама!

Я снял фуражку и низко склонил голову. Потом размашисто зашагал в сторону околицы.

Перешел ручей по деревянному мостику и оглянулся назад. Мать стояла в белой одежде и долго смотрела на меня, прислоняясь к дверному косяку. Это был последний ее облик, запечатленный в моей памяти. Где же таится в таком хрупком ее теле столь высокий и стойкий дух, потрясавший так сильно сердце этого сына? С какой легкой душой сын мог бы идти сейчас этим путем, если бы такая замечательная мать не страдала тяжелым недугом. Я сжал губы, чтобы не пролить слезы.

Это было не обыденное расставание, какое люди переживануг десятки и сотни раз в своей жизни, а вечная разлука, оставившая в моем сердце навеки несмываемый отпечаток горького до слез воспоминания. Больше я никогда не смог повидаться с матерью...

И вот спустя несколько месяцев нас застала скорбная весть — мама умерла. Не стало родной матери, и я почувствовал тяжкое раскаяние, что в минуту последней разлуки не смог утешить ее более теплыми словами. Оправданием, да и то малым, может мне служить то, что она сама не любила сентиментальных расставаний. Я выполнял ее последнюю волю...

И поныне, вот уж на старости лет, я не могу забыть тех

печальных, тревожных дней. Обычно люди в своей жизни сталкиваются с подобными моментами по крайней мере несколько раз. И в судьбах людей происходят крутые перемены в зависимости от того, какие решения принимают они в такой момент, пусть даже разница меж ними незначительна, — и жизненный путь их диаметрально противоположен. Какое изменение произошло бы в душе этого сына, готового взлететь в небо, раскинув крылья, если бы тогда мать передо мною беспокоилась о семейной жизни или сказала бы хоть одно слово, могущее ослабить мою решимость?!

С тех пор, как я, ведя за собой молодую Антияпонскую народную партизанскую армию, покинул холм в Сяошахэ, я вместе с боевыми друзьями в течение нескольких десятилетий шел по тернистому пути, сопровождавшемуся кровавыми боями, лютым морозом и жестоким голодом, которые не поддаются человеческому воображению. Потом прокладывал полувековой путь созидания, высоко неся знамя социализма.

Каждый раз, когда на этом, полном суровых испытаний, пути борьбы за Родину и нацию мы оказались в критическом положении, проверяющем убеждение революционера, я, прежде чем думать о каких-нибудь идеалах и философских положениях, вспоминал слова матери, которые она сказала, торопя меня в Южную Маньчжурию, и последний облик ее, провожавшей меня в белой одежде. Это крепило во мне силу духа и воли...

3. Радость и скорбь

Одновременно с походом АНПА в Южную Маньчжурию командование части Юя послало свое подразделение из 200 человек в район Тунхуа. Его возглавил Лю Бэньцао. Командующий Юй, направляя начальника штаба Лю Бэньцао в Южную Маньчжурию, считавшегося его правой рукой, преследовал цель осуществить сотрудничество с Армией самообороны Тан Цзюйу и с ее помощью приобрести оружие. В то время командующий Юй ломал голову над тем, как восполнить нехватку оружия. Армия самообороны в Южной Маньчжурии, базировавшаяся в провинции Ляонин, имела превосходного оружия больше, чем Отряды Армии спасения отечества, находившиеся под командованием Юя.

Встретив весть о предстоящем нашем походе, Лю Бэньцао пришел к нам в Сяошахэ и предложил: не лучше ли, во всяком случае, вместе отправиться, ведь и им дан приказ продвинуться в Южную Маньчжурию, место назначения одно и то же. Отправившись вместе с ним, мол, он поможет встретиться с Тан Цзюйу, а установишь связь с ним — будет шанс приобрести оружие.

Я с удовольствием согласился с его предложением. Откровенно говоря, и мы очень нуждались в оружии. Да и, продвигаясь вместе с Армией спасения отечества в Южную Маньчжурию, можно было бы в пути избежать столкновений с китайскими

антияпонскими отрядами в случае неожиданной встречи с ними и обеспечить нашу безопасность.

А кто такой Тан Цзюйу? Он был командиром 1-го полка провинциальных охранных войск в Дунбяньдао, а после события 18 сентября организовал Ляонинскую народную армию самообороны, выступавшую против японского империализма, за спасение отечества.

Под его командованием находились войска численностью примерно в 10 тысяч штыков. Возглавляемая им Армия самообороны базировалась в районе Тунхуа и, действуя главным образом в районе Южной Маньчжурии, вела неравные бои с частями Квантунской армии, расквартированными в Шэньяне. В ходе этого они не раз организовывали совместные операции во взаимодействии с отрядами Корейской революционной армии, находившейся при Кунминбу.

В первые дни создания боевое настроение солдат Ляонинской народной армии самообороны было превосходным, не плохими были их боевые успехи. Но когда ситуация изменялась в пользу японской стороны и возникали одна за другой преграды на ее пути. Тан Цзюйу начал колебаться.

Несмотря на то, что Лига Наций направляла в Маньчжурию комиссию Литтона для расследования события 18 сентября, японские войска, почти не подвергаясь никаким серьезным притеснениям, продолжали расширять свои боевые успехи. В первых числах января 1932 года они заняли Цзиньчжоу. 28 января, пустив в ход заговорщицкие планы и гангстерские средства, спровоцировали событие в Шанхае. Ссылаясь на то, что пятеро японских монахов подверглись избиениям в Хункоу в этом городе, японские захватчики громили китайские заводы и магазины, убивали китайских полицейских, вслед за этим, под-

няв на ноги морской десант, начали крупный вооруженный налет на Шанхай. Цель такой провокации Японии в Шанхае заключалась в том, чтобы превратить этот город в военный плацдарм для захвата основной территории Китая. Верхушка японской военщины лелеяла бредовую мечту молниеносным ударом занять Шанхай и, воспользовавшись этим боевым успехом, одним ударом захватить всю территорию Китая.

Войска и жители Шанхая начали немедленное героическое контрнаступление и нанесли японским агрессивным войскам ощутимый удар. Но реакционное правительство Гоминьдана во главе с Чан Кайши и Ван Цзинвэем проводило вероломную предательскую политику, и сопротивление потерпело поражение. Это событие в Шанхае завершилось заключением кабального и контрреволюционного «Сунхуского соглашения».

Поражение сопротивления в Шанхае привело в упадок дух Армии спасения отечества. Армии самообороны и всех других патриотически настроенных воинов и населения, стремившихся к аятияпонской борьбе.

Как показывает процесс события в Шанхае и заключения «Сунхуского соглашения», реакционная и предательская политика гоминьдановского правительства служила самой большой преградой на пути борьбы антияпонских сил за спасение отечества. Гоминьдановская реакционная группировка не только не поддерживала сопротивление в Шанхае, но и, наоборот, мешала антияпонским выступлениям, считая их преступной акцией. Чан Кайши и Ван Цзинвэй преднамеренно прекратили поставку военных материалов в 19-ю армию, конфисковали средства фонда помощи, присылаемые в Шанхай со всех концов страны, и в то же время отдали секретный приказ военно-морскому флоту доставить японской стороне продовольствие и овощи, без стыда

и совести совершая таким образом позорные предательские акции.

Гоминьдановская реакция не только сама не выступала против японского империализма, но и не давала народу бороться против него. Дуло ее оружия везде и всюду было обращено в сердца людей, выступавших против японского империализма. Все те, кто выступал за антияпонскую борьбу, без исключения оказывались жертвой террористических акций гоминьдановцев или задыхались на виселицах.

Чан Кайши давно заявил: «Если Китай погибнет в руках империализма, то мы так и останемся в живых, хотя и рабами, а если Китай погибнет в руках компартии, то мы не останемся в живых даже и рабами». Эта болтовня свидетельствует о том, что Чан Кайши и возглавляемая им реакционная группировка боялись и предостерегались народной революции больше, чем агрессивные силы иноземного империализма, и что они были цепными псами империалистов и их прислужниками до мозга костей.

Предательство Чан Кайши оказывало вредное идейное влияние на верхушки Армии спасения отечества и Армии самообороны, так или иначе связанные с Гоминьданом и представлявшие интересы старой военщины, чиновников и политических деятелей.

И мощь японских войск, неуклонно шедших по восходящей линии, служила одной из причин падения боевого духа Армии спасения отечества. Комиссия Лиги Наций во главе с Литтоном в своем докладе предлагала оставить Маньчжурию не под монопольным правлением Японии, а осуществить ее интернационализацию. Но японская сторона, не считаясь с этим предложением, не прекращала боевых действий. Японские войска по-

степенно продвигались по направлению Шаньхайгуаня и Северной Маньчжурии. Занимая шаг за шагом обширные районы Северной Маньчжурии, они сосредоточивали свои силы в направлении Жэхэ.

В связи с предстоящим наступлением на Северную Маньчжурию японские империалисты подняли на ноги спецслужбы Квантунской армии, чтобы вызвать политическое разложение в рядах Северо-Восточной армии, и пустили в ход весь арсенал приемов подкупа и заговоров с помощью агентов, чтобы все бригады Северо-Восточной армии Северной Маньчжурии, расколовшись на части, подозревали друг друга или с головой ушли в грызню между собой за гегемонию.

Когда они громили войска Ма Чжаньшаня, перетянули к себе Су Бинвэня, а после разгрома Ма Чжаньшаня одним ударом уничтожили и Су Бинвэня. Таким образом им удалось легко уничтожить поодиночке антияпонские отряды Северной Маньчжурии.

Процесс падения антияпонских отрядов в Северной Маньчжурии не мог не оказать влияния и на Ван Дэлиня в Восточной Маньчжурии, и на Тан Цзюйу в Южной Маньчжурии.

Тан Цзюйу, идя навстречу революционным настроениям народа, поднял знамя антияпонской борьбы и спасения отечества, но воздержался от смелой активной деятельности, действовал осторожно, ориентируясь на изменение ситуации.

К тому времени немало вожаков антияпонских отрядов, таких, как Дин Чао, Ли Ду, Сип Чжаньцин, находились в плену бредовой мечты: не развертывать активную антияпонскую борьбу и все дела решать, опираясь на Лигу Наций. Они даже занимались такой абсурдной болтовней: «Чжан Сюэлян воздерживается от сопротивления японским войскам, чтобы ликвиди-

ровать коммунистических бандитов. Только уничтожив в первую очередь этих бандитов, можно будет изгнать японские войска. Компартия привлекла за собой япошек».

Весной того года, когда мы отправились в Южную Маньчжурию, Чжоу Баочжун был арестован Армией самообороны. Тогда он спросил арестовавших его командиров, почему их отряды называют Армией самообороны.

Главари Армии самообороны ответили: «Самооборона означает охранять свои силы. Когда трудно сохранять даже свои силы, откуда найдутся силы, чтобы разгромить япошек? Если япошки не будут трогать нас, то и мы их не тронем. Вот это и есть самооборона».

Такими были образ мышления воинов Армии самообороны и их политические взгляды. Тан Цзюйу, будучи лишенным уверенности в себе, колебался и не управлял подчиненными ему отрядами, почти оставив их на произвол судьбы. Именно в такое время командующий Юй направил Лю Бэньцао в штаб Армии самообороны, что можно было считать своевременной мерой.

Определив короткий маршрут похода на первый день, 3 июня, во второй половине дня, наш экспедиционный отряд отправился из Сяошахэ. Проводником был председатель Шахэского крестьянского общества (Нижнее Сяошахэ). Отряд, переправившись через реку Эрдаоцзян, направился в поселок Люцзяфэньфан. Мы решили остановиться здесь на ночлег и вести политическую работу. Люцзяфэньфаном стали звать этот поселок с той поры, когда человек по фамилии Лю построил здесь мукомольную фабрику (по-китайски фэньфан — мукомольная фабрика — ред.).

После ужина мы развели костер в широком дворе этой фабрики.

Узнав о приходе партизанского отряда, в Люцзяфэньфан собирались и сельчане соседнего поселка. Руководители местных организаций сходили в дома жителей и принесли соломенные маты, коряги бурелома и стропила, чтобы рассадить гостей из соседнего поселка. Во дворе собрались сотни человек. Мы вместе с ними, рассевшись в тесном кругу вокруг костра, до поздней ноченьки вели с ними разговоры.

В ту ночь они засыпали нас своими вопросами. Всю жизнь находясь в гуще народа, я вел широкую организационную и политическую работу, но, пожалуй, не было такого дня, чтобы мне задали столько множества вопросов, как в ту ночь.

Разговаривать с сельчанами пришлось всю ночь напролет, пока у меня не осипла глотка и невмоготу больше стало говорить.

Первый вопрос, с которым они обратились ко мне, был таков: « Какою представляет себя ваша партизанская армия? Чем отличается она от Армии независимости?»

Они знали, что месяц тому назад в Сяошахэ была создана АНПА. Вопрос казался несложным, простым, но в нем крылись надежда на новорожденные вооруженные силы и недоумевающие взгляды на них. За освобождение Кореи борется, мол, и Армия независимости, и Антияпонская народная партизанская армия, и если это так, то почему же понадобилось создать еще такую сложность, организуя отдельную партизанскую армию? Ведь и Армия независимости была беспомощной перед японскими войсками. Есть ли шанс победы над ними, если будет создана еще новая армия — партизанская? Если есть такой шанс, то в чем его гарантия?

Короче говоря, думаю, что это и было то, чего хотели узнать сельчане Люцзяфэньфана, которым не переставала доставлять

хлопоты Армия независимости и которым не раз приходилось испытывать чувства безвыходного отчаяния от ее неудач.

Я старался как можно легче и проще объяснять им, что к чему:

— Антияпонская народная партизанская армия — это не особая какая-то армия. Это в буквальном смысле армия народа, которая борется против японского империализма. Она создана из детей таких же, как и вы, рабочих и крестьян, из учащейся молодежи и интеллигенции. Миссия этой армии — ликвидировать колониальное господство японского империализма, добиться независимости и социального освобождения корейской нации. АНПА — это армия нового типа, она отличается и от Армии справедливости, и от Армии независимости. Если руководящей идеологией Армии независимости является буржуазный национализм, то Антияпонская партизанская армия руководствуется идеями коммунизма. Идеи коммунизма, говоря доступными словами, — это нацелено на то, чтобы построить новый мир, где нет разделения на богатых и бедных, нет различий между знатностью и низким происхождением, где все без исключения живут свободно на равных правах. Если идеал Армии независимости — построить общество, где хозяевами являются имущие, то идеал АНПА — построить общество, где хозяевами являются трудящиеся. Если Армия независимости считала вас, простолюдинов, помощниками движения за возрождение Родины, лицами, относящимися с симпатией к нему, то мы считаем вас участниками, хозяевами антияпонской революции. Если Армия независимости, возлагая большие надежды на внешние силы и пользуясь их помощью, стремилась добиться освобождения страны, то мы стремимся освободить страну своими силами, твердо веря в свои собственные силы. Конечно,

это факт, что Армия независимости, приняв эстафету у Армии справедливости, очень хлопотала: в горах и на полях Маньчжурии и в северных районах Родины вела более десяти лет кровопролитные бои с японскими агрессорами. Но силы Армии независимости постепенно слабеют, а ныне и само ее существование оказалось в опасности. Вот почему мы создали новую армию. Мы решили завершить то священное дело возрождения Родины, которое Армии независимости не удалось осуществить. С этой решимостью мы и создали именно Антияпонскую народную партизанскую армию...

Выслушав меня, один из сельских юношей спросил: примерно сколько тысяч штыков насчитывает сейчас Антияпонская народная партизанская армия?

Я ответил ему, что пока она только что зародилась и ее численность не дошла еще и до нескольких тысяч, а достигла лишь нескольких сотен человек, пока она невелика в численном отношении, но рано или поздно численность ее увеличится до нескольких тысяч, а то и до нескольких десятков тысяч человек.

Внимательно выслушав мои слова, он спросил, какой порядок вступления в АНПА.

— Особого заведенного порядка и формальности у нас нет, — сказал я. — Примем всех, кто готов к борьбе, но физически эти люди должны быть подготовлены. Вступить в нашу армию можно и по рекомендации революционной организации, можно и непосредственно приходить в отряд и изъявлять свое желание. Несколько сельских юношей тут же, окружив меня, спросили:

— Если мы изъявим желание служить в вашей армии, то вы сейчас же примете нас?

Для нас это было равно большому «выигрышу».

— Примем. Но пока у вас не будет оружия, хотя мы вас и примем. Оружие-то надо приобрести самим на поле боя. Если и с таким условием вы готовы вступить в армию, то мы удовлетворим вашу просьбу тут же на месте!

И эти юноши попросили принять их в партизанский отряд, хотя бы и без оружия.

Так мы и приняли в свой отряд многих сельских юношей в качестве новобранцев. Это был неожиданный подарок жителей этого села нашему молодому партизанскому отряду. Все мы очень радовались этому новому пополнению. В ту пору, когда ради одного товарища по революции порой приходилось терять двух или трех товарищей, мы приняли сразу с десяток юношей в свой отряд. Не трудно было бы представить себе, каковы были тогда наши чувства.

Революционерам приходится прокладывать непроторенный путь, живя и в мороз под открытым небом, утоляя голод одним снежком. У них есть присущее им наслаждение, какого никогда не изведать буржуям и обывателям. Это и есть духовная проникновенность, наполняющая сердце несказанной радостью обретения новых боевых друзей. Когда те, кто были вчера еще совсем незнакомыми, изъявляли готовность вступить в армию, пройдя через линию смерти, мы одевали их в военную форму и раздавали им ружья, испытывая поистине возвышенную, торжественную радость, какую никогда и нигде больше не изведать в этом мире. Мы считали это нашей радостью и счастьем.

В ту ночь партизаны устроили вечер песен в честь новобранцев. Пели и я, и Чха Гван Су.

То, что мы могли добиться такого большого «выигрыша» без больших усилий, объясняется тем, что после события 18 сентября душа народа так сильно потянулась к антияпонским

партизанским отрядам. Общее настроение корейской молодежи того времени было таким: Япония захватила и Маньчжурию, корейцам и здесь невозможно стало жить спокойно. На что ей жизнь, если не удастся жить свободно и в Маньчжурии? Надо решать свою судьбу — либо жить, либо умереть.

Мы всю ночь напролет вели разговор обо всем этом и лишь к рассвету, разостлав соломенные маты и камышовые циновки, расположились на ночлег во дворе у костра. Это был наш первый ночлег под открытым небом после создания партизанской армии.

Сельчане шумели:

— А на что это похоже, что пришли партизаны в поселок, где живут корейцы, а ночевать-то ночуют на улице? Неудобно это нам, сельчанам Люцзяфэньфана.

Но мы не -разместились по крестьянским домам, куда предлагали нам руководители местных организаций, так и переночевали под открытым небом. Конечно, это факт, что мы возражали в этом жителям, отказались от такого искреннего приглашения сельчан, ссылаясь на свою обязанность не посягать на интересы народа. Но, считаю, на нас действовало и своего рода романтическое настроение, что революционер должен предпочитать грубый ночлег теплому уютному приюту. Это, видимо, и заставляло нас отказываться от искреннего приглашения сельчан.

И при возвращении из южноманьчжурского похода мы остановились на ночлег в этом поселке. В то время ночлег был устроен перед домом китайского старика Люй Сювэня. Там было место большого погреба для хранения картофеля. Мы обнесли его забором из соломы, развели костер и переночевали.

Старик видел, как мы, не зайдя к нему в дом, варили кашу и

устраивались на ночлег под открытым небом. Люй Сювэнь приходил ко мне и, приглашая меня к себе, говорил, что если всему отряду невозможно расположиться в доме, то хотя бы командир может у него переночевать.

— Ким Сон Чжу! Другое дело, если бы мы с вами были совершенно незнакомые и чужие. Мы же ведь знакомы еще с той поры, когда жили в Старом Аньту.

Старик выражал свое сожаление по этому поводу. Он, мол, не ожидал, чтобы и я отказался от его приглашения.

И в самом деле мы со стариком были давно знакомы. Когда наша семья проживала в одной из комнат постоялого двора Ма Чхун Ука, я видел его раза два-три. Тогда он был энергичным и страстным, что оставило в моей памяти неизгладимый отпечаток. Старик говорил:

— Вы, молодые воины, совершили дальний поход в тысячу *ли,* чтобы биться с японскими самураями. Почему же вы теперь, вернувшись из похода, должны спать и кушать под открытым небом? Как же мне тогда спать со спокойной душой под теплым одеялом?

И он до поздней ночи пробыл с нами за душевным разговором. Он, как и всё жители села Люпзяфэньфан, был чутким к изменениям политического климата. Старик знал, что после события 18 сентября японские войска сфабриковали марионеточное государство Маньчжоу-Го, что они, объявив Чанчунь его столицей, переименовали его Синьцзином и поставили на престол Пуи.

Из разговоров с этим стариком до сих пор не изглаживается из моей памяти рассказ об Ан Чжун Гыне.

Старик говорил, что из погибших корейских патриотов самой уважаемой личностью является Ан Чжун Гын.

— Не кто иной, как Ан Чжун Гын — великая личность на Востоке. Недаром президент Юань Шикай посвящал свои стихи патриотическому поступку Ана, борца за справедливость.

Его слова очень меня трогали и производили на меня глубокое впечатление.

После убийства Ито Хиробуми среди китайского населения Маньчжурии ан Чжун Гын слыл легендарной личностью. В домах у иных китайских знаменитостей даже вывешивали нарисованный кем-то портрет ан Чжун Гына и свято берегли его.

Старик с необычайной симпатией относился к Ан Чжун Гыну, и я спросил у него как бы невзначай:

— А как вы так хорошо знаете об Ан Чжун Гыне, ведь вы же не кореец?

— А кто его не знает из населения Маньчжурии! Недаром люди предлагали воздвигнуть статую ан Чжун Гына на вокзале Харбина. И я своих детей постоянно учу: хочешь стать революционером, так стань таким, как Сунь Ятсен, а хочешь стать настоящим мужчиной, то стань таким, как ан Чжун Гын. Уважаемый командир отряда Ким! Раз вы создали отряд, так не сможете ли расправиться с такими главарями, как командующий Квантунской армии?

Я улыбнулся в ответ на такие простодушные его слова.

— Из-за чего, да и зачем ликвидировать этакого, как командующий КвантунскоЙ армии? Убили Ито Хиробуми, появился новый Ито Хиробуми! Убьешь Хондзё, появится новый Хондзё. Террором дело не сделаешь.

— Тогда, уважаемый командир, каким же образом вы собираетесь бороться?

— Говорят, Квантунская армия насчитывает 100 тысяч штыков. Вот я и решил бороться против этих 100 тысяч штыков.

Взволнованный моими словами, старик крепко взял меня за руку и долго не отпускал ее.

— Командир Ким! Действительно вы молодец! Не кто иной как вы, уважаемый командир, и есть Ан Чжун Гын!

— Вы меня слишком расхваливаете, я не стою того, чего стоит Ан Чжун Гын. Но я отказался жить рабской жизнью.

На следующий день, когда отряд покинул поселок, старик далеко провожал нас, выражая горесть расставания с нами.

Когда мне приходится вспоминать об этом поселке, с горячим чувством восстанавливаю я в памяти встречу с китайским стариком.

Покинув Люцзяфэньфан, наш отряд остановился на ночлег близ Эрдаобайхэ. Отправившись оттуда, мы продвигались по большаку. И вдруг мы тут столкнулись с разведгруппой японских агрессивных войск, продвигавшихся из Фусуна в направлении Аньту. Каждый раз, когда мы совершали поход, выставляли впереди отряда дозорную группу из трех-четырех бойцов. И вот уже завязалась перестрелка между нашей группой и подразделением вражеского охранения.

Честно говоря, тогда мы не на шутку растерялись. Это был первый встречный бой после создания партизанского отряда, причем с японскими войсками, хваставшимися своей «непобедимостью». Раньше мы на Сяоинцзылине нанесли врагу превентивный удар из засады по заранее тщательно составленному плану, тогда было другое дело, — мы напали на глуповатые войска Маньчжоу-Го. А на этот раз наглые и ловкие японские войска попались нам навстречу, богатые боевым опытом. По сравнению с ними мы были всего-навсего учениками, имевшими опыт одного боя.

Что касается нас, то мы тогда еще не знали, как вести встречный бой.

Судя как по цели нашего похода, так и по основному принципу партизанской войны, было бы лучше избежать по мере возможности бесполезных столкновений, которые могли бы оказать неблагоприятное влияние на движение отряда, когда он совершает марш на большую дистанцию. И в старинном военном трактате написано: «Избежать сильного противника, а слабого — уничтожить».

Тогда что же надо делать сейчас?

Весь отряд напряженно смотрел на меня, ждал моего решения. Я считал, что наилучший путь, дающий нам возможность взять в руки инициативу в бою, — это первыми занять благоприятную местность, пока не подоспели основные силы противника. Я быстро продвинул отряд на северный гребень высоты, где наша дозорная группа ведет бой, часть отряда — к югу от дороги. С юга и севера от дороги наш отряд залповым огнем уничтожил вражескую разведгруппу.

Спустя некоторое время вражеская походная колонна, навьючась снаряжением, прибежала по большаку. На вид она была свыше роты. Противник, зная, что его разведгруппа уничтожена, пытался окружить нас.

Я приказал ни в коем случае не стрелять, пока не дам сигнал, и, наблюдая за движением врага, ждал момент, когда противник окажется в зоне огня. У нас было мало патронов.

И вот я даю сигнальный выстрел. Весь отряд залпом открыл огонь.

Я прислушивался к выстрелам, раздававшимся со всех сторон, старался взвешивать настроения бойцов. Каждый выстрел говорил о настроении бойцов, об их напряженном волне-

нии и приподнятости и в то же время об их безумной поспешности.

Оставляя массу убитых, враги надеялись на свое численное превосходство. Они, быстро выстроившись в боевой порядок, яростно наступали с двух сторон на занимаемую нами позицию.

Часть из главных сил, расположенных к северу и югу от дороги, я быстро продвинул к двум флангам своего отряда. Бойцы, быстро заняв позиции, наголову разгромили наступавшего врага ловкой прицельной стрельбой.

Но главные силы противника, не собираясь отступать ни на шаг назад, настойчиво и яростно пробирались к занятому нами рубежу. Мы, скатывая с гребня горы большие камни, упорно отстаивали свою позицию, но враги, рискуя жизнью, продолжали наступление.

Воспользовавшись моментом, когда несколько ослабело наступление противника, я дал всему отряду команду: «В атаку!»

Раздались звуки горна, сотрясшие все вокруг, партизаны стрелой ринулись с гребня горы в атаку *и,* пустившись в погоню за обратившимися в бегство врагами, беспощадно громили их. За исключением нескольких дезертиров, почти вся рота противника была наголову разбита, не устояв против нашей атаки. Ким Иль Рён, ведя рукопашный бой, с радостью восклицал: «Свалился еще один японец!», когда увидит еще одного упавшего врага.

Было несколько убитых и среди наших партизан. Захоронив их на гребне безымянной горы, мы перед их могилами устроили траурный митинг. Я произнес дрожащим голосом прощальное слово перед бойцами, которые, сняв военный головной убор, всхлипывали, будучи не в состоянии удержаться от глубокой скорби. Ничего сейчас не помню, о чем я говорил.

В памяти осталась только одна сценка- Когда я поднял глаза к бойцам, закончив речь, я увидел, как сильно вздрагивали их плечи, чувствовал, как по всему моему телу проходило содрогание при виде нашей колонны, намного укоротившейся по сравнению с той, какой вышла она из Люцзяфэньфана.

Спустя некоторое время я дал отряду команду отправиться в путь. Все выстроились на дороге, но только Чха Гван Су оставался, упав ничком на могилу. Он не мог двинуться с места, оставив позади себя могилу без хозяина, не мог проститься с угрюмой могилой без гробов.

Я побежал по гребню к Чха Гван Су и, схватив его за плечо^ крикнул:

— Гван Су! Что с тобой? Встань скорее!

Я так сильно, так громко крикнул, что он вскочил с места, но только поднялся на колени.

Понизив тон, я вполголоса уговаривал его.

— Бойцы смотрят на нас... Куда девалась твоя сила воли, умение не терять присутствия духа?!

И он, вытерев слезы, молча тронулся впереди колонны.

Позже я раскаивался, вспоминая тот случай. Спустя четыре месяца после того, как мы вели бой на рубеже уездов Аньту — Фусун, я встретил прискорбную весть о гибели в бою Чха Гван Су. Тогда невольно вспомнился мне именно тот самый случай с ним... «Почему я тогда иначе не мог обратиться к нему? Неужели я не мог говорить другими словами, чтобы он поднялся?» — так я думал.

Честно говоря, после потери боевых друзей и я несколько дней ничего не брал в рот и не спал.

Погибшие бойцы — это наш актив, боевое ядро. Со времени создания ССИ вместе со мной они делили горе и радость.

Разумеется, нет битвы без жертвы. Революция постоянно сопровождается жертвами. И в мирном труде по преобразованию природы бывают те или иные потери. Еще бы! Как без жертв может обойтись вооруженная борьба, куда мобилизуются все виды оружия и средств и где решается вопрос: победа или поражение! Но мы считали слишком жестокими и слишком несправедливыми жертвы на рубеже уездов Аньту — Фусун. Пусть революция сопровождается жестокими жертвами, но неужели такой безжалостный урон причинен нашему отряду, сделавшему только что свой первый шаг! Такими были мои чувства того времени.

Если подсчитать по арифметическому счету, то потеря менее десятка соратников — не так уж большая. В современной войне, когда в одном лишь сражении могут быть убитыми тысячи или десятки тысяч человек, потеря десятичной единицы ничего не стоит, но при потере боевых друзей мы не подсчитывали ее только по арифметическому исчислению. Арифметика не может стать для нас средством для счета и оценки достоинства человека.

Каждый боец, который вместе с нами проходил по пути борьбы, был бесценным существом, которое ни с чем нельзя сравнить на свете. Не заменить одного партизана и сотнею вражеских солдат—таково было наше кредо. Противник, пустив в ход государственные законы и приказ о воинской повинности, может в один день мобилизовать тысячи и десятки тысяч новобранцев и массами перебросить их на поля сражений, но у нас не было ни физических средств, ни власти. Да пусть у нас и была бы такая сила, все равно каждый товарищ по революции у нас был бесценно дорог.

Чтобы обрести одного товарища или соратника, готового

делить с тобой одну судьбу, и создать из таких людей организованный отряд, потребуется действительно множество титанических самоотверженных усилий.

Вот почему на протяжении всего периода антияпонской революционной борьбы я не считал предметом большой гордости даже и победный бой, разгромивший 100 вражеских солдат, если в нем погиб хоть один из нас.

Историки оценивают встречный бой на рубеже уездов Аньту — Фусун как бой удачный, где мы, оперативно перейдя в контрнаступление, наголову разбили целую роту противника. Нет сомнения в том, что это был бой победный. Значение этого боя заключается не только в том, что молодая АНПА полностью разгромила целую роту регулярной армии противника, но и в том, что она впервые в истории партизанской борьбы разбила в нух и прах миф о японской армии, бахвалившейся своим «всемогуществом» в мире. В ходе этого боя мы убедились в том, что японские войска хоть и являются сильными, но отнюдь не являются войсками, не имеющими себе равных, не знающими ни поражений, ни отступлений, и что если мы, применяя в бою методы, отвечающие особенностям партизанской войны, умело проведем бой, то вполне сможем малыми силами победить сильные японские войска. Но в этом бою, где мы потеряли примерно десять бойцов из первого детища ССИ, пришлось действительно дорого расплатиться.

«Если для уничтожения одной роты придется потерять примерно десять боевых друзей, то сколько жертв придется понести для разгрома агрессивных войск японского империализма в Корее и Маньчжурии, насчитывающих более 100 тысяч штыков!» — так я думал, оглядываясь на гребень горы, где покоится прах товарищей, и оставляя поле битвы на рубеже

уездов Аньту — Фусун, где все еще пахло порохом и дымом от огня.

После этого первого встречного боя все мы как один осознали, что в будущем, ведя партизанскую войну, придется много претерпеть невзгод и понести много жертв.

Антияпонская война, которую мы вели в течение более чем 10 лет после проведения боя на рубеже уездов Аньту — Фусун, действительно сопровождалась такими страданиями, трудностями и жертвами, которые никак нельзя измерить готовым понятием человека о войне.

4. Невозможно ли сотрудничество?

В полосе Аньту — Тунхуа лежал маршрут похода АНПА. Высилось там много крутых гор, зияло немало ущелий. Такую картину можно видеть в пограничных районах северной окраины Кореи. От Аньту до Фусуна протянулись горные гряды Чанбайшаня, Фусун и Тунхуа связывают разветвленные горные цепи Лунганшаня, образованные Саньчацзылином, Саньдаолаоелином и другими крутыми перевалами.

По горным грядам отряд около месяца безостановочно продолжал непосильный поход. Днем мы шли по крутым горам в обход больших шоссе, куда доходит взор вражеской охраны, ночью останавливались на ночлег в селениях корейцев. День за днем проходили в хлопотах — проводилась политработа и боевая подготовка.

На несколько дней мы остановились и в Фусуне. Нужно было здесь наладить работу с революционными организациями. Там я встретился с моим китайским другом Чжан Вэйхуа.

Чжану было очень жаль, что так короток был срок пребывания нашего отряда в Фусуне. Он просил меня; друг, подумай о нашей школьной дружбе, побудь еще денька на два-три, а потом иди, куда тебе надо. Я, собственно, и удовлетворил бы его просьбу, ведь Фусун для меня был незабываемым местечком, с которым связана моя жизнь десятками, сотнями эпизодов.

Но я по графику маршрута на третий или на пятый день,

точно не помню, дал команду отряду отправиться дальше. Какими бы сокровенными ни были воспоминания о прошедших днях, какой бы неудержимой силой ни задерживали мои ноги теплые чувства личного знакомства, но я был вынужден, к сожалению, расстаться и с Чжан Вэйхуа для встречи с командующим Армии независимости Рян Сэ Боном.

От Фусуна Тунхуа, говорили, отделяет около 500 *ли*. Как гласит пословица; «Чем дальше идешь, тем глуше горы», стали еще круче горные цепи, стал тяжелее походный марш. Форсированный марш по незнакомым кручам и ущельям, горные тропы в сотни *ли* довольно крепко изнурили всех бойцов. В отряде один за другим появлялись больные, и я сам уж не чу ял ног под собой в таком продолжительном походе.

И вот экспедиционный отряд добрался до подступов к Тунхуа. Чха Гван Су вдруг прибежал ко мне и предложил сделать передышку на день-два в Эрдаоцзяне, а потом уж вступить в Тунхуа.

—Хотелось бы еще немного побывать и в Фусуне,—говорю я ему, — а я все перетерпел и вот с маху пробежал 200 километров. Как же нам здесь останавливаться на отдых? Ведь под носом Тунхуа. Так говорить — это тебя недостойно, Чха Гван Су!..

Чего же он хочет? Я, конечно, предугадал, хотя и смутно, но не мог согласиться с ним и так нарочно сказал ему.

Прежде чем ответить, Чха снял с себя очки и начал тереть стекла платком. У него была такая особая привычка, которая проявляется в те минуты, когда ему надо упорно настоять на своем.

— Люди до смерти устали. И ты, командир отряда, сам изнеможен беспредельно. Будешь оправдываться: «Нет!», но не

обманешь мои глаза. Видишь, больных таскают, беря их под мышки. Как же нам в таком виде явиться перед командующим Ряном?

— Рян Сэ Бон не такой мелкий человек, чтобы не понимать нашего положения!

— Пусть Рян поймет нас как командующий, человек широкой души. Но глаз-то его солдат не избежишь. Под его рукой, говорят, сотни человек. Просто беда, если укажут пальцем на нас: мол, видите, вон какое жалкое сборище! Боюсь, как бы не стал бессмысленным наш поход в тысячу *ли*. Дело провалится — как говорится: «Слава Будде Амитабе!»

Дело так пошло, что никто не поборет этого упрямого Чха.

Я думал, что Чха Гван Су предложил это не без основания. Так, вот явимся мы в Тунхуа в таком плачевном виде — солдаты Армии независимости презрительно посмотрят на нас. Такая возможность не была исключена. Если они посмотрят на АНПА свысока, то не будет осуществлено и сотрудничество с ними по нашему плану. Так неплохо было бы отдохнуть денек-другой в Эрдаоцзяне, как предложил Чха Гван Су, и собраться с силами, а потом маршировать в этот городок Тунхуа по-порядочному, с живой энергией.

И я дал команду всему отряду остановиться и подготовиться к ночлегу в Эрдаоцзяне. Потом направил в Тунхуа к командующему Ряну связного. Нужно было сообщить ему о том, что для сотрудничества с Армией независимости отряд АНПА отправился из Аньту и сейчас отдыхает недалеко от Тунхуа.

Пока мы ждали возвращения связного из Тунхуа, бойцы в Эрдаоцзяне отдохнули с дороги. Штаб расположился в доме у

водяной мельницы. Старые хозяева дома искренне заботились о моем здоровье.

Я вызвал в штаб более десятка бойцов, чтобы разъяснить им правила работы с Армией независимости. Увидев, что я выступаю на политическом занятии, старый мельник был этим очень недоволен: мол, молодой человек не понимает искренней заботы простого люда.

— Издревле святые и мудрецы, — говорит старик, — изрекали: если человек много говорит, он только утратит дух, если слишком обрадуется — повредит чувства, если часто сердится — расстраивает волю. Поменьше мыслить, поменьше проявлять заботы, поменьше работать, поменьше говорить, поменьше улыбаться — такой традиционный основной канон и принцип сохранения здоровья. А если так много говорить, так много заботиться, так много размышлять, как ты, командир, то как тебе сохранить дух, как стряхнуть с себя болезнь? Вы люди военные, обязаны сделать Корею свободной, не так ли?..

Старик усердно разъяснял мне десятки способов беречь здоровье. Их даже трудно запечатлеть в памяти.

— Знаешь, великое дело, — говорит старик, —свершится не за день-два. Подумай о будущем и береги свое здоровье.

Слушая такое пространное объяснение старика, я наконец был вынужден отказаться от политзанятия и поручить его Чха Гван Су. Выслушав старика, мы поняли, что он приверженец учения Хо Чжуна[26] и что много часов рассказывал нам именно о книге «Тоньибогам», в которой изложены методы охраны здоровья. Я не знал, как он проштудировал и овладел такими знаниями, но все-таки он был удивительно сведущ в способах беречь здоровье.

Когда мы собирались отправиться из Эрдаоцзяна, старик

вручил Чха Гван Су несколько пакетиков лекарств народной медицины—семена лотоса, завернутые в чистую промасленную бумагу, а также сушеные шарики из плодов китайской дерезы, смешанных с медом. Старик сказал:

— Лекарств не так много, но буду рад и благодарен, когда будете употреблять их для укрепления здоровья командира.

Мне было неудобно получать эти тонизирующие средства, приготовленные стариком специально для укрепления своего здоровья. И я вежливо отказался от его подарка.

— Большое спасибо вам за внимание. Но мне неудобно брать лекарства. Разве у нас, молодых, не хватает энергии или крови? Наоборот, вы всю жизнь мучились, не видели ни счастья, ни радости. Прошу принять лекарства обратно и будьте здоровы до того дня, когда Корея станет независимой.

Слушая меня, старик мягко сердится и вновь настойчиво вручает нам в руки эти свои лекарства.

— С жизнью-то у меня все равно конец, принимаю я или не принимаю лекарства. А вы люди другие — авангард борцов за независимость Кореи. Я-то уже гнилушка, а вы еще, как говорится, «зеленая сосна да зеленый бамбук»...

Из Тунхуа наконец вернулся наш связной. Доложил, что командующий Рян получил мое письмо и приветствует вступление АНПА в Тунхуа и сам дал подчиненным задание тщательно подготовиться к теплой встрече с партизанами.

Мы сразу же отправились из Эрдаоцзяна. И уже на привале бойцы и постриглись и проутюжили брюки. Колонны отряда торжественно маршировали в город Тунхуа. По команде бойцы двигались строевым шагом, порой пели революционные песни.

Выйдя на шоссейную дорогу, я поручил отряд Ким Иль Рёну. А сам с Чха Гван Су еще раз вернулся к нашим планам. Мы

подробно обсудили план переговоров с Рян Сэ Боном. Все мои замыслы и думы сосредоточились на предстоящей работе с Армией независимости. В моих ушах еще звучали слова старика, хозяина водяной мельницы: главнейшая основа охраны здоровья — как можно меньше размышлять, меньше обо всем беспокоиться, меньше работать, мало говорить и даже как можно меньше улыбаться. Но я, собственно, никак не мог соблюдать такой способ беречь здоровье, который сковывает человеческое действие. Все наши дела от альфы до омеги были процессом творения нужного с нуля, были своеобразным творческим процессом продвижения по новому, никем не проторенному пути. Само дело потребовало от нас больше, чем кто-либо другой, размышлять, заботиться, советоваться.

Меня больше всего интересовало то, с какой позиции Рян Сэ Бон пойдет на переговоры с АНПА. С самого начала Чха Гван Су сомнительно относился к будущему результату переговоров, но я неизменно ставил оптимистический прогноз.

И вот бросилась мне в глаза общая панорама городка Тунхуа. И вдруг мне вспомнился веселый эпизод о Рян Сэ Боне. Это я слышал от моего отца, когда его приковала болезнь к постели. О нем рассказывал мне и моей матери отец, вспоминая каждого из своих товарищей.

Это было в канун Первомартовского движения. В родном краю Рян Сэ Бона крестьяне-бедняки объединились в добровольную организацию земляков «ге», которая выступила главным инициатором превращения суходольных полей в заливные рисовые. В «те» состояла и семья Ряна. Ему было понятно, что по урожайности рисовая плантация более производительна, чем суходол- И поэтому Рян от всей души поддерживал работы. Но в то время верхушка «ге», упрямые старики, всячески противились

новому почину: мол, сельчане пока не имеют опыта рисоводства. Перед весенним севом обострялась ссора между стариками и молодыми, да так, что в селе ни одного дня не проходило без размолвки, которая принимала небывалую остроту после создания «ге».

Но старики были упрямы, как ослы, ни на какой козе к ним не подъедешь. Молодежь ничем не могла их убедить. И в том году «те» в посевную пору засеяло чумизой и ячменем те поля, которые так хотела перепахать молодежь для рисоводства. Старики дышали спокойно, — теперь, дескать, земледелие «ге» не стало игрушкой в руках неопытной молодежи, поля-то засеяны, значит, дело дальше пойдет на лад, все, как было, по-прежнему.

Однако Рян Сэ Бон, атаман молодежной группы, все время норовил уловить шанс пустить в дело свою волю.

И вот настала пора высаживать рисовую рассаду на плантации. И однажды ночью, когда на полях кругом квакали лягушки, молодой Рян выгнал быка на поля, которые уже зазеленели ростками чумизы и ячменя. Тут Рян втихомолку перепахал несколько чеков уже засеянных полей и превратил их в рисовые.

Увидев такое «сотворение мира», старики ахнули: вчера на их поле буйно росли чумиза и ячмень, а за прошедшую одну ночь суходолы, увы, обернулись в рисовые, где плещет оросительная вода.

— Ты, сволочь, чертов сын! — грозили ему старики. — Погубил ты земледелие «ге»! Провалится твое дело — и станешь ты нищим, понял?

Пришла осень. С чеков, которые раньше давали всего-навсего 9 мешков чумизы или ячменя, молодой Рян собрал, к общему удивлению, 24 мешка с рисом.

Старики «ге» выкатывали большие глаза и цокали языками: «Вот какой герой этот молодой Рян!»

После этого случая в его родном краю и в соседних деревнях заметно росло число рисоводов. Старики, распоряжавшиеся делами «те», начали послушно подчиняться молодому Ряну...

Почему именно в преддверии Тунхуа вдруг вспомнился мне такой эпизод? Возможно, это я сам сосредоточил свои размышления на том, чтобы оправдать свою гипотезу, свою уверенность в том, что переговоры с командующим Рян Сэ Боном завершатся удачно.

В канун Первомартовского движения Рян Сэ Бон покинул свою родину (Чхольсан) и переселился в уезд Синцзин Южной Маньчжурии, Здесь мой отец впервые встретился с ним.

В то время Рян Сэ Бон служил в Тхоньибу военным инспектором. После создания Чоньибу он, назначенный командиром роты, стал авторитетным кадровым офицером Армии независимости, пользовавшимся доверием командующего О Дон Чжина. Его рота дислоцировалась в Фусуне. Тогда и мне довелось встретиться с Ряном.

Прошло немного времени после переселения нашей семьи в Фусун из Бадаогоу- Рян Сэ Бона вызвали опять в уезд Синцзин и его заменил Чан Чхоль Хо. Когда родилась администрация Кунминбу после слияния трех группировок, руководство Армии независимости передало все право на командование войсками Рян Сэ Бону — человеку прямого характера, исполнительному, на которого возлагал народ большие надежды. Он пользовался большим влиянием не только в военных кругах, но и в Революционной партии Кореи, в которой состояли старейшие кадры трех группировок.

Командующий Рян часто говорил: «Мы с Ким Хен Чжиком

побратимы». Он от всей души искренне любил меня как сына своего друга. Когда я был в Гирине, материально больше всех помогали мне РянСэ Бон вместе с О Дон Чжином, Сон ЧжонДо, Чан Чхоль Хо, Ли Уном, Ким Са Хоном и Хен Мук Гваном.

После инцидента в Ванцинмыне, конечно, необычайно испортились наши чувства к верхушке Кунминбу, да и довольно долго не представлялся мне случай встретиться с Рян Сэ Боном — главой военных кругов той организации, которая теперь уже стала реакционной. Но я верил, что не изменились его любовь и доверие ко мне.

Все мои воспоминания вызвали добрую симпатию к Рян Сэ Бону как к человеку, как к патриоту. Я не ворошил старое — то, что могло бы бросить мрачную тень на судьбу нашего сотрудничества. Я как можно больше старался перебирать в памяти только такие эпизоды, которые оптимистически освещали бы перспективу нашего диалога. На меня воздействовала, так сказать, психология «оборонного» инстинкта, что я не хотел психологически угнетать самого себя неблагоприятными доказательствами, которые омрачняли бы перспективу предстоящих переговоров.

Все 20 уездов местности Дунбяньдао, в том числе Тунхуа, находились под контролем начальника Дунбяньдаоского гарнизона Юй Чжишаня. Одно время Чжан Цзолин назначил его командиром 30-го корпуса. Но неспособность генерала в подавлении мятежа отряда Дадаохуэй (Союз Больших Мечей — ред.) в июне 1930 года лишила его доверия Чжан Сюэляна. Юй Чжишань, разместив в важнейших пунктах Дунбяньдао войска примерно одной бригады для охраны провинции, хозяйничал как верховный правитель в этом районе. После инцидента 18 сентября он, создав Дунбяньдаоский комитет безопасности,

сам стал его начальником и, поддерживая связи с верхушкой Квантунской армии, активно содействовал марионеточным властям провинции Мукден.

Делая ставку на содействие Юй Чжишаня, командование Квантунской армии не перебросило в этот район большие контингента своих вооруженных сил, поручило дело его безопасности отдельному гарнизону, войскам Маньчжоу-Го и полиции. В то время большая часть сил Квантунской армии направлялась в Северную Маньчжурию.

Воспользовавшись создавшимся вакуумом, Ляонинская народная армия самообороны, возглавляемая Тан Цзюйу, во взаимодействии с частью Корейской революционной армии, командуемой Рян Сэ Боном, окружила уездный центр Тунхуа. Заведующий Тунхуаским филиалом японского консульства Окицу Йосиро и другие сотрудники и их семьи беспомощно ждали спасения в полном окружении.

Командование Квантунской армии получило информацию о том, что городок Тунхуа был окружен и местные японцы оказались в опасности, но не смогло принять действенных мер. Все силы армии были направлены в Северную Маньчжурию. И японцы направили на спасательные операции только группу полицейских численностью около 100 человек и ждали поддержки со стороны армии Юй Чжишаня. Войска Юй Чжишаня, разделившись на две группы, со стороны севера и Фэнчэна оказали давление на объединенную армию Ряна и Тана.

Начальник штаба Квантунской армии Итакаки был вынужден выступить по радио: «Японские граждане в Тунхуа! Скоро, завтра утром, к вам придет на помощь из Мукдена наш отряд. Прошу вас пока упорно держаться».

Как выше изложено, после инцидента 18 сентября одновре-

менно с направлением в Маньчжурию комиссии Лиги Наций во всех районах провинции Мукден антияпонские и антиманьчжурские вооруженные силы угрожали японским захватническим войскам и армии марионеточного государства Маньчжоу-Го. И, естественно, был весьма высок боевой дух Корейской революционной армии и Армии самообороны, державших под своим контролем уездный центр Тунхуа.

АНПА вступила в городок Тунхуа вечером 29 июня.

Армия независимости торжественно встретила нас. Местами на улицах виднелись лозунги: «Привет Антияпонской народной партизанской армии!», «Долой японский империализм!», «Добьемся независимости Кореи!» и т. д. Сотни солдат Армии независимости и жители города вышли на улицы, аплодировали имахали руками, приветствуя нас. Рян Сэ Бон, казалось, захотел ознаменовать вступление АНПА в Тунхуа своего рода переломным моментом в расширении и развитии движения за независимость страны.

Наш отряд, прибывший из Аньту, немедленно разделился на две группы. Группа солдат Армии спасения отечества, командуемая Лю Бэньцао, пошла в квартиры китайцев по предложению представителя командования Армии самообороны, а бойцы командуемой мною АНПА остановились в домах корейцев.

И после того как предоставили нам ночлег, солдаты Армии независимости не вернулись к себе и дружно проводили время с нами. К нашему отряду они отнеслись более благожелательно, чем даже мы предполагали. Когда их информировали о нашем приходе из Аньту, они представляли нас как каких-то беспорядочных деревенских мужиков с копьями или мушкетами на плечах. А вот перед ними предстали такие аккуратные «джентльменские» войска. Они не скрывали своего восхищения и зависти.

Ночью я гостил у командующего Рян Сэ Бона.

Хозяин принял меня радушно. Первым долгом я поинтересовался здоровьем Ряна и его супруги, передал им привет моей матери.

— Мы переселились в Аньту. И там моя мать часто рассказывала о вас. Мать наказывала: «Знаешь, сынок, когда умер твой отец, похороны справляли командующий Рян и его друзья. Потом он рекомендовал тебя в училище «Хвасоньисук». Не забудь, сынок, о его благодеяниях».

Выслушав меня, командующий Рян отмахивался.

— Что ты говоришь! Мы с твоим отцом побратимы. Чего там какие-то благодеяния? Слушай, Сон Чжу, твой отец мне помогал во многом. Думаю об этом с вечной благодарностью ему за это. никогда этого не забуду. Ну а теперь скажи, как здоровье твоей матери? Слыхал, она прикована к постели внутренней болезнью после переселения в Аньту.

— Спасибо за внимание. Болезнь у нее, думается, ухудшилась. В эти дни работает мало, больше лежит в постели.

Наш диалог так начался, как обычно, с осведомления о здоровье.

Я рассказал, какое впечатление произвел на меня городок, когда в Тунхуа вступил наш отряд.

— Сотни ваших солдат вышли на улицу, приветствовали нас рукоплесканиями. Мы тронуты этим все до слез. У бойцов Армии независимости сияли лица — и на душе у нас было хорошо.

— Мои подчиненные, я говорю, воюют не очень здорово, зато они люди гостеприимные.

— Вы слишком скромны. О вас мы слышали еще в Аньту. О том, что вы во взаимодействии с Ляонинской народной армией

самообороны Тан Цзюйу окружили и легко заняли уездный городок Тунхуа.

— Но тут нечем гордиться. Сколько у них, у этой Армии самообороны? Увы, десятки тысяч! Если не возьмут его такой силой, то их и кормить незачем.

Рян не так хвалил этот бой, но подробно осведомлял меня обо всех деталях окружения уездного городка Тунхуа.

В такой атмосфере и закончился наш разговор. Я переночевал у него. Но я не сказал ему о цели нашего прихода, и он не потребовал объяснения этого. И это вызвало у меня какую-то тревогу, — почему Рян не спросил о цели нашего похода? Но его радушный прием, искреннее отношение ко мне еще более укрепили мое неизменное убеждение в том, что переговоры пойдут на Лад.

Разговор на главную тему пошел на следующий день, после завтрака.

Первым выступил со своим словом командующий Рян. Вначале он сказал, помнится, так:

— Слушай, командир отряда, теперь вся Маньчжурия стала осиным ульем. Многочисленные осы налетают на непрошеного гостя—Японию. Жалить хотят. Тан Цзюйу, Ли Чхун Юн, Сюй Юаньюань, СуньСюянь, Ван Фэнгэ, Дэн Темэй, Ван Тунсюань... Все они, я говорю, осы Дунбяньдао. А сколько еще таких ос в Восточной и Северной Маньчжурии?! Время такое. Если мы объединим свои силы и будем воевать здорово, думаю, мы победим. Как ты думаешь, командир отряда?

Его слова совпали с целью нашего похода. За это я был, собственно, благодарен ему и даже счастлив, что сам командующий Рян поискал путь к сотрудничеству и стал его инициатором.

Так он с большой высоты смотрит на всю картину движения

за независимость Кореи. Я, не скрывая восхищения прозорливостью командующего, всем сердцем воспринял его предложение.

— Вы предложили объединить силы в борьбе. И я согласен с вами. И мы, правду сказать, приехали советоваться об этом с вами. Если вооруженные отряды корейцев объединят свои силы, если так поступят и китайцы, если все патриоты, народы двух стран — Кореи и Китая — пойдут, как говорится, единой кучкой, то мы, думаю, сможем победить японский империализм.

Рян Сэ Бон улыбнулся и продолжал:

— Раз ты согласен, давай серьезно поговорим об этом.

— Позвольте, однако, сказать вот о чем. К сожалению, внутри нашей нации не достигнуто сплоченности, чего так требует нынешняя ситуация. Такого сплочения нет и внутри коммунистов, и внутри националистов, и между ними. Раз так, как же нам победить сильного врага — японских самураев?

— Тут причина в ошибочной политике людей левого крыла. Ты тоже левый, и тебе, уверен, ясно положение вещей. Они, вижу, чрезмерно разжигают борьбу. И так они не искали расположение народа- Так вызывают арендаторские конфликты и делают из крестьян самодуров. С лозунгом какого-то «красного мая» расправляются с помещиками... И ясно, что китайцы пренебрежительно относятся к корейцам, смотря на них, образно говоря, словно бык на петуха. Все это ошибка участников коммунистического движения.

Так мог бы сказать только тот, кто имеет отвращение ко всякому насилию коммунистов. Я, конечно, не думал, что он так говорит от вражды к рабочим и крестьянам, от сочувствия помещикам и капиталистам. Сам Рян Сэ Бон до участия в движении за независимость испил горькую чашу как беднейший

крестьянин. Был арендатором, близким крабу-должнику. Каждый год с тридцатого числа последнего месяца года он мучился скандалами помещика, который с угрозой требовал платить долги. Был потомком бедного крестьянина, чудом одолел рубежи голодных лет с жидкой похлебкой из куриного проса, смешанной с сушеными листьями редьки.

Мне думалось, что собеседник порицает насильственную форму борьбы коммунистов не оттого, что выступает против самого идеала коммунизма и что защищает его антипод — идеи капитализма. Он не был противником самого идеала коммунизма . Он подвергал насмешке и порицал именно способы движения и методы борьбы отдельных коммунистов. Но подход к этим методам не мог не сказываться в понимании идеала коммунизма и в отношении к нему. Левацкие ошибки коммунистов раннего периода, допущенные ими в руководстве массовым движением, к сожалению, повлекли за собой серьезные последствия — вытравили привязанность к коммунизму из сознания многих людей, которые питали симпатию к новому идеологическому течению. И в беседе с командующим Ряном я еще раз до мозга костей ощутил, насколько пагубны последствия ошибок, допущенных старым поколением коммунистов на маньчжурской земле.

Я со своей стороны признал левацкое безрассудство отдельных коммунистов, допустивших ошибки в массовой борьбе. Однако мне не понравилось одно: Рян Сэ Бон с явной предвзятостью изображал массовую борьбу в целом как вредительство, подрывающее сплоченность нации. Я решил поправить его ошибочный взгляд.

— Это факт, что, как вы сказали, в классовой борьбе руководители Компартии Кореи слишком сбились с пути. Пра-

вда, их безрассудное левачество причинило и нам большой урон. Оно дошло до того, что породило, в конце концов, представление: корейцы—японские приспешники. Но, думаю, выступления крестьян против помещиков неизбежны. И вы много лет занимались земледелием, так что вам известно, сколько осенью достается помещику, а сколько — крестьянам. Трудись до седьмого пота — отбирают весь урожай. И крестьяне едва сводят концы с концами. Итак, они, чтобы жить, поднимаются на арендаторские конфликты. Как же можно огульно порицать все это очертя голову?

От него никакой реакции не последовало. То ли ему не понравилась моя защита неизбежности массовой борьбы, то ли он считал мою идею справедливой.

В тот день Армия независимости устроила сбор в честь АНПА. В армии было много молодых бойцов, которые подвергались коммунистическому влиянию со стороны членов ССИ и политработников, направляемых нами еще из Люхэ и Синцзина. Они и были главными организаторами встречи. И естественно» что сбор был весьма торжественным и горячим. На встрече присутствовало и много корейцев, которые жили в уездном городке Тунхуа.

И выступали с речами, и пели песни поочередно хозяева и гости. Весь процесс встречи заметно выявлял различие в характерных чертах АНПА и Армии независимости. Хозяева не скрывали своего восхищения скромностью, простотой и оптимизмом бойцов АНПА, порядочностью, энергичностью и стройностью отряда- Больше всего они завидовали нашему пению революционных песен и винтовкам образца «38».

Кое-кто из бойцов Армии независимости ошеломленно говорил:

—Откуда вдруг, даже без молвы, взялись такие порядочные войска?

А иные спрашивали:

— Договорились бы о сотрудничестве с вами. Ну скажи, как идут переговоры с командующим Ряном?

В тот день командующий Рян лично навестил отряд АНПА. Поглядим, мол, какие войска привел с собой Сон Чжу. Наши бойцы то аплодировали, то отдавали честь гостю, прикладывая руку к фуражке. Словом, приветствовали его так здорово, чтобы гость пришел от этой встречи в восторг. Но тут командующий Рян допустил погрешность, — он выступил с антикоммунистической речью. И вдруг теплая атмосфера сменилась на враждебную.

— Чтобы достигнуть независимости Кореи, —сказал он, — нужно прежде всего не заниматься делишками в пользу врага- А сейчас коммунисты поступают не так, — помогают противнику. Так, они идут на завод — натравливают рабочих на капиталистов, идут в деревню — науськивают хлеборобов на драки с помещиками. Даже в семье заставляют мужа и жену драться Между собой — мол, равноправие женщин. И еще чуть что шумят: «Экспроприация!», «Долой!» и т. д. Так они сеют вражду среди соотечественников, ставят барьеры между нациями.

Все мои товарищи возмутились его речью. Чха Гван Су, совсем побледнев, с негодованием глянул на оратора. И я был недоволен речью Ряна, насквозь проникнутой угаром антикоммунизма. Почему он произнес такую речь, — мне было непонятно.

— Знаете, — говорю я ему, — мы же не такие люди. Мы не помогаем врагу. Мы боремся за освобождение корейской нации, боремся за интересы трудящихся масс. Чтобы достигнуть неза-

висимости Кореи, в центре выступлений должны стоять рабочие, крестьяне, трудовые массы. По-старому, одними только силами дерзких смельчаков, выдающихся героев, своего не добиться.

Когда я кончил, мои товарищи в один голос заговорили и повели словесные атаки против Кунминбу.

— Группировка Кунминбу убила в Ванцинмыне шестерых молодых патриотов. Скажите, это ли не помощь врагу? Совершила такие большие преступления перед нацией. А Кунминбу позволительно ли твердить о каких-то действиях в пользу врага, не стыдно ли преследовать нас?

Так вот зашумели молодые. Всем рты не заткнешь.

А командующий Рян, явно обиженный, начал осыпать нас руганью.

Он рассердился чрезмерно, его поведение начисто нарушило всякие правила приличия. И я не мог не ошеломиться, было странно и непонятно, почему он вдруг, потеряв равновесие разума, так нас поносит. Или словечки наши задели его достоинство? Или подсказала ему, напела на ухо провокационные слова против нас какая-то темная личность, не желающая сотрудничества? И все-таки мне думалось, что обида его отнюдь не беспочвенна.

И я с нелегким терпением уговаривающим тоном сказал:
— Незачем вам так обижаться. Какие мы люди — время покажет. Чтобы понять друг друга, нужны нам, думаю, частые и тесные контакты между вашей частью и нашим партизанским отрядом.

На это ответа командующего не последовало.

«Угар антикоммунизма у него так толст, что его стереть нелегко. Но если терпеливо убеждать, то, пожалуй, все-таки можно будет изменить его ошибочный взгляд», — с такой

смутной надеждой и верой я вернулся в дом, где мне предстояло заночевать. Если неверие другому считается своего рода симптомом шовинизма, то доверие другому можно назвать величайшим гуманизмом. Для патриотов той страны, земля которой стала трагической жертвой агрессии и грабежа, высшей гуманностью являются именно достижение национального сплочения и освобождение родителей, братьев, сестер, всех соотечественников объединенными силами нации.Так я думал.

Ведь с этой же целью я пришел к Рян Сэ Бону со своим молодым отрядом, которому от рождения всего только один месяц, преодолев тысячу *ли.*

В тот день, когда сорвались наши переговоры, мы получили информацию: Армия независимости строит заговоры с целью разоружить наш отряд. Об этом сообщил нам член нашей организации, действовавшей в городке Тунхуа.

Нам никак не верилось, что сам командующий Рян планирует такие заговоры. Но на всякий случай мы молниеносно вышли из Тунхуа.

Итак, я разлучился с моим учителем Лю Бэньцао.

Отряд АНПА так вот отправился из Тунхуа, не выполнив актуального задания по осуществлению сотрудничества в антияпонской борьбе и избежав столкновения с Армией независимости. В движущемся отряде царило мрачное настроение. Чха Гван Су шел позади молчаливо и задумчиво, порою взглядывая в книжечку с маршрутом похода.

— Чего у тебя, Гван Су, такое сердитое лицо? Муху проглотил, что ли? — предугадав его кислое настроение, заговорил я и нарочно улыбнулся.

Он словно ожидал эту минуту и, пряча книжечку в карман, сказал недовольным голосом:

— А что, сиять улыбкой? Я, честное слово, не могу вынести досады и стерпеть такую обиду. Все пропало. Тысячу *ли* одолели с кровопролитием, а видишь, толку-то нет.

— А почему ты, начштаба, хочешь видеть в переговорах с Армией независимости только одни неудачи?

— Ну а скажи, разве это удача? Ясно, что командующий Рян не пошел на сотрудничество, да еще строил козни — разоружить наш отряд.

— Ты, начштаба, видел только выражение лиц верхушки армии. А лица солдат не видал. Как они восхищались, как они завидовали нам, партизанам! Я бы сказал, это более значимо, чем версия о разоружении. Главное — не выражение на лицах верхушки, а подход низов — самих солдат. Вот в нем-то я вижу будущее нашего сотрудничества.

Так я сказал, но нельзя считать, что у меня была такая уж светлая надежда на судьбу сотрудничества. Просто я сказал только о своем предчувствии, выразил лишь свое желание.

И я, собственно говоря, на душе переживал нелегкое. Я терзался мыслью: «Между людьми разных стран, например, между командующим Ряном и Тан Цзгойу, между нами и командующим Юем, состоялось сотрудничество, а почему так трудно сотрудничать людям одной нации, то есть АНПА и Армии независимости? Разве ж невозможно сотрудничать нам с командующим Рян Сэ Боном?»

А действительно ли Армия независимости строила такие заговоры или нет? Это долгое время оставалось неизвестным, как искомое число в математике. Я признал безошибочность полученной информации, потому что ее собрал наш подпольщик. Но вместе с тем я пожелал, чтобы эта информация была

беспочвенной. Пусть она была бы научно обоснованной, но у меня не было ни тени желания придираться к командующему Ряну. Человеческому мышлению есть свой лимит. Чтобы выйти из этого предела, нужно тратить довольно много времени и опыта. Вот почему я, уходя из Тунхуа, не торопился сделать вывод, что сотрудничество с Армией независимости невозможно.

Наоборот, я не терял надежду: непременно настанет час, когда командующий Рян поймет нашу искренность и будет стучать в дверь, предлагая сотрудничество. Патриотизм, образно говоря, равен потоку реки и ручья, впадающих в море, имя которому — коалиция с коммунизмом...

С той поры прошло много лет. Командующий Армии независимости Чвэ Юн Гу перешел со своим отрядом в Корейскую Народно-революционную армию. Мы вместе с ним вспоминали о незабываемых днях лета 1932 года. По словам Чвэ, в то время к заговорщическим попыткам разоружить АНПА прибегал не командующий Рян, а его подручный — штабист.В принципе Рян намеревался пойти на сотрудничество с АНПА, а тот штабист, взяв закулисный «микрофон» антикоммунизма, клеветал на нас и, наконец, со своими лояльными приспешниками начал строить интриги с целью разоружить наш отряд.

Рассказ Чвэ Юн Гу рассеял в пух и прах наше сомнение в командующем Рян Сэ Боне. На самом же деле командующий Рян очень сожалел, что прервались связи с нами, и он не имел ничего общего с заговорами против нас. У меня на душе улеглось, когда я слушал об этом. Я больше всего обрадовался, еще раз убедившись в том, что он — сейчас его нет в живых — был честен перед патриотизмом, не запятнан перед своим моральным долгом. Нет ничего более радостного и более приятного, когда

узнаешь, что человек, которого раньше ты считал замечательным, остается неизменно замечательным даже спустя целые десятки лет и что хранимая тобой чистая мысль об этом человеке не грязнится и не пятнается.

Ошибка командующего Ряна была в том, что он не смог увидеть интриг противника. Он был человек справедливый, стойкий, но не знал, что у него под самым носом штабист строил козни в целях не дать дорогу сотрудничеству с нами. И еще; когда тот злобно клеветал на коммунистов, Рян не сумел проникнуть в его нутро, не заглянул в душу этому подлецу. Да и сам командующий скоро погиб оттого, что был обманут коварным противником.

Рян переориентировался от антикоммунизма к коалиции с коммунизмом только накануне его смерти. В то время положение в Армии независимости было очень сложным; усиливалось вредительство лазутчиков и подкупленных ими приспешников, росло число дезертиров и других убегающих из части отсталых элементов. С другой стороны, прозвучал голос, требующий сотрудничества с коммунистами.

Рян не мог больше игнорировать коммунистов. Он признал, что наступил новый бурный период, когда в революции в двух странах, в Корее и в Китае, коммунисты стали ее главной силой, они уже вершат все дела. Он объективно строго проверял свой подход к коммунизму и, наконец, решил пойти на коалицию с ним.

Недопонимание коммунизма и неосознанная вражда к нему не позволили Ряну принять решение пойти на сотрудничество с нами. И вот такой человек все же пошел вперед, переориентировался к коалиции с коммунизмом. Это было особым событием не только в жизни самого Ряна, но и в истории борьбы Армии

независимости. Он бросил флаг антикоммунизма и избрал путь коалиции с коммунизмом. Этот факт мы видим и в том, что он пошел на совместные действия с Ян Цзинюем. Он намеревался сотрудничать и с нами.

Японские империалисты пуще всего боялись того, что войска Рян Сэ Бона будут идти с нами рука об руку. Сотрудничество КНРА и Армии независимости означало бы военно-политическое единство коммунистов и националистов в национально-освободительном движении в Корее. Это стало бы большой угрозой врагу.

Японская жандармерия, полиция и спецслужба умышленно запланировали заговоры — убить Рян Сэ Бона и разложить Армию независимости изнутри. К этим интригам присоединились и Мукденская жандармерия и служба Фукусимы генерал-губернаторства в Корее. За Рян Сэ Боном установил надзор и слежку также «Дунбяньдаоский партизанский отряд спецслужбы Квантунской армии Японии».

Есть еще такая версия, что для тайных операций по убийству Ряна было выделено более 100 тысяч *вон.* Были подняты на ноги и Пак Чхан Хэ и другие шпики Синцзина.

Коварнейшими интригами враги пытались заманить Рян Сэ Бона в ловушку. В заговор включили еще изменника некоего Вана, который имел давнюю связь с Ряном и «помогал» Армии независимости. Однажды этот предатель так льстил Рян Сэ Бону; китайская антияпонская армия желает встречи с Ряном для того, чтобы помочь Армии независимости. Обманутый его слащавыми словами, Рян Сэ Бон совершил оплошность — не успев разобраться в сути дела, отправился за Ваном к Далацзы, где, мол, его ждет китайская антияпонская армия.

На дороге Ван вдруг выхватил пистолет и, угрожая им,

крикнул: «Слушай, я не вчерашний Ван Минфань. Желаешь жить — сдайся японской армии!»

Командующий Рян громогласно кричал на этого негодяя и тоже вынул оружие. Но было уже поздно — враги, укрывшиеся в гаоляновом поле, первыми же залпами из засады сразили его.

Как писал в своем очерке Чвэ Иль Чхон, слова верноподданного Пак Чжэ Сана «Принимаю кару Керима (Корея), но прочь должность и жалованье от самурайского короля», стали духом командующего Ряна и загнали врага в страх.

Иногда я думаю: если он пораньше бы стал на путь коалиции с коммунизмом, то его судьба, возможно, стала бы иной. Но это, конечно, неотвязная нить мысли того, кто жалеет о его смерти.

—Я умираю и не могу продолжать сопротивление Японии. Но вы, мои солдаты, будьте живы и пойдите к командующему Ким Ир Сену. Это ваш путь к жизни. Иного выхода нет!

Так завещал он своим подчиненным и закрыл глаза...

Нет, это не столько заветы покойного, сколько декларация о коалиции с коммунизмом, рожденная смертью одного патриота, который, рушив барьер антикоммунизма, вышел на новую дорогу.

Откликнувшись на эту декларацию, через четыре года более 300 бойцов Армии независимости, те, кто встречал нас на улице города Тунхуа, пришли под командованием командующего Чвэ Юн Гу на гору Пэкту, чтобы присоединиться к КНРА. Я встретил их в Хуадяне.

Корейцы уезда Хуаньжэнь, чтобы не дать врагу глумиться над трупом покойного Ряна, похоронили его на горе за своим селом, не насыпав могильный холм, они сравнили могилу с поверхностью земли. Но японские войска и полицейские раско-

пали эту могилу, отрубили голову покойного и вывесили ее на улице города Тунхуа.

Семья покойного тоже подверглась жестоким преследованиям. Его родные, не вытерпев гонений японских и марионеточных маньчжурских войск и полицейских, были вынуждены даже заменить фамилию Рян на Ким и переселиться в горную глушь уезда Хуаньжэнь, удаленную на тысячу с лишним *ли* от железной дороги. Там они и ютились, как кроты.

После освобождения Кореи я направил наших работников в Южную Маньчжурию, чтобы привести родных покойного на Родину. Вернулись супруга командующего Юн Чжэ Сун, его сын, дочь и ее муж.

— Сколько вы перенесли мук и страданий после смерти мужа! Все время вас гоняли японские войска и полицейские...

Так я первым сказал при встрече и поздоровался с бедной женщиной. Она долго не могла унять слез, плечи ее вздрагивали неуемно.

— Вот я вижу вас. Полководец, и чувствую, что все горечи у меня растаяли. А что мои муки! Жили так, как все гонимые. Это пустяки. Зато какие мытарства и переживания были у вас, Полководец! Ведь вы сражались, чтобы изгнать самураев...

— Я все время был в боевых хлопотах. Не смог послать вам и весточки, за что чувствую себя виноватым перед вами.

— Виноваты-то это мы. Полководец! Жили мы хотя и в горах, но о вас слышали. Слушала о вас, — а в душе сетовала на покойного мужа: ты, родной, костьми лег на чужбине, не пошел за Полководцем!

— Но командующий Рян сражался храбро до последней минуты своей жизни...

А сына его, Рян И Чжуна, мы направили на учебу в Революционное училище в Мангендэ.

В апреле 1948 года у нас проходило совместное совещание представителей Севера и Юга. В то время Ким Гу посетил это училище. Здесь он встретился с сыном бывшего командующего Ряна и не скрывал своего удивления.

— Как это так?! Я даже не предствлял себе, что здесь учат сына командующего Армии независимости. Ведь в этом училище власти Северной Кореи воспитывают детей партизан.

— Здесь, — сказал я ему, — есть дети не только партизан, но и других погибших патриотов, тех, кто действовал внутри страны в профсоюзах и крестьянских союзах. У нас нет дискриминации в отношении погибших патриотов, борцов за Родину. Не интересуемся, к какой бы группировке они раньше ни принадлежали.

—Это училище, я бы сказал, символ национальной консолидации! — взволнованно сказал Ким Гу.

Окончив училище, Рян И Чжун стал политработником части ВВС- А после войны, к сожалению, погиб при авиакатастрофе.

Получив эту скорбную весть, я очень расстроился. Очень боялся, как бы на этом не кончилось кровное родство командующего Ряна.

К счастью, у Рян И Чжуна остался сын, Рян Чхоль Су. Единственный. Но его, к сожалению, искалечил детский паралич. Партия послала его учиться в начальную, потом в полную среднюю школу и вуз, заботясь о том, чтобы он прошел, как здоровый, весь 14-летний учебный процесс. Четыре года он учился в Университете имени Ким Ир Сена. Друзья каждый день возили его на коляске в Университет, поднимали на лифте в аудиторию, на 17-й этаж. Уважение второго, третьего поколений

к погибшим патриотам-предшественникам выразилось и в теплой любви к искалеченному болезнью внуку патриота. Сейчас Рян Чхоль Су как достойный писатель Республики пишет свои произведения, хотя и в постели.

У него два сына и одна дочь. Судя по кровному родству, они — правнучата Рян Сэ Бона. В осенний праздник *чхусок* они вместе с родителями идут на могилу своего прадедушки, который покоится на Кладбище патриотов. Им пока неизвестно, какие переживания, какое несчастье сковывали жизнь их прадедушки.

Желаю, чтобы на плечи этих несмышленышей не давил тяжелый груз с ярлыком: антикоммунизм или коалиция с коммунизмом.

5. Под идеалом консолидации

Наш отряд ускорил поход в Люхэ.

Уезд Люхэ, как и Синцзин, Тунхуа, Хуадянь, Паньши, был широко известен в Южной Маньчжурии как один из важнейших очагов движения за независимость Кореи. В этом районе вместе с деятелями движения за независимость страны, принадлежавши ми к старому поколению, было много и борцов — представителей нового поколения, стремившихся к коммунизму. И Синхынские курсы, широко известные в истории движения за независимость Кореи как первое военное училище, были учреждены в Ханихэ уезда Люхэ Южной Маньчжурии.

Определяя Люхэ как один из пунктов маршрута нашего похода, мы намеревались активно развернуть в этом районе политическую работу, чтобы расширить в массах базу для деятельности АНПА. Не только в Люхэ, но и в Саньюаньпу, Гушаньцзы, Хайлуне, Мэнцзяне и других районах, расположенных на пути нашего возвращения до Аньту, мы решили развернуть наряду с работой по революционному воспитанию масс энергичную деятельность по расширению отрядов партизанской армии. Именно в этом и состояла одна из сторон стратегических соображений, предусмотренных нами при определении маршрута нашего похода в Южную Маньчжурию.

Экспедиционный отряд, останавливаясь прежде всего в

Саньюаньпу, Гушаньцзы, Люхэ, Хайлуне, проводил работу с революционными организациями.

После события 18 сентября революционные организации в этих районах были жестоко разрушены вследствие вражеского белого террора. Большинство организаций, созданных в течение нескольких лет потом и кровью коммунистов нового поколения, было либо разрушено, либо разгромлено и распущено. Были и такие организации, которые невозможно было восстановить: все их члены либо арестованы, либо убиты.

От последствий события 18 сентября больше всего пострадал Хайлун и его окрестности. В Хайлуне находилось японское консульство, и вражеские щупальца были в нем протянуты глубже, чем в других местностях. В каком бы районе мы ни бывали, там были люди, которые не находили себе места, чтобы найти нить, ведущую к установлению связи с организацией.

Во всех местностях, где мы останавливались, я встречался с членами низовых партийных организаций, разветвленных от основы первой партийной организации, с активом КСМК и АСМ и руководителями Крестьянского союза. Антияпонского общества женщин и Детской экспедиции. Ознакомившись с их деятельностью, я обсуждало ними предстоящие революционные задачи, дальнейшие задачи нашей борьбы. В ходе этого я заметил в настроениях у членов революционных организаций этой местности и в их образе мышления несколько отрицательных моментов, которые нельзя обойти молчанием.

Первый момент — это была тенденция пораженчества, которая начала быстро распространяться среди них в связи с событием 18 сентября.

Такая тенденция проявлялась прежде всего в их образе

мышления: «Захвачена Японией и Маньчжурия, теперь всему конец». Немало таких людей, которые твердили: «Япония победила Россию, самую великую в мире по территории страну разгромила и цинский Китай. А ныне у нее глаза загорелись и на основную территорию Китая, чтобы захватить ее вслед за Маньчжурией. Неизвестно, насколько сильны американские и английские войска, но, видать, и им не устоять против японских войск. Смотри, Япония покорит чуть ли не весь мир! В такой обстановке ожидать независимости Кореи — все равно что ждать у моря погоды». Иллюзии насчет японских войск, возникшие после японо-китайской (1894 — 1895 — ред.) и русско-японской войн, к этому времени все более поощрялись и распространялись.

Находились и люди, которые считали пустыми словопрениями заявления о возможности победить японский империализм собственными силами корейской нации. Если будут расти такие взгляды, то можно скатиться в пропасть пораженчества: к чему, мол, совершать революцию, все равно в этой борьбе мы не победим?

Без преодоления пораженческой психологии сплачивать народ невозможно, невозможно мобилизовывать широкие патриотические силы на революцию.

И мы, выбрав из отряда бойцов и командиров, подготовленных в политическом и деловом отношениях, направили их в гущу масс с заданием читать лекции и вести разъяснительную работу на тему «Событие 18 сентября и перспективы корейской революции».

С самым большим интересом люди слушали сообщения о новостях антияпонской вооруженной борьбы. Они проявляли особое любопытство к масштабам Антияпонской партизанской армии и ее тактико-стратегическим принципам. И снова повто-

рялась та речь, которую я произнес перед населением Люцзяфэньфана, и снова вспыхивали и гремели аплодисменты.

А самой привлекательной и интересной темой из нашей лекции и беседы был рассказ о битве на рубеже уездов Аньту — Фусун. В свете боевых успехов Японии, которая одним ударом захватила обширную Маньчжурию и сфабриковала даже государство «Маньчжоу-Го», наш успех в разгроме одной роты противника выглядел таким незначительным, что его никак не сравнить с первыми. Но публика с большим интересом слушала рассказ о том, как среди бела дня на пути была разгромлена одна рота японских войск. Весть о боевом успехе молодой АНПА, только что зародившейся в дни начала господства Японии в Маньчжурии, так вот сильно поражала людей.

Люди хотели знать о ходе боя до мельчайших подробностей, даже о конкретном внешнем виде вражеских солдат, когда они обращались в бегство, не устояв против нашего наступления. Они без конца засыпали нас вопросами, чтобы подтвердить факты. И нам приходилось два-три раза повторять одни и те же детали боя.

Резюмируя отклики людей на результат боя на рубеже уездов Аньту — Фусун, я еще раз твердо убедился в необходимости показывать практические действия, а не говорить только на словах, демонстрировать мощь партизанской армии в боях, чтобы внести в сердца масс веру в возможность достижения независимости страны собственными силами нашей нации.

Другой вопрос, выдвигавшийся в настроениях масс, заключался в том, что среди многих юношей в связи с созданием АНПА начинала проявляться тенденция абсолютизировать только вооруженную борьбу и недооценивать подпольную революционную деятельность. Они, пренебрежительно относясь к

жизни в организациях, утверждали: когда противник истребляет *нас* танками, пушками и самолетами, к чему день и ночь собираться на сборы, заниматься словопрениями, разбрасывать листовки? Надо, мол, подниматься с оружием в руках, уничтожить хотя бы одного япошку, а то удачи не видеть. Куда же нам с этакой подпольной деятельностью!

Они не знали, что и вооруженная борьба ведется активистами, воспитанными в организациях, что без огромного бассейна, называемого организацией, невозможно создать и вооруженные отряды, более того, даже и расширить уже готовый отряд. И это, можно сказать, было последствием детской болезни «левизны», порожденной событием 18 сентября.

Не такой уж трудной проблемой было разъяснить массам то, что бассейном Антияпонской партизанской армии является организация, что в отрыве от организаций не может быть и речи о революционной борьбе, тем более о ее проведении, что если не будут действовать организации, то кончится жизнь огромного организма, называемого революцией. Мы убедительно разъясняли им, что корейские коммунисты могли создать в различных районах Маньчжурии отряды АНПА и начать войну сопротивления вооруженными силами целиком благодаря тому, что за прошедшие годы революционно настроенные массы успешно вели работу в организациях.

Еще один такой вопрос выдвигался в настроениях населения Южной Маньчжурии, — это была тенденция отвечать террором на террор группировки Кунминбу. В то время реакционные силы из группировки Кунминбу усиливали в районах Южной Маньчжурии террористические акции в отношении коммунистов и националистов новаторского толка, пытавшихся повернуться лицом к новому идейному направлению.

Члены КСМК и АСМ в Люхэ и его окрестностях заявляли, что надо решительно противостоять правой фракции Кунминбу, которая то и дело прибегала к террору. Они не хотели сразу принять наш довод, почему вредно отвечать террором на террор Кунминбу. Они утверждали, что если не подавить силой террор и попустительствовать ему, то это приведет лишь к его поощрению.

Мне приходилось пространно разъяснять, почему несправедливо отвечать террором на террор, почему такой акт является безумством, причиняющим большой вред делу революции.

Я рассказывал им примерно вот так:

— Кунминбу убивает патриотов. Это, разумеется, во веки веков неискупимое преступление. Лишаться истинных патриотов от рук соотечественников — это трагедия всех нас, жаловаться на это некуда. За это преступление группировка Кунминбу из поколения в поколение будет проклята нашей нацией и потомками. Разумеется, и мне понятны ваши настроения, товарищи! Вы квалифицируете Кунминбу как группировку палачей и решили отомстить ей. Но прежде чем точить меч возмездия, надо глубоко задуматься над тем, почему возникают такие несчастья. Пусть Кунминбу скатилась в притон правой фракции национализма, но не следует всех ее членов ставить на одну доску с мерзавцами. Дело в том, что японские империалисты засылают в Кунминбу своих агентов с целью превратить ее в реакционную группировку и постоянно проводят там операции, чтобы разложить ее. Империалисты Японии, обращая внимание на группу новаторского толка, представляющую собой новые силы внутри Кунминбу, коварно поощряют разлад и противоборство в ее рядах. Если мы уничтожим террором Кунминбу, то от этого будут ликовать только японские империалисты, это будет только на

руку япошкам. Поэтому мы должны изолировать превратившуюся в реакцию верхушку Кунминбу, разоблачать проникших в нее агентов японских империалистов, вывести на чистую воду заговоры противника. Будем не забывать: залог национального возрождения — в сплоченности.

Тогда юноши понимающе закивали головами.

Помогая южноманьчжурским товарищам преодолеть такие I тенденции, мы дали им задание срочно восстановить и привести в порядок разрушенные революционные организации, еще теснее сплотить массы вокруг них. Дали им задания — подготовить активистов и послать их в вооруженные отряды, расширить партийную организацию за счет молодых коммунистов из среды рабочих и крестьян, проверенных в практической борьбе, усилить работу с китайскими антияпонскими отрядами.

Когда мы останавливались в Саньюаньпу, Гушаньцзы, Яюхэ и Хайлуне, многочисленные юноши добровольно вступили в наш отряд. Это можно было назвать итогом активной деятельности, которую мы развертывали в Южной Маньчжурии.

Для того чтобы разрешить наболевшие вопросы о подъеме революционного движения в Люхэ, следовало повысить роль Чвэ Чхан Гора и других посланных в этот район членов первой партийной организации и комсомольских активистов. Именно в этом и была причина того, что мы столь усердно искали местонахождение Чвэ Чхан Гора, связь с которым прервалась год тому назад. Если бы удалось встретиться с ним, то это дало бы возможность серьезно обсудить с ним вопрос о том, как развивать вширь и вглубь революцию в Южной Маньчжурии в соответствии с новой обстановкой, когда оккупация Маньчжурии японскими империалистами стала явью и когда началась

вооруженная борьба, а также наметить ему конкретное направление работы. Он был не кто иной, как наш представитель, посланный нами в Южную Маньчжурию.

Люхэ — это был район его деятельности, развертывавшейся по решению ССИ. Эта местность так или иначе была глубоко связана с ним. Здесь он начал свою службу в Армии независимости, а когда он поступил в училище «Хвасоньисук», здесь он получил от Рян Сэ Бона письменную рекомендацию.

После закрытия этого училища он вернулся в свою роту, служил советником Армии независимости, отдавал все силы делу расширения арены деятельности ССИ в обширной Южной Маньчжурии, сделав Люхэ центром своей работы. Когда он действовал здесь, он участвовал и в налете на филиал японского консульства в уездном центре Цзиньчуане.

В Люхэ, Синцзине и других районах Южной Маньчжурии быстро расширялись ряды ССИ не только благодаря активным усилиям Ким Хека и Чха Гван Су, но и благодаря кипучей деятельности и искусным, испытанным организаторским способностям Чвэ Чхан Гора, которого можно было назвать хозяином этих районов. Чвэ Чхан Гор находился в гуще воинов Армии независимости, которую можно было назвать запретной зоной для нового идейного течения. Живя вместе с ее бойцами, он не только не скрывал, что он коммунист, но и, активно ведя работу по идейному пробуждению прогрессивно настроенных воинов Армии независимости, сделал многих из них приверженцами коммунизма. Он вел работу с людьми так смело, так широкомасштабно, что даже его командир не докладывал о нем своему начальству, закрывал глаза на него и в случае, когда он, отлучившись на несколько месяцев, вел политическую работу в 4 километрах от района дислокации.

Люхэ находился под сильным влиянием фракционеров и националистической консервативной фракции, искушенной в антикоммунистических интригах. Сторонники фракции Эмэльпха, создав в уезде Паньши так называемое общество Чуминхвэ, противоборствовали с националистическими организациями Южной Маньчжурии, а внутри Армии независимости, которая находилась под угрозой раскола из-за противоборства между новаторской и консервативной группами, отдельные лица левого крыла, стремившиеся к социализму, в союзе с фракциями Хваёпха и Сосанпха готовились к созданию организации единого национального фронта.

Сторонники консервативной фракции во главе с Хен Мук Гваном и Ко И Хо развернули в широком масштабе реакционное наступление на тех, кто стремился к коммунистическому идейному течению.

Находясь в такой сложной обстановке, Чвэ Чхан Гор в Люхэ и его окрестностях организовал АСМ и добивался быстрого расширения его рядов.

фракционеры придирчиво заявляли: «Что это за организация так называемый Люхэский АСМ? Единственная организация корейской молодежи в Китае — это Федерация молодежи в Китае!» Фракционеры группировки Эмэльпха засылали чуждые элементы в АСМ в Люхэ, чтобы разобщить его изнутри. Они, вызвав десятки юношей из района Паньши в Данигоу, организовали из них террористическую группу — так называемую дубинную дружину. Они доносили в полицию ложные сведения, будто солдаты Армии независимости в Саньюаньпу затевают бунт, и вместе с ней бесчинствовали, учиняя произвол над руководителями АСМ.

Тогда Чвэ Чхан Гор остановил их бесчинство и спас актив

АСМ. В отместку за провокации фракционеров Чвэ Чхан Гор не прибегал к военным средствам. Он вообще человек натуры великодушной по отношению к людям и при решении возникших вопросов. Позже я встретился с ним в Калуне. Он говорил: действительно удивительное дело, что он, не лишившись разума, воздержался от выстрела из ружья, когда фракционеры истязали дубинками членов АСМ, когда от их ударов наши ребята падали, харкая кровью.

Когда мы отправились в Люхэ, больше, чем кто-либо другой, радовался Чха Гван Су. Рисуя себе предстоящую встречу с Чвэ Чхан Гором, он, как ребенок, не удержался от нахлынувшего волнения. Оба они были связаны с Люхэ иеобкновенной историей.

Когда Чвэ Чхан Гор, находясь в подчинении у Рян Сэ Бона, щеголял шестизарядным револьвером на поясе, Чха Гван Су обучал детей в школе. Тогда они сошлись мыслями и стали товарищами.

— Этот Чвэ Чхан Гор человек гордый, но я с первого взгляда пленился Чха Гван Су. На вид он такой шустрый, беспокойный парень, а в душе у него, оказывается, полно золота. А в голове, ей богу, сидят десятеро Карлов Марксов!

Как-то раз, вспоминая первое знакомство с Чха Гван Су,
Чвэ Чхан Гор так подшучивал над ним:
— Эх, если бы я, Чвэ Чхан Гор, был бы девушкой, первым вышел бы замуж за этого шустрого, беспокойного парня. Что делают все эти гиринские девушки, ослепли они, что ли?

Слушая такую шутку, Чха Гван Су слегка улыбался.

Еще до той поры, в годы жизни в Гирине, Чха Гван Су не женился. Поэтому Чвэ Чхан Гор, бросая щедрые комплименты, всегда вызывался сосватать Чха Гван Су невесту. Он говорил,

что в день, когда этот беспокойный балагур поедет на коне в дом своей невесты, он обязательно станет у него кучером.

Стоит им только встретиться, как и начинают шутки и словесную перепалку. И в шутках их — ни малейшей принужденности: я, мол, старший брат, а ты младший, так что смотри, мол, обращайся ко мне, как положено, к старшему. Их дружба была такой сердечной и пламенной, что все завидовали им, а иные к ним даже и ревновали.

Их дружба, можно сказать, все более углублялась в дни, когда они вели работу по расширению рядов организаций КСМК и АСМ, главным образом, в районах Люхэ, Синцзина, Телина. Чвэ Чхан Гор вместе с Чха Гван Су создал в Гушаньцзы организацию КСМК, а также просветительские организации под названием Общества по изучению общественных наук в Синцзине, Люхэ, Паньши и других уездах Южной Маньчжурии, и прежде всего в Ванцинмыне.

Общество по изучению общественных наук ставило своей задачей изучение и распространение марксизма-ленинизма и руководящей теории корейской революции. Метод работы этого общества был похож на нынешнюю систему заочного обучения. Каждый год примерно 15 дней, в свободное от сельскохозяйственной страды время, вызывали юношей и девушек на лекции, а в остальное время раз в несколько месяцев читали выездные лекции, высылали необходимые учебные пособия и таким образом просвещали членов общества.

Члены общества с помощью учебных пособий сами выучивали содержание лекций, примерно раз в неделю собирались на дискуссию. Когда возникали непонятные вопросы, они обращались к наставникам с вопросом в письменной форме. Таким

образом они полностью усваивали предусмотренные программой знания.

Осенью того же года, когда состоялся съезд Молодежной федерации Южной Маньчжурии, Чха Гван Су рассказывал мне в Люхэ о деятельности Общества по изучению общественных наук. Я просто восхищался оригинальностью и новизной метода работы общества, ценил троих товарищей по борьбе (Чвэ Чхан Гор, Чха Гван Су, Ким Хек), заведовавших этой организацией, как людей широкого масштаба и высокой творческой активности. Созданный ими на практике метод обучения показал, что и в условиях тяжелого подполья умелая постановка работы позволит воспитать из молодых людей замечательных пионеров своего времени, творцов истории...

Ведя за собой походный отряд в направлении Саньюаньпу и рисуя перед собой предстоящую встречу с Чвэ Чхан Гором, я тоже не меньше, чем Чха Гван Су, волновался.

С ним расстался я после создания в Калуне первой партийной организации. С той поры прошло целые два года. За это время Чвэ Чхан Гор создал партийные организации в Люхэ, Синцзине, Хайлуне, Цинъюане, Паньши и других обширных районах Южной Маньчжурии, расширил сеть различных массовых организаций. Командуя одним отрядом Корейской революционной армии, он с головой ушел в обеспечение необходимого числа личного состава армии и материальную подготовку для создания постоянных революционных вооруженных сил. Весной 1931 года, переименовав Цзицзяньское командование Корейской революционной армии в Восточную революционную армию, он стал ее командиром. Связной Чвэ Чхан Гора, передавший мне весть об этом, сообщил, что он ломает голову из-за разногласий с реакционными кругами группировки Кунминбу.

С тех пор прервалась связь с Люхэ. Это постоянно беспокоило меня. Я беспокоился о нем не только из-за того, что он человек врожденно рисковый, романтик, готовый идти в огонь и в воду, рискуя жизнью. Он был коммунист, который действовал в рамках группировки Кунминбу, принимавшей террор за всесильное средство, и оказался под наблюдением ее реакционной фракции. С точки зрения этой группировки его можно считать лицом поднадзорным.

В конце того года, когда произошел инцидент в Ванцинмыне, реакция из Кунминбу арестовала 6 молодых коммунистов, в том числе Чвэ Чхан Гора и Чвэ Дык Хена, чтобы физически ликвидировать их в Данюгоу. Это происшествие вошло в историю под названием события в Люхэ.

Новаторские силы из группировки Кунминбу, стремившиеся к новому идейному течению, в связи с этим событием возвысили свой голос протеста против реакционной фракции. А сам Чвэ Чхан Гор, оказавшийся жертвой этого случая, точил меч, чтобы отомстить фашизированной верхушке Кунминбу.

Получив эту весть, я направил Пак Гын Вона в район Люхэ с письмом к Чвэ Чхан Гору. «Столкновение с Кунминбу, — говорилось в письме, — в какой бы то ни было форме совершенно бесполезно. Не может быть, не должно быть и речи о кровопролитии между единокровными соотечественниками, стремящимися к антияпонской борьбе. Ведь мы, глотая слезы, хранили терпение и тогда, когда потеряли шестерых ни в чем не повинных товарищей в Ванцинмыне! Будь рассудителен на каждом шагу, не давай волю чувствам!»

После события в Люхэ группировка Кунминбу раскололась на два лагеря в августе 1930 года, когда проходили засе-

дание Исполкома Революционной партии Кореи .и ее конференция.

Хен Мук Гван, Рян Сэ Бон, Ко И Хо, Ким Мун Го, Рян Ха Сан и другие лица упорно стояли на прежнем курсе, требуя претворения его в жизнь, в то время как Ко Вон Ам, Ким Сок Ха, Ли Чжин Тхак, Ли Ун, Хен Ха Чжук, Ли Гван Рин и другие лица из группы молодых, расквалифицировав Революционную партию Кореи как фашистскую, противоречащую воле народа, выступали за поворот к прогрессивному направлению — они требовали распустить эту партию и превратить ее в авангард классовой революции, представляющий интересы неимущих, и в то же время осуществить классовое руководство корейскими крестьянами в Маньчжурии.

Из-за таких разногласий в идеалах между двумя фракциями разразилась кровопролитная схватка за физическую ликвидацию друг друга.

Сторонники Кунминбу при попустительстве Мукденского провинциального правительства, подкупив китайских чиновников, войска и полицию, принимались за террористические акции с целью ликвидировать оппозицию. В ходе этого было убито из-за угла пятеро лиц другой стороны, в том числе Ли Чжин Тхак. В отместку за это антикунминбуская фракция совершила налет на штаб-квартиру Кунминбу и расстреляла командира 4-й роты Ким Мун Го. Впоследствии она, опубликовав заявление о своем выходе из Кунминбу, создала организацию под названием Комитета по борьбе против Кунминбу, цель которого — ликвидировать Кунминбу.

Мое беспокойство о Чвэ Чхан Горе основывалось именно на такой политической обстановке. На месте, отдаленном в километрах трех от Саньюаньпу, я дал походному отряду команду:

ускорить шаг. Страстное желание как можно скорее увидеть Чвэ Чхан Гора ускоряло наш марш. Казалось, мои ноги вооружились еще и крыльями.

Но, прибыв в Саньюаньпу, мы были как громом поражены вестью о Чвэ Чхан Горе. Члены местной организации сообщили нам прискорбную весть о его гибели. По их словам, во время руководства работой Гушаньцзыской комсомольской организации Чвэ Чхан Гор был арестован правой фракцией Кунминбу и увезен неизвестно куда. То же самое передал нам юноша по фамилии Пак из Саньюаньпуской комсомольской организации. Этот парень пришел к нам, услыхав весть о приезде АНПА. По его словам, террористы из Кунминбу, заманив Чвэ Чхан Гора в Цзянцзядянь уезда Цзиньчуань, убили его и распространили слух, будто он коммунистический агент, потому и ликвидирован. Иные юноши сообщали, что Чвэ Чхан Гор был убит, когда он развертывал деятельность на участке Хайлун — Цинъюань.

Так или иначе, казалось, ясно было одно: на этом свете нет нашего Чвэ Чхан Гора. От гнева и возмущения я не мог ни вымолвить слова, ни пролить слезы.

Неужели он так скоропостижно ушел от нас, такой пламенный, такой сердечный юноша из ССИ, каким он всегда и неизменно оставался перед нами! И вдруг его с нами больше нет... Это была очередная большая скорбь, безжалостно вторгшаяся в нашу душу вслед за той скорбью, которую мы изведали на гребне безымянной горы на рубеже уездов Аньту — Фусун.

Потеря такого верного боевого друга была действительно душераздирающей утратой для нашей революции в такие бурные дни, когда на арене истории представлялась уже въявь вооруженная борьба в лице обмундированной стройной АНПА и

когда ее выстрел громко раздавался как прелюдия к новому времени на обширной территории Маньчжурии.

И из глаз Чха Гван Су, сидевшего рядом со мной, ручьями лились слезы и падали на траву, пожелтевшую под палящим солнцем.

Мне хотелось увидеть семью покойного Чвэ Чхая Гора, и я вместе с отрядом направился в Гушаньцзы. Нас встретила его жена с грудным младенцем и младшим братом мужа. Она была действительно стойкой женщиной, не показала нам слез и говорила, что мечтой ее мужа было драться с оружием в руках против япошек, и просила принять ее в партизанский отряд, чтобы она могла бороться вместо своего мужа.

Мы, изменив маршрут похода, решили переночевать у семьи покойного.

Наутро отряд оставил поселок Гушаньцзы. Жена Чвэ Чхан Гора, провожая нас, далеко следовала за нами.

Я не знал, чем и как утешить эту полную печали женщину, и, обняв ребенка, поласкал его, погладив по щечкам. У него прорезались два зубочка. Личиком он точь-в-точь отец. И он в ответ, касаясь ручонкой моего лица, лепетал: «папа, папа». При виде этой сценки мать, не выдержав, прослезилась. И у меня глаза повлажнели. Некоторое время, припав своей щекой к щечке ребенка, я молча смотрел в сторону поселка Гушаньцзы, не смея оторвать от него глаз.

— Вырастим его достойно, чтобы он продолжал дело отца! Больше ни слова вымолвить не мог, горячий комок подступил к горлу...

Когда мы отошли от Гушаньцзы километра на два, Ким Иль Рён предложил произвести траурный салют, видя, что все мы в глубокой скорби, потеряв боевого товарища. Может быть, он

хотел траурным этим салютом поддержать наше настроение, вернуть нас к бодрости. Все-таки он, прошедший сквозь огонь и воду, был человеком глубокой души.

— Я не хочу верить этим слухам. Мы еще не видели его мертвым. И можно ли произвести траурный салют?.. Через Мэнцзян мы прибыли в Лянцзянкоу, где к нам поступило поразительное сообщение. Примерно 20 солдат Армии независимости, жившие затворниками в районе Фусуна, вместе с китайским вооруженным отрядом из 70 — 80 штыков затевают интригу, чтобы совершить налет на наш отряд и разоружить нас. Интриганами были именно воины Армии независимости при Кунминбу. Они разведали маршрут похода АНПА, продвигавшейся от Мэнцзяна по направлению к Лянцзянкоу, а затем сообщили китайскому антияпонскому отряду, что мы являемся главной частью коммунистической армии. Отряд Армии независимости вместе с китайским антияпонским отрядом ждал нас, заранее заняв поселок, куда пройдет наш партизанский отряд.

Сообщение об этом нам представили комсомольцы из Лянцзянкоу. Там было много членов местной организации и юношей, знакомых мне. Как только мы прибыли в Лянцзянкоу, они и рассказали мне об этом.

Именно в ту пору среди партизан раздавались голоса: разгромить террористов из Кунминбу и отомстить им за Чвэ Чхан Гора. Пришли ко мне в командование и те товарищи, которые однажды вместе со мной уговаривали юношей Люхэ, требовавших ликвидировать террористов из Кунминбу и отомстить врагам за Чвэ Чхан Гора, за шестерых патриотов, убитых в ущелье Хуаймаошаня в дни созыва съезда Молодежной федерации Южной Маньчжурии. И те, заявляя, что всякому терпению

есть предел, предлагали беспощадно драться с ними и проучить их, чтобы впредь им не повадно было так поступать. Но на словах говорить-то легко — «проучить», а на деле это не такое уж простое дело, которое легко и дешево обходится. Прежде всего в численном отношении противная сторона намного больше нас.

Но это было не главное, не такая уж большая это проблема. Самое же затруднительное было в том, что противная сторона— не наш враг. Вступать в перестрелку между вооруженными отрядами, борющимися во имя общей цели — борьба против японского империализма, за спасение страны, — это можно было назвать не иначе, как своего рода карикатуру, какую может создать только хаотическое положение начала 30-х годов нашего столетия. Всеобщим посмешищем было бы и вести междоусобную войну между АНПА и Армией независимости. Странной была бы и попытка китайского антияпонского отряда и отряда Армии независимости во взаимодействии совершать налет на АНПА.

Если уж воевать, то, разумеется, будут и победители, и побежденные. Но в бою такого рода не избежать морального осуждения всем: и победителям, и побежденным. И победителя не увенчают лавром, и побежденному не видать и слез сочувствия его жертвам.

Если необдуманно тронешь китайский вооруженный отряд, могут возникнуть непоправимые последствия на пути нашей деятельности. С трудом налаженный совместный фронт с Армией спасения отечества будет разбит, и нам придется вернуться в положение начального периода, когда проводили время в чужой каморке, занимаясь лишь чисткой оружия. Налет и на отряд Армии независимости может повлечь за собой пагубные последствия не менее, чем первые. Если отряд коммунистической

армии совершит налет на отряд Армии независимости, то народ повернется спиной к нам, отнесется к нам холодно. А антикоммунисты начнут клеветать на коммунистов, будто пришло их долгожданное время.

Такого ожидать мы не хотели. Нельзя было и представить себе кровавую бойню между отрядами АНПА и Армии независимости с обратившимися друг к другу дулами ружей. Однако отряд Армии независимости готовился за рекой Сунгари к такой кровавой резне.

Когда я вспоминаю лето 1932 года, прежде всего всплывает в моей памяти случай того времени. Тогда я не мог сомкнуть глаз, ломая голову над тем, как решить этот невероятный вопрос в соответствии с великими идеалами национального сплочения и антияпонской борьбы за спасение отечества. Можно сказать, из-за этого я постарел тогда на десять лет.

Конечно же, и я был не в силах сдержать в себе жгучий гнев и возмущение злодеяниями вояк Кунминбу, которые, не сумев провести как следует хоть один бой с японскими войсками, с этими нашими общими врагами, совершают по отношению к нам, людям одной нации, такие позорные, вопиющие злодеяния, перед которыми поблекли бы и повадки диких зверей. Советовался я с командирами на этот счет, и они, страшно разгневанные, в один голос требовали занести карающий меч над головами фашистов Кунминбу.

— Надо проучить их как следует, чтобы они и впредь не трогали нас! Проучить так, чтобы и после смерти в аду не обагрили свои руки кровью одной нации!

Глаза у Чха Гван Су вспыхивали огнем. Он заявил, что пробил час расплаты за товарищей, погибших от рук Кунминбу.

Выходит, что все без исключения вооруженные отряды,

окружавшие нас, были нашими врагами. Это и Армия независимости, и Армия спасения отечества, и конные грабители, и отряд Хунцянхуэй, и отряд Дадаохуэй. В такой вот заколдованный круг попала АНПА из-за того, что у нас не было уже такого свидетеля и покровителя, как Лю Бэньцао, который свидетельствовал бы, что наш отряд — отряд особого назначения Армии спасения отечества. Хотя нам и удалось через Лю Бэньцао легализовать отряд, но без него, такого влиятельного свидетеля, нам постоянно грозила опасность оказаться под ударом со всех сторон.

За время нашего похода из Тунхуа отряд командующего Юя эвакуировался из Аньту и вместе с отрядом Ван Дэлиня отступал в глубь уезда Нинань. Аньту оставался свободной зоной. Отряды Армии самообороны без каких-либо больших битв стали сдаваться один за другим японским войскам. К тому времени отдельные отряды Армии самообороны, выбросив лозунг борьбы против Маньчжоу-Го и против японского империализма, превратились в реакционные войска, действующие под жезлом японских военных советников. Поэтому китайские антияпонские отряды, обернувшиеся в реакционную армию, действующую под командованием японских войск, осмелились уничтожить наш отряд, слывший главной силой коммунистической армии.

Жалкая кучка бойцов Армии независимости была почти ослеплена угаром антикоммунистической пропаганды группировки Кунминбу. Они, даже не поняв наших истинных намерений, пытались бросить нам вызов вкупе с реакционными китайскими антияпонскими отрядами. Об этом я долго и упорно думал, — ну пусть эта военная группа выступает в роли местного разбойника, пусть она уже стала на позицию правого крыла, но они же наши соотечественники, в чьих жилах течет кровь одних

предков. К тому же они раньше вроде бы посвятили себя целиком и полностью борьбе за спасение Родины. Стало быть, нам нельзя было прибегать к мерам возмездия и санкциям военным путем. Что бы ни случилось, нужно уговаривать их политическим путем, ведь мы же вон как и вон сколько абсолютизировали необходимость сформирования единого антияпонского фронта,

Итак, группа наших товарищей во главе с Пак Хуном отправилась в Эрдаобайхэ, где был дислоцирован отряд Армии независимости. Я советовал ему:

— Товарищ Пак Хун! Сегодня у тебя оружие особое — не ружье, а твой язык. Прошу, не стреляй ни разу. Языком уговори бойцов Армии независимости. У тебя такое красноречие, да и лицо-то впечатляюще доброе. Верю, сможешь своими словами убедить их и предотвратить заблаговременно междоусобицу. Не забывай, что применение силы — полный запрет, ни в коем случае! Прогремит здесь хоть одна пальба — будет конец единому фронту с националистами. Ну как? Задание, думается, тебе не по характеру. Сможешь с таким заданием справиться?

На мой вопрос Пак Хун, криво улыбнувшись, почесал в затылке.

— Задание-то щекотливое, но справлюсь!

И после его ухода я долго прохаживался по берегу реки Сунгари.

В душе я желал одного, — дай бог, чтобы в эту ночь не раздался ни один выстрел! Меня, собственно, ни на миг не покидали озабоченность и тревога: сумеет ли Пак Хун уговорить воинов Армии независимости?

Он, конечно, был способным агитатором и умельцем. Но все-таки меня беспокоил его «медвежий характер», — раз вспыхнет, мечется, как угорелый, дает волю своему поведению. Я знал

эти минусы его характера, но без колебания направил его в лагерь Армии независимости, ибо у нас не было такого деятеля, который равнялся бы с ним. Тогда с ним мог бы равняться только Чха Гван Су в этом деле. В такой ситуации он сумел бы взять на себя это дело. Но весть о смерти Чвэ Чхан Гора нанесла ему столь огромный душевный удар, что он даже не смог взять себя в руки.

А сердце мое все кричало: «Ни пуха ни пера, Пак Хун! Вернись с успехом!»

Я не мог оторвать глаз от Эрдаобайхэ. Но, к большому нашему счастью, не произошло того, о чем я так беспокоился. На бойцов Армии независимости воздействовали разъяснения наших товарищей, их горячие призывы к сплочению патриотических сил. Они откровенно признались в нерешительности своего поведения, да ведь они, недовольные недостойными акциями верхушки армии, не смели и показать свою волю в практических делах. Сдав свое оружие, они сами поклялись сражаться вместе с отрядом АНПА.

Высший эшелон Армии независимости пока не пожелал единства с нами, но солдатские массы всем своим существом ощущали необходимость пойти не на противоборство, а на сотрудничество и объединять силы в борьбе против общего врага и стали ступать с нами рука об руку. Это ознаменовало собой первый шаг на пути нашего объединения с отрядами Армии независимости.

Так мы благополучно преодолели еще одну трудность. К счастью, в те самые дни, когда у нас в сердцах вскипали нестерпимый гнев и возмущение злодеяниями Кунминбу, связанными с разрывом с Рян Сэ Боном и столь потрясающим случаем с гибелью Чвэ Чхан Гора, удалось проявить необычайное

снисхождение и терпение юношам возраста двадцати лет лишь во имя высокого идеала национального сплочения. Если мы тогда, лишившись разума, обезумев от жажды мести, разгромили бы Кунминбу или пошли бы на вооруженное противоборство с отрядом Армии независимости, то теперь мы не могли бы со спокойной душой смотреть в лицо подрастающему поколению, и не случилась бы такая историческая картина, как переход к нам в КНРА более 300 воинов командующего Ряна. Они переходили к нам в трескучий мороз под знаменем сотрудничества с нами.

В мире нет более великих, чистых и священных чувств, чем чувство любви к Родине и нации.

Дух национального единства—это, можно сказать, наивысший дух, вершина чувств любви к Родине и нации. С тех пор, как коммунисты Кореи начали свой старт во имя национального освобождения, и по сей день они всегда и везде неизменно хранили и хранят как зеницу ока идею национального сплочения и не жалеют сил для его достижения.

6. Вместе с Армией спасения отечества

В дни пребывания в Люхэ я направил своего связного к Ли Хон Гвану и Ли Дон Гвану в район Паньши, чтобы установить связь с ними. В ту пору, когда мы возвращались из южноманьчжурского похода, они тоже целиком отдавались партизанской деятельности. К сентябрю 1932 года вооруженное Красное ополчение (оно и называлось тхагудэ — отряд охотников за собаками), организованное ими после события 18 сентября для ликвидации прислужников прояпонских организаций, таких, как общество Поминхвэ, было реорганизовано в Паньшискую рабоче-крестьянскую добровольческую армию. Она состояла из корейских юношей, закаленных и проверенных в различных формах массовой борьбы, таких, как захват продовольствия, ликвидация прислужников, приобретение оружия и антияпонские восстания. Начиная с лета 1932 года. Ли Хон Гван и Ли Дон Гван вели борьбу за создание антияпонского партизанского района.

Они особенно отличались в ликвидации прислужников, и из уст в уста передавалось много разговоров о них.

Мне хотелось встретиться с ними не из желания просто нанести им протокольный визит и ознакомиться с ними за то, что они являлись хозяевами Южной Маньчжурии. Главная цель — обменяться с ними мнениями и достичь понимания друг друга. Первым делом захотелось обменяться с ними боевым опытом.

Далее, меня интересовали их взгляды и позиция относитель-

но перспектив корейской революции. Мне хотелось бы изложить им свои взгляды и позицию относительно очередных задач, стоявших перед корейскими коммунистами, и узнать их мнения на этот счет.

Самое главное — обменяться с ними мнениями по практическим вопросам: как корейским коммунистам, разрозненно начавшим вооруженную борьбу в различных районах Маньчжурии, установить взаимные связи, как согласовать действия с соседними частями, каким образом осуществить взаимную помощь, сотрудничество и взаимодействие в операции. Хотелось бы обменяться такими мнениями и с Ким Чаком, Чвэ Ён Гоном, Ли Хак Маном, Ли Ги Доном, Хо Хен Сиком в Северной Маньчжурии. Южную и Северную Маньчжурию можно было назвать нашими соседями и в то же время флангами. Как обеспечить взаимодействие с соседом — это было важным звеном, рычагом, оказывавшим серьезное воздействие на развитие вооруженной борьбы в целом.

Связной вернулся в отряд из Паньши, когда мы прибыли из Хайлуна в Мэнцзян и расположились на ночлег. Он доложил, что Ли Хон Гвана и Ли Дон Гвана на месте не было: они ушли на местные операции, и он оставил мое письмо в местной подпольной организации.

Отложив на задний план встречу с ними, я стал развертывать в Мэнцзяне активную военно-политическую деятельность. Генеральная цель нашей работы здесь — приобрести оружие и расширить наши ряды. Для этого необходима была не только активная политическая работа, но и военно-дипломатическая деятельность.

Мэнцзян имел несколько благоприятных условий для достижения такой цели. Среди чиновников Мэнцзяна было много

наших однокашников по Юйвэньской средней школе в Гирине. Если судить их по уклонам, то они раньше были такие, которые, как книгоеды, не относились ни к левому, ни к правому крылу, не участвовали ни в каком политическом движении, а учились только покорно, с головой уходя в учение. А теперь реальная власть Мэнцзяна находилась в их руках. После окончания средней школы они работали в уездном ведомстве гоминьдановского режима. А когда Япония начала агрессию в Маньчжурии, они вступили в Армию самообороны и каждый занимал в ней важный пост.

В Мэнцзяне был и представитель Главного командования Армии самообороны Тан Цзюйу, ставка которого была в районе Тунхуа. Если с помощью однокашников провести удачные переговоры с тем представителем, то могла бы представиться возможность приобрести оружие. Приняв на учет такие обстоятельства, мы решили оставаться в Мэнцзяне и вести активную работу с Армией самообороны.

А комсостав нашего отряда в то время не проявлял особенного интереса к работе с Армией самообороны. Большинство комсостава считали риском контакт с Армией самообороны. Они утверждали: «Во взглядах разошлись и даже с корейцем Рян Сэ Боном, соотечественником от одних предков, и сорвались переговоры. А этого еще не хватало, и работать с Армией самообороны для приобретения оружия? Это никак не осуществимое дело! Ныне Армия самообороны находится в состоянии развала. Говорят, в иных ее отрядах сидят японские военные инструкторы, затевают интриги для ликвидации коммунистов. Сам командир отряда хочет попасть в такую западню? Нет, мы не согласны».

Я сказал им:

— Не стоит так сильно беспокоиться о том, что внутри Армии самообороны сидят японские военные инструкторы. Если они имеют щупальца и зондируют ими, коммунист ты или нет, то у нас есть своя дерзость, — незаметно для них проникнуть в командование Армии самообороны и убедить ее верхушку в своих идеях. А что касается состояния развала Армии самообороны, то это может служить благоприятным условием для нас, поможет нам легко добиться своей цели. Они сочтут лучшим передать оружие нам, ведущим антияпонскую борьбу, чем бросать его или передать япошкам или местным бандитам. С таким упорным командующим Юем мы сошлись во мнениях и пошли на сотрудничество, а почему же не склонить на свою сторону Армию самообороны?

Тогда командиры сказали так: «Успех на ваших переговорах с командующим Юем — это совершенно невероятная случайность. Такая бывает почти раз из тысячи случаев. Не будь там Лю Бэньцао, переговоры не прошли бы успешно. Надо еще подумать: пойти ли в отряд Армии самообороны или нет».

Снова обращаясь к ним, я сказал:

— Не взяться за дело, сидеть в четырех стенах и заниматься только разговорами, разбирая, кто прав, кто виноват, — это не качества коммуниста. Разумеется, факт, что мы пользовались большой помощью Лю Бэньцао при легализации партизанской армии. Однако рассматривать тогдашний успех как чистую случайность, это не научное толкование. Если бы мы не проявляли инициативу, чтобы наладить отношения с Армией спасения отечества, то и Лю Бэньцао не мог бы заступиться за нас. Дело в том, с какой дерзостью и с какой инициативой возьмемся мы за дело.

Не без труда, конечно, но все же уговорить командиров мне

удалось. А затем я вместе со связным направился к командованию Армии самообороны.

Ее казармы были битком набиты солдатами. А в ворота нескончаемой вереницей заходили подводы с военными материалами.

У ворот часовой остановил нас и по шаньдунскому акценту спросил:

— Кто вы?

Этот темноглазый часовой внимательно прощупывал своим пристальным взглядом не наши лица, а наше партизанское обмундирование и пятиконечную звезду на головном уборе, которые совершенно отличались от обмундирования Армии самообороны.

Я ответил ему на китайском языке, несколько подражая шаньдунскому акценту:

— Мы из Аньту, отряд особого назначения Армии спасения отечества. А я командир отряда Ким Ир Сен. Мне надо видеть вашего командующего. Проводите нас к нему, пожалуйста!

— Ким Ир Сен? Если отряд особого назначения Ким Ир Сена, это и есть коммунистический?

Второй часовой, солдат с ярко изрытым оспинами лицом, бормотал про себя мое имя и смотрел на меня недоумевающими глазами. Видимо, он услышал где-то, что отряд Ким Ир Сена и есть отряд коммунистический, и запомнил это.

—Наш отряд особого назначения подчинен командующему Юю! Разве ты не знаешь командующего Юя?

И я стал грозно выпытывать его. Тогда часовой с оспинами, показывая большой палец, ответил:

— А-а! Командующий Юй! Знаю его. Его отряд взял в

трофеи японский пулемет в Наньхутоу. Командующий Юй — большой человек!

Так, в конце концов, проявила эффект «визитная карточка» отряда особого назначения командующего Юя. Там, где были китайские антияпонские отряды, проявляла эффект его «визитная карточка». Поэтому каждый раз, когда мы совершали поход, так себя и называли; «корейский отряд особого назначения Армии спасения отечества», чтобы избежать столкновений с антияпонскими отрядами.

Спустя некоторое время первый часовой, говоривший с шаньдунским акцентом, сходил в казарму. Вместе с ним вышел солидный мужчина. Воины Армии спасения отечества того времени носили старое обмундирование, в каком ходили войска Чжан Сюэляна. Однако офицер, только что появившийся у ворот вместе с часовым, как ни странно, был в гимнастерке с короткими рукавами, в коротких брюках, едва закрывающих ноги до колен, и в текстильной обуви. Его волосы лоснились от масла.

— О, кого я вижу! Это не заведующий Ким Сон Чжу?!

Это был Чжан, однокашник по Юйвэньской средней школе, которого в школе вместо имени обзывали по кличке — «верзила Чжан». Когда он называл меня заведующим, это он имел в виду должность заведующего библиотекой, кем я был, когда учился в этой школе. И в ученические годы Чжан всегда звал меня «заведующий Ким» или «заведующий Сон Чжу», относился ко мне по-дружески.

Мы радушно взяли друг друга за руки, некоторое время обменивались воспоминаниями о прошлых ученических годах. Если подсчитать годы, эта встреча с ним состоялась через три года. Я раскаивался в том, что после выхода из тюрьмы так поспешно покинул Гирин, не простившись с товарищами по

учебе. Во всяком случае это казалось неизбежным. То было время, когда я был обуян одной думой и решимостью пожертвовать всеми личными интересами во имя революции. Но, бывало, моральная «задолженность» — я оставил Гирин, не простившись с учителями и товарищами по учебе, — порой не переставала терзать меня, оставаясь тяжелым камнем у меня на душе.

При встрече с ним снова восстанавливались в памяти не только различные картины периода учебы в Юйвэньской средней школе, которые, казалось, давно исчезли за далеким горизонтом, но и романтические ученические настроения, изведанные в те годы. Мне казалось, что я стою не во дворе казармы, где отовсюду доносится скрип военной обуви, а в цветущем саду Юйвэньской средней школы, где стоит приторный запах сирени. Выйди вот за ворота казармы, взявшись за руки с Чжаном, и дорога, казалось, поведет нас на сопку Бэйшань, на берег реки Сунгари, где можно освежиться речной прохладой.

Это была необычайная тоска по школе, которая теснилась на душе.

Чжан фамильярно, как в ученические годы, беря под руку и порою заразительно хохоча, провел меня в свою комнату.

— Очень жаль, что на выпускной фотографии нет твоего лица, заведующий Ким! — так начал свой рассказ Чжан, предлагая мне стул. — Когда мы, выпускники, снимались, все ребята напоминали твое имя. Если ты, Ким, не прекратил бы учебу, то получил бы награду как отличник номер один. Так тебя заманила революция, чтобы отказаться учиться?

Улыбаясь, я ответил ему в шутку:

— Да, ничего не скажешь! Ты тоже не стерпел такого соблазна! И вот я вижу перед собой такого офицера с маузером, офицера Армии самообороны.

Слушая меня, Чжан хлопал глазами и мягко ударял по тыльной стороне моей руки.

— Да, ты прав. До 18 сентября мы были обывателями, ничего не знали, что творится в мире. А вот Япония ринулась в Маньчжурию, только тогда мы и очнулись.

— Слушай, что я тогда сказал! Человек, говорил я, не может жить вне политики. Помнишь?

— Тогда, честное слово, все пропустил мимо ушей. Ситуация все меняется, и то круто и резко. Отчего —сам не знаю. Как будто по всей Маньчжурии пронесся сумасшедший вихрь. Просто ужас!

И я подумал, что Чжан точно оценил обстановку.

Водоворот истории на арене Маньчжурии породил удивительные события, на что люди просто ахнули. Калейдоскоп перемен оставил роковые следы зигзагов и перипетий в судьбах людей. Так, сам Чжан несколько лет назад лелеял мечту изучать историю в Пекинском университете. И вдруг он увидел, как японские вояки проглатывают Маньчжурию. Чжан бросил радужную мечту быть историком и без колебания стал в ряды Армии самообороны...

Теперь о моем учителе Лю Бэньцао. В стенах школы он как «ученый в кабинетной тиши», — такая дана была ему репутация, — любезно объяснял своим ученикам пасторальные и мирные эмоции строк поэзии Ду Пу[27]. Спрашивается, кто мог представить себе, чтобы такой тихий человек стал начальником штаба Армии спасения отечества и прорывается сквозь завесу огненного дыма?

— Слушай, заведующий Ким, событию 18 сентября я «обязан» своим офицерством. Видишь, каким я стал, — храбрый мужчина в мундире! — горько усмехнулся мой собеседник.

— В военной форме ходишь не один ты. И я стал воином и докатился вот до Мэнцзяна! Теперь мы с тобой вот так судим о ситуации как друзья со школьной скамьи и как люди военные. Какая великолепная судьба нас связала!

Он ответил, что всем этим мы «обязаны» япошкам и оттого люди, казалось бы, поумнели.

Оказалось, в Мэнцзянском отряде Армии самообороны было, кроме Чжана, еще несколько одноклассников Юйвэньской средней школы. Вечером того дня я долго разговаривал с ними. Этим разговором я просто был доволен. Раньше они, отгородив себя барьером от политики, лелеяли мечту сделать блестящую карьеру и прославить свое имя, а теперь во все горло осуждают Японию и высмеивают Чан Кайши как «величайшего урода» китайской нации.

До темной ноченьки мы советовались и о совместных действиях АНПА и Армии самообороны. Мои друзья со школьной скамьи, находившиеся в руководстве Армии самообороны, приветствовали сотрудничество с нашим отрядом.

Итак я без особого затруднения смог проникнуть в часть Армии самообороны и встретиться с представителем Главного командования армии в Мэнцзяне.

Однажды по просьбе Чжана мне довелось выступать перед командным составом Армии самообороны. С ним был и представитель Главного командования армии.

Свою речь я начал энергичным призывом: «Солдаты и офицеры! Пойдемте вместе с нами!»

И продолжал: «Армия самообороны и АНПА должны стараться действовать совместно. То. что приклеивают к АНПА ярлык «коммунистическая» и враждебно относятся к ней, это

только мешает сопротивлению японским империалистам и помогает Японии...

АНПА и Армия самообороны обязаны помочь частям Армии независимости корейцев и образовать с ними совместный фронт. Японские империалисты хотят сеять рознь между народами Кореи и Китая, использовать возможные противоречия между ними в свою пользу и ослабить силы обеих сторон. Таким образом они пытаются осуществить свое господство. Нам нужно сохранять повышенную бдительность в отношении этих коварнейших происков...

Армия самообороны должна своими советами убеждать и уговаривать отряды Дадаохуэй, Хунцянхуэй и другие гражданские вооруженные силы и местных бандитов, чтобы они не убивали и не грабили ни в чем не повинных корейцев и китайцев, активно привлечь их к участию в антияпонской борьбе. Пусть все гражданские вооруженные отряды — и большие и мелкие — объединятся в антияпонские силы за спасение отечества!..

Придется сказать и о пороках некоторых антияпонских отрядов. Они, перепуганные «могуществом» японских войск, отступают во Внутренний Китай или капитулируют. Запомним, что сложить оружие и прекратить борьбу на полпути—это путь к самоубийству!..»

Так можно резюмировать мою речь в общих чертах.

На мое слово горячо откликнулись командиры Армии самообороны.

Выслушав мою речь, представитель Главного командования передал нам десятки единиц оружия.

В Мэнцзяне мы находились месяца два. Под защитой Армии самообороны мы проводили массово-пропагандистскую работу, боевую и политическую подготовку и пополняли свои ряды

хорошими молодыми людьми. Когда мы отправлялись из Аньту, в нашем отряде было не более 40 человек, а здесь уже насчитывалось около 150. Ходили слухи: «Ким Сон Чжу выступает с большим отрядом». Да, из Мэнцзяна и прилегающих к нему районов нескончаемым потоком приходили к нам молодые люди и просили принять их в отряд. В Мэнцзяне мы действовали так свободно, будто у нас была власть в руках.

Мы послали в Аньту связного, чтобы узнать о положении дел на местах. Доложили, что положение в Восточной Маньчжурии тоже было превосходно. Связной принес нам письмо Ким Чжон Рёна. В письме говорилось, что силы нашего отряда в Аньту значительно выросли и что в Ванцине, Яньцзи и Хуньчуне также созданы партизанские отряды численностью более чем 100 человек в каждом.

И я решил перенести поприще нашей деятельности в Ванцин — середину Восточной Маньчжурии, где партизанская борьба начала переходить из стадии зародыша в стадию активизации, соединить там наши силы с отрядами разных уездов и в более крупном масштабе развернуть вооруженную борьбу. Один из серьезных уроков, извлеченных нами в ходе южноманьчжурского похода, состоял в том, что на данном этапе, когда силы партизанского отряда пока еще слабы, более выгодно и более эффективно бороться, опираясь на определенный пункт действия.

Наш маршрут был таков: из Мэнцзяна прямо в Аньту, минуя Фусун. По дороге отряд не раз сталкивался с бандами разбойников и группами дезертиров антияпонских отрядов. Они, завидуя нашему оружию нового образца, пытались силой захватить его у нас. Нам не раз приходилось преодолевать опасные моменты.

В такое время перед нами, откуда ни возьмись, появился добрый старик, словно сказочный буддийский святой. Раньше он был причастен к Чхамибу. Этот старый проводник благополучно провел нас до Лянцзянкоу прямой горной тропинкой. Поход по горам явился для нас большой закалкой и одним из звеньев подготовки к предстоящей продолжительной партизанской борьбе.

Когда мы собирались в Лянцзянкоу тронуться в путь, к нам прибыла главная сила полка, подчиненного командующему Юю. Полк называли частью Мэна. С полком приехал и Чэнь Ханьчжан, секретарь комполка Мэна.

Увидев меня издали, он с протянутыми мне руками радостно подбежал ко мне с бодрыми восклицаниями.

— Сон Чжу! Как давно мы не видались!

Он обнял меня, и мы закружились на месте, будто встретились через добрые десятки лет.

После переговоров с командующим Юем в Аньту я не встречался с Чэнь Ханьчжаном. Этой разлуке было не более трех месяцев, а он смотрел на меня таким полным чувства дружбы взглядом, что ему эти три месяца, видимо, представлялись как бы три года или даже три десятка лет.

Конечно же, и я был охвачен несказанной радостью. Обоим казалось, что эта наша встреча состоялась каким-то чудом после довольно долгой разлуки. Во всей жизни человека три месяца — это словно капля в море, но и мне казалось, что за эти три месяца прошли долгие годы нашей жизни-

Говорят: много будет зигзагов и переживаний в жизни — и время будет казаться долгим. Думаю, что это верное изречение.

Чэнь Ханьчжан представил меня командиру полка Мэну и продолжал:

— Мы не знали, где твой отряд. Сон Чжу. Спрашивали во многих местах. Слыхали, будто вы вернулись из Южной Маньчжурии, а куда—неизвестно. А тут долетела до нашей части такая весть: в Лянцзянкоу коммунистические войска Кореи начали объединяться с отрядом Армии независимости.

— Спасибо, товарищ Чэнь! И я тоже очень хотел повидаться с тобой. Ну, а какими же судьбами ты-то в Лянцзянкоу оказался?

— Ван Дэлинь отдал приказ: действовать здесь до весны следующего года. А что? Быть вместе с нами здесь не хочешь? Скажем, хотя бы на определенное время.

То же самое предложил мне и Мэн, выслушав Чэня.

Я с удовольствием принял их предложение. Если мы будем здесь вместе с частью Мэна, то, думалось, можно было бы еще более укрепить сформированный совместный фронт с Армией спасения отечества.

Часть Мэна раньше состояла в регулярных войсках Чжан Сюэляна, а потом, подняв военный бунт, отделилась от них. Поэтому она была вооружена современными видами оружия и боевой техники. У них были и пушки, и пулеметы. Боеспособность части была высокая. Ее нельзя было даже и сравнивать с остальными отрядами Армии спасения отечества, вооруженными несколькими винтовками, мечами да копьями. В Лянцзянкоу часть Мэна надежно охраняла нас, АНПА.

В то время большинство антияпонских отрядов Маньчжурии либо разлагались перед мощным наступлением японских войск, либо, сложив оружие, действовали под дирижированием японцев. Среди Армии спасения отечества все-таки не сдалась и осталась большой силой часть Ван Дэлиня. Но и эта часть начала

отступать в Дуннин в восточный край Маньчжурии и на территорию Советского Союза, куда еще не доходит огонь японских войск. Процесс крушения бессильных антияпонских отрядов вызвал у многих наших военно-политических кадров недоверие к ним. Одни говорили: теперь шатание и хаос в китайских антияпонских отрядах стали неодолимыми и, значит, сформировать с ними совместный фронт бесполезно. Другие утверждали: надо порвать связи с этими бесперспективными антияпонскими отрядами и АНПА должна одна сражаться с противником. И то и другое было весьма опасным, непозволительным способом мышления.

Отказ от совместного антияпонского фронта означал бы оттолкнуть на сторону врага огромные вооруженные силы численностью в десятки тысяч человек, идти в ногу с тактикой японских империалистов, пытающихся разгромить антияпонские отряды в отдельности.

Исток колебания и непоследовательности этих отрядов берется, конечно же, из классовой ограниченности их руководства — верхушки, но эти пороки порождены, главным образом, чувствами страха перед противником. Чтобы предотвратить колебания и крушение антияпонских отрядов, нужно было еще активнее проводить работу с ними и в то же время вселить в них веру в победу на практике боевых операций.

Исходя из такой реальной актуальности, мы в Лянцзянкоу провели два заседания антияпонского солдатского комитета. В них приняли участие Чэнь Ханьчжан, Ли Гван, Ху Цзэминь и другие политработники, направленные в части Армии спасения отечества, а также военно-политические кадры из уездов Восточной Маньчжурии. На этих заседаниях были обсуждены меры по налаживанию работы с антияпонскими отрядами.

На них проинформировали о ходе работы с отрядами Армии спасения отечества, обменялись опытом в этом направлении, проанализировали и обобщили настроения и тенденции действий в аитияпонских отрядах.

Участники заседаний констатировали, что абсолютное большинство антиянонских отрядов, отказавшись от сопротивления, продвигаются в безопасные районы или, капитулировав перед врагом, превратились в реакционные войска. Поэтому японская армия, не встретив никакого сопротивления, расширяет оккупированную ею территорию. На собрании подчеркивалось, что нужно нанести удары японским войскам и поднять боевой дух патриотически настроенных бойцов и народа. Было решено с этой целью совершить рейды в уездные центры Дуньхуа и Эму во взаимодействии нашего отряда, частей У Ичэна и Мэна.

Наш план боя одобрил и командир полка Мэн.

Части Армии спасения отечества численностью в 2000 человек, поделенные в три группы, выступили в направлениях железнодорожной магистрали Гирин — Дуньхуа, Яньцзи и уездного центра Дуньхуа. Наш отряд и полк Мэна продвинулись горной тропой восточное Фуэрхэ и Дапучайхэ. Мы остановились в лесу вблизи Дахуангоу, что южнее уездного центра Дуньхуа. Здесь мы направили в городок группу разведчиков и еще раз уточнили достоверность донесения о противнике, присланного Ко Чжэ Римом.

В то время в городке Дуньхуа были сосредоточены огромные вооруженные силы: японский гарнизон, штаб 3-й бригады, 4-й и 9-й полки гиринского гарнизона марионеточной армии Маньчжоу-Го, охрана аэродрома, полиция японского консульства, полиция Маньчжоу-Го. Усиленный кордон противника был

поставлен у фортов крепостных ворот и у ворот филиала консульства.

2 сентября на рассвете, в три часа, объединенные наши части одновременно начали налет на городок Дуньхуа. Направление атаки нашего отряда — южные ворота. Части Армии спасения отечества под командованием Ху Цзэминя ворвались внутрь городка через западные и северные ворота.

Молниеносно ворвавшись в городок, наши бойцы совершили налет на КП противника, потом моментально уничтожили штаб бригады врага, филиал консульства, полицейский участок и нанесли мощные удары подразделениям бригады противника. Инициатива в бою твердо удерживалась в наших руках. Растерявшиеся враги мобилизовали два боевых самолета, которые провели с воздуха пулеметный обстрел и сбрасывали бомбы.

Среди солдат Армии спасения отечества поднялся хаос. Рассветет в такой ситуации — обстановка в бою изменится неблагоприятно для нас, и наши части понесут серьезный урон, Я рассказал Чэнь Ханьчжану и Ху Цзэминю о крутом изменении обстановки и предложил им новый тактический вариант: отступить с занятых рубежей и, заманивая противника, уничтожить его.

По этой тактике наш отряд занял высоту на юго-западе от городка, части Армии спасения отечества — безымянную высоту на юге от Гуаньтуньцзы. На этих рубежах мы уничтожили врага из засады. Казавшаяся на время неблагоприятная ситуация мгновенно изменилась в нашу пользу. Солдаты Армии спасения отечества с высоким подъемом бросились в погоню за убегающим противником.

Пресса того времени почти ничего не сообщила об этих

боевых действиях. Не знаю почему, но, может быть, из-за ужесточенной цензуры японских властей. Люди мира даже не знали, был ли такой бой именно в Дуньхуа ранней осенью того года, когда пошел уже 22-й год после гибели Кореи.

По своему характеру налет на уездный центр Дуньхуа, можно сказать, аналогичен с рейдом в уездный городок Дуннин, что был совершен в сентябре 1933 года. Как боевые операции в Дуньхуа совершились во взаимодействии с Армией спасения отечества, так и рейд в уездный городок Дуннин был запланирован и совершен при сотрудничестве с главными силами той же армии. По своему масштабу эти две боевые операции были похожи друг на друга. Налет на уездный центр Дуньхуа был первым рейдом на уездный городок, на котором АНПА победила японские войска во взаимодействии с китайскими антияпонскими отрядами. В этом смысле он имеет историческое значение в совместной борьбе народов Кореи и Китая.

— Китайцы были слишком жестоко скованы «военной славой» Японии, которая с маху громила войска больших двух стран — цинского Китая и России. А теперь они полностью освободились от той скованности. Так сказать, до освобождения территории достигнуто духовное раскрепощение! — обнимая меня, гордо возглашал Чэнь Ханьчжан.

И сейчас я живо вспоминаю, как у него тогда на глаза навернулись слезы.

— Сон Чжу! Не будем расставаться на этом пути! — беря мои руки в свои, взволнованно сказал он.

Слова «на этом пути», какие высказал он, я понял как нашу совместную борьбу. Чэнь Ханьчжан был неизменно верен данной им самим клятве до того дня, когда на поле брани пал смертью храбрых.

Неделю спустя после боя мы вместе с Армией спасения отечества совершили рейд в уездный центр Эму. Бой кончился победой объединенных наших частей. Операция эта была не так широко известна, но отзвуки выстрелов боя были несмолкаемыми.

7. Осень в Сяошахэ

Вернувшись в Лянцзянкоу, мы подвели итоги полугодовой деятельности партизанской армии после ее создания.

На собрание были приглашены из Сяошахэ и те, кому не довелось участвовать в южноманьчжурском походе. Речь, конечно, шла главным образом о совершенном походе в Южную Маньчжурию. Каждый партизан признал, что за полгода наш вооруженный отряд заметно вырос и что все убедились в том, что вполне возможно разгромить захватчиков империалистической Японии и партизанской войной,

Нужно было поднять нашу партизанскую борьбу на новую ступень развития. С этой целью мы выдвинули на собрании следующие задачи:

Во-первых, перенести опорную базу АНПА в район Ванцина.

Во-вторых, еще более углубить работу с китайской антияпонской Армией спасения отечества.

В-третьих, правильно направлять резко нарастающую партизанскую борьбу в Восточной Маньчжурии, наращивать темпы процесса создания революционной опорной базы и надежно защищать ее.

Из трех этих вопросов предметом самых серьезных дискуссий стал первый.

Одну эту проблему мы несколько дней обсуждали с военными и политическими кадрами из Аньту, Яньцзи и Хэлуна.

Товарищи из Аньту не согласились с перенесением опорной базы действий в Ванцин. «Зачем партизанской армии переходить в Ванцин? Ведь армия создана в Аньту, так что она и должна находиться именно в Аньту. А что случится в Аньту, если партизаны уйдут в Ванцин?» — прозвучал неодобряющий голос. Значит, наивное упрямство еще не вышло из скорлупы узких региональных предрассудков.

Товарищи из Яньцзи и Хэлуна ответили на это так: Аньтуский отряд есть, образно говоря, вестовая стрела партизанской армии и ее рассадник; передислокация его в середину сосредоточенно заселенного корейцами Цзяньдао вполне естественна и даже очень своевременна с точки зрения как стратегии, так и географических требований. Они уверенно говорили о том, что если пойдет в Ванцин самый боевой Аньтуский отряд, то это вызовет заметные перемены и в деятельности партизанских отрядов Яньцзи, Хуньчуня, Хэлуна и других соседних уездов.

Ванцин стал бы географически «удачным местом». Это признали и все товарищи из Аньту. Ванцин хорош был прежде всего тем, что он близок к Корее. На том берегу через реку, в районе шести уездных городков Кореи, было сильно «гиринское веяние». И, естественно, этот район мог бы стать неистощимым источником поставок людских и материальных ресурсов для партизанских действий. При опоре на него мы могли бы поднять революцию в стране. Жители Ванцина отличились высоким боевым духом и революционной стойкостью. Эти духовные качества были ярко продемонстрированы в поддержке боевых действий Армии независимости в Циншаньли и Фэн-

вудуне, которые можно считать наивысшей вершиной в истории ее вооруженной борьбы. Ванцин был базой деятельности Северной военной управы. Действовавшие в этом районе бойцы Армии независимости и курсанты военных училищ питались кашей из зерна, выращенного ванцинцами.

Ванцин, разумеется, считали идеальным местом. Но необдуманно передвигаться туда было нельзя. Перед нами два варианта: или базироваться в уезде Аньту и нашими собственными силами прокладывать путь партизанской борьбы, или продолжать легальную деятельность вместе с Армией спасения отечества и постепенно расширять корейские отряды. Несколько дней мы серьезно обсуждали эти проблемы.

Совместные действия с Армией спасения отечества, возможно, могли бы создать определенные ограничения в нашей деятельности, но важно еще более закрепить легализацию АНПА, добытую ценой крови, и показать китайским братьям, видящим в корейце в Маньчжурии второго японца, именно тот факт, что корейская нация не приспешник, не дозор японских империалистов и что вооруженные отряды корейских коммунистов, которых считали они прояпонскими, не сближаются с японскими самураями, а наоборот, идут последовательным антияпонским курсом. Так я считал.

В конце концов, мы приняли вариант: партизанской армии на определенное время легально действовать вместе с Армией спасения отечества, с одной стороны, а с другой — на практике борьбы умножать свое влияние, расширять вооруженные отряды, а потом соединять их.

Уточнив план действия, мы направили подобранных товарищей в Яньцзи, Хэлун, Хуньчунь и другие районы Восточной Маньчжурии. И в Лоцзыгоу в части Армии спасения отечества

было послано несколько умелых политработников. В Ванцин направили еще один новый отряд особого назначения. Ким Иль Рёна оставили в Аньту. Наш отряд опять сократился от ста с лишним до 40 человек.

Многих своих товарищей мы часто направляли в другие уезды. Этим были довольны и руководители ВМООК. Раньше они не раз просили нас: «Ваш отряд главный, так что подберите способных товарищей и укрепляйте ими другие местные партизанские отряды».

Минуло четыре месяца с той поры, как наш отряд покинул Сяошахэ и встал на путь похода в Южную Маньчжурию. Горы, поля и реки в Лянцзянкоу день за днем сгущались осенними красками. Проснешься утром — перед твоими глазами новый мир: кругом опавшие листья, блеск инея на них — предвестник суровой зимы на материке.

Менялись сезоны, стало холодать. Меня не покидала растущая тревога о больной матери. Но при всем моем желании я не мог сходить в Сяошахэ.

Все меня тянуло в деревню Туцидянь, но я откладывал встречу с матерью в долгий ящик.

Приблизилась дата отправления в Северную Маньчжурию. Однажды Чха Гван Су принес мне какой-то узелок бумажных пакетиков. В них были завернуты лекарства народной медицины. Не знаю, откуда их достал Чха. Он предложил мне сходить в Туцидянь. Заметив, что я мешкаю с ответом, он недовольно высказал мне порицание: «Не подобает тебе. Сон Чжу, так вести себя. Если ты, командир отряда, так неуважительно относишься к матери, то я больше с тобой не разговариваю».

Итак я держу шаг в Сяошахэ.

В руке у меня пакетики с лекарствами, но на душе — тревожная мысль: что скажет мать при виде этих лекарств? Наверное, отругает, — что ты делаешь, все тебя занимает такое пустяковое дело?!

Но я думал, что она и обрадуется, если скажу: вот тебе, мама, лекарства, тебе их послал Чха Гван Су.

Давно, конечно, кончилась та мерка чумизы, что я принес когда-то, купив ее в Сяошахэ. А самой ей работать трудно, деньги взять неоткуда. Как она обзаводится дома хозяйством? Мать говорила: у живого человека, как говорится, во рту паутины не будет, не беспокойся о семье, даже думай, что на свете нет у тебя ни матери, ни братьев. Но человеку не легко так вести себя, как она говорит. Как же не думать о родителях, о братьях, о своей семье?..

Узелок был не тяжел, и я ускорил шаги. Чем ближе Сяошахэ, тем почему-то тяжелее ноги. Была, конечно, у меня тревога — не ухудшилась ли болезнь у матери? Но больше всего меня терзала мысль о том, что мы вернулись из Южной Маньчжурии, не договорившись о сотрудничестве с командующим Ряном. Узнает мать — будет очень сожалеть об этом. Когда я уходил в Южную Маньчжурию, она тяжело болела, но торопила меня уходить скорее. Так делала она, может быть, потому, что была безгранично горда и рада тому, что сын идет на сотрудничество с другом отца. Мать не хотела, чтобы молодые люди, ратуя лишь за какую-то концепцию, поворачивались спиной к старшему поколению участников движения за независимость.

Но самое главное — каково же состояние больной матери? При уходе в Южную Маньчжурию я видел, знал, что у нее желудок не принимал даже и не очень крутой, жидкий, как вода, отвар. Если не улеглась болезнь, то теперь она еще больше

страдает в таком тяжелом состоянии. Не легко было предугадать, что сталось с ней.

И, убыстряя свои шаги, я не мог стряхнуть с себя терзающую меня тревогу.

Но вот, наконец, и деревня Туцидянь, и знакомый деревянный мостик. Проходя по нему, я все еще не высвободился от тревожной мысли.

Раньше всякий раз, когда ходил по этому мостику-жердочке, мать, странное дело, распахивала настежь дверь комнаты. Ей было свойственно такое особое ощущение, что слышит шаги сыновей — узнает, кто идет: сын старший или младший. Но в тот день, вопреки моему ожиданию, двери остались глухими, не подымался дымок из трубы, что раньше клубился при приготовлении ужина, не видно и младших братьев, которые, бывало, выходили из кухни с помойкой или за дровами.

И все сильнее чувствовалась тревога, все напряженней нервы. Казалось, вот-вот замерзнет кровь в сердце. Собравшись с силами, тяну к себе дверное кольцо. Едва успел отворить дверь, как чуть было не упал, не грохнулся всем телом на завалинке, — мамина постель пуста! «Опоздал!» — молнией пронеслось в Голове. И вмиг, не знаю, откуда и взялся, молча схватил меня за плечи Чхоль Чжу.

— Почему так опоздал ты, брат? Зачем?

И он, дрожа всем телом, уткнулся мне в грудь своим, полным слез, лицом и громко зарыдал, как ребенок, всхлипывая.

Потом прилетел откуда-то стрелой и вцепился мне в левый бок второй брат Ен Чжу.

У меня из руки выпал узелок с лекарствами. Я крепко обнял обеими руками тяжко рыдающих братьев. Их горький плач и

неутешные рыдания рассказали мне обо всем — не понадобилось и спрашивать о смерти матери.

Как же могла случиться такая беда, когда меня не было дома? Разве не была дана ей последняя минута материнского счастья, ей, которая вправе взирать в лицо сына в последнюю секунду своей жизни?! Ей, которая родилась в нужде и прожила бедной всю свою жизнь?! Ей, которая и перед смертью мужа кусала губы, глотая слезы, больше думая о горькой участи, о трагедии многострадальной своей Родины, чем о себе?! Ей, которая отдала всю свою жизнь, всю свою душу, все свои помыслы, всю энергию не ради себя, а на счастье других?!.

Так торопила она себя закрыть глаза оттого ли, что боялась, как бы не стала обузой для сына-революционера? Да, она дни и ночи беспокоилась, как бы я, ее сын, пленясь личными интересами, не погубил великое дело, к которому призван.

Я, поглаживая дрожащей рукой тот дверной косяк, на который опиралась мать раньше, когда дала мне последнее наставление, думал: как я был бы счастлив, если бы еще хоть разок посмотрел в лицо живой матери у этой двери, пусть бы даже она ругала меня больше, чем тогда!

— Скажи, Чхоль Чжу, что сказала мать в последний раз?

Когда я так спросил, открылась калитка и вошла соседка Ким. Она ответила мне за него:

— Она мне сказала вот что... «Когда после моей смерти придет мой сын Сон Чжу, прошу заменить ему меня — так тепло, как я. Если он вернется, пока остались еще эти самураи, пока не стала свободной Корея, не разрешай ему переносить мою могилу, И нет, нет, не дай ему ступить через порог. Однако сынок мой, Сон Чжу, не вернется с полпути битвы. Я говорю так не потому, что слишком горжусь им». Вот так она сказала. И

попросила меня открывать дверь. И потом до сумерек долго-долго смотрела вон туда, за мостик-жердочку...

Слова соседки слышались мне еле-еле, будто доносились откуда-то издали, с «небесного царства». Но я уловил каждое слово соседки, глубоко осмыслил горечь, всю вескость каждой ее фразы.

Все еще держа в объятиях братьев, я кинул взгляд в сторону того деревянного мостика.

Я силился представить себе мучительную тоску матери по сыну, горечь матери, не увидевшей любимого сына перед своим вечным сном. Не успел я и вообразить всего этого, как у меня вулканом вырвалось лихорадочное рыдание.

Долго плакал я. А поднимая голову, вижу — смотрят на меня повлажневшие глаза соседки Ким. Взгляд ее был такой нежный, такой глубокий, что я чуть было не принял его за взгляд моей любимой матери.

— Большое вам спасибо! От всей души благодарю за глубокую заботу о моей матери.

Так сказал я соседке, которая осталась последней спутницей моей матери. Я, весь сокрушенный горем, наконец нашел в себе силы.

А соседка рыдала еще горше.

— Не за что спасибо-то, —говорит она. — Извините, что я не часто бывала у больной. Мы плохо присматривали за ней. И никто ее не причесывал. Ваших братьев тоже не бывало дома — революционное дело у них. Однажды она попросила меня обстричь ей волосы, как мальчишке. Чешется, говорит... Она просила, а я не могла взять ножницы в руки. Какие у нее были славные волосы—такие длинные, опрятные! Не могу я, говорю. А больная так умоляет. Не будет чесаться голова, говорит, тогда

я смогу лететь и на небо... Мне было жалко стричь эти волосы, но я была вынуждена это сделать...

Не докончив своего рассказа, соседка опять громко заплакала.

Лучше бы не слышать ее, думал я. Рассказ о печальной кончине матери словно в клочья разрывал все, что во мне. Мать всю свою жизнь делала, что могла, для детей, но ведь у сыновей, росших в ее объятиях, не было ли такой верности, что было у тех, кто находились у ее изголовья и причесывали ее перед приближавшейся смертью?!.

Раньше, когда я жил в Фусуне, видел, как один мальчишка, почти одинакового со мной возраста, носил на спине больную мать от Наньдяньцзы до улицы Сяонаньмынь. Мальчик весь вспотел и беспокойно искал врача. Тогда мы сказали, что он действительно верен родителям. Выслушав соседку Ким, почему-то мне вдруг вспомнился тот мальчик, который был весь в поту.

Если сравнить меня с тем мальчиком, то люди назвали бы меня неверным родителям сыном. И тогда мне нечем было бы оправдать себя. Спрашиваю себя: «Что ты делал для матери? Вот тебе уже за двадцать лет». Да, что я делал тогда для нее? Когда был еще маленьким, я, правда, предлагал матушке сидеть в комнате на теплом месте, обогревал своим дыханием холодную руку матери, когда она возвращалась от колодца. Утром пытался помогать ей, — давал корм курам, носил воду в бадейке из оцинкованного железа.

Но после того, как окунулся в революцию, почти ничего не сделал для матери. В древности мудрецы говорили: «Любовь вниз бывает, а любви кверху не бывает». Это изречение они сочиняли, возможно, имея в виду меня. Слово о том, что любви

кверху не бывает, — поистине мудрое изречение. Мне ни разу не довелось слышать о таких детях, которые чтят и уважают своих родителей с такой верностью, что превышает родительскую любовь к детям.

— Чхоль Чжу, теперь скажи, что завещала вам мать? — опять спросил я его.

Думалось, что еще что-то завещала мать, покидая этот мир.

Он, утирая слезы тыльной стороной руки, говорит хриплым голосом:

— Мать сказала: «Помоги старшему брату хорошенько». И еще: «Могу и под землей спокойно уснуть, когда вы, сынки мои, хорошо поможете старшему брату и станете такими же революционерами, как ваш старший брат...»

Да, и в последнюю минуту своей жизни мать посвятила весь заряд своей духовной силы только одному — делу революции!

И я тут же с братьями пошел к могиле матери.

На бугорке, где одиноко стоит старый вяз, высовывался в углу маленький холмик могилы, покрытый дерном в виде узора арбузной корки.

Я, сняв фуражку, вместе с братьями сделал земной поклон перед могилой покойной матери.

Сердце мое говорило: «Мама родная, к тебе пришел Сон Чжу! Прости, мама, меня, такого непочтительного сына! Вернулся из Южной Маньчжурии, опоздал — и только сейчас к тебе пришел, мама моя дорогая!»

Такой думой был я объят, повалившись на землю. И вдруг вижу — рядом Чхоль Чжу, склонившись над холмиком могилы, выкапывает руками дерн.

— Что ты там делаешь, браток? — чувствуя что-то странное, я рассеянно смотрю на него.

Вместо ответа он, роняя капельки слез, зарывал в землю те бумажные пакетики, в которые завернуты лекарства.

Безмолвный поступок моего брата беспощадно разорвал у меня весь заряд, всю конденсацию горя и печали, которыми полно мое сердце. Я упал на холмик и долго-долго рыдал. Так вот я возвратился от революционера к обыкновенному простому человеку.

Казалось, все, что есть на земле, в единый миг сжалось в одну точку, вот в эту могилку, все дела на свете сбились в одну безутешную трагедию — потерю родной матери...

Поднимаю голову — над всей землей сияет синева осеннего неба и, не признавая никаких перемен кругом, весело смотрит на землю. «Как же тебе, небо, так спокойно в твоей высоте и ты так равнодушно к нашему горю!» — думалось мне.

Так я потерял свою любимую мать. Эта трагедия случилась мрачным летом 1932 года, когда шел 22-й год после гибели родной страны. Если бы страна не погибла, то и моя мать, может быть, пожила бы подольше. Исток ее болезни— в мытарствах и муках, порожденных судьбой времени — гибелью родной страны.

Щедрая забота моей матери о детях была ничем не измеримой. Моя верность ей, родной матери, не составляет ни одной дольки несчетных величин ее громадной любви ко мне.

Однажды, когда я был в подполье, мы вместе, четверо — пятеро комсомольцев, попали во вражеское окружение в городке Фусуне. Нужно было выбраться из окружения и хотя бы и с боем выйти за город. Но у нас не было оружия. И я попросил мать:

— Мама, ты сможешь принести оружие от моих товарищей из Ваньлихэ? .

Она с охотой приняла мою просьбу.

— Смогу! Это пустяки. Схожу и принесу!

Она пошла в Ваньлихэ, взяла у моих товарищей два пистолета и благополучно вернулась домой. Мои товарищи по ее просьбе зарядили пистолеты и спустили предохранители, чтобы можно было только нажимать на курок и стрелять немедля. Маузеры она спрятала под грудинку говядины и смело подошла к городским воротам, неся на голове корыто с мясом. У ворот полицейские, указывая на этот груз, спросили:

— Что это?

Она спокойно ответила:

— Говядина, господа!

«Блюстители порядка», поворошив бумажки, покрывшие мясо, пропустили ее без разговора.

Осматривая маузеры, я побледнел: оружие было заряжено, предохранители спущены.

— Мама, это же опасно могло быть для тебя. Почему оружие зарядили?

— Сама просила их зарядить. Думала, стрелять буду, если полицейские начнут обыскивать корыто. Ведь напали-то бы всего два-три негодяя. Нападут — буду стрелять хотя бы в одного, пускай и сама погибну. Так я думала.

В ее ответе таился такой глубокий смысл, какого нам никак не постичь ни своим умом, ни скудным мышлением. Такому дерзанию и такой настоящей любви к детям никто не осмелился бы даже подражать, не поняв дела детей и не горя симпатией к ним.

Это было в Старом Аньту, когда мы мыкались по чужим углам. Жили мы тогда в соседней комнате дома Ма Чхун Ука. Однажды наши ребята возились с пистолетом. Допустили оплошность — пуля, вылетев, ранила маму в ногу. Рана была

опасная, огнестрельная, и если плохо лечить, то это может задеть саму ее жизнь.

Она уж не выходила и на улицу. Люди спрашивают: чего ее в эти дни не видно? Мы отвечали: пошла утром выбросить очистки в помойку, упала, и перелом кости. Она никому не показывала свою рану, лежала в постели, укрывшись одеялом. Тайком лечил раненую мой дядя Хен Гвон. Но мать никогда не сетовала на нас, ни разу не приняла обидчивый вид, не глянула косо на того, кто так промахнулся.

А тот, кто допустил эту ошибку, так неутешно убивался, что даже попытался покончить с собой.

Узнав об этом, мать рассердилась и отругала его:

— Так делать не надо! Пока вы неграмотны в обращении с оружием, такое вполне могло произойти. Вот оно и произошло. Но ничего страшного. Из-за такого-то пустяка мужчине идти на самоубийство? Брось такую чепуху. Подумай только о хранении тайны. Разболтаешь — сотворится беда и с вами, и с этим домом. А главное — провалится ваше дело.

Она больше всего боялась, как бы полиция не узнала о том, что у нас имеется оружие. О своей ране в ноге и не думала.

И семья Ма Чхун Ука не разболтала о происшедшем.

Мать любила моих товарищей, как своих детей. Это было ее самое доброе качество. Она относилась к моим друзьям, как и ко мне. Когда они приходят, она дает им деньги на работу. Она крутила швейную машинку и стирала одежду по найму, за что получала плату. Рабочие лесоразработок и сезонники-копатели женьшеня часто заказывали ей шитье одежды из купленной ими бязи. За это шитье она получала по 70 — 80 *чон*, в лучшем случае — одну *вону* в день.

Хотя у нас жизнь была и бедная, но мать никогда не

скупилась на деньги. Она оставляла деньги только на зерно, на дорогу и оплату за квартиру. Кроме этого, она не жалела денег. Когда гостят у меня друзья, она обязательно купит несколько *гын* (600 граммов — ред.) пшеничной лапши и свинины, чтобы угощать их китайскими пельменями или супом с клецками, и давала им денег на работу.

Друзья мои беспокоились:

— Мамаша, мы видим, что и у Сон Чжу хозяйство-то не такое уж богатое, а вы все нам даете. Как же вам жить-то при этом? На что?

А она им отвечает:

— Человек не доживает своего отнюдь не за неимением денег, а из-за нехватки возраста.

Друзья, бывало, ночевали у меня целыми месяцами. Но у нее на это никакого недовольства не было, она с начала до конца относилась к ним, как к своим детям. Поэтому те участники молодежного движения в Маньчжурии, которые побывали хотя бы несколько дней в моем доме, называли ее не «мать Сон Чжу», а «наша мамаша».

Не будет преувеличением, если я скажу, что моя мать всю жизнь до самой смерти готовила пищу для революционеров. И при жизни моего отца она не могла даже ни попутешествовать, ни погулять, все дни проводила в хлопотах, заботясь о патриотах. Когда мы жили в Линьцзяне, она каждую ночь готовила кашу. Ночью мы, уже укрывшись одеялом, ложились спать, а друзья моего отца врываются в дом и шутят:

— Время-то позволяет вам спокойно спать, а?

И входят отдыхать в соседнюю комнату. А мать опять встает и идет на кухню готовить пищу.

Она не только помогала революционерам, но и сама участ-

вовала в революции. Свою революционную работу она начала еще в Фусуне. В то время она вступила в Пэксанскую организацию Южноманьчжурской федерации по просвещению женщин и вела просветительскую работу среди женщин и детей. После смерти отца она принимала участие в работе Общества женщин.

Мать выросла от помощницы революции до ее непосредственной активной участницы. На нее, конечно же, оказывали большое влияние отец и мы, но надо сказать и об огромном влиянии на нее Ли Гван Рин. Когда Ли гостила у нас, она привлекала мать к участию в работе Южноманьчжурской федерации по просвещению женщин.

Если моя мать обладала бы только одной чисто материнской любовью, то я не мог бы, пожалуй, вспоминать о ней с такой горячей привязанностью к ней. Любовь моей матери ко мне не была только чисто материнской. Это была настоящая и, я бы сказал, революционная любовь, суть которой — в том, что мать, прежде чем считать своих детей своими родными, должна видеть в них сынов Родины, а дети, прежде чем быть верными своим родителям, должны быть всей душой преданными Родине. Всю жизнь моей матери можно уподобить учебнику, который помог мне выработать в себе верный взгляд на жизнь и революцию.

Если мой отец был учителем, вселившим в нас непреклонный революционный дух — бороться даже из поколения в поколение и непременно добиться возрождения Родины, то моя мать была благодарной учительницей, которая убеждала нас в том принципе, согласно которому человек, начавший дело революции, должен стараться реализовать намеченную цель, не пленясь чувствами личного знакомства, не отвлекаясь на посторонние пустяки и доводя дело до конца.

Если любовь, связывающая родителей и детей, является

слепой, то нельзя считать ее прочной. Любовь может быть вечной и святой, когда она будет проникнута поистине благородным духом. Любовь матери ко мне и моя верность матери, сложившиеся в эпоху гибели родной страны, были последовательно проникнуты именно духом патриотизма. Именно с этим духом патриотизма моя мать пожертвовала даже своими родительскими правами — правами матери, которая вправе потребовать от детей быть верными ей.

Я, даже и не успев поставить перед могилой стелу, покинул деревню Туцидянь. Только после освобождения Кореи была поставлена могильная стела с надписью имени моей матери. Жители уезда Аньту, думая о незабвенной матери моей, поставили стелу с высеченными именами всех нас, троих братьев.

После освобождения Родины по заветам покойной матери ее могила вместе с могилой отца были перенесены в Мангендэ.

И после возвращения на Родину долгое время меня не занимали могилы родителей, что были в чужой стране. Ситуация была довольно сложная, была у меня уйма дел. В горах и на полях Маньчжурии, где мы проводили все молодые годы, покоился прах не только моих родителей, но и многочисленных погибших моих соратников, которые прошли со мной сквозь пламя революции. Там были и дети погибших товарищей. Прежде чем найти их прах и привести порученных мне их детей в освобожденную мою родную страну, нельзя было перенести могилы моих родителей — таково было мое решение.

В такое время однажды приехал ко мне Чан Чхоль Хо и уговорил меня перенести их могилы в родной край. Он говорил:

— За перезахоронение отвечать буду я, а вы. Полководец, только заранее выберите в Мангендэ хорошее место для могилы.

Среди тех, кто связан с моей жизнью в Маньчжурии, только он знал могилы моих родителей. Он много потрудился с перенесением этих могил.

Когда я вел вооруженную борьбу, враги отчаянно пытались раскопать эти могилы. Жители Фусуна и Аньту до самого дня освобождения Кореи, обманывая врагов, добросовестно охраняли их и аккуратно ухаживали за ними. Так, Кан Чжэ Ха, бывший мой учитель училища «Хвасоньисук», по два раза в год, в дни весенних и осенних жертвоприношений *хансик* и *чхусок,* приготавливал пищу для поминок, приходил с женой и детьми в Яндицунь к могиле моего отца, совершал поминовение усопшего и скашивал траву на могиле.

После смерти матери я стал опекуном двоих братьев, опорой семьи. Но революция не позволила мне держать их под своей опекой и выполнять роль главы семьи. Пришлось оставить горько плачущих братьев в горной деревушке Сяошахэ, где грустно шелестели камышовые заросли. О будущей встрече мы не смогли даже и договориться, И я сделал тяжелые шаги в немилую Северную Маньчжурию.

8. На плоскогорьи под Лоцзыгоу

Вступление японских войск в Аньту стало вопросом времени. Прояпонские помещики уже подготовили даже флаг, чтобы встретить японцев. Армия спасения отечества не могла больше оставаться в Лянцзянкоу. Отряд командира полка Мэна получил приказ отступать в направлении Лоцзыгоу и Ванцина, где местность гористая и степная.

Мы тоже решили покинуть Аньту вместе с Армией спасения отечества в связи с круто изменившейся обстановкой. Это решение было принято на заседании Комитета по работе с солдатами, проходившем в Лянцзянкоу. Общим планом было перемещение опорной базы деятельности в Вандин, но было решено до определенного времени оставаться в Лоцзыгоу, где сосредоточиваются части отступающей Армии спасения отечества, и вести там работу с китайскими антияпонскими отрядами. Часть командующего Юя тоже эвакуировалась из Аньту в Лоцзыгоу.

Когда мы форсировали подготовку к походу в Северную Маньчжурию, пришел Чхоль Чжу ко мне в Лянцзянкоу.

— Братец, я тоже хочу идти вместе с твоим отрядом. Без тебя больше не могу жить в деревне Туцидянь, —сказал он о цели своего приезда, прежде чем я спросил его об этом.

Мне было понятно желание младшего брата идти вместе с нашим отрядом. Детям восприимчивого возраста было невы-

носимо проживать день за днем, питаясь только горькой кашей в чужом доме горной деревушки Сяошахэ, где умерла мать.

— А как же быть Ен Чжу, когда и ты уйдешь из Туцидяня? Он, наверно, не сможет вытерпеть одиночества.

— Неудобно же питаться в чужом доме вдвоем. Лучше будет оставить там одного последыша...

Я счел логичными слова Чхоль Чжу, но не мог удовлетворить его просьбу. Младшему брату было уже 16 лет, и он мог бы нести военную службу в отряде, если вручить ему винтовку. Он был рослым и здоровенным не по возрасту, но все-таки он пока еще не созрел для такой службы и мог стать обузой партизанского отряда. Тем более на плечах его лежала еще тяжелая обязанность поднять до надлежащего уровня комсомольскую работу в районе Аньту.

— Я с удовольствием приму твою просьбу, если ты попросишь об этом годика через два-три. Но пока я не могу этого сделать. Потерпи еще несколько лет, хотя тебе и тяжело в Одиночестве. Разверни во всю ширь комсомольскую работу. Поработай хоть батраком в чужом доме или займись сезонным трудом. Подпольная деятельность тоже не менее важна, чем вооруженная борьба, и нельзя ее игнорировать. Занимайся пока комсомольской работой и, когда настанет пора, иди к нам, в нашу революционную армию.

Я уговаривал брата, чтобы он не настаивал на своем. Потом мы вместе пошли на постоялый двор, что на берегу пруда, В прохладной комнате резало ухо жужжание бумаги, которой оклеена дверь. Я заказал вина и закуски. На столе лежали две тарелки с застывшим соевым творогом *тубу* и между ними стояла бутылка вина. У брата повлажнели глаза, когда он

смотрел на стол. Он знал, что я не пью, и, видимо, уже догадался, что значит стаканчик вина.

— Чхоль Чжу, прости твоего брата. Не могу я удовлетворить твою просьбу. Я тоже хотел бы взять тебя с собой, но я все же должен оставить тебя. У меня просто разрывается сердце на части. Но, к сожалению, нам снова придется вот так расстаться здесь.

Я смог сказать эти слова, только выпив стакан вина. Трезвым я не мог бы вымолвить ни одного такого слова. И не мог сдержать нахлынувших слез. Чтобы не дать ему видеть мои слезы, я вышел на улицу. Он тоже последовал за мной, оставив на столе недопитый стакан.

—Я понимаю тебя, братец! —сказал он, догнав меня и взяв меня за руку...

Вот так я расстался с младшим братом, и больше мы не смогли снова встретиться.

Когда затем вспоминал я ту хмурую осень, печальную до слез, вспоминал это наше расставание у пруда, я раскаивался, что не мог подольше задержать в своих руках руки брата, который молча пожал мне руку и ушел. Поныне думаю, что это была слишком горькая разлука.

Может быть, Чхоль Чжу и не погиб бы так рано, когда ему не было и двадцати лет, если бы я удовлетворил тогда его просьбу. Поистине он был сам огонь, в пламени и сгорел.

Что еще сказать о нем? Ему едва минуло десять лет, как он включился в революционную организацию. Когда мы жили в Фусуне, он работал ответственным за пропагандистскую работу детского союза Сэнар, а в Сяошахэ — секретарем участкового комсомольского комитета.

После расставания со мной в Лянцзянкоу он воспитывал многочисленных комсомольцев и послал их в КНРА. Добровольно он вел также трудную работу с китайскими антияпонскими отрядами. Вместе с бойцами этих отрядов он участвовал и в налете на городок Дадяньцзы. Говорят, что китайский антияпонский отряд Ду Ишуня, к которому был причастен Чхоль Чжу, храбро воевал против японских карательных войск в Цзяньдао.

Позже Чхоль Чжу, взяв на себя большую ответственность заведующего отделом по работе с антияпонскими отрядами в Аньту, вел работу с китайским антияпонским отрядом Сюй Куйу, находившимся в Оленьем лесу Цанцайцуня в Фуяньдуне уезда Яньцзи. Сюй Куйу был капризным и упрямым вожаком, который на словах выступал за антияпонскую войну, но в то же время открыто враждовал с корейскими коммунистами. Правда, в самом начале Сюй тоже поддерживал хорошие отношения с корейцами. Он стал холодно относиться к корейским коммунистам с тех пор, как члены Антияпонского общества женщин села Фуяньдун вернули комсомолку (корейская девушка), которую он задержал, чтобы сделать ее своей наложницей. Эта девушка пошла в китайский антияпонский отряд с агитбригадой для пропагандистской работы и была задержана этим сумасбродом. Любая женщина не могла тогда оставаться в покое, не удовлетворив его требований. Так часто менял он женщин.

Корейцы не могли уже иметь дело с отрядом Сюй Куйу после того, как члены Общества женщин вернули комсомолку, выручив ее из этой беды. Не могли вступить в контакты с этим атаманом даже те, которые раньше имели с ним близкие связи. Он страдал, если уместно тут это слово, любовной горячкой и приказал своим подчиненным подвергать корейцев преследованиям и репрессиям.

Вот в такой-то момент младший брат Чхоль Чжу и посетил отряд Сюй Куйу вместе с Рим Чхун Чху, имевшим диплом врача народной медицины.

— Мы пришли к вам осведомиться о вашем здоровье. Слыхали, что вы чувствуете себя неважно, — вежливо сказал Чхоль Чжу по-китайски.

Но Сюй Куйу даже не удостоил его ответом. Значит, ему противно даже смотреть на корейцев и говорить с ними.

— Я привел опытного медика, чтобы вылечить вас. Не хотите ли получить его помощь? — сказал еще раз Чхоль Чжу.

Атаман китайского антияпонского отряда заинтересовался тем, что пришел к нему опытный врач, и попросил о медицинском осмотре. Рим Чхун Чху несколько дней лечил его уколами игл. Больной сказал, что благодаря доктору Риму избавился от «беса», так мучившего его головной болью, и не скрывал своей радости. Пользуясь случаем, Чхоль Чжу остался в отряде Сюй Куйу и легально вел работу с антияпонски настроенными солдатами.

Позже Сюй Куйу был вовлечен в нашу армейскую группу, назначен командиром 10-го полка и храбро воевал до последней минуты своей жизни. Одно время он развратничал, говоря, что нельзя жить ни одного дня без опиума и женщины. Но после вовлечения в революционную армию он даже вступил в компартию. Когда я от имени части поздравил его с вступлением в партию, он ответил:

—Товарищ командир! Сегодня я, вступая в партию, вспомнил вашего младшего брата. Если бы не было помощи со стороны Чхоль Чжу, я не мог бы встретить сегодняшний день.

Он рассказывал, словно сказку, о том, как Чхоль Чжу вместе с Рим Чхун Чху избавил его от болезни и как оказывал

ему неустанную помощь, чтобы он не сбился с пути антияпонской борьбы.

В июне 1935 года Чхоль Чжу погиб смертью храбрых под Чэчанцзы. Я узнал о его гибели на берегу озера Цзинбоху. Может быть, потому и сейчас вспоминаю младшего брата, когда вижу большую реку или озеро.

После гибели Чхоль Чжу в бою самый младший брат мой стал круглым, совсем беспризорным сиротой. После ухода семьи Ким Чжон Рёна на партизанскую опорную базу в Чэчанцзы он стал скитаться по разным местам и просить на пропитание, то занимаясь уходом за чужим ребенком, то будучи у других на побегушках. В ту пору Квантунская армия хватала без разбору людей, связанных со мной, для использования их в операции, направленной на то, чтобы заставить меня «капитулировать», Поэтому мой самый младший брат был вынужден скрывать свое имя и происхождение и вести бродяжническую жизнь, скитаясь не только по трем провинциям Северо-Востока Китая, но и по городам и деревням Внутреннего Китая. Так, он побывал некоторое время и в Пекине.

После освобождения страны я в документе, оставленном японской полицией, читал материалы об организации ареста самого младшего моего брата. Работая на пивоваренном заводе в Синьцзине, он, охваченный сильной тоской по родному краю, приехал на Родину и побывал там около трех месяцев. Тогда он появился в Мангендэ, надев темный костюм и белые ботинки.

Увидев самого младшего внука в таком важном и солидном наряде, дед даже подумал, не заслужил ли он какой-нибудь чин и не обзавелся ли семьей собственными силами. Чтобы не беспокоить деда и бабушку, внук сказал, что он учится в вузе в

Чанчуне. А полиция даже распространяла снимки его в попытках поймать его. И потому он, посетив родной край, не мог пребывать в Мангендэ, а остановился в доме старшей тетки, избегая глаз полицейских, и снова уехал в Маньчжурию...

Отряд АНПА, состоявший из 40 человек, покинул Лянцзянкоу, миновал Дуньхуа и Эму и, преодолевая горную гряду, двинулся на север в направлении Наньхутоу. Именно в этот период наш отряд зашел в широко известное село Фуэрхэ, где прошла моя «батраческая жизнь», и развернул здесь политическую деятельность. Тогда же под Хаэрбалином уезда Дуньхуа наш отряд вел ожесточенную битву с транспортной колонной японской армии, мобилизованной на прокладку железной дороги Дуньхуа — Тумынь. После этого сражения я встретился и с Ко Чжэ Боном в Тоудаолянцзы уезда Дуньхуа.

Ко Чжэ Бон покинул Сидаохуангоу, где так жестоки были вражеские репрессии, и переместил арену своей деятельности в Тоудаолянцзы. Там он преподавал в крестьянском училище, управляемом подпольной организацией. От Тоудаолянцзы до уездного центра Дуньхуа всего 12 километров. Тогда я увиделся здесь и с матерью Ко Чжэ Бона.

Мы роздали местным жителям пшеничную муку, захваченную при налете на транспортный отряд японской армии, и питались вместе с ними блюдами из этой муки. Захваченные в битве хлопчатобумажные ткани отдали крестьянскому училищу, чтобы сшить воспитанникам форменную одежду.

Наш отряд, отбывший из Тоудаолянцзы, двинулся дальше на север и вел работу с китайскими антияпонскими отрядами под Гуаньди и Наньхутоу, потом прибыл в Ванцин. Там мы, изучая работу партийных, комсомольских и других массовых организаций, знакомились с представителями различных кру-

гов населения. Можно сказать, что это была предварительная работа для создания в Ванцине опорного пункта нашей деятельности в дальнейшем.

И в Ванцине мы не ослабляли работу с китайскими антияпонскими отрядами. Я посетил Лишугоу, чтобы встретиться с отрядом Гуань Баоцюаня. Раньше отряд особого назначения Ли Гвана, стремясь достать несколько винтовок у этого отряда, действовал ему на нервы. Оказалось, Гуань Баодюань уже отказался от антияпонской борьбы искрылся куда-то. Откровенно говоря, тогда я думал извиниться перед командиром батальона Гуань Баоцюанем вместо ванцинских товарищей, посоветоваться с ним о путях совместной борьбы и тем самым устранить раздоры и противостояние, сложившиеся временно между корейскими и китайскими вооруженными отрядами.

Я послал связного, чтобы встретиться с другими людьми, хотя и удрал Гуань Баоцюань. И тут пришли к нам около 100 бойцов китайского антияпонского отряда. Они сказали, что хотят видеть отряд Ким Ир Сена, который разбил японские войска в уездном центре Дуньхуа. Я выступил перед ними с откровенной и простой речью. Я признал, что Ванцинский отряд особого назначения совершил недружественное действие, тронув бойцов отряда комбата Гуаня для приобретения оружия, и объяснил им цель совместной борьбы корейского и китайского народов и миссию китайских антияпонских отрядов.

Отклик китайского антияпонского отряда на мою речь был положительным. Выслушав меня, командир Каошань сказал, что он тоже, как Гуань Баоцюань, думал отказаться от антияпонской борьбы, но отныне будет идти верным путем. Он выдержал свое слово и мужественно сражался на антияпонском фронте. Вот таким образом было успешно осуществлено при-

мирение с китайскими антияпонскими отрядами, что и стало головоломкой в Ванцине.

В Лоцзыгоу мы созвали заседание антияпонского солдатского комитета с целью ликвидировать левацкий уклон, имевший место в работе с китайскими антияпонскими отрядами, и вовлекать их больше в антияпонскую коалицию. В то время части Армии спасения отечества, сосредоточенные в уездном городке Дуннин, собирались отступать во Внутренний Китай через территорию СССР. Мы всячески старались предотвратить бегство этой армии за границу и тесно объединить ее в антияпонский фронт. Иначе возникло бы серьезное препятствие на пути нашей партизанской борьбы. Карательные силы врага, распыленные по разным местам для разгрома китайских антияпонских отрядов, будут сконцентрированы против наших партизанских отрядов, насчитывавших всего несколько сот человек, и задушат разом наши вооруженные силы в их колыбели. Соотношение сил противника и наших сил станет решительным образом неблагоприятным для нас.

В ту пору японские войска повсюду усиливали наступление на антияпонские вооруженные силы в целях занять все небольшие города Маньчжурии. Они пытались захватить даже все уездные центры.

В заседании участвовали 30 — 40 человек, в том числе я, Ли Гван, ЧэньХаньчжан, Ван Жуньчэн, Ху Цзэминь, Чжоу Баочжун и другие. Я и Ли Гван представляли корейскую сторону, Чэнь Ханьчжан, Ван Жуньчэн, Ху Цзэминь и Чжоу Баочжун — китайскую сторону.

Главным пунктом повестки дня заседания был вопрос о мерах по предотвращению бегства Армии спасения отечества и укреплению антияпонского совместного фронта.

Сначала на заседании проверяли ошибку Ванцинского партизанского отряда. Причиной его ошибки было «дело с Ким Мен Саном», возникшее в отряде в Ванцине. Ким Мен Сан раньше служил в «охранном полку» армии Чжан Сюэляна и после события 18 сентября перешел в Ванцинский партизанский отряд, взяв с собой шесть подчиненных китайцев. Он, кореец, слыл известным охотником и воевал на славу. Когда он перешел, бойцы Ванцинского партизанского отряда обрадовались, говоря, что покатилось золото.

Однажды один из шести перешедших китайских бойцов отправился на разведку в район, контролируемый неприятелем. Там он съел миску пампушек в столовой в Даканьцзы и вернулся, не расплатившись за пищу. На плату денег-то у него и не было. Возвратившись в отряд, он честно доложил, что обедал в столовой бесплатно.

Леваки, которые в то время занимали ответственные посты в укоме партии, приклеили этому бойцу ярлык вредителя, дискредитировавшего партизанский отряд, и расстреляли его. По распоряжению военного отдела укома партии были подвергнуты такому наказанию свыше десяти китайских бойцов в Ванцине.

Остальные китайские бойцы, перешедшие вместе с Ким Мен Саном, напугались такой ужасающей атмосферы и, совершив дезертирство, ушли в отряд Гуань Баоцюаня, расквартированный вблизи Мацуня. Их слова о том, что партизанский отряд расстреливает китайцев без разбору, насторожили Гуань Баодюаня. Он переместил свой отряд в глубокое ущелье, далекое от места дислокации партизанского отряда, и норовил заиметь шанс, чтобы убить корейских коммунистов.

В годовщину Октябрьской революции жители Ванцина собрались на месте празднования, взяв в руки копья, дубинки и другое примитивное оружие. Они пришли отметить праздник с таким простейшим оружием для того, чтобы приподнять атмосферу торжества. А Гуань Баоцюань счел это за то, что люди собирались для нападения на его отряд. Он возмутился этим и расстрелял начальника штаба своего отряда Ким Ын Сика, который, будучи подпольщиком партизанского отряда, занимался воспитанием бойцов Армии спасения отечества и расширением движения за единый фронт. Кроме него были расстреляны также Хон Хэ Ир, Вон Хон Гвон и многие другие корейцы. Это был чрезмерный контрудар. Как говорится, «Каков привет, таков и ответ».

Впоследствии распался отряд Гуань Баоцюаня, отказавшегося от борьбы, и его бойцы шли мелкими группами в район, контролируемый врагом. Ванцинский партизанский отряд под предлогом предотвращения капитуляции отряда Гуаня разоружал его несколько раз. Когда бойцы этого отряда не отдавали оружия покорно, партизаны убили даже нескольких капитулянтов отряда Гуаня.

После этого инцидента отряд Гуань Баоцюаня начал беспощадную реваншистскую борьбу против корейских коммунистов, Он безусловно арестовывал и расстреливал молодых корейцев, которые считались участниками коммунистического движения.

Ванцинский партизанский отряд, созданный несколько месяцев тому назад, понес большой ущерб, оказавшись в окружении китайских антияпонских отрядов.

Опрометчивость и безрассудство, проявленные в отношениях с этими китайскими отрядами, резко ослабили корейско-

китайские отношения и создали труднопроходимую пропасть перед корейской революцией.

Участники заседания подвергали жестокой критике командные кадры Ванцинского партизанского отряда, которые, подорвав отношения с китайскими антияпонскими отрядами, не осознали толком серьезности этой ошибки и разглагольствовали даже о каком-то реванше. После длительного обсуждения они еще раз подтвердили принципы и правила действий, которые необходимо соблюдать в работе с Армией спасения отечества, и пришли к единству во мнениях.

Далее, на заседании мы обсуждали вопрос о том, каким путем можно заставить Армию спасения отечества оставаться на земле Маньчжурии и продолжать антияпонскую борьбу.

В то время эта армия насчитывала десятки тысяч бойцов, но тем не менее полагала, что она не в силах противоборствовать японским войскам. Она верила в распространенную самими японцами версию о «непобедимости» японских войск и почти отказалась от борьбы с ними. Бойцы армии думали, что в самом деле на свете нет силы, способной противостоять Японии, и нет армии, могущей воевать с японскими войсками. У этой армии осталось лишь одно стремление — благополучно перемахнуть через Шаньхайгуань, где пока еще не вспыхнуло пламя войны, избежав гибели от удара японских войск или не попав в плен.

В Цзяньдао японские войска направили острие атаки на отряд Ван Дэлиня. Когда японские самураи предпримут натиск на этот отряд, то Лоцзыгоу тоже попадет в их руки в недалеком будущем.

Участники заседания решили грудью защищать Лоцзыгоу вместе с Армией спасения отечества. Чтобы отстоять Лоцзыгоу,

надо было уговорить Ван Дэлиня отказаться от бегства в СССР. Армия спасения отечества только и думала уйти во Внутренний Китай через территорию Советского Союза, Среди вожаков и бойцов китайских антияпонских отрядов стало своего рода тенденцией перейти через советско-маньчжурскую границу. Ли Ду и Ма Чжаньшань, располагавшие вооруженными силами в десятки тысяч штыков, тоже удрали во Внутренний Китай через территорию СССР. Единственный путь предотвращения бегства Армии спасения отечества — организовать победоносный бой с японскими войсками и тем самым полностью выкорчевать из сознания ее солдат версию о «непобедимости японской императорской армии» и боязнь ее.

Среди участников заседания Чжоу Баочжун был самым подходящим кандидатом, который мог бы уговорить Ван Дэлиня. Он работал его советником по поручению Коминтерна.

Я советовал Чжоу Баочжуну уговорить Ван Дэлиня прекратить отступление при любых обстоятельствах и вступить в коалицию с корейским партизанским отрядом. Я сказал ему:

— Мы сможем вести затяжную партизанскую войну при опоре на корейцев, проживающих в Восточной Маньчжурии. Дело за Армией спасения отечества. Вам следует уговорить его любыми средствами, чтобы его бойцы выстояли на земле Маньчжурии и продолжали сопротивление до последнего. Они хотят идти в СССР не для проведения социалистической революции в Сибири, а с целью удрать во Внутренний Китай через территорию Советского Союза.

Выслушав меня, Чжоу Баочжун покачал головой и сказал, что это задача трудно выполнимая.

— Вы так говорите, не зная еще действительного положения дел. Армия спасения отечества — это на самом-то деле свора

трусов. Это же шайка слизняков, которые дрожат как осиновый лист и дают тягу, когда японский самолет гудит в небе и разбрасывает листовки. Она никак не может воевать. Я увидел таких трусов впервые от роду. Бить японские войска во взаимодействии с Армией спасения отечества — это просто химера.

Было немало людей, которые утверждали невозможность коалиции так же, как и Чжоу Баочжун. Так возникли разногласия и подвергались критике те, кто упорно твердил о такой невозможности. В ту пору каждый был героем, гением и лидером. Комитет по работе с солдатами Армии спасения отечества явился временной организацией, состоящей из людей, которые по поручению действовали в различных местностях. Так что у него не было определенного руководителя.

Однако я председательствовал на заседании, и оно проходило как следует. Я стал председательствующим не потому, что занимал высокую должность, а потому, что китайские товарищи выдвинули меня. Они говорили: Ким Ир Сен является крупным авторитетом в работе с Армией спасения отечества.

Это и есть Лоцзыгоуское заседание. Оно было последним заседанием Комитета по работе с солдатами Армии спасения отечества. После него комитет был распущен.

По решению заседания я, Ли Гван, Чэнь Ханьчжан, Чжоу Баочжун и Ху Цзэминь должны были вести работу с отрядами Ван Дэлиня, У Ичэна и Чай Шижуна соответственно. У Ичэн и Чай Шижун были подчиненными Ван Дэлиня,

Вскоре поступило донесение от Чэнь Ханьчжана, отправившегося в отряд У Ичэна, Он сообщил оптимистическое известие, что У Ичэн обещает поддержать курс Лоцзыгоуского заседания.

Пока я работал с войсками Ван Дэлиня, японская армия хлынула в район Лоцзыгоу. Враги шумели, что будет большая

беда, если наши главные силы образуют коалицию с войсками Ван Дэлиня, и наращивали темпы наступления, подняв на ноги крупные контингенты вооруженных сил. Но Ван Дэлинь и не думал воевать с ними и убежал из Лоцзыгоу. Десятки тысяч солдат, избегая огневой завесы японских войск, откатывались в сторону советско-маньчжурской границы, подобно опавшим осенью листьям, погнанным вихрем.

Лоцзыгоу никак нельзя было отстоять силами одного партизанского отряда из нескольких десятков бойцов. Нам пришлось отступать в сторону уезда Дуннин вместе с Армией спасения отечества, которую мы решили остановить во что бы то ни стало, не отрываясь от нее. В этом отступлении нам было тяжело — мы были вынуждены вести жаркий бой небольшим отрядом против огромных сил противника. Был морозный 11-й месяц по лунному календарю, когда мы направились в сторону уезда Дуннин, сражаясь с крупными войсками противника, и замерзали многие бойцы китайских антияпонских отрядов.

Следуя за Армией спасения отечества, я неустанно уговаривал Ван Дэлиня, Если бы тогда он послушался меня, то мог бы успешно развернуть антияпонскую вооруженную борьбу в Северо-Восточном Китае, образовав совместный фронт с нами. Но он не прислушался к моим советам и, в конце концов, удрал во Внутренний Китай через территорию СССР.

Мы махнули рукой на контакты с ним и, изменив маршрут, пошли в район Ванцина, конечное место назначения. Покинув Лоцзыгоу, мы преодолели несколько сотен *ли* и добрались пешком до пункта, откуда видна советско-маньчжурская граница, но были вынуждены повернуть назад, не добившись своей Цели. Тогда меня охватили горечь и отчаяние.

Мне тогда думалось так: Армия спасения отечества насчи-

тывает десятки тысяч штыков, но и она не смеет противостоять японским войскам и дает тягу, как же проводить зиму нашему отряду, в котором осталось всего только 18 человек? Каким необыкновенным способом преодолеть нам эти суровые испытания?.. Да, 18 человек — это число можно было бы без преувеличения назвать «каплей в море», как любят выражаться японцы.

Отряд наш сократился от 40 до 18 человек по разным обстоятельствам. Одни погибли в бою, другие оторвались от нас по болезни. Были и такие, которых уволили по состоянию здоровья. Некоторые возвратились домой по собственному желанию, будучи не в силах продолжать борьбу. В частности, трудно было пожилым бойцам из Армии независимости и бывшим сельским юношам.

До конца остались с нами в отряде те товарищи, которые боролись еще с периода деятельности в Гирине, включившись в комсомольскую организацию. С этими 18 бойцами я направился в Ванцин, переступая через грань между жизнью и смертью. В ходе этого я вновь осознал, что может до конца отстоять свое убеждение в любой критической ситуации и выполнить долг революционера только тот, кто закален в самой жизни своей организации.

На пути к Ванцину мы встретились со связным У Ичэна и шли вместе с ним. Его звали Мэн Чжаомином.

Вначале бойцы нашего отряда задержали его для установления личности. В то время повсюду кишмя кишели японские шпионы, и мы крайне остерегались незнакомых людей, чью личность нельзя было установить. У Мэн Чжаомина был билет члена антияпонской организации, установленный по соглашению между Комитетом по работе с солдатами Армии спасения отечества и китайскими антияпонскими отрядами. Эти би-

леты были вручены и нашим партизанам, и бойцам китайских антияпонских частей. Тогда обе стороны договорились охранять и оказывать помощь людям, имеющим такой членский билет. Мэн Чжаомин имел при себе не только этот членский билет, но и письмо У Ичэна к Ван Дэлиню, в котором тот требовал подкрепления. Мы могли полностью поверить, что он связной У Ичэна.

Мэн Чжаомин объяснил, почему он идет в Тяньцяолин.

— Я добрался до Дуннина, чтобы передать это письмо. Но возвратился несолоно хлебавши, ибо Ван Дэлинь убежал. А У Ичэн тоже эвакуировался в сторону Хуншилацзы. Он оставил в Лаомучжухэ лишь один батальон. Оказалось, и этот батальон ушел оттуда в сторону Сяосаньчакоу (Тяньцяолин). И вот я иду к этому батальону. Надо же воевать с японцами, даже если и погибну в бою, — сказал он,

Это был человек очень сильного антияпонского духа. Он сетовал, что в трех провинциях Северо-Востока Китая нет личности, способной поправить ситуацию, и спросил меня:

— Как вы думаете, командир, кто победит — мы или японцы?

— Думаю, что победим мы. Один писатель Запада говорил, что человек рожден не для поражения, а для победы. И вы и мы так пробиваемся сейчас сквозь сугробы для победы.

Я решил вместе с Мэн Чжаомином искать командира этого батальона, ушедшего в сторону Сяосаньчакоу. Мы сделали последнюю ставку на этот батальон в осуществлении совместных действий, дум ал и, что надо уговаривать его во что бы то ни стало, чтобы он не отказался от борьбы.

Мэн Чжаомин дошел вместе с нами до Ванцина и участвовал в оборонительном бою за Яоингоу. Он был незабываемым

нашим спутником, который помогал нам в самое трудное для нас время и воевал вместе с нами, пренебрегая смертью. В 1974 году он прислал мне письмо, в котором с глубоким волнением вспоминал нашу встречу на плоскогорьи под Лоцзыгоу.

Прочитав письмо, я узнал, что жив бывший связной У Ичэна, который сдружился с нами в невзгодах, и что он занимается земледелием в кооперативе в Дуньхуа.

Думаю, что наиболее тяжелый момент нам пришлось пережить на горе Лаохэйшань. До этой горы добралась вместе с нами и Армия спасения отечества, пусть и не очень надежная, и мы не так чувствовали одиночество, хотя испытывали немало трудностей. Но на обширном плоскогорьи остались только мы, 18 человек, после того, как эта армия убежала совсем в СССР. Чжоу Баочжун тоже ускользнул в другой район, взяв с собой небольшой отряд, который оставил Ван Дэлинь, перейдя через границу. Итак, мы оказались в совершенно одиноком и беспомощном состоянии.

В небе кружился самолет, разбрасывая листовки с предложением сдаться, а на земле окружали нас со всех сторон японские самураи, мобилизованные на карательную операцию. Стояли такие лютые морозы, каких не бывает и на высоких горах Кореи, а глубокие снега покрыли все вокруг. Отряду, проваливаясь в сугробы по пояс, было неимоверно тяжело продвигаться вперед. Вдобавок к тому кончилось продовольствие, которое накопили, питаясь впроголодь. Обмундирование, в котором мы в мае отправились из Сяошахэ, превратилось в такие лохмотья, что просвечивало голое тело.

В такое время мы встретились на плоскогорьи под Лоцзыгоу с добрым стариком по фамилии Ма и чудом миновали критический момент. Мы встретились с этим стариком в послед-

ний день декабря по лунному календарю. Он был безыдейным и беспартийным, а на политику Гоминьдана плевал, говоря, .что она неправильна. В то же время он не сочувствовал и коммунизму. Словом, старик впал в крайнее пессимистическое настроение. Однако он был честным и сердобольным благодетелем, которому не терпелось проявлять заботу о других.

У этого старика было два жилища. В нижнем доме остановились мы, в верхнем — солдаты разбитой Армии спасения Отечества. Большинство из них заражены антисоветскими идеями. Они остались в Маньчжурии, не перешли через границу Советского Союза потому, что он является коммунистическим государством. Среди них были также подчиненные комбата Го, которого У Ичэн оставил в Лаомучжухэ.

Мэн Чжаомин, сняв дорожное снаряжение, тут же добровольно пошел в верхний дом к солдатам разбитой Армии спасения отечества. Он говорил, что надо узнать их настроения. Я попросил его разведать, готовы ли они действовать вместе с нами. Мэн Чжаомин сказал, что среди подчиненных комбата Го немало его знакомых и сперва он узнает их настроения.

— Если будет надежда на успех, то вы, командир Ким, идите сами и попробуйте официально установить с ними контакт, — предложил он.

Однако, вернувшись после встречи с китайскими солдатами, он понурил голову и сказал с мрачным выражением на лице:

— Никакого дела нельзя делать с этими проходимцами. А о коалиции нечего и говорить. Они уже собираются организовать банду разбойников.

Старик Ма тоже подсказал мне, что китайские солдаты плетут заговор, чтобы разоружить нас. По его словам, они намерены расширить ряды банды, отняв у нас винтовки.

В такой обстановке каждый из нас не мог не задуматься над своей судьбой и о будущем революции. Когда вокруг нас кишмя кишели десятки тысяч бойцов китайских антияпонских отрядов, нам казалось, что можно сразу победить японские войска, если только воевать вместе с ними. Но все они удрали, а в нашем отряде осталось всего 18 человек. «Идти в Ванцин? Но там имеется всего десяток с лишним винтовок, нельзя с ними будет делать хоть какое-нибудь дело. И в Яньцзи, наверное, имеется всего лишь несколько десятков винтовок. К тому же эти невежественные солдаты разбитой армии норовят улучить шанс и отнять оружие у нас. Как же нам тут быть?» — думал я в отчаянии.

Мы добрались до незнакомого плоскогорья под Лоцзыгоу, и не легко было вернуться в Ванцин. «Как же теперь быть? Бросить оружие, возвратиться обратно и снова вести подпольную борьбу? Или продолжать вооруженную борьбу, невзирая на трудности?» — задал я себе вопрос.

Если скажу, что не было такого колебания, то это было бы искажением действительности и фальсификацией истории. Я не скрываю, да и не считаю нужным скрывать, что тогда возникло колебание не только у меня, но и вообще в нашем коллективе.

Сталь тоже ржавеет от окисления. А человек не сталь. Он является существом более мягким и изменчивым, чем сталь. Но можно сказать, что человек и намного сильнее стали. Ибо сталь сама по себе не может предотвратить процесс окисления, а человек располагает способностью самому контролировать и регулировать процесс перемен, происходящих в его сознании. Дело не в колебании, а в том, как преодолеть возникшее колебание. Человек называется венцом творения потому, что он обладает способностью самому управлять собой. А революцио-

нер называется великим человеком потому, что он обладает стойким, творческим и самоотверженным характером, позволяющим ему создать все из ничего и превратить неблагоприятные условия в благоприятные...

Тогда я не мог решить, что и как делать. Надо было продолжать вооруженную борьбу, даже если упадет небо и провалится земля. Но все оставшиеся бойцы были юноши с румяными лицами, которым не было еще и 20 лет. Можно было сказать, что и у меня самого пока еще было мало опыта. Все мы были героями и выдающимися личностями, когда в Гирине писали листовки и выступали с речами. А в данный момент мы все были неопытными учениками. Во время подпольной деятельности было много методов работы, но теперь трудно было найти способ прокладывать одними нашими силами путь вперед, когда мы, 18 человек, потеряли десятки тысяч дружеских воинов и оказались в пустыне, где остались только солдаты разбитой армии.

Эти солдаты, остановившиеся в верхнем доме, собирались стать бандитами, но мы нив коем случае не могли позволить себе подобный поступок. Надо было идти туда, где имеются организованные массы, чтобы найти какой-нибудь выход. Но говорили, что поселок корейцев находится километрах в 80 отсюда и к тому же в окрестностях рыщут повсюду в горах японские войска.

Я погрузился в размышления: «Неужели так тернист путь революции? Почему оказалась на краю такого крутого обрыва наша революция, которую, по нашему предположению, можно завершить без труда за два-три года? Разве остановил навсегда свое продвижение на этом пустынном холме наш отряд, который, дуя в трубу, торжественно отбыл из Аньту? Сколько раз мы пропускали обед и сколько ночей проводили без сна для создания

этого отряда? Я не смог даже быть у матери, когда она была на смертном одре, и был вынужден так горько расстаться с любимыми младшими братьями для того, чтобы создать и укреплять этот отряд. Чха Гван Су и Чвэ Чхан Гор отдали свою молодость во имя этого отряда». Чха Гван Су погиб в Дуньхуа в ходе выполнения разведывательного задания.

Мне казалось, словно вся тяжесть земного шара давила на мою душу, когда я оглядывал мысленным взором пройденный путь и думал о пути дальнейшем.

Я сидел у топки, обуреваемый мрачными мыслями.

— Ты, видно, тут начальник? — тихо спросил старик Ма, подойдя ко мне.

— Да.

— А почему у начальника повлажнели глаза?

— Может быть, от вьюги.

Я ответил так уклончиво, но на самом деле проливал слезы не от вьюги, конечно, а из-за беспокойства о будущем. Некоторое время старик вглядывался в мое лицо, поглаживая свою длинную жидкую бородку.

— Видимо, ты беспокоишься из-за этих негодяев в верхнем доме. Но не надо падать духом. Нынче вечерком поведу я вас в укромное местечко, где можно отдыхать вдоволь. Будете отдыхать дней двадцать. Можете заниматься одновременно учебой и питаться как следует. Тогда голова будет работать, как у Чжугэ Ляна.

Ночью старик Ма разбудил нас, спавших мертвым сном, накормил пельменями, приготовленными в качестве новогоднего угощения. Затем повел нас в горный шалаш, расположенный в 20 с лишним километрах от дома. Шалаш стоял в густом лесу, и его нельзя было обнаружить и с самолета. Тут были одна

комната, где можно разостлать едва ли одну циновку, и небольшой сарай. В сарае хранились мороженые косуля и заяц, которых старик поймал силком, пшеница и кукуруза, а также жернов.

— Комната небольшая. Но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Можете скрываться здесь и восстановить свою энергию. Известия о происходящем в мире буду сообщать вам раз в несколько дней. Когда вы пойдете отсюда, я буду вам проводником, — сказал старик и развел огонь в шалаше.

Мы почувствовали, как к горлу подступил горячий комок, и пролили слезы благодарности ему. Поистине это было чудо, что в такой удаленной от мира горной глуши встретились мы с таким сердечным благодетелем. Нам улыбнулось счастье, какое достается далеко не всем.

— Это нам «бог» помог, — шутили бойцы отряда.

В этом шалаше мы отдыхали около полумесяца, занимаясь учебой и охотой за косулями. Тут было и немало книг старика; романы, политическая литература и биографии великих людей. Хотя старик Ма жил в такой глухомани, добывая себе пропитание охотой, но овладел глубокими знаниями. Мы соперничали меж собою в чтении так усердно, что все книги даже растрепались.

Прочитав ту или иную книгу, мы обязательно делились своими впечатлениями от прочитанного, вели дискуссии на определенные темы. Каждый с жаром доказывал правоту своих доводов, приводя цитаты даже из произведений Маркса и Ленина.

Тогда мы выучили наизусть несколько положений основоположников марксизма и некоторые изречения известных писателей. В те дни молодежь критиковала и Сунь Ятсена, когда собиралась в одном месте. Было своего рода модой не только

преклоняться перед какой-либо личностью, но и критиковать даже почитаемого всеми великого человека.

В ту пору каждый считал себя пупом земли. Все были героями и выдающимися личностями.

В этом горном шалаше мы серьезно обсуждали также и план дальнейших действий: разойтись и вернуться домой или идти в Ванцин, в село корейцев, расширять ряды отряда за счет находящегося там отряда особого назначения и продолжать борьбу?

Все выразили решимость продолжать борьбу, и только один товарищ из Хайлуна признался, что он не может вместе с нами продолжать вооруженную борьбу по состоянию здоровья. Правда, он не был физически подготовлен к партизанской борьбе.

Мы не придирались к его признанию и не поставили перед ним никаких вопросов по этому поводу.

— Кто не хочет или не может идти вместе с нами, лучше скажите здесь это прямо. Революцию нельзя вести без охоты, по принуждению. Нельзя вести ее с помощью насилия или угроз. Так что пусть уйдет, кто хочет, и останется тот, кто решил продолжать борьбу...

Так высказал свою точку зрения я, как командир отряда, и дал время всем, чтобы они сами могли обдумать все и принять решение.

Спустя несколько дней мы снова собрались в одном месте и выслушали решение каждого. 16 из 18 членов отряда поклялись продолжать революцию до последней минуты своей жизни. А те двое просили разрешить им уйти из отряда. Товарищ из Хайлуна опять говорил, что он не может участвовать в вооруженной борьбе по состоянию здоровья, и просил разрешить ему вернуться домой. В то же время он попросил не считать его трусом. Мы

не могли отказать ему в его просьбе, поскольку он сказал что здоровье не позволяет ему вести борьбу.

— Что ж, иди домой, раз тебе трудно следовать за нами. Поступок твой мы не осуждаем. Но нельзя идти в таком виде в каком ты находишься сейчас. На тебе лохмотья, подобно нищему. Нельзя же явиться к родителям таким безобразным. Можешь идти. Но тебе надо зайти в село корейцев, достать там хоть немного на дорожные расходы и сшить себе одежду и только тогда вернуться домой, — сказал я ему.

А другой товарищ сказал, что он хочет перейти в СССР и там учиться .

— Никто не знает, позволят ли тебе там учиться или заставят заниматься трудом, если ты перейдешь туда без всякой рекомендации. Не лучше ли тебе поработать в Ванцине до поры до времени и отправиться туда, получив рекомендацию организации, когда будет установлена соответствующая связь? — посоветовал я ему.

Оба эти товарища согласились с моим мнением и сказали, что они будут действовать по моему совету.

Позже мы благополучно покинули плоскогорье под Лоцзыгоу в сопровождении старика Ма. Он про вел нас до Чжуаньцзяолоу уезда Ванцин. Это был очень любезный, добрый, сердобольный старик.

Через несколько лет наступил период подъема партизанской борьбы, когда мы беспощадно били врагов вне и внутри опорной базы. Однажды я, взяв с собою немного ткани и зерна, пошел на то плоскогорье под Лоцзыгоу. Но уже его не стало.

И поныне в моей памяти свеж образ этого старика, который я видел 60 лет тому назад. Как-то раз я предложил нашим писателям создать оперу или пьесу, сделав старика Ма прототи-

пом произведения. Эпизод об этом старике, напоминающий легенду, вполне мог бы послужить замечательным сюжетом оперы или пьесы.

Можно сказать, что было чудом среди чудес то, что в ту зиму мы не погибли от голода, холода и вражеских пуль в горной глуши Лоцзыгоу. И теперь я задаю себе вопрос: «Какая сила позволила тогда нам выйти из горнила такого испытания? Какая сила помогла нам быть не побежденными и не выбывшими из строя, а выйти из этой трагедии победителями и продолжать высоко нести знамя антняпонской войны?» И сам себе отвечаю на это с высокой гордостью: «Да, это было чувство ответственности за революцию!»

Если бы не было этого чувства ответственности, то мы не смогли бы встать из тех горных сугробов, из нас никого уж не было бы в живых.

Тогда я осознал, что Корея никогда не возродится, если мы безответственно плюхнемся на землю. Мы не могли бы снова подняться и пробиваться сквозь снежные обвалы на холме за Лоцзыгоу, если бы думали, что есть другие люди, призванные спасти Корею.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Имеется в виду правительство, созданное в апреле 1919 г. в Шанхае корейскими эмигрантами — участниками антияпонского движения за независимость Кореи. — 5.

2 **Ли Сын Ман** (1875 —1965) был в составе кабинета министров Шанхайского временного правительства. Основоположник доктрины о мандатном правлении. Пытался достигнуть независимости Кореи при помощи великих держав. «Президент» Южной Кореи с 1948 по 1960 гг. Свергнут народным восстанием 19 апреля, эмигрировал в США. — 7.

3 Имеется в виду варварское убийство корейцев, проживавших в Цзяньдао. В 1920 г. японские империалисты при помощи подкупленных ими местных разбойников сфабриковали т. н. «инцидент в Хуньчуне» и, воспользовавшись им, учинили кровавую расправу над корейцами. — 39.

4 Имеется в виду боевая операция отрядов Армии независимости, действовавших в Цзяньдао. В этом бою, имевшем место в октябре 1920 г. в Циншаньли уезда Хэлун провинции Гирин Китая, были разгромлены крупные полчища японской армии. — 51.

5 Имеется в виду боевая операция отрядов Армии независимости Кореи под командованием Хон Бом До в июне 1920 г. в Фэнвудуне уезда Ванцин провинции Гирин Китая. В этом бою были нанесены серьезные удары по агрессивным войскам Японии. — 51.

6 **Фракция Хваёпха** — члены кружка Хваёхвэ, созданного в начале 20-х годов корейскими коммунистами раннего периода. Кружок назывался по корейскому произношению «хваё» (вторник) в честь дня рождения К. Маркса, который родился во вторник. — 54.

7 **Чвэ Док Син** (1914 — 1990) — сын Чвэ Дон О, начальника училища «Хвасоньисук», где обучался товарищ Ким Ир Сен. После оккупации Кореи Японией эмигрировал в Китай. Офицер Армии возрождения. После освобождения страны был в Южной Корее (министр иностранных дел,

командир корпуса, посол Южной Кореи в ФРГ). В период режима Пак Чжон Хи эмигрировал в США. Имея право на постоянное жительство в КНДР, работал в КНДР заместителем председателя Комитета по мирному объединению Родины, председателем ЦК религиозной партии Чхондогё-чхоньудаи. — 56.

8 **Фракция Эмэльпха** — члены «Союза ленинцев», организованного в 1926 г. после слияния общества Ильвольхвэ, Маньчжурского бюро комсомола и новой сеульской группы. — 68.

9 **Эжен Потье** (1816 — 1887) — французский поэт, представитель поэзии парижской Коммуны. Участник 1-го Интернационала, член Парижской коммуны. Создал «Интернационал», «Повстанец» и другие стихотворения. — 112.

10 **Ли Сан Хва** (1.901 — 1943) — известный поэт Кореи, родом из Тэгу провинции Северный Кенсан. Вначале был причастен к литературной школе буржуазного толка, а потом, после Первомартовского народного восстания, вступил в Корейскую ассоциацию пролетарских писателей, которая была прогрессивной организацией литераторов. Написал стихи «Наступит ли снова весна на покоренной земле?», «Песня о море», «Душа ждет бурь» и др. — 112.

11 **Ра До Хян** (1902 — 1927) — родом из Сеула, занимался литературным творчеством, будучи корреспондентом редакции журнала «Кемон» и газеты «Сидэ ильбо». Вначале примкнул к литературной организации буржуазного направления, а потом, после Первомартовского народного восстания, начал писать обличительные произведения. Написал «Дитя флигеля», «До понимания себя», «Водяная мельница», «Немой Сам Рён», всего более 20 рассказов и 3 романа. — 112.

12 **Чвэ Со Хэ** (1901 — 1932) — родом из Сончжина (г. Кимчак) провинции Северный Хамген. С юных лет самоучкой занимался литературой. Скитался по земле Маньчжурии. После возвращения в Корею написал «Родная страна», «Исповедь беглеца», «Голод и убийство», «Смерть Пак Дора» и другие рассказы и повести. В 1925 г. участвовал в создании Корейской ассоциации пролетарских писателей. — 112.

13 **«Хесанское дело»** — двукратные повальные аресты корейских патриотов, произведенные японскими войсками и полицией осенью 1937 г. и в 1938 г. в бассейне реки Амнок с целью ликвидации революционных организаций и революционеров Кореи. — 151.

14 Имеются в виду все вместе административные центры шести уездов Мусан, Хвэрен, Чонсон, Онсон, Кенвон и Кенхын в провинции Северный Хамген, расположенных в бассейне реки Туман. Эту зону определил как комплекс шести оборонных участков полководец Ким Чжон Со, который при династии Ли был ответствен за оборону северных окраин страны и действовал в бассейне реки Туман. — 162.

15 **Фракция Сеульпха** — одна из фракционных группировок в коммунистическом движении раннего периода в Корее. Ее основную силу составляли выходцы из Сеульского общества молодежи, организованного в январе 1921 г.—202.

16 Имеется в виду одна из организаций движения за независимость Кореи. Она была создана в начале 20-х годов в уезде Хуаньжэнь на Северо-Востоке Китая путем слияния общества Ханчжокхвз, Главной ставки Армии возрождения и других организаций. — 207.

17 Имеется в виду дело, состряпанное японскими империалистами для создания предлога агрессии против Маньчжурии. В июне 1928 г., когда Чжан Цзолин возвращался поездом из Пекина в Шэньян, японцы взорвали поезд на железнодорожном мосту под Шэньяном. Этим взрывом был убит Чжан Цзолин. — 256.

18 **«Суньцзыские методы ведения боя»** — самая древняя военная книга в Китае. Известно, что ее автор — Сунь У из царства У. — 288.

19 **«История троецарствия»** — древние исторические записи о трех царствах в Китае. Составил Чэнь Шоу из царства Сицзинь. — 288.

20 Имеется в виду военная книга Кореи, составленная в 1451 г. В ней изложены главным образом меры обороны государства. — 288.

21 **«Пенхакчжинам»** — военная книга Кореи, составленная в 1787 г. В ней изложены главным образом методы боевой подготовки воинов. — 288.

22 Имеется в виду война против японской агрессии в Корее (1592—1598). Она называется и «Самурайским нашествием года Имчжин». Самурайский главарь Тоётоми Хидэёси поднял на ноги 250-тысячные японские полчища. Война кончилась великой победой корейцев над японскими агрессорами. — 288.

23 **Ким Чва Чжин** (1889 — 1930) — деятель движения за независимость Кореи,

родом из Хонсона провинции Южный Чхунчхон. В 1913 г. вступил в Общество за возрождение Кореи. После эмиграции в Маньчжурию он вместе с Со Иром организовал Северную военную управу. Заняв ответственный пост в Синминбу, развернул вооруженную борьбу против японских захватчиков. — 346.

24 Имеется в виду военная книга прусского генерала К. Клаузевица (1780 — 1831). В бытность свою директором военного училища в Берлине написал эту книгу, в которой проанализировал ряд войн, проведенных Наполеоном I. Была издана в 1832 г. — 354.

25 Имеются в виду провинции Гирин, Хэйлунцзян и Мукден (нынешняя провинция Ляонин) Северо-Востока Китаяэ.— 366.

26 **Хо Чжун** (1545 — 1615) — известный медик Кореи. Автор медицинской книги «Тоньибогам» («Сокровищница знаний по традиционной корейской медицине»), составленной из 5 разделов и 25 томов. — 425.

27 **Ду Пу** (712 — 770) — китайский известный поэт периода Танской династии. — 479.

Напечатано в Корейской Народно-Демократической Республике